

Сербия о себе.

От редактора-составителя

Если подробно проанализировать периодичность употребления отдельных терминов в средствах массовой информации за последние пятнадцать лет, то, вне всякого сомнения, наиболее частыми стали бы такие названия, имена и понятия, как «Сербия», «сербы», «сербский народ», «Милошевич», «Югославия», «распад Югославии», «Караджич», «Младич», «Босния», «Сребреница», «Хорватия», «Гаагский трибунал», «бомбардировка Югославии силами НАТО» (или акция «гуманитарного» характера, цинично названная «Милосердный ангел»), «Косово»... Это вполне логично, учитывая все события, имевшие место на территории бывшей Югославии в последнем десятилетии XX века. Со многими из этих событий, топонимов и имен российские читатели волей-неволей тоже имели возможность ознакомиться через СМИ последних лет. Старшему поколению, привыкшему думать о Югославии как о процветающей стране, в которую во времена социализма было чрезвычайно сложно выехать, будто речь шла о западной державе, – к своему немалому изумлению, пришлось переменить этот идеализированный образ на более мрачное и гнетущее представление о государстве, гибнущем в горниле гражданской войны. Молодежи довелось узнавать о Югославии именно в связи с поступающей информацией об ужасах гражданской войны, и представители этого поколения по собственному выбору принимали «эту» или «ту» сторону сообразно с идеологическими и политическими реалиями нового времени. Однако и старшее, и младшее поколение недоумевали: как и почему все так получилось?

На этот вопрос, который я сам неоднократно слышал в России, пытались ответить многие: более или менее благонамеренные представители интеллигенции, ученые, журналисты, политики, деятели искусства и др. Таким образом, о Сербии, распаде Югославии и отдельных действующих лицах этих событий составила целая библиотека, насчитывающая более тысячи книг, сборников работ, документов, брошюр и более десятка, а возможно, и сотни научных исследований и статей. В Сербии, что понятно, уже опубликовано и продолжает публиковаться множество трудов на эти темы. Однако еще большее число работ вышло за последние десять лет в Европе, да и по всему миру. За тот же промежуток времени и в России было опубликовано некоторое количество весьма значительных научных трудов и книг. К этой категории также относится и целый ряд воспоминаний ведущих мировых и сербских политиков и дипломатов, которые были так или иначе вовлечены в югославские события и участвовали в принятии важных решений, стремясь прекратить военный конфликт в Югославии. В этом конгломерате разнообразнейших трудов обнаруживаются как имеющие ярко выраженный пропагандистский характер, амбиции авторов которых не выходят за рамки публицистического жанра, так и работы – исторические, социологические, политологические, – где авторы попытались подойти к исследуемому вопросу с научной точки зрения (хотя, к сожалению, среди последних есть и немалое количество псевдонаучных). Несмотря на тематическое изобилие, а также тот факт, что практически все авторы искали ответ на вопрос ПОЧЕМУ? – все эти публикации о распаде Югославии и о Сербии в истекшем десятилетии можно разделить на две категории. К первой относится огромное количество работ, написанных без внятного дистанцирования от событий или их участников, в которых поэтому прослеживается субъективно-пристрастный подход, неважно, идет ли речь об идеологической, пропагандистской, лоббистской или партийной принадлежности или наклонности или же просто авторы не

осведомлены или недостаточно осведомлены (это те, кто, зная, что внимание практически всей мировой общественности приковано к событиям на территории бывшей Югославии, в стремлении урвать кусок «славы», а в материальном отношении – «кусок пожирнее», поспешили изложить сложнейшие события в экс-Югославии однозначно, не вдаваясь в подробности, с четким указанием на то, кому следовало быть good guys и bad guys). Именно благодаря таким работам (их подавляющему большинству) в мировых средствах массовой информации общая картина получилась крайне упрощенной: существует два типа авторов, писавших о событиях в Югославии – одни pro, другие contra Милошевича/Запада. Однако есть и другая, значительно меньшая, категория авторов, которые в своих работах пытались как можно более объективно охарактеризовать причины и следствия произошедшего на территории бывшей Югославии. Естественно, в той мере, в какой нам известны и доступны важнейшие документы и реальная подоплека событий. Но нередко эти авторы оставались на периферии интереса СМИ (быть может, именно потому, что не предлагали однозначных и простых ответов).

На фоне общей ситуации и сербские авторы, занимавшиеся этой проблематикой, распределялись в соответствии с принятой матрицей – pro или contra Милошевича. Это привело к навязыванию крайне упрощенного представления, что сербская интеллигенция разбилась на два конфликтующих лагеря: тех, кто беззаветно поддерживал Милошевича и осуждал Запад, и тех, кто безоговорочно осуждал Милошевича и поддерживал Запад, Запад же поддерживал этих последних. (Конечно, среди сербской интеллигенции были те, кого можно было отнести к одному или другому лагерю, другое дело, что они составляли меньшинство). К сожалению, российское общественное мнение приняло на веру подобную упрощенную схему. Однако это упрощение, как и любое другое, не соответствует действительности. Вопреки черно-белым представлениям, реальность была гораздо сложнее. Определенная группа сербской интеллигенции последние пятнадцать лет размышляла, открыто говорила и писала о положении в Сербии, стараясь критически оценить ситуацию, в которой оказались сербский народ и страна в последнем десятилетии XX века, – критически и относительно Милошевича, и относительно оппозиции. Но не стоит думать, что все они были единомышленниками. Отнюдь. Различия между ними вполне очевидны. Однако же и среди них были те, кто рассуждал субъективно и пристрастно. Но все же существуют два недвусмысленных критерия, которые позволяют объединить их в единую группу объективных наблюдателей (или старавшихся быть таковыми). Во-первых, явственное стремление на сложные проблемы давать комплексные ответы, и, во-вторых, несмотря на трудности и недостаток информации, старание сохранить критический, по возможности объективный и беспристрастный взгляд на события, независимо от «наших» и «не наших» (хотя термины «наши» и «не наши» меняли значение: к примеру, Милошевич и его политические оппоненты, Милошевич и сербский народ, Милошевич и Запад, Сербия и Запад и т. д.). Все эти нюансы остаются неизвестными. Естественно, неизвестны они и российскому читателю.

* * *

Концепцию данного сборника во многом определило желание раскрыть суть этих нюансов российскому читателю, ознакомив его с важнейшими проблемами, дилеммами и сомнениями, над которыми размышляли в Сербии последние пятнадцать лет. При этом я всеми силами старался не попасть в ловушку, угрожающую составителям сборников о современной политике, а именно –

сделать сборник «пропагандистским» с любой точки зрения. С другой стороны, следовало четко осознавать, что большинство статей, посвященных тем или иным событиям истекшего десятилетия, трудны для понимания вне своего контекста даже для современного сербского читателя. К примеру, нынешний читатель в Сербии с трудом догадается, на что прозрачно намекает автор, кто скрывается за инициалами в работах, написанных семь или восемь лет назад. Следовательно, требовалось, чтобы отобранные статьи были ясными, наглядными, информативными и понятными для непосвященного, поскольку российскому читателю совершенно незнакомы многие имена, топонимы и события, являющиеся для Сербии знаковыми (как, например, 9 марта 1991 года – первые массовые уличные демонстрации против Милошевича).

В соответствии с замыслом были выбраны тексты, охватывающие все важнейшие общественно-политические проблемы, с которыми Сербия столкнулась за последние пятнадцать лет. Статьи Воина Димитриевића «Югославский кризис и мировое сообщество» (Војин Димитријевић. Југословенска криза и међународна заједница) и Слободана Наумовића «„Балканские мясники“: мифы и заблуждения о распаде Югославии» (Слободан Наумовић. «Балкански касапи»: митови и погрешне представе о распаду Југославије) рассматривают два важных внешнеполитических вопроса – отношение международного сообщества к кризису в Югославии в середине 1990-х годов и стереотипные идеи о Сербии, сербах и распаде Югославии, сформировавшиеся на Западе с конца 1990-х годов. Работы Дубравки Стоянович, Дияны Вукоманович, Бошко Миятовича, Ивана Янковича и Бошко Ристича, Джордже Вукадиновича, Слободана Антонића и Владимира Цветковича исследуют существенные проблемы и события, которые определяли внутреннюю сербскую политику в прошлом десятилетии. Эти работы, написанные с 1995 по 2002 год, посвящены отношению оппозиции к Слободану Милошевичу и его президентству, косовскому кризису, анализу президентства Милошевича, оценке политических перемен с октября 2000 года; в них рассмотрен один интересный аспект агрессии НАТО, а также различные аспекты положения в стране после смены власти, такие как проблема СМИ или проблема преступности, имеющие место или назревающие в сербском обществе. В статьях авторов, исследующих экономическую область, освещаются три вопроса, обременявших (и частично до сих пор обременяющих) сербскую экономику и общество в истекшем десятилетии: феномен одной из самых высоких гиперинфляций в мировой истории (Младжан Динкич), проблема «утечки мозгов» и рабочей силы в целом (Силвано Болчич) и, наконец, феномен теневой экономики (Слободан Цвейич). Работа Триво Инджича рассматривает серьезные социальные проблемы, с которыми сталкивается Сербия, дальнейшие перспективы образования, науки и культуры в период после Милошевича. Наконец, во вводной и заключительной статьях анализируются вопросы о влиянии общественного сознания, ответственности элиты общества за события прошлого десятилетия, суммируются последствия, которые оставил после себя кризис истекших десяти лет.

Статьи, вошедшие в данный сборник, были написаны и опубликованы в период с 1992 по 2002 годы. Хронологически они охватывают события военных конфликтов в Хорватии и Боснии, период гиперинфляции, окончание войн, подписание Дейтонского соглашения и начало косовского кризиса, «гуманитарную» интервенцию НАТО против Югославии, падение режима Милошевича и два первых года новой власти (это довольно значительный период для того, чтобы обзреть и оценить первые результаты).

Те из российских читателей, кто чуть больше осведомлен о происходящем в Сербии, легко заметят, что среди авторов, чьи работы включены в сборник, нет видных политиков. Это было сделано сознательно, ибо мне кажется, что, поскольку политики сами являлись представителями интеллигенции до того как уйти в политику (например, Воислав Коштуница, Драголюб Мичунович или ныне покойный Зоран Джинджич), то в своих работах, написанных или с позиции власти, или с точки зрения оппозиции, они вряд ли могли быть правдивы и критичны не только по отношению к другим, но и к самим себе. Их видение актуального момента носит сильный отпечаток их политической (партийной) принадлежности. Единственным исключением стал текст (в действительности отрывок из книги) Младжана Динкича, который после смены власти в октябре 2000 года занял пост председателя Народного банка Югославии. Книга Динкича – очень важное экономическое исследование, чем оправдывается включение в сборник отрывка из нее. Кроме того, эта работа писалась в середине 1990-х годов, то есть до того, как Динкич стал видной политической фигурой.

Сказанное вовсе не означает, что ни один из авторов не участвует в политической жизни страны (например, в неправительственных организациях или политических партиях). Но это отнюдь не сказывается на их способности критически относиться к происходящему. Из пятнадцати авторов четверо принадлежат к старшему поколению: Воин Димитриевич, Силвано Болчич, Бошко Миятович и Триво Инджич. Все остальные, условно говоря, являются представителями среднего и младшего поколения сербской интеллигенции. Такой композиционный подбор не случаен. Во-первых, мне хотелось, чтобы российские читатели могли познакомиться с новой генерацией сербских интеллигентов, чьи работы они вряд ли имели возможность прочесть, а во-вторых, сербский кризис должен быть освещен и с позиции тех, на чьем формировании и научной работе он оставил судьбоносный след. Дело в том, что большинство авторов статей данного сборника начали свою научную деятельность в конце 1980-х – начале 1990-х годов, то есть в самом начале кризиса в бывшей Югославии и Сербии, и, таким образом, их интеллектуальное и научное становление во многом было определено и подчинено событиям, дилеммам и невзгодам, которые переживала страна.

Наконец, у авторов текстов, вошедших в сборник, разнятся политические убеждения (выбраны были те, у кого наиболее широкий спектр политических идей), интеллектуальное осмысление современных событий, и это при том, что все они – ведущие специалисты в различных научных и профессиональных областях. Среди них есть юристы (Воин Димитриевич, Иван Янкович и Бошко Ристич), историки (Мирослав Йованович и Дубравка Стоянович), социологи (Силвано Болчич, Триво Инджич, Слободан Антониц и Слободан Цвейич), антропологи (Слободан Наумович), философы (Джордже Вукадинович), экономисты (Бошко Миятович и Младжан Динкич), политологи (Диана Вукоманович и Владимир Цветкович). Думаем, что именно эти различия помогут российскому читателю получить представление о множественности ракурсов, в которых современная сербская интеллигенция видит нынешнюю ситуацию и проблемы Сербии.

* * *

Я искренне надеюсь, что статьи, объединенные в этой книге, дадут российским читателям возможность узнать о точках зрения на происходившее, познакомиться с проблемами и явлениями, которые игнорировались в последнее десятилетие вследствие чересчур пристального внимания

средств массовой информации к политике и войнам на территории бывшей Югославии. Также я надеюсь, что выбор статей поможет российским читателям получить более ясное представление о неправомерности упрощенного разделения сербской интеллигенции на группы pro и contra Милошевича/Запада, так как это не соответствует действительности, а кроме того, российский читатель узнает, что и как Сербия думает о себе.

Мирослав Йованович

Что с нами произошло?

Пять пунктов к рассмотрению роли исторического сознания и общественной элиты в сегодняшней Сербии

В начале 1990-х гг., с наступлением «времени перемен», сербский народ и сербское общество пережили колоссальные потрясения. Эти потрясения требовали своевременных и адекватных решений, найти которые, увы, не удалось. В критических ситуациях поведение народа и общества зависит от степени развитости и состояния общественного сознания и от качеств, поведения и действий общественной элиты. Оказалось, что ни у интеллектуальной, ни у политической, ни у военной, ни у экономической элиты сербского народа не было достаточно сил и необходимых качеств, чтобы достойно противостоять внешним и внутренним потрясениям и преодолеть трудности. Растерянность и беспомощность церковной элиты еще более усугубила всеобщее замешательство. Ко всему прочему, недостаточная развитость общественного сознания привела к появлению общественных и политических факторов, помешавших сплочению народа в критический момент, в результате чего мы и оказались в сегодняшней ситуации. Стечение всех вышеперечисленных обстоятельств стало причиной сокрушительного поражения, которое потерпел сербский народ (а ситуация и сейчас не меняется) в самом конце XX века.

Причины этого различны, равно как различны причины, повлекшие за собой события двух последних лет, завершившихся распадом Югославии и провалом официальной сербской политики. Ныне сербский народ рассеян по четырем балканским государствам, и видна тенденция к усугублению этой ситуации в отличие от 1914 г., когда сербы проживали в двух собственных суверенных государствах – Королевствах Сербии и Черногории, а также на территории Австро-Венгерской империи. Среди причин, приведших к современному положению, в отдельную группу можно выделить причины внешние, хотя они, несмотря на свое огромное значение, не повлияли ни на развитие общественного сознания, ни на формирование сербской общественной элиты. Решающее значение в данном случае имели внутренние факторы, обусловившие нынешние злоключения сербской нации.

Наследие коммунизма

Поражение, которое потерпел сербский народ в конце XX века, можно и нужно рассматривать и как наследие коммунизма. В этом отношении факторы, приведшие к катастрофе, необходимо рассматривать в двух планах. На рациональном уровне мероприятия предшествующей власти в общественно-политической сфере наложили неизгладимый след на политическую ситуацию, в которой оказался сербский народ, а также на формирование его общественного сознания (к примеру, Конституция 1974 г. или провозглашение черногорской нации). На иррациональном уровне проводились акции, в которых отчасти участвовала и сербская элита, ставившие своей целью идеологическую и политическую атаку на историческое сознание и историческое наследие сербского

народа.

Наиболее опасным было манипулирование в области исторического сознания – важного элемента общественного сознания в целом. Осуществлялось это тремя способами: 1) попытками отодвинуть на задний план, прежде всего в образовании и культуре, конкретные исторические события недавнего и далекого прошлого (например, геноцид сербского народа в Независимом Государстве Хорватия в 1941–1945 гг., отдельные периоды и проблемы истории Сербии и сербского народа, Балканские войны и Первую мировую войну, сербскую государственность, историю Королевства Югославии, династическую историю); 2) выделением из контекста сербской истории отдельных явлений и эпизодов для демонстрации их как негативного опыта (например, турецкое иго, постоянные усобицы сербского народа); 3) внесением идеологии в историографию, а именно навязыванием только одной точки зрения на исторические события и явления – марксистской, а также определенного круга приемлемых и часто обсуждаемых тем (отечественная и зарубежная коммунистическая и марксистская история, история рабочего движения, Югославия во Второй мировой войне). Это последовательно проводилось в науке, образовании и культуре. Совокупность этих факторов во многом затруднила процесс рационального развития исторического сознания, породила некритическое отношение к прошлому, привела к примату эмоционального восприятия современности над рациональным, что мы сейчас и наблюдаем.

Социалистическая Федеративная Республика Югославия

Процесс стирания отдельных событий, периодов, процессов и личностей из исторической памяти, как правило, не дает результатов. Однако он может повлечь за собой весьма негативные последствия. Замалчиваемое все равно оседает в памяти, но в искаженной форме, близкой к мифу, и чаще всего передается из уст в уста, так что можно говорить о неких рецидивах эпического сознания. Например, сколько бы власть ни налагала табу на рассказы о геноциде, он не мог совсем исчезнуть из исторической памяти. Еще более яркий пример. Попытка полного отождествления генерала Драголюбa Михайловича и «поглавника» («вождя») Анте Павелича не увенчалась успехом даже при влиянии зарубежных историков и публицистов, а только спровоцировала усиление иррационального и эмоционального в историческом сознании. А общим результатом замалчивания стала невозможность научной оценки и критического отношения к прошлому. В качестве обратной реакции вытесненные события в благоприятный момент были возвращены на общественную сцену практически в виде мифов, став скорее символами, нежели реальными фактами, в силу чего оказались опасно удобными для манипуляций. Неисследованные с научной, то есть рациональной точки зрения, эти исторические предания только подстрекали иррационально-эмоциональное начало. Единственное, к чему могло привести подобное развитие исторического сознания, – это пробуждение национальных атавизмов.

Гражданская война 1941–1945 годов – исходная точка идеологического раскола, повлиявшего на формирование общественного сознания

Хитросплетение мировых и внутренних событий 1941–1945 гг. вывело на политическую сцену, точнее, поставило у кормила власти коммунистическую партию Югославии во главе с Иосифом Броз Тито. КПЮ стала основным инициатором идеологического разделения, доходившего до фанатизма, суть которого крылась в области иррационально-эмоционального.

Сталинская модель, идеологическая исключительность, однопартийная система и культ вождя

повлияли на развитие иррационального ядра в историческом сознании сербского народа, а также «вылепили» форму исторической памяти, апеллировавшей к периоду Королевства Югославии и Второй мировой войны. Классовость как компонент идеологической конфронтации напрочь перечеркивала предыдущий период истории. При взгляде же в исторической перспективе выделялись маргинальные явления в развитии сербского общества (социалистические идеи XIX в., Драгиша Лапчевич). Одновременно в искаженном свете выставлялись династии, монархии, Королевство Югославии, личности выдающихся деятелей политики, культуры, представителей интеллигенции предшествовавшего периода, не важно, были ли они ориентированы проюгославски или нет (начиная с текста Бориса Зихерла «Три прогневших основания старой Югославии»). Затем стала однобоко изображаться гражданская война, а навязанными представлениями нагло манипулировали.

В конце концов все свелось к крайней поляризации, допускавшей существование исключительно одной непогрешимо справедливой и единственно правильной стороны, а все остальные участники событий в Югославии 1941–1945 гг. классифицировались по отношению к ней, что не соответствовало действительности, многогранной, неоднозначной и изобиловавшей различными подтекстами. Эта поляризация выражалась в тезисе о революции и контрреволюции (совершенно очевидный советский шаблон трактовки исторических событий), с помощью которого пытались полностью искоренить историческую память о гражданской войне. Следует подчеркнуть, что при формулировании подобного тезиса историческая наука (и не только она) постоянно и на разные лады использовала идеологические постулаты в качестве научной истины, без всякой критики соглашаясь с ними. Пытаясь вытеснить правду о геноциде и гражданской войне, где по крайней мере было две стороны (обе входили в антифашистский блок) со своими желаниями, правдами, взглядами и заблуждениями насчет справедливости и несправедливости, заслугами и преступлениями, – официальная власть и вкупе с ней некоторые ученые создали миф об абсолютно праведной идее, имеющей целью основание абсолютно праведного и доброго (коммунистического) общества, а также миф об избранных личностях, призванных воплотить эту идею. Все те, кто противопоставил себя такому представлению, клеймились как враждебно и реакционно настроенные... Идея абсолютного добра и зла в самом зачатке базируется на иррациональных постулатах. Применительно к конкретным историческим событиям и личностям она оказывает мощное давление на формирование рационального, критического исторического сознания.

Как некритическое отношение к прошлому приводит к заблуждениям, которыми легко манипулировать

Стимуляция конкретными историческими примерами иррационального начала в историческом сознании приводит к тому, что иррациональность начинает проявляться и по отношению к другим областям истории. С другой стороны, преобладание иррационального очень удобно для манипуляции целым народом, а следовательно, и общественным сознанием. Многие ложные представления, сформировавшиеся таким образом, играли важную роль на протяжении последних сорока семи лет и сохраняются даже сейчас.

Манипулирование известным тезисом о раздорах сербского народа в настоящее время приняло небывалые размеры. Абсурдность ситуации дошла до того, что высказываются предложения (в том числе некоторыми видными деятелями) перевернуть геральдические символы на государственном

гербе. Ссылки на популярную поговорку-лозунг «Само слога Србина спасава» («Только в единстве спасение серба») – на сегодняшний день (с упором на то, что «пора бы сербам договориться», а то «слишком долго были несговорчивыми») суть не что иное, как плод развития иррациональных элементов в историческом сознании сербского народа. Эта поговорка-лозунг чаще всего связывается с сербским историческим гербом, геральдические символы которого ошибочно трактуются как четыре буквы «С». Дело в том, что исторический сербский герб представляет собой щит, на поле которого расположены четыре стилизованных геральдических кресала, вписанных в крест. Этот факт наука никогда не ставила под вопрос. Однако в общественном сознании отложилась ошибочная ассоциация с четырьмя буквами «С» как аббревиатурой вышеупомянутой поговорки.

1. Албанцы 2. Болгары 3. Хорваты 4. Венгры 5. Македонцы 6. Черногорцы 7. Мусульмане 8. Сербы 9. Словаки 10. Словенцы 11. Нет преобладающей национальности (Данные переписи 1991 года)

Помимо символов некритически трактуется и само содержание, что придает поговорке смысл и призыва, и наказа. При попытке калькировать эту семиотику, выстроенную на очевидном заблуждении, на сегодняшний момент развития сербского общества создается ложная картина продолжительного существования некоего негативного свойства сербов. Определенные разногласия, расколы и конфронтации бывали на протяжении сербской истории, особенно в последние два века. Речь прежде всего идет о политических усобицах и конфликтах династий Карагеоргиевичей и Обреновичей, Карагеоргиевичей и Петровичей, о различных подходах отдельных политических группировок к решению некоторых проблем во внешней политике и т. п., однако во все критические моменты в последние два века (до 1941 г.) сербский народ и общество были едины. Нынешнее разделение в острой кризисной ситуации – порождение жестокой идеологической конфронтации времен Второй мировой войны в Югославии. Даже категории, которыми мыслят сейчас, сводящиеся к тому, чтобы полностью растоптать оппонента в политическом споре, абсолютно идентичны тому, что внушалось в коммунистический период (предатель, враг, коллаборант, иностранный шпион и т. п.). Это можно утверждать со всей ответственностью. Нынешнее разделение на сербской политической сцене и в обществе есть поистине упрощенный вариант идеологического раскола, возникшего на территории Сербии и Югославии в 1941–1945 гг. с подачи КПЮ.

Совершенно неверное и искаженное представление об истории русско-сербских отношений также является хорошим примером заблуждений в историческом сознании сербов. Все относящиеся к этому вопросу исторические свидетельства говорят о том, что Российское государство строило свои отношения с балканскими народами (в том числе и с сербами), руководствуясь исключительно собственными интересами. Так, в дипломатии для России важнее всего была Болгария, посредством которой русские хотели осуществить свою стародавнюю мечту – господствовать на Босфоре и Дарданеллах и таким образом заполучить выход в теплое море. С этой точки зрения место Сербии в балканской политике было второстепенным. Тут следует вспомнить известный факт, когда в 1877 г. по Сан-Стефанскому мирному договору Россия присоединила некоторые южные сербские территории, освобожденные от власти Османской империи, к Болгарии. Сегодняшние притязания Болгарии на территории, которые должны были входить в состав Великой Болгарии, подразумевают именно границы, обозначенные в 1877 г. Похожая ситуация складывается и относительно идеализации России и русского народа, присутствующей в сербском общественном сознании. Многочисленные примеры как из истории, так и из современности говорят о том, что в русском

общественном сознании не сформировалось никаких четких представлений о Сербии и сербском народе или же эти представления туманны, поверхностны и ошибочны. Манипуляция историческими заблуждениями «о многовековой дружбе русского и сербского народа» может иметь катастрофические последствия в нынешней ситуации. Акции, проводимые российскими делегациями на международных форумах, например, на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), в защиту союзной республики Югославии, имеют целью защиту российских интересов (в перспективе), а не сербских. Сербы в данном случае только удобное средство для защиты интересов России. Как только хлопоты в интересах СРЮ будут идти вразрез с российскими интересами (если события примут такой оборот), можно не сомневаться, что российские делегации проголосуют на мировых форумах против сербских интересов. Если бы такое случилось, теперешнее катастрофическое положение сербского народа и государства стало бы безвыходным.

Весьма негативными для исторического сознания оказываются последствия еще одного ложного представления. Утверждение, что турецкое иго длилось пять веков (или пятьсот лет), по крайней мере неточно, если не сказать некорректно. Отсчет срока турецкого завоевания начинается с 1459 г., с падения крепости Смедерово, это признано наукой. Если годом освобождения от владычества Порты считать 1804 г., то получится триста сорок пять лет. Если пойти дальше и взять 1830 г. (обретение суверенитета, подтвержденное турецким хаттишерифом), то в общей сложности выходит триста семьдесят один год. Если же взять 1878 г. (полная независимость Сербии как результат Берлинского конгресса), опять-таки получается четыреста девятнадцать лет. Но никак не пять веков! В то же время в общественном сознании никак не отложился тот факт, что венгры властвовали над хорватами в течение восьми веков, с 1096 по 1918 г.

Общественная элита сербского народа

Коммунистическое наследие, его сталинская модель, исторические условия и неблагоприятные тенденции в развитии общественного сознания во многом повлияли на формирование сербской общественной элиты, на которой лежит большая ответственность за сегодняшнее положение сербского народа.

Интеллектуальная элита, возможно, несет бремя самой большой ответственности. Об этом свидетельствуют несколько фактов, из которых самый очевидный – появление национального лидера в конце 1980-х гг., чье восхождение к власти и политическую презентацию она поддержала: и непосредственно – активным участием, и опосредованно – пассивностью и бездействием. Тогда и зародились, по крайней мере в двух аспектах, предпосылки последовавшего затем сокрушительного поражения. Первый аспект, более очевидный, – культ вождя как таковой. Вверая бразды правления одному человеку, сводят на нет (из-за принципа вождизма) возможность сплочения всех общественных сил, готовых в критической ситуации, как нынешняя, отдать энергию, знания и опыт ради общего благосостояния. Другой аспект – сохранение пагубной идеологической конфронтации внутри сербского общества, начало которой было положено в 1941–1945 гг.

Отношения вождя и интеллектуальной элиты можно проследить на примере Тито. Одной из важных черт, довершавших его культ, была роль «защитника» народа. Интеллектуальная элита немало способствовала появлению этой характеристики. Конфликт Тито с Информбюро в 1948 г. чаще всего преподносится как «историческое НЕТ», избавившее наш народ от великой напасти. Такое мнение можно услышать и сейчас. Однако это сплошное заблуждение. Не был дан ответ на вопрос, что

такое, в сущности, это «НЕТ» при конфронтации двух коммунистических руководств. Далее вся критика обращается исключительно на культ Сталина, в то время как в его тени беспрепятственно формировался культ Тито. Никогда не критиковалась система, которую разработал Сталин, а Иосиф Броз установил в 1943–1946 гг. Без критического пересмотра превозносится «протест» Тито, при этом упускается из виду факт, что СССР не предпринял военной интервенции в Югославию, как было в сходных ситуациях в других странах соцлагеря – ГДР, Венгрии, Чехословакии и Польше. До конца не ясно, то ли «протест» Тито состоялся, потому что СССР отступил (как в 1960 г. в Албании, после «мятежа» Ходжи), то ли по каким-либо другим причинам. Добавление к культу вождя эпитета «защитник народа», что в отношении Иосифа Броза было сделано после событий 1948 г., создало предпосылки для поиска нового «защитника народа» после смерти вождя, так как общество, ощутив в этом потребность, в некотором смысле оказывало давление.

Что касается другого аспекта, а именно идеологической конфронтации и ощущения идеологической исключительности, необходимо отметить, что сейчас утратился смысл прежнего противостояния, однако его форма и потребность в самом его существовании сохранены в точности. Это можно проиллюстрировать одной строкой из достаточно популярного в прошлом стихотворения – «ко друкчије каже, тај клеветѣ и лаже» («кто возражает, тот клеветник и лжец»). В сербском обществе никогда не было столь острой потребности в конфронтации в критической ситуации, никогда народ не делился на «наших» и «не наших», патриотов и предателей, добрых и злых. Не было такого ни в кризисный период 1876–1878 гг., ни в 1885 г., ни в 1908–1911 гг., ни в 1912–1918 гг., впервые подобное наблюдалось в 1941–1945 гг. и было порождено деятельностью Коммунистической партии Югославии.

Между тем еще одно обстоятельство имело не меньшее значение для развития нынешней ситуации. Для Восточной Европы (в условиях социализма) интеллигенция во времена Тито была необычайно лояльна и преданна власти. В ее рядах не появилось ни одного диссидента (в восточноевропейском смысле) как символа и центра оппозиции и сопротивления (гражданского, интеллектуального и политического) существующему режиму. Диссидент – человек (или даже институт), борющийся за радикальное изменение системы. В других соцстранах было два типа диссидентов, первый – это те, кто эмигрировал (А.И. Солженицын, М. Кундера), второй – те, кто вел борьбу на родине (А.Д. Сахаров, В. Гавел). Сербская интеллектуальная элита выпестовала только один тип борца, такого, кто требует улучшения системы, а не ее кардинального изменения. Вся деятельность интеллектуальной элиты в Сербии проходила под покровительством власти и в ее интересах. Поэтому интеллигенция не подвергала жесткой критике существующую систему и, с другой стороны, пустила на самотек политическое просвещение народных масс. Отсюда и второстепенная роль интеллигенции, и легкость, с которой ею манипулирует современная власть в нынешнем обществе. Политическая элита, олицетворяемая двумя полюсами – властью и оппозицией, своими непродуманными и неграмотными действиями довела свой народ до теперешнего катастрофического положения. Идея вождя, вокруг которой сконцентрирована современная власть, – только суррогат нужных ответов, которые с трудом находятся, но которые должны быть найдены в сегодняшней критической ситуации. Эта идея неудовлетворительна во многих отношениях, а особенно в конце XX века, когда мы оказались лицом к лицу (отчасти по собственной вине столкнулись) с постмодернистскими обществами, за которыми стоит третья технологическая революция. Однако

вождизм полностью соответствовал запросам определенной политической группировки, опостылевшей сербскому народу еще во времена социалистического самоуправления, и использовался в целях сохранения трех основных постулатов предыдущей системы власти:

- 1) важнейшей основы предыдущего периода – коллективной собственности (то есть отсутствие владельца собственности);
- 2) неподотчетности власти (ответственность перекладывалась на вождя, который законом ограждался от нее);
- 3) нижних эшелонов власти. Организованная подобным образом громоздкая, неэффективная и несовременная властная структура, ориентированная на прошлое, была не в состоянии достойно встретить надвигающиеся тяжелые времена.

Оппозиции как части политической элиты не удалось воспротивиться такой власти. Наивно и идеалистически веря в ложные представления о сознательном и умном народе (а нашим народом, как и любым другим, очень легко манипулировать), оппозиционеры совершали ошибку за ошибкой, что во многом было обусловлено силой иррационального начала в историческом сознании, равно как и тем, что многие из оппозиционных лидеров являлись выходцами из интеллектуальной элиты, дистанцировавшейся от народа в предшествующий период. На национализм, основанный на иррациональных представлениях об истории, оппозиция ответила аналогичными средствами, что стало сражением с ветряными мельницами, если учесть тот факт, что властные структуры полностью контролировали СМИ (печать, радио и телевидение). Идее вождя оппозиционеры противопоставили тот же самый вождизм, в результате чего была упущена возможность формирования оппозиционного фронта, как это произошло в других восточноевропейских странах. С той же наивностью и идеализмом оппозиция отвергла замысел бойкотирования выборов, лишившись последнего шанса основательно встряхнуть власть в мирных условиях... Словом, действуя эмоционально и наивно, оппозиционное движение позволило манипулировать собой.

Распад Югославии. 1990-1995 годы

Военная элита, воспитанная и сформированная на ошибочной, пагубной и ныне неактуальной доктрине, встав на консервативную позицию защиты коммунистического наследия (и собственных привилегий), не имела ни знаний, ни энергии, ни кадров, могущих вести какую-либо войну, а особенно в условиях современности. (Речь, однако, не идет об офицерском и младшем офицерском составе, не участвующих в процессе принятия решений). Если сопоставить военную элиту нынешнюю с той, что была сформирована в конце XIX – начале XX века, до 1912 г. (хотя это сравнение абсолютно неадекватно), то обнаруживается полная некомпетентность современных высших военных чинов (при том, что это самые высокооплачиваемые дилетанты за всю историю Сербии). Военная элита провела самое широкомасштабное отступление (пропорционально территории дислоцирования) в современной истории, от Триглава до Дрины, гонимая автоматами и минометами, хотя сама располагала несравненно более мощным оружием .

Церковная элита, в 1950-х гг. вытесненная на периферию общественной жизни, плохо ориентировалась в новых условиях конца XX века. В результате постоянного лавирования между благодарностью за возвращение на общественно-политическую сцену и идеей соборности церковь, с одной стороны, фактически лишилась статуса объединяющего духовного центра, а с другой – рискует вновь впасть в немилость у власти.

Последствия

Их катастрофичность очевидна. В обозримом будущем нам угрожает война на территории Сербии, полнейший экономический крах вплоть до банкротства страны, углубление идеологической конфронтации и как результат этого – гражданская война, которая породит новые и умножит старые идеологические атавизмы... Открываются перспективы для дальнейшего развития иррациональных тенденций в общественном сознании и повседневной жизни (которые будут оказывать мощное давление на рациональное историческое сознание), для кардинальной перемены менталитета народа, для исторического забвения... Над нами нависла реальная угроза голода, холодной зимы без топлива и отопления, а также полной культурной и научной атрофии на долгий срок... Уже идет «утечка мозгов»; началась утечка капитала; Сербия лишается своих исконных земель на юге, за которые поколения сербов в XIX–XX веках сражались и гибли; мы теряем союзников, значение в мировом пространстве и на Балканах, достоинство.

Формирование Демократического движения в Сербии можно рассматривать, с одной стороны, как последний шанс действовать (коротенькое мгновение, за которое мы достигли десятого круга ада), с другой стороны, как порыв отчаяния (запоздалая попытка интеллектуальной элиты покаяться в прошлых грехах), обреченный на провал, после чего всех поглотит река забвения.

Я отчетливо вижу будущее: как на звук сигнальной сирены (в какую-нибудь войну, в гражданскую, а может, иностранную интервенцию) мы разрозненной и хаотичной толпой в панике мчимся в убежище, пробегая мимо рухнувшей стены, на которой еще остался плакат СПС (Социалистическая партия Сербии) с предвыборным слоганом: «МИР – ПРОСПЕРИТЕТ» («МИР – ПРОЦВЕТАНИЕ»).

Союзная Республика Югославия

Сербия и мир

Воин Димитриевич

Югославский кризис и мировое сообщество

В кризисе, поразившем СФРЮ, есть и международный компонент. Внимание всего мира (или мирового сообщества), в котором Югославия существовала, функционировала, взаимодействовала и, наконец, агонизировала, не стоит специально обосновывать. Достаточно будет напомнить, что у югославской федерации был особый политический статус в Европе, так как, будучи страной «реального социализма» с точки зрения внутренней политики, во внешних сношениях она сохраняла известную долю самостоятельности, основывавшуюся на формальном членстве, а в прошлом – и ведущей роли в преимущественно неевропейском движении неприсоединения. В этом, а также геополитическом смысле, территория Югославии представляла собой «буферную зону» между двумя военно-политическими блоками, через которую проходили важнейшие пути сообщения и направления (связь России и государств Средиземноморского бассейна, Моравско-Вардарская долина, Люблянский проход и т. д.).

В качестве единственной относительно прочной и эффективной многонациональной формации на Балканах, Югославия воспринималась еще и как потенциальное ядро балканского сотрудничества, а также как препятствие «балканизации», признаком которой является не только создание мелких государств, но и то обстоятельство, что все балканские национализмы были окрашены великонациональной идеей (т. е. идеей создания собственной «великой» державы), как правило, определявшей приоритет интересов каждого народа в ущерб соседним.

Сейчас уже забыто, что в первой половине 1980-х гг. существовавшая за рубежом идея самоуправления и самостоятельности была лучше, чем в Югославии, и она вполне подходила в качестве образца для гуманизации и смягчения восточного блока, чей близкий конец так и не смогли предвидеть иностранные наблюдатели и «кремленологи».

Поиск поддержки в мире

Положение в СФРЮ стало ухудшаться во второй половине 90-х гг. XX века, практически одновременно с поступлением информации о коренном изменении ситуации в СССР и странах соцлагеря. Аналитика показывала, что политическая и экономическая система в Советском Союзе не поддается реформированию (по плану Горбачева или кого бы то ни было другого); дальнейшее же ослабление социалистической сверхдержавы продемонстрирует, что социалистическая власть в других странах Восточного региона зиждется исключительно на мощи СССР и страхе перед возможностью его интервенции. Катаклизмы в Советах грозили гораздо более серьезными последствиями близлежащим государствам и всему миру, нежели события в Югославии, в силу присутствия советского ядерного оружия на двух континентах. СФРЮ долгое время не была в центре внимания мировой и западной дипломатии, и это следует иметь в виду, анализируя первую реакцию на события в этой стране. Иными словами, то, что начиная с 1987 г. населению Югославской федерации казалось опасным и драматичным, не воспринималось подобным образом за границей.

Еще трудно однозначно утверждать, каково было отношение государственных деятелей СФРЮ к зарубежным странам. Точнее сказать, вполне очевидно, что те из них, кто грезил о выходе из состава федерации, добивался автономии или статуса конфедерации, были крайне заинтересованы в иностранной поддержке, так как вновь возникшие государства, не имея возможности апеллировать к прошлому, вряд ли смогли бы обойтись без международного признания и помощи. Учитывая тот факт, что у этих группировок была антикоммунистическая направленность (по крайней мере они противостояли югославскому варианту «реального социализма»), их ориентация на Запад вполне естественна, равно как и их искренние или неискренние попытки перенять западные мерилы гражданской демократии и прав человека.

С другой стороны, иначе думали те политики, кто постепенно прибирал к рукам контроль над СФРЮ и в конце концов превратил ее в Союзную Республику Югославию (СРЮ). Сербские вожди, в процессе кризиса незаметно присвоившие себе право принимать решения, возлагали надежды (совместно с сербской интеллигенцией) на то, что у сербского народа есть давно подтвержденное свойство государственного создателя, что государство Сербии непрерывно существовало и признавалось с XIX века и что она является победительницей в двух мировых войнах. В результате сформировалось убеждение, что Сербия и сербы желанны во всем мире, что у них есть друзья во всех государствах, за исключением исторических врагов, сокрушенных во Второй мировой войне (Германия, Австрия). И сначала национал-социалистическое течение надеялось, что мировое сообщество признает сохранение Югославии в качестве «современной федерации», которая обеспечит более благоприятное положение сербского руководства (как представителя всех сербов в ней) и – что самое существенное – неприкосновенность однопартийной системы, коллективной собственности и других атрибутов системы социалистического самоуправления. Характерно то, что первоначальные их требования к изменению Конституции 1974 г. сводились к пунктам о

межреспубликанских и межкраевых отношениях, а также о центральных органах управления, но не затрагивали огромный пласт статей о самоуправлении в организациях коллективного труда и общинах и проистекающей отсюда «системы делегирования» и других форм искоренения демократии посредством нее самой. Точно так же никто в Сербии не потребовал упразднения Закона о коллективном труде, парализовавшем экономику больше, чем мнимая взаимная эксплуатация республик, о которой упорно твердили югославские экономисты, конечно, каждый о своей республике как о жертве.

Группой, желавшей противопоставить себя двум этим направлениям, были те представители руководящих структур, кто объединился вокруг программы Союзного исполнительного веча (СИВ) Анте Марковича. Эти политические деятели, равно как и партия, позднее организованная Марковичем, опирались в основном на менеджерскую прослойку, коммунистов, склонных к реформированию, и те слои общества, которые нельзя было идентифицировать, прежде всего по национальности. Тогдашний федеральный секретарь по иностранным делам Будимир Лончар и ведущие дипломаты Министерства иностранных дел Югославии, не будучи близки Союзу реформаторских сил и самому Марковичу, склонялись к сохранению СФРЮ при поддержке тех зарубежных государств, для которых (по их мнению) это представляло интерес. Это, в первую очередь, США, Великобритания, Франция и неприсоединившиеся страны. С этой целью югославской дипломатией был предпринят ряд инициатив по сближению с европейскими организациями, с Советом Европы и (тогда еще) Европейским сообществом. Постепенно СИВ все больше утрачивало влияние из-за разногласий с руководствами трех республик – Сербии, Хорватии и Словении. То же самое касалось и тех сил, которые поддерживали его внутреннюю и внешнюю политику, а особенно коллегии МИД. Их определение внешнеполитического курса и с ним связанные цели становятся политически не релевантными с начала 1991 г., поэтому в данной статье мы больше не будем обращаться к этой теме.

Самые значительные и самые узкие круги сербской и федеральной верхушки не были граждански ориентированы, единственное, чего они хотели (даже прибегая к рискованной поддержке сербского национализма), это сохранить социализм не только в Югославии, но и за ее пределами. Такая идеологическая ориентация подкреплялась еще и боязнью, что при рыночной экономике («реставрации капитализма»), политическом плюрализме и демократии их общественное положение изрядно пошатнется. Особенно это касалось высших эшелонов Югославской народной армии (ЮНА). Подобное восприятие зарубежных, несоциалистических стран как потенциальных врагов унаследовано от прежних официальных представлений. По их мнению, капиталистический мир всегда был нацелен на уничтожение реального социализма всеми средствами, даже насильственными, что воплотилось в понятии «специальной войны», которая в случае кризиса должна обернуться настоящей или косвенной агрессией. Такой основной позиции сопутствовали ярко выраженная ксенофобия и незнание или недооценка демократических механизмов на Западе, которые рассматривались лишь как ширма для прикрытия решений, принимаемых в мировых средоточиях, неких «центральных комитетах» или «политбюро» международного капитализма. Эти круги «руководства» в качестве потенциальных союзников и партнеров видели только мощные социалистические державы, каковыми, по их представлениям, являлись СССР и Китай. Правда, не внушал доверия Горбачев, которого некоторые считали иностранным агентом, засланным для

уничтожения социализма, зато верили тем, кто был против перестройки и гласности и кто в августе 1991 г. попытался совершить переворот. Поэтому в критические моменты за помощью обращались только к советскому военному командованию, а не к правительству или Коммунистической партии. Намереваясь, несмотря на сопротивление Президиума, нанести военный удар после событий 9 марта 1991 г. в Белграде, федеральный министр обороны при согласии члена Президиума от Сербии, бывшего тогда его председателем, потребовал (безуспешно) от советского военного командования обещания защищать режим от западной интервенции. Председатель Президиума в том же году посетил Китай в надежде заручиться его поддержкой, убедить китайское руководство выступить против нефтяного эмбарго, которое обсуждалось в ООН.

В подобной ситуации была не важна традиционная дружба двух народов, прежде всего рассматривалась идеологическая схожесть, поэтому помощь ожидалась не от любого Советского Союза и не от любой России, а только от «передовых сил» в них. В этой связи федеральные и сербские руководители никогда не были нейтральными по отношению к происходящему внутри СССР и России и открыто возлагали большие надежды на тех, кто пытался сместить сначала Горбачева, а потом Ельцина. С другой стороны, их совершенно не интересовали итоги выборов и политические изменения на Западе из-за непоколебимой уверенности, что из капиталистического мира не может проистекать ничего хорошего для социализма и, позднее, для сербского народа, амальгамированного с социализмом в качестве его единственного искреннего защитника.

Складывается впечатление, что «иноземный фактор» – так внутри страны называли иностранцев (опять-таки под влиянием лексикона ЮНА), имея в виду прежде всего Запад, – и недооценивался, и переоценивался. Переоценивался в смысле его влияния на внутренние события в Югославии, а недооценивался как раз в тех сферах, где вполне могло ожидать его вмешательство, а именно в сфере дипломатии, экономики и применения вооруженной силы. Бытовало убеждение, что «иноземный фактор» поведет «специальную», а не реальную войну. В соответствии с преобладающей доктриной, что у граждан СФРЮ не может быть автономной политической позиции, что любая критика социалистической системы инспирируется извне, лучшим методом борьбы с ней считался полицейский надзор. Речь шла об использовании классической тайной и явной полиции или армии в качестве полиции (государственный переворот). Отсюда и выводы руководителей федерального военного ведомства и внутренних дел 1989 г.

Союзный министр обороны «полагает, что речь идет о специальной войне против социализма и коммунизма вообще». Он и его коллега из Министерства внутренних дел считают, что «по всей видимости, Союзу коммунистов Югославии не хотят дать возможности провести реформу и остаться на сцене, а намереваются его уничтожить, свергнуть и внедрить систему западной демократии ... суть в том, что иноземный фактор помешает достижению согласия на социалистическом пути, так как его целью является крушение социализма и, по меньшей мере, введение социал-демократии западного типа». Доходило до того, что Западу (именно к западным странам относится обозначение «иноземный фактор») приписывались два направления действий: введение гражданской демократии в Словении и Хорватии и «ликвидация социализма в западной части Югославии» или (более долгосрочный вариант) через западные республики «распространение антисоциалистической идеологии на территории всей Югославии» при сохранении целостности страны.

Подобная позиция относительно заграницы многое разъясняет и в отношении к населению

собственной страны, к «народу», который не спрашивают, хочет ли он демократию, и вообще, умеет ли он мыслить или ему искусственно вживляют идеи из-за рубежа, наподобие пилюль murtibing (как в Порабощенном разуме Чеслава Милоша) . В рассуждениях 1989 г. прослеживаются зачатки последующего слияния реального социализма и (велико)сербства: поражение социализма только на западных территориях все же меньшее зло, чем его полный крах во всей Югославии, исходя из соображения, что сербский народ (вероятно, после Восьмого съезда Союза коммунистов Сербии (СКС)) настроен просоциалистически или, по крайней мере, менее восприимчив к капитализму и гражданской демократии, чем другие .

Вследствие этого лучшим противоядием от тлетворного влияния Запада считалась работа тайной полиции. И поэтому в ноябре 1989 г. наделенная большими полномочиями сербско-военно-полицейская административная верхушка СФРЮ предпринимает грандиозную акцию по разоблачению контактов с зарубежными спецслужбами ради спасения Югославии, не поставив в известность Президиум федерации . Это событие имело место накануне многопартийных выборов – все члены Президиума суть проверенные коммунисты или хотя бы состоят в Союзе коммунистов Югославии (СКЮ). Памятуя только что пережитый страх перед угрозой социал-демократии, ненадежными считались члены компартии, лояльные к реформированию и не сербского происхождения.

«Иноземный фактор» недооценивался там, где он обычно действует и где наиболее силен: в сфере внешней политики и экономики. Нет признаков, чтобы вновь возникший сербско-военный центр прилагал усилия для выхода из изоляции и поисков союза или, по крайней мере, благосклонного нейтралитета со стороны государств, которые были ему идеологически неуютны (угодных же было мало). Нет попыток склонить на свою сторону ни правительства, ни общественное мнение.

Представителей западных держав – и правительственных, и парламентских – принимают небрежно и сознательно унижают (например, государств – членов европейской «тройки»), особенно Ганса ван ден Брука, сенатора Ричарда Доула и т. д. Государственная, официальная и национальная пропаганда обращалась исключительно к ситуации внутри страны, преимущественно к сербскому населению . Международная пропаганда Сербии, а следовательно, последней власти в СФРЮ и первой в СРЮ, имела тот же смысл, ибо в сущности была направлена на сербскую диаспору . Подобная агитация абсолютно не соответствовала среде, на которую должна была воздействовать, она призывала принять «правду» о сербах, режиме в Сербии и, позднее, о новых государственных образованиях, на которые с воодушевлением отреагировала сербская общественность внутри страны. Иностранцев принимали неохотно, обвиняли в пристрастности и шпионаже, даже изгоняли . С началом войны в Хорватии федеральная сербская сторона, в отличие от мощного натиска хорватской пропаганды, не позаботилась о том, чтобы заручиться поддержкой зарубежной прессы: военное руководство ЮНА, например, генерал Андрия Биорчевич, советовало западным журналистам уехать, а в Славонии ЮНА будто бы защищало южные границы России. «Пропагандистская война» не была проиграна: ее в сущности не было из-за равнодушия к «иноземному фактору». Спонтанные и слабо поддержанные попытки некоторых патриотических сербских обществ и организаций не могли наверстать упущенное – их представители точно так же, вместо того чтобы обращаться к влиятельным слоям зарубежного общества, адресовали свои воззвания только лицам сербского происхождения и по большей части не к месту использовали официальную аргументацию, в которой

было мало демократических доводов, а в основном – исторические, правовые и стратегические . Суммируя вышесказанное, становится ясно, что цели тех, кто манипулировал Президиумом СФРЮ и взял на себя командование ЮНА, необходимо было изменить. От стремления к сохранению целостности страны и социализма в ней они перешли к присоединению как можно большего количества территорий к новой Югославии, которая охватила бы все области, населенные сербами, и стала бы сербской державой, несмотря на название . Такая перемена объяснялась отказом от непримиримой стратегии сохранения социалистической Югославии посредством сербского национализма. Именно поэтому отступились от этнически гомогенной Словении, хотя из-за запрета на проведение «митинга правды» 29 ноября 1989 г. в Любляне на эту республику был обрушен страшный гнев вплоть до применения санкций . Окончательно идейная трансформация завершилась за время вооруженного конфликта в Хорватии: ЮНА отказалась от стратегии отстаивания социалистической Югославии, также включавшей низвержение несоциалистических режимов в Хорватии и других республиках, а «встала на защиту» нового государства, в котором останутся «сербы и те, кто хочет с ними жить». Идеология уступила «национальному интересу», рассматриваемому с этнической точки зрения .

В соответствии с новой идеей югославская внешняя политика сосредоточилась на следующих целях: заставить зарубежные страны признать, что сербы как народ имеют право на обладание всеми территориями, которые они сами или их руководители сочтут сербскими (по историческим причинам или по проценту проживающего там населения); что право сербов на самоопределение включает право на изменение границ республик; что сербы имеют право, и их историческая миссия заключается в доминировании на территории своего урезанного (но не нового) государства с минимальными правами меньшинств; что это государство может помогать всем движениям сербов в защиту их самостоятельности за пределами своей страны; что две республики – Сербия и Черногория – продолжат югославскую федерацию с абсолютной преемственностью, включающей положение единственного преемника СФРЮ с имущественной точки зрения и членство в международных организациях. Также мировое сообщество должно было признать, что отделившиеся республики нанесли урон национальному и международному праву своей «насильственной сецессией», и поэтому несут моральную и историческую ответственность за трагедию Югославии (но не за ее распад, так как его, в принципе, не было, учитывая, что официально СРЮ является оставшейся частью Югославии после сецессии) . Желание обладать территориями в некоторых округах Сербии и на территории проживания ряда сербских общин вне Сербии получило и иррациональный подтекст захвата этих территорий и очищения их от несербов, что называется «этнической чисткой», несмотря на прикрытие из гуманных фраз о разделении населения, невозможности совместного проживания и т. п.

Реакция зарубежья

Организованное мировое сообщество реагировало на ситуацию в Югославии, быстро ухудшавшуюся с 1989 г., через нескольких посредников, которые в основном представляли страны Запада, так как СССР до своего распада был озабочен собственными проблемами, а государства, появившиеся на месте Советского Союза, были не в состоянии быстро включиться в международные процессы, за исключением России, вмешавшейся в югославские события сразу после прекращения существования СФРЮ. Международные организации также пытались взять на себя роль посредников, а именно:

Совещание (позднее Организация) по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ), Европейское сообщество (позднее Союз), ООН и Североатлантический договор (НАТО). Движение неприсоединения и Исламская конференция играли лишь опосредованную роль, в основном в связи с событиями в Боснии и Герцеговине.

В антикризисной политике в отношении югославского конфликта было несколько этапов.

Сначала исходили из идеи сохранения целостности Югославии, однако при условии, что СФРЮ по примеру восточноевропейских и среднеевропейских государств изъявит желание освободиться от социализма, встать на путь демократизации и изменить экономическую систему. Эта формула действовала практически до конца 1991 г., и ее поддерживал Совет Европы, ожидавший, что Югославия станет первой из бывших стран социализма, кто войдет в состав этой организации; Европейское сообщество, еще в апреле 1991 г. заявлявшее через первую тройку своих министров Жака Пооса, Джанни де Микелиса и Ганса ван ден Брука о своем намерении сохранить целостность Югославии и решить спорные вопросы мирным путем и предложившее, чтобы в мае министры иностранных дел приняли тождественную декларацию о Югославии; СБСЕ на совете министров в Берлине (19 июня 1991 г.). В поддержку сохранения СФРЮ высказывались и США (визит госсекретаря Джеймса Бейкера в Югославию в июне 1991 г.). Настоятельные требования министерской тройки ЕС во время второго визита (июль 1991 г.) назначить Стипе Месича председателем Президиума показывают, что тогда еще считалось возможным функционирование СФРЮ на основании Конституции 1974 г., хотя то обстоятельство, что в ноябре 1990 г. госсекретарь США призвал к проведению свободных выборов в республиках, где они еще не были проведены, речь шла о возможности функционирования лишь федеральной структуры, а не всей системы в ее основе.

Постепенно программа поддержки существующей федеративной Югославии заменяется требованиями преобразования страны в свободную федерацию или конфедерацию республик. Это следует из Декларации Европейского сообщества о Югославии от 3 сентября 1991 г., а также из того, как велась Гаагская мирная конференция по Югославии. Окончательный вариант текста Декларации, предложенный председателем конференции лордом Каррингтоном, предоставлял становившимся суверенными югославским республикам право самостоятельно выбирать формы взаимного сотрудничества – от самых тесных до тех, которые могут осуществлять между собой отдельные государства. «Договорные пункты конвенции» предусматривали гарантии прав национальных меньшинств, учитывая, что этнические границы не совпадают с границами между республиками. План не был принят, поскольку его сочли неприемлемым делегация Республики Сербии, хотя отдельные его фрагменты сохранились как условия признания мировым сообществом новых государств на территории бывшей Югославии, и особенно это касалось гарантий прав национальных меньшинств.

Параллельно с переходом от поддержки федерации к проекту, основанному на системе отношений между суверенными республиками, осуществлялось ознакомление с положением в стране.

Складывается впечатление, что поначалу иностранные участники не были готовы и не ориентировались в политической ситуации и чаяниях главных действующих лиц. Позднее они вникли в происходящее лишь поверхностно, но самонадеянно. Потому-то высказывавшаяся поддержка сохранению целостности федерации была в основном декларативной, и неясно, что под

этим конкретно подразумевалось. Во всяком случае от СФРЮ ожидалось те же действия, что и от государств, окончательно отказавшихся от социализма, где теперь самыми важными считались принципы демократизации, укрепление прав человека и экономические перемены.

Поэтому усилилось давление, особенно со стороны США, в отношении проведения свободных многопартийных выборов. Они могли состояться только на республиканском уровне из-за острых противоречий между Словенией и Сербией и привели к власти партии, ставившие во главу угла интересы собственных стран и только в их пределах видевшие возможность демократизации, преобразований и гарантий прав человека (если они вообще имели в виду что-то подобное). Тем самым посредники в преодолении югославского кризиса упростили его истинную суть и подоплеку, сведя все к межнациональным конфликтам. Была упущена возможность еще в рамках целостного государства решить другие важные вопросы, также лежавшие в основе кризиса, к примеру, условия для политического плюрализма, экономической трансформации и прав человека. Все население Югославии по воле своих национальных лидеров, а теперь и при содействии мирового сообщества безвозвратно ввергнуто в коллективизм. Демократические силы, которые совместно могли бы влиять на события в СФРЮ, невзирая на территориальные границы, оказались разделены и вынуждены были поддерживать патриотическую риторику, действуя в пределах своих республик. Везде наиболее высокий рейтинг имела социал-демократическая «левая», которая по своей сути легче преодолевает этнические барьеры в многонациональных сообществах.

Признавая национальных вождей основными партнерами в переговорах без тщательной их демократической «проверки», ЕС фактически наделило их легитимностью государственных деятелей и открыло «зеленый коридор» для воплощения национальных притязаний, в первую очередь тяготевших к созданию и укреплению архаичных государств в духе XIX века с неограниченным суверенитетом над своей территорией и населением, со всеми его атрибутами, особенно военными. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что впоследствии самозванные и со стороны поставленные национальные вожди с весьма сомнительно демократической легитимностью, особенно в Боснии и Герцеговине, стали уважаемыми участниками переговоров на международных встречах. В противоположность демократическим принципам западные посредники и участники антикризисного урегулирования увлеклись решением межнациональных проблем, приняв локальные националистические позиции. Стало важнее не дать вспыхнуть более глобальным конфликтам и предотвратить тяжкие последствия для соседних территорий, однако при этом были совершенно забыты люди, которые должны были адаптироваться в новых условиях.

Провал мирной конференции в Гааге и усиление давления Германии заставили ЕС искать более простые и радикальные решения ввиду санкционирования словенско-хорватской версии развала СФРЮ путем распада, а не сессии большого числа субъектов федерации. 16 декабря 1991 г. на чрезвычайной встрече министров иностранных дел стран – членов ЕС была принята Декларация о Югославии, в которой изложена согласованная точка зрения о признании независимости всех государств (если таковые хотят ее обрести) на территории бывшей Югославии. Признание получали республики, которые готовы были выполнить условия Декларации о «принципах признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе», принятой на этом же заседании в тот же день (обе Декларации зарегистрированы в ООН S/23292, 17.12.1991). На основании последнего документа все новые государства обязывались соблюдать положения Устава ООН, обязательства, принятые по

Хельсинкскому заключительному акту и Парижской хартии, особенно в отношении права, демократии и прав человека, а также гарантировать права этнических и национальных групп и меньшинств в соответствии с принципами, принятыми в СБСЕ. Помимо этого бывшие югославские республики согласно Декларации о Югославии должны были выразить готовность принять пункты проекта Конвенции (план Каррингтона). Особенно это касалось главы I, где говорится о правах человека и национальных и этнических групп.

Следует учитывать, что югославский вопрос стал первой пробой совместной европейской внешней политики, то есть внешней политики Европейского союза, начавшего свою деятельность по Маастрихтскому договору. Кроме того, вероятный масштаб кризиса в бывшей СФРЮ, который зарубежные наблюдатели не предусмотрели, мерк по сравнению с тем, что совместные решения и координация ЕС во внешнеполитической области могли оказаться неэффективными, а следовательно, неспособными конкурировать с восточным посткоммунистическим блоком и быть равноправными в партнерстве с США. Поэтому-то инициатива Германии о скорейшем признании Словении и Хорватии возымела еще больший вес. Таким образом, югославские республики получили шанс, который исторически редко выпадает движению за независимость. Словения и Хорватия ухватились за этот шанс с восторгом, а Босния, Герцеговина и Македония поневоле, так как в противном случае им пришлось бы остаться в Югославии в условиях сербской военной диктатуры Белграда, формально подкрепленной уменьшением числа членов Президиума СФРЮ. Решение о признании должно было быть принято коллективно на основании вердикта Арбитражной комиссии (комиссии Бадинтера). Между тем Германия пригрозила односторонним признанием и вынудила ЕС поторопиться и в спешном порядке, в начале 1992 г., признать все республики, пожелавшие выйти из состава федерации, за исключением Македонии. Однако здесь изначально присутствовала непоследовательность: Хорватию признали и без решения Арбитражной комиссии, в то время как Македония это решение получила, но не была признана вследствие протеста Греции, не предусмотренного тезисами Декларации. Как выяснилось впоследствии, условия, связанные с соблюдением прав человека, вскоре были забыты: ни одному из признанных государств ни разу не напомнили, что на основании одностороннего заявления о готовности выполнить все требования Декларации они должны гарантировать самые высокие стандарты защиты прав человека и национальных меньшинств.

Поспешное международное признание Хорватии и Словении, а позднее Боснии и Герцеговины, считается ошибкой Европейского союза не только потому, что новые страны (кроме Словении) не соблюли традиционные требования к государству (власть, территория и население), но и потому, что Хорватия не выполнила демократические условия, изложенные в Декларации ЕС. Между тем более важная поправка, на которой особенно акцентировал внимание лорд Каррингтон, была политического свойства и относилась к Словении. Получив международное признание и тем самым достигнув своей основной цели, западные республики потеряли интерес к происходящему в СФРЮ и перестали принимать участие в решении других вопросов, касающихся бывшей Югославии, а мировое сообщество лишилось средства воздействия на них. Еще одним из последствий было нежелание признанных республик участвовать в процессе улучшения социальных условий жизни населения оставшихся двух республик союзного государства Югославии. Официальная Словения первая повела себя так, будто никогда и не состояла в СФРЮ и не имеет к ней никакого отношения.

Кроме того, у Словении моментально исчезло и вызывающее радение о судьбе албанцев и других представителей национальных меньшинств в Сербии. Оглядываясь назад, ясно, что это напускное беспокойство о правах человека было лишь орудием на пути достижения заветной мечты – государственной независимости. Отношения сразу же перешли в статус межгосударственных, и только государственные проблемы стали актуальными на повестке дня.

Действия Германии заслуживают особого внимания. Многочисленные звучавшие в Сербии истерические высказывания, что, дескать, Германия была главным зачинщиком развала Югославии, чтобы удовлетворить собственные стратегические интересы («выход к теплым морям», доминирование на Балканах, Drang nach Osten, складирование ядерных отходов и т. п.), что она отомстила за свое поражение во Второй мировой войне, что все дело в патологической ненависти немцев к сербам, – не должны вводить нас в заблуждение. Однако определенная пристрастность со стороны Германии и Австрии присутствовала, и она повлияла на ход событий в югославском вопросе. Для немецкой традиции характерны понимание и терпимость по отношению к этническому национализму, который, в отличие от государственного патриотизма, присущего традиции Французской революции, часто называют немецкой (германской) моделью национализма. В немецкой среде национализм как таковой не считается чем-то предосудительным и опасным, что в интеллектуальном отношении обусловило формирование понятия «хорошего» национализма, которым очень удачно воспользовалась определенная часть хорватской и словенской интеллигенции, считая национализм позитивным признаком. «Плохие» же формы национализма следует именовать соответствующим образом, например, фашизмом, ксенофобией, шовинизмом, расизмом, политическим этноцентризмом и т. д. По крайней мере два фактора послужили причиной того, что сербский национализм стал восприниматься в Германии как негативное явление. Во-первых, это представление о сербах как о возмутителях спокойствия, врагах и террористах. А во-вторых, Германия была убежищем хорватской националистической и правой эмиграции, считавшей все события в Югославии после 1945 г. результатом доминирования сербского коммунизма. Подобные объяснения первоначально звучали в легко узнаваемых публикациях эмигрантских общин, однако постепенно становились точкой зрения науки и экспертов по мере вхождения новой эмиграции в научные круги, обусловленного их знанием языка и событий в Юго-Восточной Европе. Разные обстоятельства, включая и личный опыт главного редактора Рейсмюллера, привели к тому, что в одной из ведущих газет (во всяком случае, наиболее влиятельной на севере Германии) «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» окончательно сложилось мнение о сербах как об отсталых и неевропейских антигероях югославской драмы.

Следует также напомнить, что на атмосферу, благоприятствовавшую признанию «сецессионистских республик», сильно повлияли действия Югославской Народной Армии и руководимых ею спецчастей в войне с Хорватией. Не только потому, что зарубежные СМИ транслировали ужасающие кадры разрушенных городов, но еще из-за того, что пропагандистский аппарат сербских военных с наслаждением победителей вдохновенно приумножал видео– и письменный материал на ту же тему. Негативные последствия стратегии разрушения городов, которую избрала ЮНА, были и военными, и психологическими: выбранные цели (Дубровник, позднее Сараево – города, хорошо известные на Западе) имели символическое значение для иностранцев и дали повод считать, что кампанию ведут жестокие и дремучие люди.

Неблагоприятное мнение о сербах, сложившееся в западной среде, – плод великого недоразумения в Сербии и Черногории, произошедшего между режимом, которому положил начало VIII Съезд сербской компартии (СКС), и национальной интеллигенцией, а также большинством национально ориентированных избирателей. Теперь многие из них с грустью осознают свою ошибку, ведь они сделали свой выбор в полной уверенности, что с приходом к власти Милошевича административный аппарат станет сильным и искренним борцом за сербский народ и его интересы. Продолжение «коммунистической» символики, ритуалов и риторики казалось необходимым злом в целях большей эффективности отношений с «коммунистами» из других республик. Обновленную компартию поддержали виднейшие диссиденты-националисты внутри страны и за рубежом, которых никак нельзя обвинить в прокоммунистических настроениях (в силу пережитого в период до Милошевича и во времена Тито).

Когда наступили выборы, большинство населения Сербии и Черногории проголосовало за коммунистов как за националистов. В то время как в Сербии коммунистическая партия долго и виртуозно маскировалась под социалистическую, в Черногории она вплоть до выборов сохраняла название Союза коммунистов. И, когда в других республиках коммунисты и их ненационалистически настроенные преемники потерпели поражение, в Сербии они получили 46% голосов, а в Черногории даже 64% ! Отчасти по воле злого рока, а также вследствие неосведомленности и под воздействием упомянутого стиля официальной сербской пропаганды был сделан вывод, что сербы проголосовали за коммунизм, а все остальные – за либеральную демократию. Но даже если бы стало известно, что сербские избиратели были движимы националистической идеей, все равно говорили бы об устаревшем и прокоммунистическом сербском национализме, в то время как в других республиках национализмы были демократические, капиталистические, либеральные (хотя доподлинно известно, что правые). Позднее сложилось представление, что у сербского народа в Сербии и за ее пределами та же самая система ценностей и картина мира, как и у штаба Верховного главнокомандования и близких ему членов Президиума СФРЮ.

Таким образом, сложился стереотип отношения к сербам на последующих этапах, характеризующийся предубеждением, что сербский народ не желает слиться с Европой и миром демократии, рыночных отношений и прав человека, стремится доминировать над другими, навязывая им собственное видение общественной и политической организации. Безусловно, вышеупомянутые действия сербских эмиссаров и генералов, неважно, представляли ли они СРЮ, Сербию или сербскую «верхушку», только укрепили подобные представления. В определенном смысле сбился прогноз военных идеологов: Запад попытался «отнять» у коммунизма большую часть Югославии, дабы оттеснить коммунистическую Сербию. Этим объясняются и многочисленные натянутые трактовки международного права и морали, а также некоторые спорные моменты в решениях Арбитражной комиссии. Не стоит упускать из виду, что позиция относительно югославских республик формируется в период 1990–1991 гг., когда казалось, что СССР как коммунистическая сверхдержава может сохраниться и применить свой колоссальный военный потенциал, особенно если к власти там придут «здоровые силы» противников перестройки.

Впоследствии неприязнь к сербскому режиму и вообще к сербам держалась параллельно с убеждением, что в межгосударственных отношениях бывших союзных республик необходимо

применение критериев международного права, в том числе и об агрессии. Поэтому был сделан вывод, что Сербия (подразумеваемая СР Югославию) чересчур активно покровительствует сербской стороне в конфликтах в Боснии и Герцеговине, что расценивалось как угроза международному миру и требовало принятия мер согласно главе VI Устава ООН, не совсем точно именуемых «санкциями». Недоверие к сербским субъектам власти, которое у последних провоцировало все большую непреклонность и подталкивало к упорным поискам партнеров вне ООН и других организаций, длилось долго и не прекратилось даже после перестановок в верхах СРЮ. Настороженно относились и к правительству Милана Панича, которое не воспринималось всерьез даже после относительного успеха кандидатуры Панича на президентских выборах в Сербии. Складывается впечатление, что игнорировалась любая оппозиция задолго до того, как оппозиционное движение стало воинственно-националистическим. На Видовданский сабор, на массовые демонстрации студентов в 1992 г. в Белграде либо не обращали внимания, либо истолковывали их как очередное проявление национализма.

Как и следовало ожидать, учитывая прежний опыт введения санкций против государств в схожих ситуациях, меры Совета Безопасности сделали свое дело: деформировали, радикализировали политическую жизнь и усилили режим, а руководство Сербии и СРЮ, возможно, заставили пойти на уступки. Еще в 1993 г., за два года до Дейтонских соглашений, появились признаки готовности Сербии отказаться от программы-максимум в Боснии и Герцеговине, причем бремя санкций не было основным поводом к этому. Возможность того, чтобы около половины территории Боснии и Герцеговины отошло к сербской стороне (с последующим присоединением ее к СРЮ), выглядела абсолютно реальной, а дальнейшая поддержка однопартийного руководства Республики Сербской не слишком привлекала сербские верхи, так как СДС (Српска демократска странка – Сербская демократическая партия) Радована Караджича с его правоцентристскими советниками стала бы опасным политическим соперником СПС и президента Республики Сербии не только в Республике Сербской, но и в самой Сербии и будущем объединенном государстве. Приоритетной задачей правящего центра в Белграде в течение всего кризиса было сохранение собственной власти. Есть еще две причины утверждать, что санкции против СРЮ и (косвенно) против Республики Сербской не достигли цели и в экономическом отношении. Результат по сравнению с первоначальным замыслом Совета Безопасности и по собственному его мнению получился половинный: вместо того чтобы покинуть Боснию и Герцеговину, СРЮ сохранила влияние на 49% ее территории, вместо вывода ЮНА ее отряды влились в Армию Республики Сербской, стратегическую, кадровую и пропагандистскую поддержку которой оказывала Армия Югославии. Вместе с тем переломный момент наступил не в результате применения санкций, а в результате военного вмешательства НАТО летом 1995 г. против боснийских сербов и, косвенно, против Армии Югославии, важные стратегические объекты которой были ликвидированы (разведывательные средства, средства оповещения и командования). Тем самым были урезаны преимущества сербско-югославской стороны в вооружении и оборудовании, а долгие колебания западных держав относительно проведения наземной операции без участия Соединенных Штатов завершились вводом заинтересованных и имевших свои мотивы хорватских и боснийских подразделений. Слободан Милошевич и международные посредники (слева – Карл Билдт) ООН включилась в процесс урегулирования югославского кризиса позже, чем европейские

организации. Существует предположение, что это произошло по желанию федерального сербского руководства во избежание чрезмерного влияния Германии в Европе. Первые шаги дипломатии СФРЮ в этом направлении были успешными: при согласии югославских дипломатов 25 сентября 1991 г. Совет безопасности принял резолюцию № 713 (1991), согласно которой на основании главы VI Устава ООН было наложено полное эмбарго на поставку всех видов оружия и военного оборудования в Югославию, что осложнило снабжение сецессионистских республик оружием и обеспечило долгосрочное превосходство ЮНА, особенно проявившееся в военных столкновениях в Боснии и Герцеговине. Следующий шаг Совет Безопасности предпринял по инициативе правящей группы в Белграде. Речь идет о введении на территорию Хорватии миротворческого контингента ООН для поддержания прав тамошних сербов без участия ЮНА, которое, по словам Бориса Йовича, повлекло бы за собой расширение мобилизации в Сербии, что было абсолютно контрпродуктивно для сербской политики. Совет Безопасности поддержал эту инициативу резолюцией № 721 от 27 ноября 1991 г., на основании которой был разработан план Вэнса. Согласно ему миротворческие силы распределялись по принципу inkblot. Однако СБ не до конца оправдал надежды на то, что «теперь, когда у сербского народа есть власть на этих территориях, потребуем от Объединенных Наций защитить его своими миротворческими силами». Вплоть до применения санкций против СРЮ СБ пытался сохранить нейтралитет по отношению к участникам югославского конфликта, однако под давлением большинства Генеральная ассамблея все больше склонялась к критике сербской стороны. На это большинство влияли различные факторы: например, расистский и высокомерный тон сербской пропаганды, считавшей движение неприсоединения провальной и дорогостоящей «негритянской» авантюрой Тито; упорные попытки Белграда и сербских националистических групп установить связь с Израилем и еврейским лобби; действия боснийских сербов против мусульман (что, возможно, весомее всего), а также все чаще звучавшее в сербской науке и квазинауке отождествление всех боснийских мусульман с фундаменталистами, что в равной степени относилось и к косовским албанцам. Когда же в конце концов в середине 1992 г. стало известно о страшных преступлениях и этнических чистках в Боснии и Герцеговине, за сербами окончательно закрепилась репутация единственных отрицательных героев югославской трагедии, пока на свет не вышли факты, свидетельствующие, что политика хорватского национализма и нового хорватского государства основывалась на идее территориального захвата этнически «зачищенных» территорий и что хорватское государство поощряло все направленные на это преступления.

Принципы и прагматика

Ужас при виде зверств, концлагерей, насилия, принудительного переселения и тому подобных акций охватил мировую общественность и международные неправительственные организации, однако не подействовал на правительства. Это происходило в полном соответствии с тенденцией конца 1991 г. смещать акценты с внутренних проблем населения и этнических групп Югославии на международные отношения монолитных постюгославских наций и их государств. Коллективные субъекты можно обвинять в агрессии по отношению к другим коллективным субъектам, но не в отстаивании права выбора более благоприятного для себя статуса и не в защите своих интересов. Их коллективная ответственность исчерпывалась ответственностью за агрессивные действия, что повлекло введение санкций против СРЮ (и позднее против Республики Сербской при странном посредничестве СРЮ). В то же время их отношение к собственному населению перестало

представлять интерес, если только речь не заходила о причинении вреда коллективам, среди которых вследствие безудержного увлечения идеей национализма самыми значимыми были национальные (но не какие-либо другие) меньшинства.

Из-за нестыковок между государственным и гуманитарным подходами, из-за разочарования неудачей, постигшей принятые против СРЮ меры для прекращения войны в Боснии и Герцеговине, из-за постепенного осознания, что эта война является частью сербско-хорватского плана раздела Боснии и Герцеговины, из-за нарастания мусульmano-хорватского конфликта и поступающих сведений о преступлениях хорватской армии и ее отдельных частей по отношению к мусульманам и сербам, об этнических чистках Крайны, назрела необходимость отделить «моральный» подход к участникам югославской драмы от «прагматического». За неимением оснований для обвинения лишь одной из сторон в моральных нарушениях, а также в силу сложности определить в каком бы то ни было конфликте правых и виноватых, было принято решение привлекать виновных к индивидуальной уголовной ответственности, и с этой целью в мае 1993 г. начал свою работу Международный трибунал по бывшей Югославии (Гаагский трибунал). Перед этой судебной инстанцией обвиняемые предстают как индивидуумы, что позволяет избежать коллективного осуждения целой нации, представителями которой преступники являются.

Коллективное осуждение стало беспредметным, так как и несербские национализмы утратили репутацию «хороших». Единственный из связанных с Югославией национализмов, который встречает понимание на Западе как «хороший», это албанский.

Дипломаты и стратеги, считавшие моральное и правовое осуждение проявлением иллюзорной и немужской сентиментальности, предпочитали договариваться с теми, кто им обещал успех в прекращении войны и ликвидации ее последствий. Это прежде всего касалось лиц, в руках которых были сосредоточены власть и армия, без учета степени демократичности их взглядов и легитимности, а также выбора средств в достижении политических целей во внутренней и внешней политике. Сторонниками такого подхода стали сопредседатель Конференции по Югославии Торвальд Столтенберг (со стороны ООН) и лорд Оуэн (со стороны ЕС). Таким образом, процесс мирного урегулирования мог быть проведен по классическим канонам, как любое посредничество между двумя государствами, то есть исходя из предположения, что любой лидер легитимен, неважно, хорош он или плох, а критерием его компетентности является контроль над силовыми средствами. Для вящей уверенности в Статут Гаагского трибунала не включили преступления против мира (к примеру, развязывание агрессивной войны), что могло бы быть вменено и основным участникам мирного урегулирования.

Применение силы против боснийских сербов было вызвано не моральным принципом, а прагматичным стремлением уравнять в военном отношении обе стороны и заставить более сильную соблюдать условия договора. Военная акция была направлена против политических вождей СДС и против ставших самостоятельными боснийско-герцеговинских подразделений ЮНА, продемонстрировавших неуязвимость перед моральными инвективами, однако тяжело переживавших изменчивость военного счастья и свои поражения. Тем самым был усилен единственный сербский фактор, который, хотя и с большим опозданием, начал вести себя рационально (относительно себя же) и считаться с ранее недооцененным «иноземным фактором». Президент Республики Сербии получил мандат для завершения «мирного процесса» по своему

усмотрению и при соблюдении международных требований. Были сняты штрафные санкции за действия, изначально квалифицировавшиеся как агрессия, при условии, что эта агрессия, то есть присоединение Боснии и Герцеговины, не принесет Сербии ожидаемых плодов и последняя удовольствуется временным формальным существованием Боснии и Герцеговины как единого субъекта международного права.

А моральный подход? В известной мере он сохранился и был перенесен на уровень индивидуальной ответственности. Независимо от дальнейшей судьбы Гаагского трибунала, с которым согласно Дейтонским соглашениям должны сотрудничать все бывшие югославские республики и их «верхушки», его прокурор имел право вето на крупные политические фигуры на территории Боснии и Герцеговины. Чтобы забраковать чью-либо кандидатуру, не обязателен вердикт трибунала, достаточно того, что один из его судей поддержит обвинение против этого лица.

Известны причины, по которым вмешательство организованного мирового сообщества в югославские события считается провальным. Некоторые уже были изложены выше, а все в совокупности можно резюмировать так: неготовность, разобщенность и неспособность европейских организаций вникнуть в суть кризиса и понять его истинные предпосылки; постепенное принятие националистической аргументации; поддержка сторон, на словах считавшихся «прозападными»; неспособность рассудить сложный спор с более чем двумя участниками; легкомысленная вера в теорию о вековой вражде полудиких балканских народов; переоценка роли религии; недооценка экономических факторов и т. д. Такому положению дел благоприятствовало также «смутное время» в СССР и Восточном блоке, соперничество Европы и США, приведшее к временному отстранению от разрешения конфликта единственной оставшейся сверхдержавы, а также страх, что регион Юго-Восточной Европы вновь окажется в том же положении, что и перед 1914 г., и европейские государства опять вступят в борьбу интересов, чреватую новой мировой войной.

В дополнение к вышеизложенному стоит сделать еще несколько замечаний.

Несмотря на то, что в конце 1995 г. было найдено более или менее надежное решение, его нельзя назвать вполне удачным, поскольку оно ведет к экономическому опустошению и криминализации обществ, государств и полугосударств, наивно полагающих, что вскоре они станут правовыми и демократическими.

Метание между двумя противоположными подходами – аморально-дипломатическим, с одной стороны, и моральным – с другой, осложнило все благие начинания, смутило большинство населения на территории Югославии и в некоторых ее частях, усилило как недоверие к международным организациям, так и чувство покорности участи вечных мировых задворков.

Заключение Дейтонского соглашения. 1995 год

Отсутствие интереса к человеческому фактору в предлагавшихся и принятых решениях, предпочтение, отдаваемое тем, за кем сила и власть, – усилили авторитарные тенденции во всех постюгославских государствах, а особенно в тех из них, которые чаще всего становятся участниками вооруженных конфликтов. Контакты зарубежья с демократическими и антивоенными силами осуществлялись в основном через неправительственные организации и отдельных представителей, с официальной же стороны коммуникация была поверхностной, вялой и незаинтересованной.

Демократическая оппозиция повсюду оказывалась в еще более сложном положении с политической точки зрения: хотя оппозиционеров и считали предателями из-за их связей с заграницей, именно в

этой сфере они потерпели фиаско, поскольку Запад не проявил к ним интереса.

Конфликт в Югославии вдвойне иррационален. Во-первых, для конца XX века иррациональна большая часть целей, которые ставили перед собой националистические элиты. Это касается не только очевидного обскурантизма, попыток вернуться в далекое прошлое и изоляции от мира, но и прежде всего стремления к захвату территорий, не обоснованного никакими экономическими предпосылками. Во-вторых, большинство участников событий шло за иррациональными личностями (даже если скромно определить рациональность как склонность к выбору целесообразных, доступных и не запрещенных средств достижения целей, пусть эти цели сами по себе аморальны и иррациональны). У всех у них проявилась тяга к насилию как во внешней, так и во внутренней политике.

Зарубежные участники урегулирования кризиса в Югославии стали подмечать иррациональность вождей и ответственных лиц государств, о чем все явственнее свидетельствуют записи тех, кто вел с ними переговоры, делая вид, что имеет дело со вполне рациональными личностями. Тем не менее многие зарубежные представители, а также специалисты, занимавшиеся Югославией, не смогли уловить иррациональность целей, особенно территориальных притязаний. Они или соглашались с этими целями, постепенно свыкаясь с мыслью, что конфликт на территории Югославии извечен и начало ему положено еще во времена раздела Римской империи, или же использовали критерии, столь близкие «реалистам», стратегам и геополитикам (имеющим большое влияние на профессиональных дипломатов), согласно которым то, что считалось рациональным в XVI или XIX веке, остается таковым и по сей день, а именно захват территорий и (военный) контроль над ними. Не стоит и говорить, насколько это отличается от действительности, где благосостояние людей преимущественно зависит от уровня развития экономики, хорошей организации и возможности применения демократических принципов во благо человека. Парадоксально, что все это происходит в период европейской интеграции и под эгидой ЕС, возникшего для сглаживания тяги к территориальным притязаниям и связанных с ними конфликтов в Европе.

Перевод Евгении Потехиной

Слободан Наумович

«Балканские мясники»: мифы и заблуждения о распаде Югославии

Несмотря на сравнительно небольшую временную протяженность (всего 10 лет), период, отмеченный насильственным распадом Югославии и образованием новых мелких государств на ее руинах, снискал себе нелестное реноме одной из самых трагических фаз в новейшей истории этой области на мировой карте. Мрачный смысл этого реноме, оправданный силой обстоятельств, в значительной мере усугублен манерой, в которой преподносились трагические события.

Интенсивная политизация всех тем, связанных с конфликтом в бывшей Югославии как на региональном, так и на глобальном уровне, привела к тому, что большинство СМИ (или, лучше сказать, создателей общественного мнения) представили сложнейшие локальные процессы слишком упрощенно и черно-бело, что вряд ли можно расценить как положительный вклад в попытки пролить свет на истинную суть происходящего. Еще более пагубные последствия были вызваны переносом в область научных исследований откровенно пристрастного подхода, первоначально принятого определенным числом политических активистов и журналистов. Подкрепленный антинаучными и

моралистическими тенденциями, ставшими столь модными в общественных науках, этот пристрастный подход не мог не перерасти в ряде случаев в грубую пропаганду под личиной научного знания.

Задачей данного эссе является выявление некоторых из «мифов и заблуждений» (myths and misconceptions, – Brubaker) в публицистических и научных работах о югославском кризисе, а также указание на ряд важных вопросов, случайно или намеренно упущенных из виду в вышеупомянутых трудах. Возможно, тем самым мы немного продвинемся в понимании сложной природы трагических событий на территории Югославии. Я бы хотел подчеркнуть, что я не столько заинтересован в подробном анализе самих работ, в которых можно найти отдельные мифы и заблуждения (ряд таких книг и текстов приведен в списке литературы), сколько в осмыслении кумулятивной логики, в рамках которой взаимная схожесть перекликающихся фактических сведений и выразительных художественных приемов, преподносимых общественности, приводит к постепенному выстраиванию всеобъемлющей и, на первый взгляд, убедительной «истины дня». Формируя общественное мнение сообразно чаяниям определенного числа предприимчивых политических деятелей, подобные «истины» начинают все существеннее влиять на серьезную и неполитизированную научную мысль и, что хуже всего, на политику заинтересованных государств и организаций.

В данном эссе выдвигается тезис, что общественные науки, имея дело с подобными «истинами», должны заменять их не политически более подходящими, а менее пристрастным, а значит менее опасным и, возможно, более плодотворным материалом для размышления.

Систематизация множащихся редуccionистских нарративных теорий о природе кризиса в бывшей Югославии в первой части настоящего эссе во многом опирается на статью Роджерса Брубейкера «Мифы и заблуждения в изучении национализма». Брубейкер критикует шесть ключевых мифов и заблуждений, которые, по его мнению, отягощают современное представление о национализме. Первое из них – «архитектоническая иллюзия» (architectonic illusion), сводящаяся к убеждению, что правильная «масштабная архитектура», верные территориальные и институциональные рамки могут удовлетворить запросы националистов, утихомирить националистические эмоции и таким образом разрешить национальные конфликты. Далее Брубейкер рассматривает примордиалистскую теорию «парового котла» (seething cauldron), относящуюся к странам Восточной Европы или, точнее, к Балканам. Согласно этой теории, национализм глубоко укоренен в страстных натурах местных жителей, это как «паровой котел», в котором постоянно дымится этнический и национальный конфликт, то и дело переходя в состояние кипения, в насилие. Поэтому национализм, а следовательно насилие, считается главной проблемой в этом регионе, его истинной сутью. Затем Брубейкер подвергает критике два взаимоисключающих ошибочных представления – «теорию возвращения подавленного» (return of the repressed) и «теорию манипулирующих элит» (cynically manipulative elites). По первой из них, которая частично дополняет примордиалистскую «теорию парового котла», антинациональные коммунистические режимы безжалостно подавили или заморозили национальные идентичности и конфликты, глубоко укоренившиеся в истории региона. С падением коммунизма они возобновились – история продолжила свое развитие там, где его прервали. В противовес этой «теории», тезис о манипулирующих элитах утверждает, что национализм подогревается беспринципными политическими элитами ради собственной выгоды.

Пятое ошибочное представление Брубейкер характеризует как «группизм, или тезис о социальной онтологии групп и наций» (groupism – realism of the group). Согласно этому представлению, основанному на «групповой» социальной онтологии, нации и этнические группы считаются реальными сущностями, действующими, существующими во времени коллективами с четко очерченными границами. В заключение Брубейкер критически рассматривает «манихейский» подход, утверждающий, что существуют два типа национализма: хороший (гражданский) и плохой (этнический), а также «ориенталистскую концепцию восточноевропейского национализма» (Manichean view that there are two kinds of nationalism, the Orientalist conception of east European nationalism). Из шести вышеприведенных заблуждений о национализме в теориях о распаде Югославии, о которых пойдет речь далее, можно распознать все, кроме первого, или по крайней мере обнаружить ключевые элементы в различных комбинациях (тезис о паровом котле, тезис о возвращении подавленного, тезис о манипулирующих элитах, реальность групп, манихейская теория о двух видах национализма). В тексте данной статьи будут упомянуты мифы и заблуждения, которым Брубейкер не придал значения как из-за иной направленности критического исследования, так и из-за различий в систематизации примеров.

Во второй части эссе предлагаются реляционные рамки для понимания конфликта в бывшей Югославии. Этими рамками, которые, как мне кажется, дают необходимую корректировку приведенным «мифам и заблуждениям», я также обязан Брубейкеру. Речь идет об анализе «положения наций и национального вопроса в Новой Европе». Брубейкер отбрасывает абстрактное, стерильное и пристрастное различие «хороших» и «плохих» национализмов и анализирует их конкретные формы, которые развиваются параллельно с процессами распада государств и политической и экономической транзицией в Центральной и Восточной Европе. В процессах национализирующей реконфигурации политического пространства в регионе национальный вопрос возникает снова, принимая новые формы. Сосредоточиваясь на «действительно существующих национализмах» этого особого региона, Брубейкер отмечает одновременное усиление трех типов национализма и указывает на факт их тесной взаимосвязи в «единый реляционный узел» (single relational nexus). Речь идет о «национализирующем национализме» государств, уже обретших независимость или находящихся на пути ее обретения, прямо противоположном «национализму внешней исторической родины», с которой граничат отделившиеся государства, и «национализму национальных меньшинств». Последнему из трех видов непосредственно угрожает «национализирующий национализм», а «национализм исторической родины» покровительствует. Основными характеристиками созданного таким образом узла взаимодействия являются: 1) исключительная взаимозависимость отношений внутри и между национализмами; 2) реактивный и интерактивный характер триад отношений между национализмами; 3) посреднический характер реактивной взаимоотноимости, факт, что взаимное занимание позиций опосредовано представлениями о позициях во внешнем поле, которые сами могут быть опосредованы уже занятыми позициями внутри поля.

Рай для рассказов об аде – к списку мифов и заблуждений о крушении СФРЮ

А теперь вернемся к наиболее распространенным нарративным теориям о распаде Югославии. При их внимательном изучении становится ясно, что большинство мифов и заблуждений, которые они содержат, проистекает из заблуждения культурного детерминизма, кроме того, в них в достаточной

мере присутствуют заблуждения механицистского общественно-экономического детерминизма, а также заблуждения структуральные, эссенциалистические, манипулятивные и заблуждения типа один исполнитель/один фактор в разных комбинациях.

К примеру, согласно широко принятой теории первого типа заблуждений, такие характеристики, как преобладание мифологического мышления над рациональным рассуждением, бесконтрольное распространение национализма, неопикуемая жестокость, по общему мнению присущая войнам на этой территории, практика «этнических чисток» и бессилие демократических процедур в искоренении авторитарных форм власти, взятые совокупно, объясняются доминантными культурными моделями региона, или по крайней мере культурными моделями, принятыми главными участниками этих процессов. Другими словами, культурно-детерминистский миф о балканском экзотизме во всех неурядицах и трагедиях в регионе обвиняет сербскую культуру (или по некоторым версиям хорватскую, и/или боснийско-мусульманскую, и/или албанскую в зависимости от этнической склонности автора), которую, предположительно, отмечают крайняя патриархальность, авторитарность, традиционализм, этнонационализм, сильная тяга к насилию, а также засилье «местечкового» или «подданнического» типа политической культуры. Между тем эта «теория» обнаруживает недостатки как в логической цепочке объяснений, так и в отношении к эмпирическому опыту. Поскольку, во-первых, с чего бы вдруг именно сербская культура (неважно, каков ее «истинный» характер) должна обладать столь безграничной властью над сербами – такой властью, что все без исключения сербы должны поступать в соответствии с ней – оправдывая таким образом культурно-детерминистские объяснения? Ведь другие культуры не властвуют так над всеми представителями того или иного народа, во всяком случае это следует из значительного количества самостоятельных вариаций в их поведении. Следовательно, в данном конкретном случае логика культурно-детерминистского «объяснения» трансформируется в чистый культурный экзотизм и *realism of the group*. Поэтому кажется мало вероятным, что культурно-детерминистская модель в состоянии истолковать заметные вариации в современном поведении самих сербов, а также очевидные перемены образцов их поведения во временной протяженности. А если сама модель не может этого сделать, почему мы должны соглашаться с какими-либо детерминистскими выводами, сделанными на основании этой модели? Затем, может ли вообще культурно-детерминистская модель способствовать лучшему пониманию многочисленных случаев схожего поведения отдельных представителей и групп, относящихся к различным культурам, в сопоставимых общественных и исторических условиях?

Общая культурно-детерминистская модель далее развивается в балканизирующем мифе исторической периферийности/мифологического менталитета основных участников югославской трагедии. Сербь, наиболее частые объекты этой теории, или «небесный народ», как они сами себя называют (это особенно подчеркивается), считаются выходцами из XIX века, если не из средневековья. Они плотно оплетены сетью исторических мифов, которую сами сплели, поэтому не в состоянии встретиться лицом к лицу с реальностью постисторического мира, который все ускоряется. Этот народ ограничен циклической, круговой, внеисторической, замкнутой концепцией времени, принципиально отличающейся от западной, линейной, эволюционирующей, реалистичной и разомкнутой. Именно поэтому у них невообразимое количество годовщин, юбилеев и памятных дней, они скованы ритуализированными формами поведения, являющимися для них единственно

приемлемой связью с действительностью. В сущности этим ритуализмом они вписывают свой исторический горизонт в вечно обновляемый круг. Все еще веря, что их земля там, где покоится прах их предков и где разбросаны их исторические памятники, они продолжают сражаться в давно проигранных битвах, предпочитая небесную славу последовательному соблюдению прав человека и процветанию страны. Более того, они исповедуют обсессивную приверженность таким идеям, как индивидуальная жертва, коллективное имущество, абсолютная истина и Господня справедливость, которые в цивилизованном мире давно релятивизированы и развенчаны. Не ощущая глобальных потоков, эти создания обречены на единственный доступный им способ существования – исторический мистицизм, иррациональность, коллективизм и насилие. Однако, как и большинство эссенциализирующих дуалистических моделей, эта теория назидательно делит реальность на два сегмента (дикие Они и цивилизованные Мы), подразумевая при этом, что любой представитель этих сегментов идентичен всем остальным представителям. Затем в рассматриваемой теории произвольно выстраиваются представления о сути двух совершенно особенных реальностей – универсум замкнутого циклического времени относительно универсума разомкнутого линейного времени. Наконец, эти конструкты используются для истолкования различий, которые, как предполагается, существуют между двумя диаметрально противоположными и обособленными, а изнутри гомогенными реальностями (история обусловила и спиралевидную эволюцию человеческого рода: вечное повторение в противовес трансисторическому способу существования).

Следующий, весьма популярный подвид теории культурного детерминизма представлен мифом об эксклюзивной балканской склонности к brutальным актам, особенно очевидно проступающем в радикальном противопоставлении и театрализации предполагаемой глубоко укоренившейся склонности сербов к насилию. Имеющиеся трагические доказательства, поражающие и отталкивающие, в рамках данного подхода сознательно преувеличиваются (игра с количеством жертв), подаются весьма избирательно (игра с неслыханными ужасами) и намеренно неправильно истолковываются (игра с понятиями «геноцид» и «холокост»), мистификация «теории» этнической чистки). Когда таким образом был создан решительно не европейский образ «свирипых балканцев», это морально отвратительное творение следовало доходчиво объяснить. Собственно, как можно было ожидать, вновь во всем обвинили культуру. Насилие в рамках семейной задруги, крайняя авторитарность патриархального отца, пренебрежительное отношение к женщине как выражение патриархальной культуры, убеждение, что женщина является собственностью мужчины, унижительная символика насильственной пенетрации, «менталитет горцев», продиктованные законом стереотипы. Ситуация сравнима с подобными ей в других вариантах культурно-детерминистской гипотезы (миф об исторической периферийности, миф об укоренившейся склонности сербов к насилию, миф о вечной сербской кровной мести, гусельная музыка и пение эпических народных песен, изобилующих brutальными сценами, мотивы «геноцида» в национальной литературе, вдохновленной фольклором, и другие примеры культурной экзотики приводятся вместо объяснения, будто все учинявшие бесчинства и вправду «спустились с гор», жили в задругах, пассивно усвоили все черты патриархальной культуры, вдумчиво читали Негоша, особо останавливаясь на идее «истребления» иноверцев, и были невосприимчивы ко множеству других культурных моделей. Намеренно игнорируется факт, что склонность к насилию зависит от политической мобилизации и отношения к историческому контексту в той же мере, что и от

культурных факторов. Обходятся вниманием многочисленные достаточно нелицеприятные примеры из новейшей истории Европы и Америки, прямо противоречащие культурно-детерминистской логике объяснения склонности к войнам и насилию. Другими словами, представлена еще одна версия эссенциализирующей дуалистической модели, согласно которой преступления совершают только представители той или иной экзотической культуры, варвары, совершенно чуждые европейским цивилизационным стандартам. Так был найден очень удобный способ отгородиться от неприятных размышлений о нитях, связующих интересы и поступки западной политики с преступниками, сеющими зло на Востоке.

В результате комбинирования многочисленных разновидностей предыдущих заблуждений выведена еще одна весьма распространенная культурно-детерминистская «трактовка» югославского конфликта: миф о вечном сербском агрессоре. И опять в этой по сути манихейской и расистской теории основными действующими лицами являются грязные, неотесанные, нецивилизованные, кровожадные, гегемонистские, коллективистские, коммунистические, националистические и фашистские сербы. От склонных к психоанализу поборников этого мифа можно узнать, что сербская жертвенность вымышленна и вывернута наизнанку. Придумав это, сербы удовлетворили болезненную амбицию считать себя жертвами исторического процесса: амбицию, которая им в сущности обеспечивает алиби за садистские эксцессы, имевшие место на протяжении всей их истории. С другой стороны, вывернув все по своему почину, сербы пытаются скрыть и от себя и от других неприятную истину о себе: истину о своей многовековой агрессии по отношению к миролюбивым соседям. Таким образом получается, что предполагаемая и «подтвержденная» с помощью крайне избирательного подхода к истории и сомнительного анализа глубин сербской души глубинная склонность сербов к жестокости может объяснить причину недавних войн, а также сопровождавших их зверств и кошмаров. Как и много раз прежде, мегаломанское увлечение «великой Сербией» как идеей, воплощающей их культурно детерминированную, почти расовую жажду насилия и покорения других, заставляло сербов блуждать на танках по некогда процветавшей и богатой стране, которую еще до их военных орудий и гусениц сделали несчастной их политическое доминирование и экономическая эксплуатация. В очередной раз исторические трагедии истолкованы как результат механического нагромождения деяний одного радикального Зла, воплощенного в радикально противопоставленном другом.

Несколько менее балканизирующую версию изложенных теорий предлагает теория неудавшейся модернизации. Она заменяет культурно-детерминистское заблуждение социально-экономическим детерминизмом. В таком ракурсе несомненный, отсталый «потенциал» разных элементов традиционной культуры (ценности, позиции, манеры поведения) укрепляется произвольными последствиями неудачной коммунистической модели модернизации (неполное образование, процесс «рурбанизации», коррупция и nepотизм, фиктивная занятость, экономический кризис, распад системы ценностей, политический патримонизм...). Когда «рурбанистические» массы, с молниеносной быстротой вновь традиционализирующиеся «благодаря» неудавшемуся проекту модернизации, вновь вынуждены столкнуться с неизвестностью и рисками в период экономической и политической транзycji, а также с тяжелым грузом индивидуальной ответственности, которой требует зрелая современность и наступающая постмодернистская эпоха, они ужасаются и пытаются найти убежище «в бегстве в прошлое», в отсталых коллективистских идеологиях, таких как

национализм. Используя впечатляющую замкнутую в круг аргументацию, эта теория пытается объяснить предполагаемые архаичность и трибализм недавних конфликтов бегством их зачинщиков от современности в результате неудавшейся модернизации.

Еще одно ошибочное представление, которое на сей раз объединяет структуральные и эссенциалистские заблуждения, можно было бы назвать теорией откинутой крышки или теорией испорченной морозильной камеры. Эта теория в попытке объяснить расцвет национализма в 1980–1990-е гг. утверждает, что после того как события 1989 г. откинули железную крышку коммунистической скороварки (или: после того, как коммунистическая репрессивная морозильная камера не смогла больше замораживать существующую этническую ненависть), подавленные, но отнюдь не угасшие воспоминания о прошлых конфликтах вкупе с питавшей их этнической ненавистью вновь вырываются наружу и достигают «естественного» докоммунистического накала – опять разгораются конфликты и войны, как это случалось и ранее. После короткой передышки злой рок вновь распростер свою длань над этой несчастной территорией, пуская ток несчастной истории по ее обычному несчастному руслу. К сожалению, «теория» скрепляет воедино опасное заблуждение о существовании региона, где клочкотание этнической ненависти и буйство национализма – обычное состояние, и ошибочное истолкование природы коммунистических режимов и их национальных политик. Теория откинутой крышки не только ошибочно трактует причины, в силу которых снизилась интенсивность межэтнических конфликтов в предыдущий период, но и, что гораздо важнее, искажает представления о парадоксальных результатах коммунистической национальной политики, о модели федерализма и конституционных реформах 1974 г., о реляционной логике назревшего «нарыва» в период транзиции, а также о прямых и косвенных последствиях политики западноевропейских держав относительно югославского кризиса. Иначе говоря, теория намеренно или ненамеренно обходит важнейшие факторы, приведшие к новому усилению национализма и придавшие распаду СФРЮ насильственный характер.

Популярное и широко распространенное ошибочное представление, вносящее оттенок парадокса в хитросплетение мифов и предрассудков, противореча как «теории откинутой крышки», так и различным вариантам теории культурного детерминизма, – это теория манипулирующей элиты. Согласно этой точке зрения непрерывные медийные манипуляции и другие злонамеренные махинации локальных макиавеллиевских политических лидеров распалют тупые массы бывших югославских республик (особенно Сербии), разжигая в них нетерпимость и лютую злобу, сталкивают их друг с другом на поле боя, толкают на преступления и сводят в могилу. Между тем, упуская из виду существование реальных обстоятельств, могущих подстрекать проявление эмоций, теория не объясняет истинную суть предрасположенности масс к манипулированию со стороны элит. В этом смысле «теорию» можно считать особой, интракультурной вариацией более общей интеркультурной эссенциализирующей дуалистической теории (плохая элита – пассивные массы). Еще один вид эссенциалистского мифа можно обнаружить в теориях о восточноевропейском и балканском этническом национализме. Западный гражданский (цивилизованный) тип национализма, обычно иллюстрируемый французским и американским примером и преподносимый как легитимный и правильный в силу его предполагаемой формальной и индивидуальной природы, противопоставлен в этих теориях примитивному, жестокому, расистскому, культуралистскому, ксенофобскому, авторитарному, традиционалистскому и насильственному восточноевропейскому

этнонационализму. Манихейская дихотомия обращена в надежное средство идеологической игры в балканизацию нежеланных других. Так каждый может истолковывать свой национализм (или национализм своих союзников) как хороший, цивилизованный и приемлемый только по причине его отнесенности к типу гражданского. Для дискредитации национализма других народов как плохого и насильственного достаточно заклеить его как этнический. Но, собственно говоря, на каком основании проведена столь четкая градация между гражданским и этнокультурным национализмом, чем принципиально они отличаются друг от друга, если и тот и другой подразумевают идею обособленной культуры, свойственной представителям одной популяции? Ибо что совершает француз (или американец) по отношению к другому француз (или американцу), если не добровольное принятие (а в отдельных случаях и институциональное навязывание) исторически сложившейся культуры как своей собственной, что по сути происходит и в среде представителей далеких балканских этносов? Даже если бы радикальное разграничение мистики территории и права гражданина, мистики крови и своей земли имело аналитический смысл, гораздо важнее факт, что обе эти мистики вызывают чувство гордости и уважения у носителей, а кроме того, являются исторически сложившимися формами культурного капитала, которые можно с легкостью политически инструментализировать. Следовательно, манихейская теория заставляет нас поверить, что схожие варианты культурного капитала в случае гражданского национализма имеют результатом положительный тип открытого цивилизованного общества, в случае же этнического национализма – порождают закрытые сообщества, коллективизм, отсутствие толерантности, ненависть, а тем самым и насилие, невзирая на политические цели, которые приводят этот капитал в движение. Сообразно этой «теории», если мы убеждены, что сербы легко вспыхивают ненавистью и прибегают к насилию, то это, по всей видимости, потому, что они принадлежат к этносу, насквозь пропитанному вредоносной и насильственной идеологией этнонационализма. По крайней мере именно так истолковала бы данную проблему эта описывающая замкнутый круг версия дуалистического эссенциализма.

Наконец, миф об извечном сербском агрессоре после включения в его состав определенного числа тропов из теории этнического национализма вновь предстает во внешне приемлемом обрамлении, но с неизменным манихейским содержанием как двусоставная конфликтная модель распада Югославии. Модель описывает упомянутый конфликт как отношения между активной стороной (агрессором) и пассивной (жертвой). Такой ракурс рассмотрения предлагает портрет сербов-этнонационалистов, которые во второй половине 1980-х гг. борются за новую централизацию Югославии, что вернуло бы им страстно желаемую позицию гегемона. Благонамеренные республики Словения, Хорватия, а позднее Босния и Герцеговина, в ответ на такие планы стали бороться за независимость. И хотя в их государствах на пути к самостоятельности зарождается процесс национализации, их национализм оборонительного и гражданского толка, и поэтому совершенно легитимен. Теория далее сообщает нам, что сербы, взбешенные потерей шанса на национальное доминирование и экономическую эксплуатацию, в начале 1990-х гг. предпринимают захват территорий уже признанных добропорядочных государств в бесплодной надежде основать «великую Сербию», ждущую на этнонационалистическом идеале: один этнос – одно государство. Разумеется, добродетельные и неустрашимые государства приняли решение противостоять этим пагубным поползновениям, столь разительно отличающимся от их собственных благородных и цивилизованных целей, но совершить

это им приходится страшной ценой невинных страданий от рук беспощадных сербских агрессоров.

Радован Караджич, лидер боснийских сербов

Хотя в вышеприведенных нарративных теориях содержится обширный диапазон тем, представляющих значительный эвристический интерес, они предлагают слишком упрощенный портрет главных протагонистов и неподобающим образом изображают как структурные части, так и элементы, более подверженные действию случайности, в совокупности составляющие контекст, в котором развивались описываемые теориями события. Далее, намеренно исключив из логической цепочки рассуждений мотивы и интересы, о которых заявляли сами главные действующие лица, и отрицая любую связь между ними и реальными событиями, данные теории обрисовывают образ иррациональных садистов и пассивных мазохистов, которые в равной степени неспособны к действию – как осмысленному, так и целенаправленному. Отрицая контекстуальные факторы, авторы этих теорий отмечают то единственное, что в состоянии дать объяснение, почему те или иные исторические и культурные элементы могли использоваться настолько эффективно в интересующий нас трагический период, а тем самым почему конфликты приобрели именно тот характер, который имели. Наконец, опираясь на строгий детерминизм один фактор – один участник, эти нарративные теории недооценивают реляционный аспект и интерактивную динамику, которые характеризуют процесс распада многонациональных держав в контексте ускоренной глобализации.

От библейских сказаний – к реляционным и интерактивным рамкам трактовки конфликтов

Как можно освободиться от однобокости вышеприведенных нарративных теорий, сохранив их эвристический потенциал? Один из вариантов – реляционные и интерактивные рамки анализа.

Основные положения в этой области разработал Роджерс Брубейкер в книге, посвященной национализму и национальному вопросу в «новой Европе». В данном разделе исследуются некоторые импликации реляционного и интерактивного аспекта исследования, а также указывается на ряд новых элементов, которые необходимо включить, дабы наиболее полно раскрыть возможности его использования.

Как уже упоминалось во введении, еще до распада Югославии между основными действующими лицами установилось несколько «реляционных узлов» (relational nexuses), в пределах которых все сильнее сталкивались различные национализмы. Самый характерный, и, как оказалось, и самый злокачественный реляционный узел образовала триада, которая в условиях распада государства включала взрывоопасное динамичное взаимодействие сформировавшегося национального меньшинства (incipient national minority – например, сербы в Хорватии), национализирующегося государства в начальной стадии конституирования (incipient nationalizing state – например, Хорватия) и сформированной внешней исторической родины (incipient external national homeland – например, Сербия). Однажды установленные, эти триады отношений непрерывно создают реальные условия для взаимных подозрений, взаимных испытаний и взаимного ошибочного представления. В атмосфере инициированного политически возрастающего недоверия и страха происходящие время от времени стычки становятся все жестче. Одно за другим следуют убийства.

Интенсифицирующаяся спираль недоверия, страха и ненависти, в высшей степени инструментализированная, однако не до конца созданная лишь медийными манипуляциями, приводит в движение отдельные тщательно подобранные механизмы имеющегося исторического и культурного «капитала» регионов, сосредотачиваясь на злодеяниях других и демонстрации себя как

жертвы. Исходные взаимные разногласия и недоверие перерастают в конце концов (не без участия сторонних политических сил) в грязную войну, подтверждая самые мрачные прогнозы. Боснийский конфликт характеризует еще более запутанная реляционная динамика, чем взаимоотношения между Хорватией, хорватскими сербами и Сербией. Формирующееся государство (incipient state – Босния и Герцеговина) было с самого начала фрагментировано, поэтому даже после признания мировым сообществом мусульманское большинство не могло добиться полного национального конституирования. Так боснийские мусульмане обрели не вполне конституированное государство, под давлением американцев трансформировавшееся в мусульманско-хорватскую федерацию, чтобы опять-таки под влиянием внешних сил на ее территории развилось нестабильное мультинациональное государственное образование, одновременно являющееся и внешней родиной (external homeland) для мусульманских меньшинств сербских и хорватских территорий. Внутренний конфликт между Сараево и мусульманским анклавом в районе г. Велика Кладуша (под контролем Фикрета Абдича, известного как «атаман Бабо»), в который были вовлечены значительные сараевские силы, сделал положение мусульман еще более шатким, если не парадоксальным. Кроме того, возникло три национальных меньшинства вместо одного (incipient national minorities – боснийские сербы, боснийские хорваты, а также мусульманские меньшинства на территории боснийских сербов и боснийских хорватов). Что же касается внешней родины (incipient external national homeland), то в данном случае их было две внешних (Сербия и Хорватия), упомянутая внутренняя полуродина (боснийская территория до образования федерации Боснии и Герцеговины, выполнявшая роль полуродины для мусульманских меньшинств на сербских и хорватских территориях), а также две квазиродины (сербские и хорватские территории, или энтитеты, в Боснии, являвшиеся родиной для сербских и хорватских меньшинств на мусульманских территориях). При этом все пять так называемых homelands (две внешних и три внутренних) боролись между собой в составе изменявшихся коалиций.

Наконец, реляционная сеть, которая столкнула национализмы сербов и косовских албанцев, была гораздо сложнее основной триадной модели, предложенной Брубейкером (incipient nationalizing state – incipient national minority – incipient external national homeland). А именно, в событиях вокруг Косово речь шла о государстве (усеченной Сербии), которое стало полувнешней родиной для части своей собственной территории (Косова и Метохии). Представители доминантной нации были обращены в национальное меньшинство в пределах собственного государства (косовские сербы), а стремительно национализирующееся меньшинство заняло место регионального большинства с претензиями на создание национального государства (косовские албанцы). Реляционный узел включал еще одну внешнюю историческую родину с ирредентистскими устремлениями (Албания). Полевой командир Ратко Младич

Между тем нарративные теории, описанные в предыдущем разделе, не только неправильно истолковывали реляционную структуру, присущую конфликту на локальном, экс-югославском уровне, они не придали значения важному, если не важнейшему, факту взаимосвязи существующих уровней перцепции и акции, начиная с локального и заканчивая глобальным. Напротив, по всей видимости, представленные нарративные теории стремились вписать анализируемые события в реляционные и интерактивные рамки исследования, превосходящие как контекст бывшей Югославии, так и синхронный временной аспект. Поэтому можно сказать, что каждое отдельное

событие и тема трактовались (а каждый вывод формулировался) после рассмотрения внутри них полного реляционного контекста: горизонтального локально-локального, вертикального локально-глобального и диахронического.

В отличие от приведенных мифов и ошибочных представлений синхронную и взаимосвязанную природу локально-локальных и локально-глобальных реляционных связей за две последние декады югославского кризиса можно обрисовать (весьма схематично) в следующих чертах. В атмосфере крушения политического и государственного порядка, а также нарастающего экономического кризиса в начале 1980-х гг., усиливавшего ощущение напряженности, решение албанской политической элиты в Косово упорно и настойчиво идти к обретению независимости и продолжать «выдавливание» сербского меньшинства даже после неудавшегося восстания в марте 1981 г. (I реляционный уровень) постепенно привело к национализации прежде всего сербской интеллектуальной элиты, а затем общественности в целом, что в конце концов обеспечило Милошевичу восхождение к вершинам власти. Встав во главе государства после партийного путча, ему удалось с помощью популистских ритуалов направить партийно-государственный аппарат в сторону нового определения конституционных положений, касающихся статуса автономных краев внутри Сербии (II уровень). На какое-то время эти меры обеспечили Милошевичу массовую поддержку, необходимую для удержания власти в критической фазе агонии социализма. Развитие ситуации повергло в отчаяние становившихся все нетерпимее косовских албанцев, которые в первой половине 1989 г. организовали несколько неудачных мятежей, еще более накалив отношения с сербами, а также между Сербией и другими республиками. Установление контроля над автономными краями значительно упрочило положение Сербии в федерации (III уровень), разжигая политические аппетиты Милошевича, что в свою очередь побудило политические элиты других республик еще решительнее добиваться полной независимости (II уровень). Угроза из Белграда послужила Словении и Хорватии подходящим алиби для их экономической и националистической политики сепаратизма. Белград твердо противостоял подобным притязаниям, поскольку они могли ухудшить положение сербских меньшинств в сепаратистских республиках и угрожали интересам партийной бюрократии, офицерского корпуса Югославской народной армии, а также политическим амбициям самого Милошевича. Очевидная национализация хорватского государства на стадии его конституирования и растущая нетерпимость по отношению к сербскому меньшинству, особенно после провозглашения независимости, разбудили среди сербов в Хорватии исторические страхи и воспоминания, а также спровоцировали их усиленную национальную мобилизацию (особенно в регионах, граничащих с Сербией). Чтобы стабилизировать свое шаткое положение после одностороннего провозглашения независимости Словенией и Хорватией, Милошевич бессовестно раздувал ожившие страхи и историческую память сербского меньшинства, чтобы впоследствии эти чувства заставили сербов решительно бороться за свою полную самостоятельность (I уровень), давая тем самым взбешенному хорватскому режиму повод для вооруженного конфликта, в котором хорваты ожидали и надеялись на помощь со стороны. Этот конфликт подразумевал участие ЮНА, уже униженной и опозоренной во время короткой войны в Словении, в результате чего она попала в еще большую зависимость от Милошевича. Так были созданы условия для широкомасштабных военных действий. В течение всего периода историческая память и мифы, сосредоточенные на преступлениях злонамеренного другого и на страданиях собственной группы, представленной как

невинная жертва, обеспечивали неугасаемую эмоциональную поддержку самопровозглашенным спасителям противоборствующих наций и подстрекали растущую нетерпимость по отношению к другим. Углубление военного конфликта вызвало угрозу Германии об унилатеральном признании новоявленных государств (IV уровень) и как следствие ускорило их признание странами Европейского союза (V уровень). Эти меры весьма неубедительно пытались преподнести как высокоморальную попытку превентивных мероприятий, но в сущности они лишь усугубили трагическое развитие ситуации, поощряя хорватов в проведении их националистической политики и обозлив и оттолкнув сербов в Хорватии и сам сербский режим. Вместо того чтобы прекратиться, конфликт обострился и распространился на Боснию, чьи сепаратистские амбиции поддерживали Соединенные Штаты. К сожалению, боснийская реляционная сеть оказалась еще запутаннее, что многократно усилило трагизм исходной войны. Еще до того как конфликт в Боснии вспыхнул в полной мере вследствие проблематичности решения о сецессии и непримиримости сербской позиции, растущий уровень насилия в Хорватии ввел в игру ООН (VII уровень), в то время как открытое соперничество между Германией, ЕС и США вынуждало остающуюся суперсилу принять на себя решающую роль при принятии решений (VI уровень). Подобные тенденции, усиленные во время боснийской войны, по сути необъявленной войны против Югославии за Косово, пробудили геополитические рефлексии России (IV уровень), окончательно преобразив локальный конфликт в глобальную проблему. Таким образом взаимопротиворечащие попытки разрешения проблемы локальной автономии (I реляционный уровень) в одной из отсталых республик (II уровень) социалистического государства, агонизировавшего где-то на периферии Европы, стали причиной крушения хрупкой федеральной структуры (III уровень), вылившегося в кровавый коллапс государства. Поскольку насильственный и заразный процесс вовлекал все большее число участников в расширяющиеся контексты принятия политических решений (IV–VII уровни), и поскольку роли участников на каждом уровне возрастали, эскалация югославского конфликта дошла до точки, на которой он стал одним из величайших мировых кризисов века (VII уровень). Другими словами, реляционное поле локального конфликта перенесено на глобальный уровень (с I на VII уровень). При перенесении реляционного поля на новые уровни включаются новые темы и интерпретации событий, а некоторые старые упускаются. Так, оказались до предела маргинализированы два основных пласта различных версий сербской трактовки природы конфликта – широкая и частично мифологизированная историко-националистическая контекстуализация, а также жесткий, но в своей основе оборонительный легалистский подход.

Слободан Милошевич и Воислав Шешель

В связи с переменами, последовавшими в геополитических и геостратегических конstellляциях после окончания холодной войны, мировое сообщество в качестве победившей стороны переформулировало югославский конфликт сообразно своим новым интересам как случай, где было необходимо отдать предпочтение индивидуальным правам человека, а также правам на национальное самоопределение перед принципом суверенитета признанного международно государства. Такая трактовка, применявшаяся на глобальном уровне (VII уровень) стала отправной точкой рассмотрения событий на нижних уровнях, за исключением сербского режима и небольшого количества аналитиков из западных и других европейских государств, полагавших, что правовой прецедент, созданный «мировым сообществом», можно считать грубым нарушением действующих

международных законов. Если вернуться на локальный уровень, то мы увидим, что косовские албанцы восприняли эти интерпретации и практические меры, предпринятые мировым сообществом против сербов из-за конфликта в Хорватии, а особенно из-за конфликта в Боснии, как призыв к еще более решительным действиям в осуществлении намеченной цели (I уровень). Эти интерпретации маргинализировали более умеренную, но все же сецессионистскую стратегию Ибрагима Руговы и способствовали нарастанию террористической деятельности до ее кульминации в 1998 г., что в свою очередь вызвало ответные акции сербской стороны (II уровень). Вслед за этими акциями в события вновь вступают США (VI уровень), ЕС (V уровень) и все менее самостоятельная в своих действиях ООН (VII уровень). Кампания, развернувшаяся в средствах массовой информации после одной из таких акций, при неясных обстоятельствах послужила поводом для срыва переговоров в Рамбуйе (по всей видимости, запланированного) и развязывания необъявленной войны НАТО против Югославии со всеми кошмарами, которые ее сопровождали. Вследствие односторонних решений НАТО отношения Запада с Россией (IV уровень) стали натянутыми, как во времена холодной войны. Парадоксальным образом политика режима Милошевича совместно с действиями мирового сообщества трансформировала троянского коня Запада внутри социалистического блока в потенциального троянского коня России на германизированных и американизированных Балканах. На тот момент еще нерешенные вопросы региональной автономии в распадающейся республике уже распавшейся федерации, серьезно усугубленные решениями, принятыми на глобальном уровне, вновь привели к локальной трагедии и кризису на глобальном уровне.

Однако референциальные контексты возникали не только на горизонтальной оси, а также от локального до глобального уровня, но и на оси временной, еще более усложняя интерпретации. Когда Германия пригрозила в одностороннем порядке признать Словению и Хорватию, сербские средства массовой информации истолковали это как реставрацию «исторической коалиции геноцида». С другой стороны, когда Великобритания и Франция решили поддержать Германию, это было воспринято как «шокирующее предательство со стороны недавних исторических союзников», совместно с которыми сербы боролись против немцев во времена двух мировых войн. Тем самым интерпретации событий, последствий и намерений на синхронном срезе, а также их дополнительные трактовки в исторической логике стали составной частью интерактивной динамики локального конфликта, перешедшего в глобальный. Для некоторых участников развернувшейся драмы еще показательнее были исторические темы, не касавшиеся «косовского узла» (с соответствующей, хорошо разработанной историко-мифологической и религиозной символикой) и сербско-хорватских отношений (с потревоженными и нагло инструментализированными воспоминаниями о хорватском геноциде сербов и других народов во время Второй мировой войны). Многочисленные примеры свидетельствуют, что ни западные политики, ни журналисты, ни даже специалисты не остались равнодушными к чарам квазиисторической риторики. Подмена понятий, таких как «геноцид» и «холокост», а также отождествление современной Сербии с нацистской Германией – только некоторые из примеров подобной западной риторики, которой сербские СМИ нисколько не чурались.

Наконец, в 1990-е гг. и в самой Сербии референциальный контекст стал значительно сложнее по сравнению с 1980-ми гг. Когда Милошевич против собственной воли ввел многопартийную систему (1990) под давлением распада коммунистических режимов в Восточной Европе, наступила краткая

эйфория, в которой перспективы полной демократизации страны были весьма существенны. Между тем отношения между бывшими югославскими республиками накалились до предела, поэтому вопросы экономических, политических и общественных реформ были отодвинуты в сторону для «оживления внутренней политики» Сербии. Нарастание политической фрагментации общественного мнения, сопровождаемое его радикализацией, сократило шансы на какую бы то ни было форму консенсуса, даже национального.

Другими словами, политические разногласия по ключевым проблемам того периода преобразовались в квазиэтнические и квазинациональные различия, и их от «нас», разнящихся в политических взглядах, отмежевали как сторонников «их». Дошло до кристаллизации «двух Сербий», каждая из которых определяла свои символические границы приблизительно так же, как это делают «истинные» этнические группы. «Автохтонная», «аутентичная», «историческая», «патриотическая» и «национальная», а временами «небесная», «православная» Сербия столкнулась с «антинациональной», «пацифистской», «современной», «европейской», «космополитичной», «гражданской» и «либеральной» Сербией. Сербь-«патриоты» обвиняли сербов-«граждан» в «подлом предательстве», когда, по их мнению, «будущему нации угрожало их хорошо скрываемое несербское происхождение» или «глубокий кризис идентичности». На это «европейские» сербы отвечали, что «националистическое безумие», которое распространяют их оппоненты, является порождением их «горского», «периферийного», «гусярского», «деревенского» примитивного менталитета. Сербь-«патриоты» решительно отстаивали ведущиеся военные операции, так как, по их мнению, они являлись праведным отпором замыслам врагов нации о геноциде, и приводили все новые и новые доказательства злодеяний, совершенных против сербов и их культурно-духовного наследия в Хорватии, Боснии и Косово. «Другая Сербия», напротив, полагала, что хорваты, мусульмане или албанцы должны сами разбираться в своих злодеяниях, и недвусмысленно обвиняла сербскую сторону в преступлениях, совершенных ею. «Другая Сербия» непрестанно критиковала сербский режим, требовала, чтобы он понес ответственность за политику, приведшую к гибели невинных мирных жителей, и направляла делегации для выражения своего стыда, сочувствия и соболезнования по поводу гибели граждан в Хорватии и Боснии. Так любая квазиэтническая политико-идеологическая группа внутри формально единой нации стала «радикально противоположной» другой группе.

Этот ненамеренный самоироничный сербский вклад в балканские войны взаимобалканизирующихся антагонизмов дополнительно усложнили политические противоречия, как, например, разделение «за» и «против» Милошевича (которое, кстати, не полностью совпадало с разделением на «две Сербии»), а также глубокие дилеммы выбора идентичности между сербством и югославянством, монархизмом и республиканизмом, православной и мировой культурой, Востоком и Западом, социализмом и либеральным капитализмом. Непрерывные коллизии вокруг вопросов, которые и сформировали «две Сербии», их периодическое обострение вследствие возникновения новых тем периодически вызывали кристаллизацию альтернативных форм представлений о Сербии внутри обеих «Сербий», а также их включение в общую реляционную сеть конфликтов.

Итак, позиции по отношению к Милошевичу и его режиму, а также к важным событиям и проблемам внутри сербского контекста в значительной мере, а в отдельных случаях и решающим образом влияли на трактовку и позиции по отношению к региональным и глобальным аспектам югославского

кризиса. В этом смысле решение относительно каждого отдельного мероприятия или реакции правящей и оппозиционных политических партий, различных неправительственных организаций и общественных групп и персон принималось на основании развития ситуации в региональном и глобальном реляционном контексте, а также на основании конфликтных реляционных полей в локальном контексте. Каждый участник определял уровень, которому он отдает предпочтение при принятии решения, основываясь на собственном понимании приоритета политических импликаций, но ни один из них не избежал соотнесения с каждым реляционным уровнем.

Сербские беженцы из Хорватии. 1995 год

Заключение

Реляционный и интерактивный подход, в самых общих чертах изложенный выше, в отличие от указанных мифов и заблуждений не претендует на отображение «подлинной картины действительности», равно как и не ставит своей целью утвердить всеобъемлющую теорию национализма на территории бывшей Югославии. Его устремления менее претенциозны и имеют два направления. Напоминая о сложной взаимозависимости противоборствующих концепций действительности внутри узла установившихся взаимоотношений и об их неразрывной связи с общим глобальным и диахроническим контекстом, реляционный подход может помочь преодолеть мифы и однобокость при объяснении природы будущих конфликтов. В то же время этот подход предлагает метод детального исследования роли структурных причин и непредвиденных исходов, а также намеренных и непроизвольных последствий общественной и политической деятельности в ходе трагического крушения Югославии.

Литература:

Alterman, Eric (1999), «Untangling Balkan Knots of Myth and Countermyth», *The New York Times*, July 31.

Anzulovi?, Branimir (1999), *Heavenly Serbia: From Myth to Genocide*, Hurst & Company, London.

Bennett, Christopher (1995), *Yugoslavia's Bloody Collapse*, Hurst & Company, London. (1999), «Comment: Serbia's War With History», *Institute of War and Peace Reporting* (Published on April 19, 1999).

Богдановић, Мира (1994), «Модернизацијски процеси у Србији у XX веку», в Србија у модернизацијским процесима XX века, Институт за новију историју Србије, Београд, 35–58.

Brubaker, Rogers (1996), *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*, Cambridge University Press, Cambridge.

Brubaker, Rogers (1998), «Myths and Misconceptions in the Study of Nationalism», Hall, John A. ed., *The State Nation. Ernest Gellner and the Theory of the Nationalism*, Cambridge University Press, Cambridge, 272–306.

Cerovi?, Stojan (1999), «Comment: Serbia Seeks An Exit from History», *Institute of War and Peace Reporting* (Published on September 6, 1999).

Deni?, Bogdan (1996), *Etni?ki nacionalizam. Tragi?na smrt Jugoslavije*, Radio B92, Beograd.

Drakuli?, Slavenka (1999), «We Are All Albanians», *The Nation*, June 7.

Fisk, Robert (1999), «Taken in by the NATO line», *The Independent of London*, June 29.

Glenny, Misha (1992), *The Fall of Yugoslavia*, Penguin Books.

Голубовић, Загорка (1995), «Национализам као доминантни друштвени однос и као деспозиција

карактера», в Голубовић, Загорка, Бора Кузмановић и Мирјана Васовић, Друштвени карактер и друштвене промене у светлу националних сукобаб Институт за филозофију и друштвену теоријуб «Филип Вишњић», Београд, 133–167.

Grmek, Mirko et al., eds. (1993), *Le nettoyage ethnique: documents historiques sur une id?ologie serbe*, Fayard, Paris.

Johnstone, Diana (1999), «Holocaust Relativism. ‘Hitler’ analogies betray both past and present», *Extra!* (The Magazine of FAIR, Fairness and Accuracy in Reporting) July – August. (<http://www.eGroups.com>).

Kaplan, Robert D. (1993), *Balkan Ghosts: A Journey Through History*, St. Martin’s, New York.

Kaplan, Robert D. (1999), «Why the Balkans Demand Amorality», *The Washington Post*, 28 February.

Kaser, Karl and Joel M. Halpern (1998), «Historical Myth and the Invention of Political Folklore in Contemporary Serbia», *The Anthropology of East Europe Review*, Vol. 16, № 1, Spring, 59–68.

Maga?, Branka (1993), *The Destruction of Yugoslavia*, Verso, London and New York.

Malcolm, Noel (1994), *Bosnia, a Short History*, Macmillan, London and Basingstoke.

Malcolm, Noel (1998) *Kosovo, a Short History*, Macmillan, London and Basingstoke.

Me?trovi?, Stjepan G. (1993), *Habits of the Balkan Heart: Social Character and the Fall of Communism*, Texas A & M University, College Station.

Me?trovi?, Stjepan G. (1994), *The Balkanisation of the West: The Confluence of Postmodernism and Postcommunism*, Routledge, London and New York.

Minnich, Robert Gary (1993), «Reflections on the Violent Death of a Multi-Ethnic State: a Slovene Perspective», *The Anthropology of East Europe Review*, Vol. 11, № 1–2, Autumn, Special Issue: War among the Yugoslavs.

Перовић, Латинка (1996), «Бег од модернизације», в Попов, Небојша (прир.), Српска страна рата. Траума и катарза у историјском памћењу, Република, Београд, стр. 119–131.

Posa, Christina (1998), «Engineering Hatred: The Roots of Contemporary Serbian Nationalism», *Balkanistica* 11, 69–77.

Povrzanovi?, Maja (1993), «Ethnography of a War: Croatia 1991–92», *The Anthropology of East Europe Review*, Vol. 11, № 1, Autumn, Special Issue: War among the Yugoslavs.

Puhar, Alenka (1994), «Childhood Nightmares and Dreams of revenge», *the Journal of Psychohistory*, 22(2), Fall (<http://www.psychohistory.com>).

Слапшак, Светлана (1994), Огледи о безбрижности. Српски интелектуалци, национализам и југословенски рат, Радио В92, Београд.

Srbljanovi?, Biljana (1999), «Ojkaca Culture», *TV Entertainment Meets the Twilight Zone: A Special Media Focus Look at the Serbian TV Entertainment Industry*, Institute of War and Peace Reporting.

Stokes, Gale 1997 (1993), «The Devil’s Finger: The Disintegration of Yugoslavia», *Three Eras of Political Change in Eastern Europe*, Oxford University Press, Oxford, New York, 109–143.

Тили, Чарлс (1997), Суочавање са друштвеном променом, Филип Вишњић, Београд.

Todorova, Maria (1997), *Imaging the Balkans*, Oxford University Press, New York and Oxford.

Vickers, Miranda (1998), *Between Serb and Albanian; A History of Kosovo*, Columbia University Press, New York.

Vudvord, Suzan (1997), *Balkanska tragedija. Haos I raspad posle hladnog rata*, Filip Vi?nji?, Beograd.

Vuja?i?, Veljko Marko (1995), *Communism and Nationalism in Russia and Serbia*, PhD dissertation,

University of California at Berkeley.

Перевод Евгении Потехиной

Внутренняя политика

Дубравка Стоянович

Порочный круг сербской оппозиции

До 1990 г., согласно основным критериям, Югославия относилась к государствам реального социализма. Однако известная специфика югославского коммунизма обусловила и его специфичную «имплозию» и иное посткоммунистическое развитие. Политическая система реального социализма не была низвергнута в результате массового бунта населения, как это произошло в других странах Восточной Европы, где коммунистический режим был упразднен, а «власти» и «оппозиции» пришлось сесть за стол переговоров. В Югославии бунта не было, и создается впечатление, что ритм политических преобразований скорее задали перемены в Восточной Европе, чем глубокий экономический и общественный кризис. Эти особые обстоятельства, связанные с кризисом государства, повлияли и на положение возникавших политических партий, на их характер, тип, политические и идейные установки. Поэтому вначале необходимо обозначить хотя бы некоторые особенности, присущие политической ситуации в Сербии и Югославии в конце 1980-х гг.

Предпосылки плюрализма

I. Коммунистический режим в Сербии и Югославии укоренился глубже, чем в других странах европейского востока, и пользовался значительно большей поддержкой в обществе, чем режимы остальных периферийных государств «реального социализма». В пределы Югославии не вторгнулся «русский танк», насаждая социализм, здесь произошла аутентичная революция, которая в облике народно-освободительной борьбы вышла победителем в гражданской и мировой войне. У массовой поддержки революционных преобразований были народные корни в социально слабо стратифицированном, преимущественно аграрном обществе, которое в прекращении только что начавшихся гражданских противоречий видело возможность создания эгалитарной модели. Тем самым подтверждается тезис о том, что неразвитые общества из-за длительности промежутка между началом реформы (индустриализации, модернизации и создания правового государства) и ее первыми результатами стремятся вернуться к дореформенной общественной модели, а их радикальные элиты формулируют это как «проект ускорения истории и сокращения пути развития», на базе которого создана модель революций XX века. Идейные корни этого политического проекта уходят глубоко в историю политических идей в Сербии. Это идейное направление с непрерывной преемственностью еще со времен Светозара Марковича (1846–1875) определяло народническую концепцию революционных преобразований, задачей которых было во имя будущего выдвинуть старую модель общественного равноправия и на этом основать «новый, а по сути анахронический» порядок. Продолжительное существование этих концепций в истории политических идей в Сербии является самым убедительным доказательством их социального, политического и исторического происхождения.

II. Режим, уже рушившийся в Восточной Европе, в Сербии с 1987 г. с приходом к власти Слободана Милошевича переживает возрождение и вновь основательно утверждается. Под лозунгом «антибюрократической революции» старый режим выступил в роли нового и создал с политической точки зрения парадоксальную ситуацию: партия, правившая в течение 40 лет, ухитрилась

посредством нового, как тогда говорили, «очищенного» руководства, стать одновременно и властью, и оппозицией. Сохраняя непрерывность власти, Союз коммунистов Сербии (СКС) стремительным образом пополнил ряды оппозиции, выступив как политический противник предыдущему руководству, которое было стремительно сменено, создавая впечатление, что произошли великие перемены, высвободившие «новые силы» свежих идей. В то же время этот обновленный, укрепленный СКС станет оппозицией и в рамках Союза коммунистов Югославии, а вступив в конфликт со всеми остальными республиканскими руководствами СФРЮ, положит начало коллективному национальному объединению и абсорбирует ни много ни мало весь оппозиционный потенциал, существовавший в Сербии. Политические разногласия внутри СКЮ (завершившиеся его распадом на XIV съезде в январе 1990 г.) подтолкнули СКС к союзу с зарождающейся политической оппозицией ради совместной борьбы за сербские национальные интересы в рамках Югославии. Таким образом, власть и оппозиция оказались не противоборствующими сторонами, а единым фронтом, противостоящим интересам других югославских народов и их элит.

III. Третьим компонентом, важным для понимания отношений власти и оппозиции в Сербии, является тот факт, что коммунистический порядок там преобразился благодаря обращению к сербскому национальному вопросу, который до прихода к власти Милошевича традиционно был прерогативой оппозиционных движений. Дело в том, что в 1970–1980-е гг., за исключением немногочисленных либерально и гражданственно настроенных кругов, отпор существующему режиму в основном строился на национальной аргументации, на идее, что власть намеренно поработила собственную нацию и угрожает ее существованию, но еще большая национальная угроза (что важнее для рассматриваемой темы) исходит от других югославских народов. Таким образом, новое сербское руководство, провозгласив защиту сербства своей первой задачей, практически выхватило эту программу из рук оппозиции, лишив ее идеологической идентичности. От этого удара оппозиция не может оправиться до сих пор.

IV. Для понимания отношений власти и оппозиции важно также и то, что усиливавшийся тоталитаризм в Сербии после 1987 г. подавлял всякие ростки плюрализма, возникали ли они в других республиках или в самой Сербии. Газета «Политика» изобилует примерами жесткости, с которой сербская правящая партия пресекала любую форму альтернативной организации, включая движение за мир, антиядерное или даже феминистское.

Становление оппозиции

Под давлением оппозиции, событий в Восточной Европе и уже сложившейся многопартийной системы в других республиках власть в Сербии была вынуждена принять насущные законы, легализовать партии и назначить первые многопартийные выборы на декабрь 1990 г. Многое свидетельствует в пользу того, что это был скорее тактический ход в момент, когда власть Социалистической партии Сербии полностью контролировала государство и общество, чем действительное принятие веяний парламентской демократии. Власть не обеспечила институциональных основ политического плюрализма, это видно из серьезных недостатков закона о политических партиях, закона о выборах, о печатных изданиях, а также из того, что правящая партия унаследовала все имущество СК и Социалистического союза, уклонилась от принятия закона о финансировании политической деятельности и свела на нет равноправие ведущих СМИ. Поэтому, рассматривая действия оппозиции в Сербии, надо иметь в виду, что установившаяся политическая

система по основным характеристикам соответствовала не системе парламентской демократии, а некоей переходной, гибридной форме.

При такой системе власти оппозиция была вынуждена прибегнуть ко внепарламентским средствам политической борьбы. Между тем уже первые демонстрации, на которых оппозиция требовала принятия закона о партиях и назначения даты выборов, показали, что власть, полученная с кровью, и передана не может быть без крови. Демонстрации закончились столкновением мирной группы демонстрантов во главе с Драголюбом Мичуновичем и Бориславом Пекичем, пикетировавшей здание белградского телевидения, с отрядом полиции. Свою жестокость власть проявила 9 марта 1991 г., когда во время массовых оппозиционных демонстраций произошли кровавые стычки и на белградские улицы вышли танки. Не менее жестокими были арест и избиение Вука Драшковича в ночь на 1 июля 1993 г. и его полуторамесячное заключение под стражу.

Вытеснение оппозиции в сторону внепарламентской деятельности и физические расправы полиции и армии с оппозиционно настроенными гражданами свидетельствуют о нежелании власти иметь каких-либо политических соперников. В то же время своей нетерпимостью и жестокостью власть радикализовала оппозицию, способную подстрекать массовые собрания запуганных граждан своими резкими требованиями. Со своей стороны, власть использовала подобное поведение оппозиционеров для пропаганды, показывая на телевизионных экранах оппозиционное движение как разрушительное и антинародное, называя его «силами хаоса и безумия».

Высокомерное и вызывающее поведение сербской власти отличалось от предвыборного поведения властей других восточноевропейских стран. Политические аналитики считали это тогда выражением политической слабости Слободана Милошевича, но, как показало время, это было выражением силы и дерзости. Они проистекали из природы правящей политической системы и режима Милошевича, однако коренились они в истории, являясь частью традиции политической культуры и политического поведения власти в Сербии.

Сравнительно недавняя история сербского государства отличается исключительной жесткостью политических конфликтов. Междинастические распри, убийства и изгнания правителей, частые бунты и заговоры с XIX века формировали политически нестабильное сербское государство. В начале XX века сербский парламентаризм постоянно сопровождала тень политического, особенно же предвыборного терроризма, политических убийств, заговорщической деятельности «Черной руки», а юридически гарантированная свобода выборов была практически обесмыслена акциями министерства внутренних дел в предвыборный период и перед самым голосованием. О былой атмосфере в Сербии красноречивее всего свидетельствуют слова Л. Давидовича (1906): «Политических противников считают врагами; против них все средства хороши». Аналогичная ситуация сохранялась и в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Дополненные национальным компонентом, буквально наводнившие страницы газет политические конфликты привели к убийству в скупщине в 1928 г. и королевской диктатуре.

Этот краткий и поверхностный экскурс в историю свидетельствует, что нынешнюю политическую систему Сербии следует рассматривать не как частный случай, но как явление, порожденное одной из устойчивых культурных моделей данной страны.

Корни доминантной сербской модели надо искать в революционном рождении сербской державы и в постоянных попытках национального единения, продолжавшихся более столетия. Такое

историческое развитие сербского государства предопределило потребность в сильной централизованной власти, опирающейся на репрессивный аппарат, особенно на армию. Существенная политическая роль армии обеспечивалась постоянным стремлением к национальному освобождению в военном состязании с соседними царствами. Кроме того, армия в слабо развитых обществах является наиболее организованной и интегрирующей институцией, надежной опорой всегда авторитарной власти. На такой исторической и политической почве и создается доминантная авторитарная культурная модель власти, являющаяся и продуктом, и инструментом мощного бюрократического централизованного государства. Несмотря на то, что эта модель возникла благодаря особому историческому развитию сербского государства, она неотделима от авторитарной культурной модели сербского патриархального общества. Будучи частью одной и той же модели, власть и общество вступают в своеобразную взаимосвязь. Схожие по своей авторитарной сути, они дополняют и «подпитывают» друг друга.

Между тем именно в силу авторитарной сути у власти и общества нет взаимного контакта. Общество превращается в некий абстрактный объект, которым управляют, а власть – в абстрактную данность, существование которой не ставится под сомнение. Отношения власти и подданных приобретают некие квазирелигиозные свойства, особенно характерные тем, что власть такого типа не предлагает никаких рациональных политических проектов, а только систему моральных ценностей.

Сакрализованная власть подвергается гонениям противников, то есть предаёт анафеме и осуждает «еретиков». Связанная с подвластным обществом единой длящейся культурной моделью, власть пользуется массовой поддержкой в преследовании «неверных». По этому принципу строится и система политических отношений.

Предопределённые такой исторической традицией и конкретными политическими условиями, отношения власти и оппозиции отличались от тех, какие сложились в других восточноевропейских странах и югославских республиках. Особенности сербского авторитаризма с элементами тоталитаризма обусловили и характер оппозиции. За неимением более сильной альтернативной культурной и политической модели, которую можно было бы взять за основу, оппозиционные партии по своей структуре и идеологической платформе стали частью той же самой модели, что и правящая партия.

Историческое подобие нынешней власти и предшествовавших форм политического поведения таит в себе более глубокие причины, сформировавшие современную историю сербской политики. В Сербии ни в конце, ни в начале XX века не было общественных предпосылок для настоящего политического плюрализма. В преимущественно монолитном, структурно не стратифицированном обществе возникают монолитные политические системы, отличительной чертой которых является преобладание одной партии, контролирующей все уровни государства и общества. У слабо дифференцированного общества слабо дифференцированы интересы, поэтому политические партии не могут эти интересы представлять и через них влиять на деятельность государства. В эгалитарном обществе с минимальными различиями и потребностями равновесие достигается не политическим разнообразием, контролирующим и ограничивающим власть, а сильным государством и властью в качестве гаранта стабильности. Политическое разделение не есть естественное и спонтанное выражение общественного разделения, а следовательно, и политические партии не суть представители отдельных частей общества и защитники их интересов перед государством. Поэтому

плюрализация посткоммунистического пространства представляет собой любопытный исторический эксперимент, ибо истоки этого процесса не в плюрализации общества, как на Западе, но имеют совершенно противоположный смысл: она зарождается как вероятное условие развития общества и его дифференциации. Теория демократии из-за недостатка аналогичного опыта пока не может дать ответ, к чему ведет такая инверсия.

Появление и доминирование политических организаций, претендующих на слияние с целым народом, объясняется тем, что в неразвитых обществах нет ни «отдельного гражданина, ни демоса, ни профилированных субъектов демократического процесса». В таких предгражданских обществах невозможно конституирование отдельного гражданина, который как политический субъект стал бы носителем политического плюрализма и парламентаризма. Гражданин – неотъемлемая часть коллектива, для него нет разницы между своим и коллективным интересом, и, как правило, ему близки великие миссионерские коллективные идеи, долженствующие изменить до сего момента понятный мир. Поэтому самые бедные общества очень часто выбирают политический популизм, который на самые сложные вопросы дает самые простые ответы.

Общественные условия в Сербии «основной матрицей конституирования „демократического“ политического пространства сделали наиндивидуальный, коллективный – национальный интерес». Партии возникали не спонтанно и постепенно, зарождались из различных, противоречивых нужд общественных групп, а из политических идей их лидеров. Такой способ организации партий, сверху, создает преимущественно вождистский, харизматичный их тип, они идентифицируются по руководителю, а не по программе. Партийный вождь становится символом, несравненно более важным, чем проводимая партией политика, а его разрекламированные личные качества – знаком отличия и предпочтения для избирателей (например, романтический бунтарь Вук, успешный и талантливый Джинджич, вдумчивый и принципиальный Коштуница, сильный и непримиримый Шешель).

Типичным примером в этом отношении является Сербское движение обновления (Српски покрет обнове) и его харизматичный вождь Вук Драшкович. Это была первая партия, возникшая по принципу пирамиды. Во главе такой партии стоит неприкосновенный лидер, чьи права практически не ограничены уставом. Затем идет узкий круг руководства (чаще всего состоящий из друзей председателя). В случае Демократической партии Сербии (ДПС) существовал и негласный институт советников председателя, которые не могли быть членами партии (например, Леон Койен). Далее идет более широкий круг партийных функционеров, далее члены, затем избиратели, и в основании пирамиды – народ, собирающийся на митинги.

Вопрос о партийной форме не менее важен, чем содержание программы. Напротив, анализ программ покажет, что оба эти аспекта тесно связаны и что организационные перемены в Демократической партии и Демократической партии Сербии произошли как следствие перемен в их политике со смещением от гражданского центра к правым, национально ориентированным партиям. В результате приближения к популизму эти партии утратили структуру современных партийных институций, которую они вначале тщательно соблюдали. Демократическая партия публично провозглашала приверженность принятию решений в рамках партийных органов – Исполнительного и Главного комитетов (тогда еще отдельных), которые созывались по поводу каждого более или менее важного политического вопроса. Отказавшись от демократической формы и процедуры, Демократическая

партия (ДП) и Демократическая партия Сербии (ДПС) стали вождистскими, частью авторитарной культурной модели, доказывая ее актуальность и поныне. Лучше всего это демонстрируют результаты Демократической партии на выборах: в период своей приверженности процедуре и центристской политике она на выборах 1990 г. получила всего 7% голосов, а в период Джинджича на выборах 1993 г. – 16,4%.

Вук Драшкович, председатель СПО

Косовская и югославская проблемы в национальных программах

Политическая и общественная обстановка в Сербии, условия возникновения партий и тип их организации решающим образом влияли на их идеологию и политическую деятельность. Анализ источников показывает, что политику сербской оппозиции следует рассматривать на двух уровнях: на уровне программы и на уровне политической деятельности.

Изучение партийных программ, программных и предвыборных речей лидеров, а также источников, сообщающих об основном политическом курсе партий, свидетельствует, что соперничающие партии выдвинули одни и те же национальные программы. Такую же программу предложила и правящая Социалистическая партия Сербии (СПС), таким образом сербский плюрализм заключался в дилемме между коммунистическим и антикоммунистическим национализмом. Имея единую с режимом программу, партии тратили время, соревнуясь друг с другом и с властью в «патриотической» игре, причем власть имела в ней значительные преимущества (например, армию). Партии пытались оппонировать власти, углубляясь в национальный экстремизм, в результате чего потеряли демократический облик, упустили возможность поставить насущные для брошенного на произвол судьбы сербского общества вопросы и доказать, что можно действовать и мыслить иначе. По текстам, опубликованным в церковных вестниках и еженедельнике «Књижевне новине» («Књижевне новине») видно, что впервые будущая оппозиция затронула национальный вопрос в 1986 г. Проблема Косова была поднята именно так, как ее сформулировал Слободан Милошевич, критикуя конституционный порядок Югославии: как право Сербии на государственность и право сербского народа на равноправие. Эта демагогическая формула несла в себе суть программы, которая впоследствии приведет к распаду Югославии.

В конце 1980-х гг. часть сербской интеллектуальной элиты, которая позднее организует оппозиционные партии, сформулировала косовскую проблему на мифологическом уровне и подготовила интеллектуальную базу политики Милошевича. В мае 1987 г. Любомир Симович (позднее член непартийной части ДЕПОС) с трибуны Союза писателей произнес слова, с которыми четыре месяца спустя Слободан Милошевич пришел к власти. «Сейчас или никогда, – сказал Симович, – первые слова, произнесенные униженным и оскорбленным народом, вновь обретшим дар речи... Этот народ восстал и теперь выдвигает требования и назначает сроки тем, кому до сих пор покорно подчинялся». Позднее эти идеи будут использованы властью как «воля народа».

О «глазе народа» как важнейшем доводе заговорила в середине 1980-х гг. национально ориентированная интеллигенция и те ее представители, кто впоследствии сформировал партии.

«Народ» как политически значимое явление они противопоставили тогда еще неприкосновенному «рабочему классу», создав иллюзию, что речь идет о новой и иной политической концепции.

Иллюзия новизны основывалась на изображении «народа», который, имея душу и плоть, стонет под тяжестью истории и своей «реальностью» заменяет уже изживший себя, абстрактный «рабочий

народ». Замена одной коллективной силы на другую сделала невозможными глубокие политические перемены, а переход от «рабочих» к «сербскому народу» позволил незаметно подменить тоталитаризм во имя класса тоталитаризмом во имя нации.

Между тем будущие вожди оппозиции сформулировали не только новые идейные концепции, но и большую часть конкретных политических проектов, которые позднее подхватит Слободан Милошевич. Так, например, Милан Комненич (заместитель председателя СДО) в апреле 1988 г. во Дворце молодежи на встрече сербской интеллигенции с представителями албанцев сказал буквально следующее: «Положа руку на сердце, мне с вами не о чем говорить. Вы уже достаточно ясно высказались и поступили, как хотели. На том вам горькое спасибо ... Господа, мы с вами в состоянии войны, что уж скрывать. Часть албанского народа, не знаю какая, без объявления развязала войну против сербского народа».

Несколько месяцев спустя, летом 1988 г., по Сербии прокатилась волна митингов солидарности, адресованных властью Слободана Милошевича албанцам и всей Югославии и показывающих, что сербы больше не отступят, а правила игры существенно изменились. Тем летом телевидение Югославии транслировало сотни тысяч обезумевших, перекошенных лиц митингующих, чей транс «самопросветления» стал аргументом и поддержкой правящего популизма. Все это движение «культурной революции» было бы невозможно без идейной базы, которую загодя подготовила сербская интеллигенция. Поэтому на тот момент Милошевич нуждался в ней так же, как интеллигенция нуждалась в нем.

Можно привести пример. Широкое празднование 600-й годовщины битвы на Косовом поле стало апогеем митингов и указало на своего рода лобное место, откуда впервые была объявлена война, ибо сербская интеллектуальная элита приурочила злободневную косовскую проблему к торжественному событию. Один из виднейших представителей сербской интеллигенции, а позднее – центральная фигура ДЕПОС Матия Бечкович за три месяца до годовщины сказал, что в день 600-летия Косовской битвы сербы должны открыто заявить о принадлежности Косова Сербии, и этот факт не зависит ни от албанской рождаемости, ни от сербской смертности. Там пролито столько сербской крови и находится столько сербских святынь, что Косово будет сербским, даже если там не останется ни одного серба. Бечкович объявил о новом политическом курсе, который будет основываться не на *real politic*, а на праве сильнейшего. Авантюра, в которую с того момента пустилась сербская политика, трудновыразима в современных понятиях, поскольку по сути своей анахронична. Политический проект, предписывающий сербскому народу претворение в жизнь идеи «свой на своем» (даже там, где «нет ни одного серба»), как, впрочем, любой проект, ставящий права одной стороны выше прав другой, необходимо было увязать с чем-то возвышенным, небесным или метафизическим.

Несовременные идеи можно обосновать только несовременными мотивами и архаичными формами. Таковую форму политике Милошевича придала национальная, а позднее оппозиционная интеллигенция, которая эту метасторону весьма конкретного плана сформулировала и озвучила во времена, когда сам Милошевич не отважился бы на это. Суть войны «потусторонней» (по ту сторону Дрины, Савы и Дуная), войны против живых во имя мертвых, лучше всего передал Бечкович в беседе с сербами в Северной Америке, состоявшейся в 1988 г.: «Могильный курган – величайшая святыня и древнейший храм сербского народа. Могильный курган – самая истинная наша вера. Мы все еще клянемся прахом и могилами, и нет у нас опоры тверже, лекарства лучше, веры крепче... За

кости сражались государства, на костях государства зиждутся, кости – их твердыня и опора».

«Поэтическая» аранжировка политики Милошевича указывает на глубокий симбиоз новой власти и национально ориентированной, впоследствии оппозиционной элиты, которая часто проявлялась в открытой поддержке Милошевича. Высказывания М. Бечковича наиболее показательны в этом отношении. За двадцать дней до внесения поправок в Конституцию Сербии, что явилось правовой агрессией против конституционной системы Югославии, на внеочередном съезде Союза писателей Сербии Бечкович вновь «поэтически» сформулировал и поддержал суть новых поправок: «У Сербии – республики, которой нет, не может быть задач важнее тех, что стоят перед ней сейчас».

Молниеносных действий, нужных тогда Милошевичу, требовал и Вук Драшкович: «Мы (сербская интеллигенция) опоздали на Косово. За свою нерасторопность и легкомыслие мы дорого заплатим и, вероятно, утратим право на реабилитацию в истории, если только немедленно не определимся принципиально относительно наших дальнейших действий и приоритетов».

Похожий тон звучал и в словах Гойко Джого, одного из тринадцати основателей Демократической партии, сказанных на ее учредительном съезде: «Со времен Косовской битвы до сегодняшнего дня у сербов не было большей святыни, чем Косово. С этой святыней они связаны клятвой и вот уже шесть веков приносят ей самые драгоценные жертвы, жертвы кровью ... Я не знаю, до каких пор, но знаю, что должны, ибо сербская держава без Косова то же, что серб с дырой в груди ... Косово – сербская боль, и мы должны раз и навсегда унять ее».

Из приведенных цитат видно, что большинство будущих лидеров сербских оппозиционных партий говорили о Косово на один и тот же манер, больше напоминающий эпическое сказание, чем реальное видение злободневной проблемы и поиск возможных путей решения. Выстроив корпус политических идей, на которых впоследствии будет основываться конфликт Милошевича с предшествовавшим сербским руководством и его приход к власти, часть сербской интеллигенции выделила национальный вопрос как единственную и неотложную политическую проблему. Все прочие проблемы сербского общества (переживавшего глубочайший кризис) по сравнению со святынями и заветным замыслом казались мелкими, а их решение – слишком суетным. Таким образом, общественные потрясения и невзгоды, предвещавшие крах системы, упредили, заменив их проблемой 600-летней давности. Все государственные, общественные и экономические проблемы были замещены национальными и свелись к ним. Реформы отложили на неопределенное время, которое должно было наступить после решения национальных вопросов. Поскольку признание народа политической силой, а национального вопроса приоритетным подготовила и поддержала большая часть национальной элиты, а также те, кто позднее организовал оппозиционные партии, можно сделать вывод о неготовности Сербии к реформам.

Сербский национальный вопрос в Косово имел еще одно измерение. Подобно политике Слободана Милошевича, сербская оппозиция также использовала Косово как своего рода импульс для заострения сложнейшей проблемы перемещения центра тяжести межнациональных отношений в Югославии. Связь между косовской проблемой и сербским национальным вопросом четче всего сформулировал Матия Бечкович, сказав буквально следующее: «Косово уже давно достигло Ядовна». Странно, что вся сербская земля не получила имени Косова». Таким образом, проблема взаимоотношений сербов и албанцев переросла в проблему взаимоотношений сербов и всех остальных народов через постановку вопроса об их сути и о границах сербской земли. Из ответов на

эти вопросы, несмотря на разницу в словесном оформлении, и будет, в сущности, состоять политика всех основных сербских оппозиционных партий.

Первое, на чем сойдутся все партии, – это идея, что Югославия должна быть «демократической федерацией». Так, Демократическая партия в своем «Проекте национальной программы» выскажется за Югославию как демократическую федерацию, в которой будет соблюдено полное равноправие федеральных единиц и граждан. Для этого (поскольку практически это означало введение двухпалатной скупщины и принципа один человек – один голос) партия предлагала принять новую конституцию, которая предусматривала бы новый государственный порядок и отменила существующий, где преобладают элементы конфедерации. Это предложение несовместимо с югославским государством, где внутренние границы между федеральными единицами сдвинуты сообразно различным и друг другу противоречащим принципам – принципу этнической гомогенности и принципу культурно-исторической идентичности. Свое неприятие конфедерации ДП объясняла тем, что речь идет об исторически отжившей и недемократической государственной системе, которая пренебрегает свободой гражданина и стесняет национальный суверенитет, а также опасением, что переход к конфедеративному устройству может спровоцировать гражданскую войну. Сербское движение обновления в первом варианте своей программы наряду с требованием объединить все сербские земли допускало возможность существования Югославии как федеративного государства, но при условии изменения конституции. Они считали, что только такими изменениями (о них пойдет речь ниже) можно исправить историческую несправедливость, названную в программе раной сербского народа: «Еще не перечтены все могилы сербов, погибших в войнах этого века, а многие остались безымянными и неоплаканными. Но все войны отмечены знаком Югославии. С 1912 по 1918 г. полегло целое поколение ради рождения Югославии. С 1941 по 1945 г. сгнуло еще одно поколение ради обновления Югославии. Во имя процветания унитарной Югославии мы отреклись от веры, истории и традиции, надеясь, что тем самым обуздаем ненависть тех, кто не привнес в Югославию ни государственности, ни культуры, ни законов, ни династии, ни флага, ни святынь, ибо у них этого просто не было. Югославия обернула сербские победы XX века в сербские поражения».

Такие исходные пункты программы, отмеченные неприкрытыми уничижением и нетерпимостью по отношению к другим югославским народам, означали, что дальнейшие межнациональные отношения в Югославии сведутся к воображаемому «историческому счету», который подразумевает «плату» других народов за право вхождения в состав Югославии, а также справедливую «расплату».

Фактически речь шла о концепции сербской Югославии, где по праву большинства доминировал бы сербский народ, как об ультимативном предложении другим югославским народам. Последние же не были готовы принять такой проект.

Программа Сербской радикальной партии была единственной, где отбрасывалась идея сохранения Югославии. Национальная цель здесь была сформулирована следующим образом: «Обновление свободной, независимой и демократической сербской державы, которая охватит все сербство, все сербские земли. Это значит, что в ее состав войдут (помимо сербской федеральной единицы в узком смысле и Черногории) сербская Босния, сербская Герцеговина, сербский Дубровник, сербская Далмация, сербская Лика, сербский Кордун, сербская Бания, сербская Славония, сербский западный Срем, сербская Бараня и сербская Македония».

Демократическая партия Сербии и Гражданский союз Сербии появились во времена, когда уже начался процесс распада Югославии, поэтому в их программах не было конкретных предложений относительно ее сохранения.

СДО и ДП признавали югославскую федерацию при условии существенных конституционных перемен. Программа ДП 1990 г. предусматривала обеспечение конституционных возможностей для образования территориальных автономий в рамках отдельных федеральных единиц по результатам референдума среди населения с особым этническим составом или культурно-исторической идентичностью. Окончательное решение об образовании автономных областей оставалось за скупщиной федеральной единицы.

Драголюб Мичунович, председатель ДП

СДО в своей программе, датируемой маем 1990 г., по тому же принципу, но называя конкретные территории, предлагало формирование автономных областей Сербской Краины, Истры и Дубровника в Хорватии и четырех автономных областей в Боснии и Герцеговине. Спустя несколько месяцев события в Хорватии стали развиваться именно в этом направлении.

Наряду с этими проектами появляются и концепции устройства югославских территорий в случае распада страны. Будущие оппозиционные лидеры первыми в Сербии поставили вопрос о проведении в таком случае этнических границ, задолго до того, как этот вопрос был затронут в программе правящей партии. На внеочередном съезде Союза писателей в начале 1989 г. Вук Драшкович коснулся проблемы границ югославских народов: «Если начнется раздел, где западные границы Сербии? Это надо установить. Их определил Анте Павелич. Они там, где сербские ямы и могилы. Сербская национальная программа обязана обозначить эту межу ... Хорваты должны заранее иметь в виду, что с распадом Югославии перестанут действовать авноевские и брионские границы и что право голоса тогда получат и Ясеновац, и Ядовно, и все наши ямы, и все сербы, которые после Второй мировой войны были изгнаны или выселены из Хорватии, Славонии, Боснии, Далмации, Герцеговины, Кордуна, Лики, Бании».

Через год, 7 января 1990 г., при образовании первой своей партии Сербского народного обновления (СНО) Драшкович даже не упомянул возможности сохранения Югославии, назвав целью своей партии «создание демократического и многопартийного сербского государства в его исторических и этнических границах».

В программе СДО, как уже отмечалось выше, допускалось сохранение демократической федеративной Югославии, однако было предусмотрено: «От нынешней Югославии нельзя отделить или в ущерб сербскому народу конфедерировать территории, которые на 1 декабря 1918 г. были в составе Королевства Сербии, а также области, где большинство населения до геноцида усташей составляли сербы. Эти территории являются неотчуждаемой, исторической и этнической собственностью сербского народа». Таким образом, сербские территориальные притязания основывались на двух различных принципах: историческом (по которому в будущее сербское государство должна была войти и Македония, в 1918 г. являвшаяся частью Королевства Сербии) и этническом (по которому, на основании естественного права, сербскому государству должны принадлежать области с сербским большинством населения).

В 1991 г., когда начались войны, которые можно было бы назвать «югославскими», Драшкович существенно сменил направление политической деятельности и предложил проект разрешения

кризиса мирным путем. Этот проект вошел в программу партии 1994 г., где повторялось, что неминуемо проведение границы с Хорватией на основании этнической карты от 6 апреля 1941 г. Раздел югославской территории предполагалось осуществить следующим образом: «Часть Барани, западный Срем и сербские области восточнее Славонии должны войти в состав Сербии, а оставшаяся часть нынешней Сербской Краины – в состав Боснии и Герцеговины. Хорватия взамен получит Западную Герцеговину, правее р. Неретвы». Вместе с кантонизацией Боснии и Герцеговины программа также предусматривала и создание объединенного государства Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории и Вардарской Македонии, что сходно с более ранней формулировкой насчет исторических и этнических сербских границ.

По сути программа СДО осталась неизменной. Только теперь она составлена в модернизированной форме и модернизированным политическим языком, не столь эпическим, как раньше. Программно эта партия осталась верна принципу новой компоновки территории бывшей Югославии, который оставался прежним – создание государства, в котором должны жить все сербы независимо от того, обозначались ли границы изначально «сербскими черепами» или, во второй фазе, основывались на современных экономических, рыночных или политических резонах.

Комиссия Демократической партии, сформулировавшая в 1990 г. «Проект национальной программы», видела национальный интерес сербов в том же ключе – в образовании сербского национального государства. «Демократическая партия считает легитимным стремление любого народа объединить как можно большее число соотечественников в одно государство ...

Национальная политика сербского государства, равно как и других национальных государств, должна придерживаться курса объединения всех территорий, населенных по преимуществу сербами, в единое государство». В случае выхода тех или иных народов из состава Югославии «необходимо уведомить их, что в случае выхода из состава Югославии и создания независимых государств они лишаются прав на территории, населенные югославским народом другой национальности».

Последняя фраза программы звучала так: «Эта политика сербского государства должна руководствоваться понятным национальным интересом: весь сербский народ или большая его часть должен жить в одном государстве». Итак, ДП, политический дискурс которой отличался от СДО и которая придерживалась центристских позиций, фактически приняла актуальную тогда национальную программу и тем самым подтвердила, что между властью и влиятельнейшими оппозиционными партиями по этому ключевому вопросу различий нет. Опасаясь изоляции и осуждения за недостаток национализма, партия поддержала национальную программу, противоречившую демократическим принципам, и уже с самого начала постепенно дрейфовала в сторону правых. Это являлось также и последствием необходимого компромисса в идейно разнородном партийном руководстве, впрочем, оказавшегося недостаточным, чтобы удержать всех тринадцать основателей в едином строю. Первым ряды партии покинул Слободан Инич, и именно вследствие несогласия с уклоном в национализм. Этот уклон, однако, оказался недостаточен для тех членов руководства, которые во главе с Костой Чавошки и Николой Милошевичем организовали правонационалистическую Сербскую либеральную партию, а также для тех, кто именно из-за этого (хотя были и иные причины) отделились в 1992 г. и основали Демократическую партию Сербии (лидер – Воислав Коштуница). Наконец, конфликт на почве национальной политики послужил одной из причин смены председателя партии Драголюб Мичуновича (1994), после чего крен в сторону

национализма усилился, а новым шефом стал Зоран Джинджич. Эти размолвки и расколы в ДП демонстрируют суть программных блужданий сербской оппозиции, которая под давлением обстоятельств все больше отдалялась от своих демократических и гражданских принципов, принимая национальный критерий в качестве единственного политического мерила и тем самым постепенно смещаясь с позиций умеренного центризма.

Зоран Джинджич, председатель ДС

Сербская радикальная партия с момента основания отстаивала идею объединения сербских земель, поэтому в ее программе изначально отбрасывалась возможность сохранения СФРЮ. СРП отличалась от других партий также и тем, что ее вождь Воислав Шешель еще до начала югославских войн эффектно выразил этот программный курс известной формулой «Карлобаг – Карловац – Вировитица». В тексте программы 1994 года (как, впрочем, и 1991 года) национальная цель обозначена в первом пункте: «Обновление свободной, независимой, демократической сербской державы, которая будет охватывать все сербство, все сербские земли. Это значит, что в ее состав войдут нынешняя Республика Сербия, Республика Черногория, Республика Сербская и Республика Сербская Крайна». От первой партийной программы новый ее вариант отличается перечислением сербских областей по названиям непризнанных сербских государств, а также отсутствием в списке сербского Дубровника и сербской Далмации.

Воислав Коштуница, председатель ДПС

Только в ДЕПОСе в 1992 г. тон заявлений был несколько иным. Эта коалиция высказывалась за обновленную Сербию, которая (по словам Вука Драшковича) будет «опираться на богатого и свободного гражданина, на культ мира, а не войны, жизни, а не смерти, примирения, а не истребления». В противовес сторонникам войны Любомир Симович с той же трибуны сказал: «Надо ответить „Брысь!“ всем тем, кто нам сейчас, в конце XX века, навязывает милитаризованное сербство, государственное единство штыка и солдатскую каску вместо головы, кто фанатично отстаивает „небесную“ Сербию, в которой нет ничего материального ... Необходимо отказаться от „царствия небесного“ как политического проекта, поскольку это кратчайшая дорога в ад, иное название для замыслов и идей, которыми кичатся любители напустить туман, официальные пропагандисты и авторы некрологов». В духе примирения говорил и Вук Драшкович накануне выборов 1992 г.: «Мы протянем обе руки в знак примирения мусульманам, хорватам. В этой войне и мы, и они одновременно жертвы и палачи».

Однако ДЕПОС не воспользовался ни своим авторитетом, ни массовой поддержкой, чтобы предложить альтернативную национальную программу. Правда, политический дискурс существенно поменялся: оппозиция впервые затронула некоторые экзистенциальные общественные вопросы, равно как и впервые ясно дала понять, что Сербия не должна подчиняться «периферийным частям сербства», но этого было недостаточно для создания оппозиционной общности, основанной на принципиально иной программе, нежели правящая партия. Успех ДЕПОСа и Милана Панича (на выборах 1992 г. ДЕПОС получил 17,3% голосов) показал, что в то время, в момент, когда разгоралась ужасающая война в Боснии и вводились санкции против Югославии, в Сербии еще существовала возможность предложить программу, основанную на принципиально иной концепции, но никто не рискнул пойти на «национальное предательство». Впрочем, программы сплотившихся оппозиционных партий, составлявших эту коалицию, не допускали существенных отступлений от

идеи объединения всех сербов.

Обзор программ свидетельствует, что самые влиятельные парламентские оппозиционные партии в период раскола Югославии не предложили сербской общественности никакой альтернативной национальной программы, которая хоть чем-нибудь отличалась бы от лозунга Слободана Милошевича «все сербы в одном государстве». Причин для этого множество. Возможно, сказалась недостаточно прочная общественная позиция, или на момент возникновения партий судьба Югославии уже была предрешена, и они попросту не успели разработать ясную альтернативную политическую платформу, поскольку начавшиеся процессы были необратимы. Может быть, отсутствие альтернативной программы объясняется распространенностью в сербских политических кругах идеи, что вопрос о разделе югославской территории еще открыт и у Сербии есть исторический шанс пересмотра результатов войн XX века, а также осуществления программы «сербского государства», которая дольше века существовала наравне с югославской программой. Всем казалось, что распад Югославии даст возможность «окончательно решить сербский вопрос», и никто не хотел возложить на себя ответственность за то, что этот шанс упущен. Стремясь разделить с Милошевичем историческую славу, оппозиционные партии оказались в ситуации, когда им пришлось делить с ним ответственность за развал Югославии, а тем самым и за войну. Так Сербия была втянута в военные конфликты, не имея альтернативного решения югославского вопроса, что сокращает ее шансы выхода из войны, равно как и возможность ее политического и общественного оздоровления.

Политическая практика оппозиционных партий

Временной отрезок с 1986 по 1994 год можно разделить на два периода. То же касается и деятельности политических партий. Первый период завершается с началом войны и характеризуется идейной инициативой оппозиции. Второй период начинается с разрастанием военных конфликтов весной 1991 г. Инициатива переходит в руки власти, а основным в поведении оппозиции становится выработка отношения к действиям Милошевича.

В первый период, когда идейная инициатива была за оппозицией, оппозиционеры разработали корпус идей, позднее подхваченных и проведенных в жизнь правящей партией. С 1986 г. и до того, как Милошевич пришел к власти, оппозиция сформулировала все идеи (от Косова до конституционного переустройства Сербии и Югославии), которые впоследствии легли в основу программы Милошевича и стали залогом его успеха.

После VIII съезда (1987 г.) еще не окрепшая власть затевает игру в союз с оппозиционно настроенной интеллигенцией. Ей разрешают печататься в до того момента недоступных изданиях: газете «Политика» и журнале «Недене Информативне Новине» (НИН). Интеллигенция открыто поддерживает политику Милошевича. Добрица Чосич после двадцатилетнего перерыва вновь появляется на общественной сцене. Матия Бечкович становится лауреатом премии «7 июля». Миче Поповичу вручена премия, которой его лишили по политическим мотивам в 1972 г. Союз длился с конца 1987 до второй половины 1989 г.

Но помимо сотрудничества эти две стороны соперничали, пытаясь использовать друг друга в политических целях. Сербская национальная оппозиция несколько недоверчиво относилась к коммунисту Милошевичу, планируя переложить на него «грязную работу», особенно проблему Косова, а потом перестать поддерживать его, обратив соперничество в свою пользу. Но на практике

вышло, что расчеты Милошевича оказались точнее и игру он повел грамотнее. Милошевич использовал оппозиционеров с их мощным интеллектуальным авторитетом: сначала они подготовили ему плацдарм, а затем, имея идейную инициативу, продолжали разрабатывать новые, более щекотливые и сложные вопросы, которые Милошевич по мере надобности перенимал. Конец этого тандема приходится на середину 1989 г., когда оппозиционеры ощутили недовольство действиями Милошевича, а крах коммунистической системы в восточноевропейских странах натолкнул их на мысль, что, захватив власть, они могли бы осуществить свою программу самостоятельно. Тогда Милан Комненич заявил: «Вместо робкой власти в Белграде мы поведем Сербию к смерти или к славе».

Между тем власть Слободана Милошевича уже стала сильной и стабильной, поэтому сотрудничество с сербской оппозиционной интеллигенцией ему больше не требовалось. Заняв простор национальных идей, Милошевич отеснил их к экстремальным политическим позициям, тем самым с самого начала сократив число их потенциальных избирателей.

Наиболее яркая сербская оппозиционная партия – СДО – вплоть до первых выборов и сокрушительного поражения оппозиции критиковала власть с экстремально-националистических позиций, требуя от нее более жесткой позиции, эффективного и быстрого решения сербского вопроса. Таким образом, на долю СДО выпала роль спортсмена-бегуна, увлекающего за собой всех остальных и ускоряющего забег. Об этом свидетельствует тот факт, что с июля по декабрь 1990 г. треть предвыборных посланий СДО была связана с национальным вопросом, в то время как у ДП и СПС такого рода предвыборные послания занимали всего 6% от общего количества. Во многом благодаря СДО национальный вопрос распространился по всей территории Сербии и стал краеугольным камнем в политических разделах. Также заслуга СДО в том, что на его фоне национализм сербской власти выглядел умеренным, оставляя у избирателей впечатление мудрой, взвешенной политики, использующей все средства для спасения Югославии.

Несмотря на сходство программ, в которых основной акцент был сделан на национальном вопросе, политическая деятельность Демократической партии отличалась от СДО. Для ДП идея демократии была прежде всего, заняв 19% всех предвыборных посланий этой партии (у СДО – всего 10%). Если говорить о парламентаризме, независимом суде, равноправии граждан, частной собственности, то эта партия выглядела принадлежащей к гражданскому центру. С такой платформой на первых выборах ДП получила лишь 7,4% голосов.

Шок от поражения на выборах в начале 1991 г. поменял соотношения между оппозиционными партиями и их политический облик. СДО стало постепенно смещаться в сторону центра. Незадолго до военного конфликта в мае 1991 г. Вук Драшкович в интервью НИН, отвечая на вопрос о приоритетности между демократией и нацией, заявил буквально следующее: «Вполне понятно, какой курс необходим: сначала демократия, затем демократия и на третьем месте демократия. А все остальное придет само собой». Антивоенные речи Драшковича, произнесенные накануне войны, показывают, что он отрекся от национального экстремизма и что в надвигающиеся смутные времена лидер СДО предложил Сербии другую риторику.

Демократическая партия после провала своей избирательной платформы начала вести более открытую национальную политику. В мае 1991 г. депутат Мирко Петрович потребовал от скупщины Сербии определить «западные границы сербства», а Зоран Джинджич под аплодисменты

социалистов заявил в скупшине, говоря о сербах в Хорватии: «Мы тоже за мирное решение, но мир на таких условиях – не мир, а капитуляция ... Мира и сейчас можно было бы достичь ценой отказа от автономии, ценой проведения на Елачичевой площади митинга лояльности сербов хорватским властям ... Такой мир иллюзорен, и мы не можем пойти на него, так как речь идет о наших жизнях». Суэта в оппозиционном лагере подготовила ситуацию, в которой с началом войны Милошевич полностью перехватил инициативу. Он вел эту войну, участвовал в переговорах, подписывал мирные договоры, а оппозиция, настаивая на той самой программе, из-за которой война была развязана, запуталась в выборе своего политического облика и постепенно утратила идентичность. Анализ ее деятельности приводит к заключению, что оппозиционные национальные партии вообще отошли от любой политики, любого принципа, программы или идеи, и основным выражением их политической деятельности стал Слободан Милошевич. Со временем они все меньше будут рассуждать о сербстве, войне, границах, Сербии, демократии, рыночной экономике или о каком бы то ни было другом вопросе и все больше – о Милошевиче и его действиях. Основной позицией оппозиционеров становится – быть против, даже если это повлечет за собой изменение партийной политики, раскол в партии или уклон в сторону экстремистских военных позиций руководства из Пале .

Прежде всего это касается Демократической партии, которая впервые разыграла карту противостояния Милошевичу в период баталий вокруг плана Вэнса в январе 1992 г. Неприятие демократами мирного плана ООН, поддержка книнского лидера Милана Бабича и встреча Драголюбa Мичуновича с Бабичем и Караджичем означали нежелание сохранить столь хрупкое перемирие в Хорватии. Тогда же партия начала себя вести так, что скорее обвиняла Милошевича в том, что из войны он вышел несолоно хлебавши, чем вообще в нее вступил. Это повторилось и нашло подтверждение в ситуациях, касавшихся плана Вэнса – Оуэна по мирному урегулированию в Боснии, плана Оуэна – Столтенберга и, конечно, плана Контакт-группы, когда в августе 1994 г. в конфликте Милошевича с Караджичем Зоран Джинджич безоговорочно принял сторону боснийского руководства и стал частым гостем в Палах.

Демократическая партия Сербии возникла как србьянская партия со сливой на эмблеме. В ее программе 1992 г. говорилось, что «государство Сербии и Черногории – лучшее решение государственного вопроса», однако предусматривалась и возможность «преобразования Сербии в независимое и суверенное государство». Между тем в ходе политических распрей вокруг плана Вэнса – Оуэна партия сменила курс, став на сторону боснийского руководства. Такой резкий поворот пошатнул постулаты, на которых зиждилась партия и из-за которых она отпочковалась от Демократической (ДПС покнула коалицию ДЕПОС, ради которой она откололась от ДП, и сменила политику, сосредоточенную на проблемах Сербии). Существенно изменилась, по сравнению с первой программой, программа партии, принятая в 1994 г. Теперь, «исходя из права на самоопределение», ДПС «поддерживала праведную борьбу сербского народа за пределами нашего государства и все стремления к осуществлению сербского единства». Партия заняла такую позицию исходя из того, что «только в сербском государстве сербский народ может воплотить свой творческий потенциал, и поэтому, памятуя опыт первой и второй Югославии, Демократическая партия Сербии выступает категорически против всякого обновления Югославии или любых государственных образований с соседними народами».

Сербская радикальная партия со дня своего основания не оставляла ультранационалистических

позиций. Ради осуществления своей программы СРП сформировала «парамилитарные отряды», состоявшие из добровольцев Сербского четнического движения и самой партии. Эти отряды участвовали в первых вооруженных столкновениях в Хорватии, а их жестокость породила военный психоз. О тех первых успехах Воислав Шешель сказал: «Предводительствуемые Оливером Деннисом Барретом, они завоевали сербам первую крупную победу в Борово село». Уточняя военный вклад своей партии, Шешель отметил, что помимо отправки добровольцев Сербская радикальная партия участвовала в сборе бойцов из разбитых армейских частей, улучшении мобилизации, устранении разрухи там, где они могли это сделать и куда могли попасть. Это относится и к военному конфликту в Боснии: «Добровольцы Сербской радикальной партии сражались на всех фронтах на территории бывшей Боснии и Герцеговины».

В середине 1991 г. со своим крайним национализмом Шешель занял место Драшковича в авангарде национальной сербской политики. Высказываемая им на центральном государственном телевидении ультрашовинистская позиция (от фраз, что с хорватами надо расправляться ржавыми ложками, до открытых заявлений о выдворении хорватов из Сербии) в военные времена послужила для общественности своего рода тестом на выдержку. Хотя коалиция с СПС так и не получилась, Шешель и на республиканском, и на союзном уровне выполнял за Милошевича всю «черную работу» (например, смещение с поста союзного премьера Милана Панича и президента СРЮ Добрицы Чосича). За все эти услуги Милошевич назвал лидера СРП своим любимым оппозиционером.

Конфликт между Шешелем и Милошевичем произошел в конце апреля 1993 г., когда президент Сербии принял план Вэнса – Оуэна по Боснии. В этой политической комбинации Шешель стал балластом для Милошевича, кроме того, в то время уже начались трения между властью и радикалами. Сам председатель СРП о разрыве с Милошевичем говорил следующее: «Если бы мы открыто против него не выступали, наших людей не арестовывали бы. Мы отдавали себе отчет в том, что Сербия каким-то непостижимым образом симпатизирует ему... С точки зрения наших партийных интересов, тоже не следовало бы его трогать. Но мы должны были „ударить его в лоб“, чтобы больше не было арестов наших людей».

С тех пор Шешель стал самым ярким противником Милошевича и даже на четыре месяца в 1994 г. попал в тюрьму за свои резкие высказывания. Помимо личного противостояния Милошевичу Шешель оппонировал политике правящей партии: верный своей цели «Сербия от Неготина до Книна», он всегда поддерживал руководство боснийских сербов, когда оно отвергало мирные планы мирового сообщества.

Этот краткий обзор показывает, что в военные годы три из пяти парламентских оппозиционных партий попытались обрести свою идентичность, встав на крайние националистические позиции, обвиняя Милошевича в национальном предательстве и настаивая на «объединении всех сербских земель». Такая политика полностью соответствовала их программам, которые, как говорилось выше, предусматривали создание сербского государства в случае распада Югославии. Однако ДП и отчасти ДПС в реальной политической деятельности были партиями гражданского центра, поэтому их переход к национализму изменил их сущность и привел к перестановкам на сербской политической сцене. Создав сильный правый блок, они образовали пространство, в которое в августе 1994 г. Слободан Милошевич вошел как миротворец. Впрочем, поворот Милошевича к политике мира был

возможен еще и потому, что центристские партии не оспаривали смысл, цели войны и ответственность Милошевича, но в поисках собственного лица и в погоне за поддержкой избирателей представлялись партиями, которые войну повели бы лучше. Оставляя за Милошевичем «мир», оппозиционеры замкнули круг сербского политического позора, исключая возможность какого-либо катарсиса.

Гражданский союз Сербии с момента основания в ноябре 1992 г. последовательно отстаивал гражданский выбор и антивоенную позицию, являвшиеся постулатами политики Союза югославской демократической инициативы, Союза реформаторских сил и Республиканского клуба. Основная задача партии – забота о каждом отдельном гражданине, который есть «не просто пассивный горожанин или житель страны, а личность, ведущая общественную работу». Выделяя гражданина как политического субъекта, эта партия отличалась от конгломерата остальных партий на сербской политической сцене. Отсюда проистекала и ее политическая обособленность, так как, действуя от имени отдельного человека, Гражданский союз Сербии сделал своей целью борьбу против стесняющего гражданина национального коллективизма и «идеологии национальной исключительности, приводящей к войнам за территории, „этническим чисткам“, подчинению личной и общественной жизни милитаризованной национальной политике». Во избежание конфликта между гражданским государством и национальными чувствами, которые люди воспитывают по отношению к своему сообществу, эта партия осудила «злой, примитивный и агрессивный национализм, порождающий страх, ненависть и насилие, разжигающий войны, устанавливающий диктатуры». Поэтому ГСС считал своим долгом достижение реализма при решении государственного и национального вопроса. Согласно программе этой партии реалистичная национальная политика сводилась к следующим приоритетам: «1. Ведение действительно миролюбивой политики в целях нормализации международного положения СРЮ путем укрепления дипломатических отношений на высшем уровне и членства в международных организациях. 2. Достижение свободы и безопасности всего сербского народа вместо сведения ее к территориальному вопросу; подобная редукция национального вопроса втягивает Сербию и сербов в бесконечные конфликты с соседями, что создает угрозу интересам их развития».

Эти программные требования приблизили ГСС к слабой, но давней традиции сербской либеральной мысли, которая от самых истоков, со времен Еврема Груйича, на первое место ставила достижение гармонии внешней и внутренней свободы, стало быть, национальной свободы и демократии. Это направление никогда не было преобладающим, но и не прерывалось (организация «Объединенная сербская молодежь», Светозар Милетич, Слободан Йованович, Владимир Йованович, Драгиша Станоевич, Светозар Маркович, Йован Скерлич). Эту непрерывность подтверждает и политика Гражданского союза Сербии, однако за отсутствием у него прочной позиции в доминантной культурной модели либеральное направление в Сербии пока не имеет массовой поддержки. Все же в период вооруженных конфликтов ГСС выступал против войны и проводил миротворческие акции, показывая, что и в условиях мощной военной пропаганды, в окружении сторонников военных действий можно противостоять правящему режиму и большинству.

Характерный случай политики позора и бессилия сформулировать новую программу и предложить реальный выход из ситуации продемонстрировало СДО. В большинстве публичных выступлений Вук Драшкович вторил противоречивой политике и позиции своей партии, в результате чего из ее

рядов вышли националистически ориентированные члены и отвернулись соответственно настроенные избиратели, а сторонники гражданской, либеральной линии – не присоединились. Поэтому Драшкович стал лишь видимостью сербского оппозиционного вождя, видимостью, терявшей политический вес. Будучи либералом без твердой убежденности, антивоенным активистом с провоенной программой, примирителем конфликтующих народов со своей партийной парамилитарной гвардией, европейцем и западником европейской формы и народнического содержания, Драшкович дополняет представление о политической лабильности сербской оппозиции. Противоречивость политических взглядов Вука Драшковича можно проследить на примере лекции, прочитанной им в лондонском Центре политических исследований в июне 1991 г., за три дня до начала югославских войн. Говоря о сохранении Югославии как о единственно разумном решении, он объяснил, что этнический раздел этого государства невозможен: «Этническая карта большей части Югославии напоминает шкуру леопарда... Нет такого чародея, который смог бы провести этнически чистые границы через эту леопардовую шкуру и через тысячи мужей, жен и их детей». Однако вопреки этому здравому выводу в той же самой лекции он сказал: «В этом случае (сукцессии Хорватии и Словении. – Д.С.) почти 40% сербов оказались бы за пределами нынешних границ Сербии. Кроме того, хорваты извлекли бы государственную выгоду из геноцида, учиненного над сербами. Мы считаем, что в случае распада Югославии к Сербии должны отойти все территории, с которыми в 1918 г. Королевство Сербия вошло в состав Югославии, а также все области в современной Боснии, Герцеговине и Хорватии, где сербы составляли большинство населения до геноцида усташей».

Противоречие очевидно. В принципе Драшкович считал невозможным разграничение югославских народов, но забывал об этом, предлагая решение конкретной проблемы, встающей при развале СФРЮ. И хотя тогда он выступал как противник войны и предупреждал об ужасающих преступлениях, неминуемых последующих при войне за чистые этнические границы между смешанными народами, сам же все-таки проводил эти границы. Глубоко противоречивый в своей политике, Драшкович оказался на распутье между двумя полярными политическими позициями и отстаивал обе одновременно. Находясь где-то между, он потерял почву, на которой мог бы взрасти политический переворот в Сербии.

Драшкович – единственный руководитель «национальной оппозиции», кто протестовал против бомбардировок Дубровника, а о «вуковарской победе» писал: «Я не могу праздновать вуковарскую победу, которую с такой эйфорией славит Сербия, опоенная военной пропагандой. Я не могу, ибо погрешу против жертв, против тысяч погибших, против острейшей боли и беды всех выживших жителей Вуковара ... Он – Хиросима, созданная хорватским и сербским безумием... Все в этой стране, а особенно сербы и хорваты, переживают дни тяжелейшего позора и тягчайшего падения». За два месяца до начала военных действий в Боснии и Герцеговине в январе 1992 г. во время круглого стола власти и оппозиции лидер СДО предостерегал: «Видимо, ясно, что нам не нужен Вуковар. Также, видимо, ясно, что насильственное решение нашего будущего, применение силы в Боснии и Герцеговине, в самом сердце недавней Югославии, сделало бы по меньшей мере половину этого народа беженцами, а их землю Вуковаром, и тогда пламя тотальной войны угрожало бы перекинуться на все Балканы и дальше».

В номере журнала «Српска реч» («Сербское слово»), сделанном 6 апреля, в день начала войны в

Боснии, Драшкович опубликовал «Воззвание к гражданам Боснии и Герцеговины»: «В эти решающие часы, когда Босния и Герцеговина находится на грани между войной и миром, между жизнью и смертью, я присоединяюсь к всенародному бунту против шовинистско-фашистского безумия ... Это последний миг для граждан Боснии и Герцеговины, чтобы заглушить в себе религиозные, национальные или партийные чувства и всем, прежде всего, заговорить и заключить друг друга в объятия, как люди ...Под лозунгом защиты национального интереса узаконен принцип, по которому собственное право и счастье могут осуществляться за счет несчастья и несправедливости по отношению к соседу. Кровь сочится из такой политики. Такая политика превратит всю нашу Боснию и Герцеговину в кладбище, если граждане не возьмут свою судьбу в свои руки».

В согласии со своими антивоенными выступлениями Драшкович принял все предложения мирового сообщества по мирному урегулированию: Гаагскую декларацию, план Вэнса по решению войны в Хорватии, план Вэнса – Оуэна по Боснии, план Вэнса – Столтенберга и, конечно, полностью поддерживал Милошевича в его миротворческой политике и конфликте с Караджичем в августе 1994 г.

Наряду с этим Драшкович не отказывался и от военной программы, чем подтвердил двойственность своей политики. Теоретически он оставался верен идее «сербского единства» и окончательного разграничения с Хорватией, что и привело к войне. Во время военных действий в Хорватии он критикует ЮНА за неграмотное ведение войны и высказывает мысль о создании сербской армии, которая бы достигла лучших результатов: «В рядах сербской армии под сербскими национальными стягами, под предводительством сербских полководцев мы будем гибнуть за эти межи. Должны». Под этими словами, сказанными во время осады Вуковара, подразумевалось, что из-за отсутствия национальных символов и еще «не очищенного» командного состава ЮНА не способна вести наступательную войну. В силу этого Драшкович организовал свое партийное парамилитарное подразделение – Сербскую гвардию, чьи военные успехи журнал «Српска реч» описывал из номера в номер. Об этом отряде на похоронах его командира Джордже Божовича Гишки Драшкович сказал: «У этой армии душа девичья, поведение монашеское, а сердце Обилича . Это армия, которая защищает свое, а не отбирает чужое. Это армия, чьи командиры приказывают: «За мной, герои!»... Это армия, чей флаг никогда не захватят враги» .

Открыто критикуя войну, СДО могло бы стать подлинной альтернативой, а его довоенный авторитет послужил бы залогом успеха политического направления, способного предложить Сербии решение, отличное от того, что предлагала власть. Но хотя фактически СДО не отказывалось от своей программы, у него не хватило мужества пойти на «национальное предательство» и взять на себя ответственность, предложив новую программу, которая вывела бы Сербию и бывшие югославские республики из состояния войны. Возможно, СДО и не могло этого сделать. Возникшему как популистское, националистическое и антикоммунистическое движение, Сербскому движению обновления было очень трудно занять противоположную позицию. У него не достало сил трансформироваться в современную европейскую гражданскую партию, которая подготовила бы для Сербии современную национальную программу, изыскала пути выхода из войны и возможность занять достойное место среди современных государств. Сильнейшие внутренние потрясения, произошедшие в партии, скорее свидетельствуют о «ревизии взглядов» самого Драшковича, чем о

«ревизии» партийных целей. Пленник собственного имиджа и предшествующей политики, СДО попало в националистические политические силки, расставленные Милошевичем для всего оппозиционного движения, и стало заложником вдвойне. Будучи пленником собственного национализма, оно сузило пространство для маневрирования в среде избирателей, но не могло полностью отказаться от «сербского направления». В силу этих внутренних интересов и причин СДО создало амальгаму взаимно противоположных политических позиций: «старым» избирателям оно давало старые обещания, однако новая антивоенная политика была обращена к Сербии, ощутившей последствия не своей войны. Из-за этого внутреннего противоречия СДО попало в другой, внешний, круг зависимости, навязанной Слободаном Милошевичем. Заклейменный официальной военной пропагандой как предатель, Драшкович и по этой причине был вынужден сохранять отчасти свой национальный имидж, дабы множеством заявлений и жестов оградить себя от представлявших для него серьезную угрозу обвинений. Именно поэтому он не мог разоблачать истинную суть войны на территории бывшей Югославии и объяснять общественности, что программа «все сербы в едином государстве» неосуществима без военного конфликта. В силу этого антивоенная позиция СДО осталась в зачаточном виде, без серьезной базы.

Поскольку возможность разъяснить и раскритиковать национальную программу, приведшую к войне, была упущена, Милошевич без труда развернул миротворческую политику, не отказываясь от военных целей и программы. СДО как наиболее влиятельная сербская оппозиционная партия не смогла вскрыть перед общественностью истоки вооруженного конфликта. Тогда как правящая партия сумела представить свои действия в новом свете, а в СМИ появилась пропагандистская идея о непрерывности ее миротворческой миссии. Таким образом, из состояния войны Сербию ныне выводят ее зачинщики, а сербская общественность потеряла шанс зрело и рационально подойти к проблеме войны, а следовательно, и выйти из нее.

Исследование сербской оппозиции оборачивается изучением закрытого порочного круга. Оппозиционное движение зародилось в рядах националистически настроенной интеллектуальной элиты и начало свое политическую деятельность в середине 1980-х годов с национального вопроса. Когда с приходом к власти Милошевича идеи оппозиционно и национально настроенной интеллигенции стали всеобщими, большинство оппозиционеров поддержало его политику, чем укрепило мнение о Сербии как о политически единой, монолитной и окончательно «отделенной» стране. Был заключен «национальный консенсус» по ключевым вопросам национальных отношений в югославском государстве, консенсус, который никогда не ставился под вопрос, даже когда оппозиционеры отделились от Милошевича и основали свои партии. Парадоксально, но многопартийная система только укрепила программу, которая втянула Сербию в войну, так как партии, стоявшие на разных политических позициях, по сути, предложили общественности один и тот же проект, согласно которому сербам надлежало физически отделиться от других народов и сформировать этнически однородное государство. Всеобщее согласие, достигнутое в Сербии, свидетельствует, что речь идет об идее с глубокими и сложными историческими корнями, которую нельзя упрощенно истолковывать как авантюру и безответственность коммунистической партии, готовой на что угодно ради сохранения власти. Идея «все сербы в едином государстве» объединила сербских левых, правых и центристов (насколько можно вообще говорить о подобном разветвленном делении), чем доказала свою фундаментальность и силу, но также показала и наличие глубокого

кризиса сербского общества и его элиты, которые в роковые для всех югославских народов времена не смогли сформулировать программу, основанную на современных принципах интеграции пространства. Единство национальных программ сербской оппозиции и власти доказывает, что югославские войны не есть посткоммунистический феномен, что их причины глубоки, а суть заключается в борьбе за доминирование на этой территории.

Перевод Евгении Потехиной

Диана Вукоманович

Косовский кризис: управление этническим конфликтом (1981–1999)

Косово как миф и исторический факт занимало общественное мнение на Западе в течение всего XX века. Косовский вопрос уже в начале XX века стал служить политико-пропагандистским целям. Через историю о Косове сербы и Сербия, как союзники Запада, виделись храбрым народом и страной, заслужившей почетное место в истории Европы. Во время Первой мировой войны в Великобритании, Франции и США проходили траурные митинги в честь годовщины Косовской битвы. В то время история о Косове, Сербии и ее народе представлялась прекрасной и героической. Однако в течение последнего десятилетия XX века западные СМИ и общественность демонизируют Сербию и сербский народ именно из-за косовского вопроса, рассматриваемого теперь сквозь призму актуального албано-сербского конфликта. В этой статье автор рассказывает о начале и ходе этнического столкновения в Косове и о попытках управлять им (ethnic conflict management), предпринимавшихся прежней югославской коммунистической властью, сегодняшней сербской властью, вождями косовских албанцев и международным сообществом.

Косовский конфликт в 1980-е годы

«Этнический конфликт» – основное определение кризиса в Косове. Между тем современный кризис в Косове разразился не как следствие проблемы межэтнических отношений косовских сербов и албанцев. Кризис начался в марте 1981 г., когда албанцы в массовом порядке вышли на улицы Приштины и других косовских городов, демонстративно выкрикивая лозунг: «Косово – республика!». Этот лозунг не был ни оригинальным, ни новым. Впервые его можно было услышать еще на массовых демонстрациях 1968 г., когда албанцы требовали изменения своего политического и национального статуса в составе СФРЮ. Демонстрации косовских албанцев 1968 г. принесли плоды: по Конституции 1974 г. край Косово получил атрибуты квазигосударственности, схожие с теми, которые были у республик. Опираясь на этот опыт, косовские албанцы в марте 1981 г. потребовали максимум государственности, придания краю Косово статуса седьмой югославской республики. С этого начался серьезный политический кризис на уровне всего федерального государства – СФРЮ. Однако эти радикальные политические требования демонстрантов только отчасти можно было приписать отважности косовских албанцев. Обстоятельства на отечественной и международной сцене создавали идеальный «политический климат» для их выступлений. Показательно, что албанцы в 1981 г., как, впрочем, и в 1968-м, вышли на демонстрации после ухода с политической сцены авторитарных личностей. В 1968 г. ушел в отставку Александр Ранкович, а в 1980-м умер Иосип Броз Тито. Оба раза албанцы справедливо рассчитывали на то, что неожиданный (или ожидаемый) уход этих людей приведет к перераспределению сил между федеральными единицами (республиками) и можно ожидать ослабления позиций сербского руководства. Оба эти обстоятельства открывали возможность для увеличения влияния косовских албанцев в федеральных

органах. Далее, соседняя Албания постоянно побуждала к сецессии и объединению в албанское национальное государство, тогда как на международной сцене неудержимо росло влияние «исламского фактора». Все эти обстоятельства привели к усилению коллективной уверенности и национального самосознания косовских албанцев, до этого обремененных историческим комплексом «маргинального присутствия» внутри югославского государства. Наконец, политическая платформа «Косово – республика» представляла собой комбинацию бюрократически-корпоративного интереса албанской политической элиты в получении полной власти над Косово и национальных/националистических притязаний значительной части косовских албанцев.

С другой стороны, коммунистический режим не мог позволить представителям самого многочисленного национального меньшинства Югославии показать «плохой пример» другим югославским народам и народностям, у которых могли быть схожие политико-национальные притязания. Поэтому было принято решение прекратить выступления косовских албанцев применением репрессивных мер. Югославская армия и полиция достаточно быстро разогнали демонстрантов. 1 апреля 1981 г. Президиумы СФРЮ и СКЮ объявили о кризисной ситуации в Косове и ввели «особые меры». Были запрещены массовые собрания и перемещения населения, введен комендантский час. Демонстрации косовских албанцев были объявлены югославскими властями идеологически неприемлемыми, «контрреволюционными». Коммунистическая партия начала проводить политику так называемой дифференциации – проверки «морально-политической пригодности» косовских албанцев. В местных органах власти, образовательных учреждениях и в СМИ прошли кадровые чистки. «Непригодных» албанцев, скомпрометировавших себя участием в демонстрациях или их поддержкой, увольняли. Некоторые участники демонстраций были арестованы и осуждены на многолетнее тюремное заключение.

Оккупация Косово Албанией. 1941–1944 годы

Применение репрессивных мер облегчалось тем обстоятельством, что среди самих албанцев в начале 80-х гг. еще не было единства насчет выдвигаемых демонстрантами требований. Более того, в первое время сами албанцы, следуя примеру властей, были склонны к внутриэтнической «изоляции».

Применялась обычная модель – избегать контактов с семьями участников демонстраций. В то время осуждали, сажали в тюрьмы и даже издевались над албанскими политическими заключенными в Косове в основном их соотечественники – албанцы, лояльные к Югославии.

Хотя косовский кризис в начале 80-х гг. был интерпретирован как внутривластный и идеологический, он довольно быстро перерос в этнический конфликт между косовскими албанцами и сербами/черногорцами. В марте 1982 г., через год после первых массовых демонстраций, косовские албанцы, несмотря на суровые наказания, подняли новую волну массовых выступлений. Теперь ситуация приняла более серьезный оборот, так как выступления албанцев были направлены против их соседей – косовских сербов и черногорцев. Албанцы стали применять меры прямого (и косвенного) давления и насилия по отношению к сербам. Дискриминация сербов и черногорцев обусловила массовые переселения славян с территории Косова и Метохии .

Со временем косовские сербы и черногорцы самоорганизовались и потребовали от югославского политического истеблишмента более эффективной защиты их семей и домов от нападений албанцев . Оказавшись лицом к лицу с восставшим «народом», демонстративно собиравшимся перед кабинетами чиновников посреди Белграда, коммунистическое руководство ощутило, что теряет

контроль над косовским кризисом. Испугавшись за свои позиции в югославском общественном мнении (и общественном мнении своих «родных» республик), высшие коммунистические чиновники вступили в острые дискуссии по поводу возможностей разрешения кризиса в Косове.

Самые ожесточенные споры по этому вопросу возникли внутри сербского руководства, чего и следовало ожидать. В октябре 1987 г. на Восьмом заседании СК Сербии победила фракция под руководством Слободана Милошевича. Символично, что победа Милошевича привела к заметному повороту в управлении косовским кризисом. Новое сербское руководство на федеральном уровне выхлопотало новое его определение. Теперь он рассматривался как проблема дискриминации косовского национального меньшинства (сербов/черногорцев) со стороны большинства (албанцев). Такое понимание косовского кризиса обусловило и применение более решительных мер по его управлению, суть которых выражалась в одной фразе: «Никто не смеет вас бить!» . Впервые был ясно и громко сформулирован ключевой механизм управления существующим этническим конфликтом в Косове – защита жертв нападения.

Испугавшись отчасти открытого вооруженного столкновения между албанцами и сербами/черногорцами в Косове, а отчасти – за свою власть, югославские коммунисты приняли решение применить новые сдерживающие меры. В октябре 1987 г. в Косове были введены чрезвычайные меры безопасности. По решению Президиума СФРЮ, 25 октября 1987 г. был сформирован так называемый Объединенный отряд Союзного Секретариата внутренних дел (полиции), состоявший из восьми батальонов – по одному от каждой республики и автономного края. Объединенный отряд, который, как оказалось позднее, являлся своеобразным югославским предшественником международных сил КФОР, был направлен в Косово с целью «предотвращения массовых демонстраций и других форм нарушения общественного порядка и спокойствия». Хотя Объединенный отряд и представлял собой убедительную гарантию безопасности для косовских сербов и черногорцев, он все-таки не мог решить ключевую проблему и способствовать улучшению межнациональных отношений между сербами/черногорцами и албанцами. Стало очевидно, что согласие по вопросу о применении репрессивных мер, символично выраженное в формировании Объединенного отряда полицейских сил, не сможет стать эффективным средством в управлении этническим столкновением, если одновременно не будет согласия внутри политической элиты. Однако югославские политики стали перестраиваться именно по национальным/этническим линиям. Вслед за сербским произошла смена воеводинского, косовского и, наконец, черногорского руководства. Под давлением массовых демонстраций, организованных в 1988–1989 гг. сербами и черногорцами и обвинявших тогдашнее руководство в неадекватности и предательстве национальных интересов в косовском вопросе, – руководство ушло в коллективную отставку. В то же время и албанцы демонстративно отрекались от своих соотечественников-коммунистов, занимавших руководящие посты . Таким образом, так называемая антибюрократическая революция была на самом деле движением с двумя участниками и двумя платформами. Это была массовая этническая мобилизация и сплочение как сербского, так и албанского населения, причем на основе двух взаимоисключающих национально-политических платформ. Сербов и черногорцев объединила концепция «единой Сербии», а албанцев – «независимого Косова». Обе стороны, таким образом, были подготовлены к крайнему «решению» косовского кризиса – открытому этническому столкновению.

В конце 80-х гг. косовские албанцы сделали свою стратегию массового протеста более радикальной, руководствуясь примером палестинской интифады, применяя ограниченное насилие в комбинации со всеобъемлющим гражданским неповиновением (Линдхолм, 1994: 17). В отечественных и иностранных СМИ появилось множество описаний уличных беспорядков, в которых главными реквизитами массовых демонстраций являлись дубинки и слезоточивый газ со стороны полиции и камни с албанской стороны. Серия забастовок, организованных косовскими албанцами, полностью парализовала экономику Косова.

Их конечной политической целью являлось объединение с соседним родственным государством и провозглашение Великой Албании. Так спустя десять лет с начала косовского кризиса албанское массовое движение переросло в национальное «ирредентистское»/«сепаратистское», как охарактеризовали его югославские власти.

Хотя косовский кризис был определен в новых терминах, югославский режим продолжал применять все тот же старый метод разрешения проблемы – репрессивные меры, но теперь более жесткие из-за эскалации мятежа косовских албанцев. После объявления всеобщей забастовки албанцев на всей территории Косова в марте 1989 г. Президиум СФРЮ ввел в Косове «особые меры». В ключевых хозяйственных организациях были введены трудовые обязательства. Для обеспечения общественной безопасности в край были направлены новые части союзной милиции. Но это еще не означало введения там «чрезвычайного положения». Демонстрации же не ослабевали. Наоборот, число жертв столкновений полиции и демонстрантов продолжало расти. С албанской стороны имелись десятки убитых и раненых. Множество албанцев было арестовано и осуждено .

Албанцы не отступили и продолжили массовые протесты, продлившиеся до января 1990 г. 30 января 1990 г. произошли первые непосредственные столкновения между албанцами и сербами в деревне Косовска Витина. Этот инцидент мог бы стать своеобразным «спусковым крючком» для открытого этнического столкновения. Однако последовала быстрая и решительная реакция федеральных органов. Президиум СФРЮ 31 января 1990 г. приказал применить «специальные меры» в целях прекращения насилия в Косове. Уже на следующий день, 1 февраля 1990 г., войска федеральной армии (ЮНА) были впервые размещены в Косове. 20 февраля 1990 г. Президиум СФРЮ одобрил все действия ЮНА, нужные для восстановления статус-кво в Косове. В Приштине был введен комендантский час.

Эти меры, которые, впрочем, были предусмотрены в законодательствах всех югославских республик, ограничивали право передвижения лиц, подозреваемых в том, что они представляли угрозу общественному порядку и спокойствию. Важно отметить, что меры были введены в соответствии со статьей 4 Международного пакта о гражданских и политических правах и что югославские власти уведомили о введении мер Генерального секретаря ООН Переса де Куэльера. Но, хотя введение репрессивных мер имело оправдание и в отечественных, и в международных правовых актах, оно вызвало осуждение как югославской, так и международной общественности – правда, по разным причинам.

Коммунистическое руководство прочих югославских республик было напугано тем, что «феномен Косова» мог угрожать и их политическим позициям. Поэтому в начале 90-х гг. руководства всех республик во главе со Словенией и Хорватией начали политику бегства от косовской проблемы, которую не считали ни словенской, ни хорватской, ни даже общегославской, а только

исключительно сербской. Весной 1990 г. Словения и Хорватия, а затем и Македония приняли решение о выводе своего контингента из состава Объединенного отряда милиции, присутствовавшего в Косове неполные три года. Это стало окончательным поражением общегославских «миротворческих сил» в Косове. Вскоре все республиканские руководства согласились, чтобы Секретариат внутренних дел СР Сербии принял на себя полномочия федерального министерства по обеспечению безопасности в этом регионе. Решение вступило в силу 17 апреля 1990 г. Избегая собственной ответственности за общее безуспешное управление косовским кризисом, северные республики добровольно предоставили решение проблемы Сербии.

Так в начале 90-х гг. был дан окончательный ответ на ключевой политический вопрос, который никто достаточно ясно не сформулировал в течение 80-х: является ли Косово общегославской или исключительно сербской проблемой? В любом случае, Косово стало самым большим поражением для югославских коммунистов. Высшим федеральным чиновникам не удалось сформулировать и привести в действие какую-либо эффективную общегославскую политическую платформу для решения проблемы Косова, да и внутри самого Косова такая мультиэтническая платформа не была сформулирована. Югославские коммунисты не смогли сформировать команду политиков и активистов различного национального/этнического происхождения, которая своими выступлениями смогла бы снять этническую напряженность и способствовать диалогу.

Важно отметить, что в начале 90-х гг. и «мировое сообщество» все еще соблюдало большую дистанцию в отношении косовской проблемы. Хотя в течение 80-х гг. иностранные политики были более или менее в курсе событий в Косове и применения югославскими властями репрессивных мер по отношению к косовским албанцам, ситуация в Косове не вызывала острого осуждения со стороны «международного общественного мнения». Причин такого игнорирования и незаинтересованности много. В условиях холодной войны и политики, и общественность, как на Востоке, так и на Западе, «подразумевали» тот факт, что некоторые коммунистические страны в целях соблюдения интересов «социалистической революции» прибегали к применению репрессивных мер по отношению к населению. Как, например, это было в Польше в декабре 1981 г., когда было введено военное положение.

Таким образом, репрессии в Косове, проводившиеся югославскими властями в 80-х гг., не переходили границы терпимости политиков и общественности иностранных государств. Более того, тогда кризис в Косове рассматривался как внутренний вопрос Югославии, в решение которого международные силы не хотели вмешиваться скорее по идеологическим, нежели по геостратегическим причинам. Дело в том, что югославские коммунисты пользовались на Западе доверием и поддержкой, как среди левых, так и среди правых. Левые с пониманием относились к Югославии, так как она, в отличие от СССР, Китая, Камбоджи и Албании, практиковавших жестокие репрессивные методы, была примером «социализма с человеческим лицом». Западные правые поддерживали Югославию прежде всего за ее противостояние Советскому Союзу. И те и другие без радости восприняли плохие новости из Югославии и не хотели, чтобы новости о событиях в Косове распространялись среди общественности. Далее, крайне одиозное отношение Запада к Албании, считавшейся последним оплотом сталинизма в Европе, негативно повлияло и на «имидж» косовских албанцев, и на возможность поддержки их национально-политических требований по объединению с этим государством. Наконец, на Западе была заметна и большая цивилизационно-культурная

дистанция в отношении косовских албанцев. По свидетельствам активистов международных правозащитных организаций, была очевидна разница в реакции общественности, СМИ и политиков Запада на нарушение прав человека в Югославии в зависимости от этнической принадлежности жертв .

Хотя проблема Косова и представляла значительную угрозу для региональной стабильности и спокойствия, она, по приведенным выше причинам, долгие годы не «актуализировалась» на Западе ни политиками, ни общественным мнением. Только в начале 90-х Западная Европа более явно определила свою позицию в отношении косовской проблемы, считая ее все-таки исключительно внутривосточным вопросом защиты прав человека. Одним из ключевых условий, поставленных Европейским союзом перед югославскими властями ввиду развития контактов и сотрудничества с ЕС в начале 90-х гг., было «полное уважение прав человека, прежде всего в Косове, при решении конфликтных ситуаций между отдельными людьми, группами, нациями и национальными меньшинствами» (Керим, 1991: 2). Однако заинтересованность мощных западных стран, государств – членов ЕС свелась, по крайней мере со стороны общественности, к моральной поддержке исключительно албанцев, символически выраженной в присуждении престижной премии имени Сахарова Адему Демачи, зачинателю современного националистического движения косовских албанцев . Вручение этой премии представляло большую моральную поддержку косовских албанцев. Однако долгие годы Запад публично продолжал ограничивать открытую политическую поддержку их сепаратистских требований. Косовским албанцам пришлось до конца 90-х гг. терпеливо ждать своей очереди в геостратегической повестке дня ведущих западных государств – чтобы после войн в Словении, Хорватии и Боснии, пришел черед разжечь косовский очаг войны. А в течение 90-х гг. Запад использовал косовский вопрос как средство сильного политического давления на Сербию, чтобы добиться от нее сочувственной позиции в отношении методов «решения» кризисных ситуаций в Словении, Хорватии и Боснии.

Косовский конфликт в начале 1990-х годов

Вопреки ожиданиям, что косовский кризис в начале 90-х перерастет в вооруженное этническое столкновение между албанцами и сербами, события в этом южном крае оставались в глубокой тени гражданской войны, полыхавшей на территории северо-западных республик, Словении и Хорватии, а затем и Боснии. До конца 90-х гг. сербско-албанское столкновение не пошло дальше конституционно-правового путча. С одной стороны, косовские албанцы провозгласили Косово независимой республикой путем принятия незаконной Качаникской конституции в сентябре 1990 г. С другой стороны, сербские власти одновременно приняли новую сербскую конституцию, по которой Косово, наряду с северным сербским краем Воеводиной, в политическом, правовом и административно-территориальном плане еще теснее стало связано с политической системой и территорией Республики Сербии .

Эти противоположные конституционные изменения привели к политически патовой позиции. Стало очевидно, что для победы одной из этих двух конституционно-политических концепций должно быть применено крайнее средство – сила оружия. Однако в начале 90-х обе стороны, и албанская, и сербская, отказывались от употребления оружия по причинам, коренившимся не в Косове, а скорее во внешнем окружении. А именно, косовские албанцы были поставлены перед фактом, что Словения и Хорватия использовали их в целях проведения собственного сепаратистского курса, но больше не

могут и не хотят заниматься защитой их интересов ни перед югославскими участниками событий, прежде всего Сербией, ни перед международными посредниками, прежде всего Европейским союзом. Потеряв отечественных «защитников», косовские албанцы, не обретя новых покровителей, никак не могли сами вступить в открытую конфронтацию с Сербией. Со своей стороны, Сербия столкнулась с новыми очагами кризиса в Словении, Хорватии и Боснии, и ей не нужна была эскалация конфликта на ее же собственной территории, в Косове. Поэтому и албанская, и сербская стороны старались «заморозить» кризис на долгие годы.

Так, в начале 90-х гг. ситуация в Косове внезапно изменилась. Весной 1990 г. у косовских албанцев появилось новое руководство – партия Демократический союз Косова и Ибрахим Ругова. Он радикально изменил стратегию косовских албанцев. Всего за несколько месяцев Ругове удалось провести массовую демобилизацию своих соотечественников и уговорить их оставить стратегию интифады и принять метод «мирного сопротивления» Ганди. Начав массовое бойкотирование институтов сербского государства, албанцы стали создавать параллельную систему этнически «чистых» албанских институтов в сферах просвещения, массовой информации, культуры, здравоохранения, экономики, а прежде всего – политические институты власти. Это включало в себя и организацию выборов, и формирование парламента и правительства, которые действовали полулегально в Косове и в западноевропейских государствах. С другой стороны, сербский режим старался дисциплинировать косовских албанцев. Албанских работников, организовывавших забастовки на рабочих местах, увольняли. Из-за несоблюдения норм закона при составлении учебных планов сербские власти приостановили работу албанских школ и вузов. Затем средства массовой информации на албанском языке также получили запрет на работу из-за увеличения антигосударственной пропаганды и т. д. Такие меры вызвали острые негативные реакции со стороны мирового сообщества по отношению к сербскому режиму, тогда как косовским албанцам удалось заполучить симпатии и поддержку общественного мнения, особенно на Западе, который «видел» в них немощных жертв «сербской репрессии» .

Однако с точки зрения управления косовским кризисом, значимым фактом являлось существование все это время в Косове кондоминиума сербско-албанской власти. В Косове функционировала система параллельной власти, институтов и раздельной жизни албанского населения, с одной стороны, и сербского и черногорского – с другой. Обе стороны молчаливо выбрали политику этнической сегрегации в качестве долгосрочного модуса вивенди. Хотя то и дело происходили спорадические инциденты, обе стороны поддерживали состояние мирного конфликта и терпели относительно невысокий уровень обоюдных притеснений, дискриминации и нетерпимости. Будучи противниками, сербский режим во главе с Милошевичем и албанское руководство во главе с Ибрахимом Руговой смогли годами (почти целое десятилетие – 90-е годы) управлять, контролировать и поддерживать состояние мирного конфликта в Косове и Метохии.

Однако все это время «висел в воздухе» факт, что Косово с почти двухмиллионным большинством албанского населения представляло собой политический и демографический *corpus separatum* в рамках Республики Сербии и соответственно Югославии. Этот *corpus separatum* не мог, да и не хотел реинтегрироваться путем применения конституционных, законных, политических, экономических, а тем более репрессивных мер. Одновременно стало очевидно, что никакие политические, экономические и законные меры не смогут помешать сербам и черногорцам, спасавшимся от

давления своих албанских соседей, искать убежища на территории центральной Сербии. Хотя сербскому режиму удавалось удержать Косово и Метохию под своим политико-полицейским контролем, было очевидно, что в демографическом плане Сербия постепенно теряла этот край: количество сербов и черногорцев в Косове неудержимо уменьшалось. Такой ситуацией были недовольны и косовские албанцы, и косовские сербы и черногорцы, и сербский режим.

Опасаясь открытого вооруженного столкновения, в начале 90-х гг. сербская и албанская стороны попробовали в управлении косовским кризисом прибегнуть к единому механизму, который полностью игнорировался в 80-е гг. После введения политического плюрализма на албанской и сербской политической сцене появились действующие лица, готовые к решению проблемы Косова через прямой сербско-албанский диалог. Первые круглые столы по Косову были организованы в 1990 г. в Мостаре, Приштине и Белграде. В них приняли участие представители новых оппозиционных либерально-демократических объединений и партий. Два года спустя, в январе 1992 г., в переговорах по Косову участвовали представители влиятельных сербских и албанских партий. Затем все более частыми стали встречи албанских (из Косова и из самой Албании), сербских, югославских и европейских экспертов, старавшихся оказать содействие в решении проблемы Косова. Более того, группа экспертов разработала (по инициативе Союзного правительства СР Югославии) проект закона по регулированию свобод и прав общностей меньшинств (ДМЗ, 1993: 58). Этот закон так и не принят до сегодняшнего дня.

Но эти диалоги были безуспешными по двум причинам. Во-первых, переговорщики не являлись представителями исполнительной власти. В основном это были члены оппозиционных партий или неправительственных правозащитных организаций. Во-вторых, общие договоренности, достигнутые на этих встречах, не имели никакого политического эффекта, так как не были приведены в действие. Наконец, по прошествии времени стало очевидно, что даже умеренные, либеральные политики или активисты неправительственных организаций, представители сербской и албанской стороны, встречались для того, чтобы сообщить друг другу, «в духе толерантности», о крайних, в сущности непримиримых национально-политических позициях обеих сторон (Д, 1997: 140–144). Стало очевидно, что такой сербско-албанский диалог не может трансформироваться в политическую акцию по решению межэтнического конфликта.

Параллельно официальные власти, со своей стороны, начали диалог, у которого, конечно, было больше перспектив помочь решению косовской проблемы. Федеральное правительство во главе с премьер-министром Миланом Паничем открыто выразило желание начать диалог с представителями косовских албанцев. Правительство СР Югославии 10 сентября 1992 г. приняло «Проект мер по решению проблем в области просвещения и культуры албанского меньшинства». Программа состояла из 14 пунктов с конкретными обязанностями и сроками выполнения и была направлена компетентным органам Республики Сербии и политическим партиям косовских албанцев. Вскоре, 12–14 октября 1992 г., в Приштине состоялись переговоры по проблемам образования на албанском языке, в которых участвовали представители правительства СРЮ, косовских албанцев и члены специальной группы Женевской конференции по Косову. На переговорах присутствовали и представители миссии КЕБС в Югославии. Федеральный премьер-министр Милан Панич встретился с лидером косовских албанцев Ибрахимом Руговой. Была достигнута договоренность о формировании совместных рабочих групп, которые занимались бы вопросами законодательства,

образования и информации на албанском языке. Однако после смены Милана Панича осуществление этого проекта было прекращено сербскими властями.

Сам сербский режим, по крайней мере дважды, выражал желание активно включиться в сербско-албанский диалог. Первый раз – в июне 1995 г., когда представитель правящей партии (Социалистической партии Сербии) участвовал в съезде сербских и албанских политических представителей. Однако два года спустя СПС не приняла участия в похожем съезде, который в апреле 1997 г. состоялся в Нью-Йорке и был организован и профинансирован все тем же фондом Carnegie Corporation. Тогда организаторам удалось собрать видных политических представителей как сербской оппозиции, так и косовских албанцев. Отсутствие делегации СПС, однако, не означало прекращения диалога между СПС и косовскими албанцами. Наоборот, в сентябре 1996 г. отечественная и мировая общественность была удивлена промелькнувшим в СМИ сообщением, о том, что в Белграде встретились президент Милошевич и Ругова и подписали соглашение об образовании в Косове. Однако вскоре выяснилось, что подписание этого соглашения было частью предвыборной кампании перед ноябрьскими федеральными выборами. Положения соглашения так и не были осуществлены на практике.

С точки зрения управления кризисом в Косове важно выделить новый фактор, оказавшийся важным и полезным в процессе развития сербско-албанского диалога. Речь идет о роли посредников и координаторов.

Общественность впервые тогда узнала, что в сербско-албанских переговорах по соглашению об образовании участвовала и третья сторона – католическая неправительственная организация Sancta Egidio. Обе стороны, и сербская, и албанская, вынуждены были признать, что для решения косовской проблемы им необходим Третий, Посредник. Таким образом косвенно был дан «зеленый свет» для более активного включения ряда международных и (не)правительственных организаций в решение проблемы Косова.

Впрочем, кризис в Косове уже несколько лет был на повестке дня КЕБС/ОБСЕ. В сентябре 1992 г. на территории Косова начала работать постоянная наблюдательская миссия КЕБС (Лутовац, 1995: 147–178). Однако сербские власти, учитывая накопленный негативный опыт посредничества международного сообщества в хорватском и боснийском конфликтах, испытывали недоверие к международным организациям и их добрым намерениям в урегулировании кризиса в Косове. В целях защиты своих интересов югославские власти превентивно применили ограничительные административно-дипломатические меры, отказав в согласии на присутствие миссии наблюдателей КЕБС на территории СРЮ. Это, конечно, было ошибкой, учитывая то, что в гипотетических отчетах наблюдателей о ситуации в Косове намного раньше могло бы быть высказано предостережение сербской и мировой общественности насчет создания в Косове нелегальной паравоенной организации – Освободительной армии Косова (ОАК).

Обострение конфликта в конце 1990-х годов

Понимая, что стратегия «мирного сопротивления» Ганди не приносит желаемых политических результатов, косовские албанцы становились все нетерпимее и наконец приняли решение вновь прибегнуть к силовым методам. Во второй половине 90-х гг. в их среде слабели позиции умеренных политиков и стремительно укреплялись позиции экстремистов, группировавшихся вокруг ОАК. При этом важно отметить, что ОАК не была новой нелегальной организацией. Ее сторонники набирались

из рядов местных нелегальных организаций и заграничных организаций албанской эмиграции, которые уже десятилетиями существовали в Косове и в странах Запада. Основную часть ОАК составляли молодые албанцы, всегда готовые откликнуться на традиционный зов вооруженного мятежа. Также в ОАК входили и албанцы-возвращенцы, которым ряд западных стран в массовом порядке отказал в приеме и праве на политическое убежище. Во второй половине 90-х гг. на всей территории Косова члены ОАК стали совершать вооруженные и террористические нападения на полицейские посты, покушались на сербских полицейских, политиков и чиновников, не щадя при этом и своих соотечественников, сотрудничавших с сербскими властями. Эта деятельность достигла пика активности в 1998 г.

Конечно, с позиций сербского государства и правового порядка ОАК не могла быть квалифицирована иначе чем антигосударственная террористическая организация. Впрочем, с таким определением согласился и бывший посол США в СФРЮ Уоррен Циммерман, который характеризовал ОАК как организацию «в классическом смысле не менее террористическую, чем Хамас или ИРА» (Zimmermann, 1998: 7). Основная разница состояла в том, что ОАК не вела «городскую партизанскую войну», как ИРА, а выбрала латиноамериканскую модель партизанской войны. Для своих главных опорных пунктов члены ОАК выбирали этнически чистые албанские деревни. Акции ОАК не оставили сербскому режиму возможности выбора. В Косово и Метохию были посланы специальные полицейские отряды (правда, похожие на военные) с целью уничтожения главных опорных пунктов ОАК. В этих антитеррористических операциях часто погибали и гражданские лица, укрыватели членов ОАК. Так замкнулся заколдованный круг насилия, при этом самую высокую цену платили невинные.

Более того, массовые жертвы среди членов ОАК и албанских мирных жителей являлись следствием сугубо рационального расчета. Будучи крайними националистами, вожди косовских албанцев оправдывали наличие массовых жертв достижением единственно важной цели – «независимого Косова» и создания «Великой Албании». Для осуществления этой цели никакая жертва не могла быть слишком большой, даже десятки тысяч жизней косовских албанцев. По свидетельству Маличи, в расчетах некоторых албанских лидеров уже в начале 90-х гг. рациональной считалась потеря от 50 000 до 100 000 албанцев (Маличи, 1994: 221–222). Косовские албанцы должны были путем применения оружия спровоцировать массовое отмщение со стороны сербского режима, а затем в качестве более слабой стороны в конфликте получить поддержку влиятельных международных сил. В глазах мировой общественности косовский кризис представлял собой опасность по двум причинам. Во-первых, албано-сербское столкновение обладало так называемым потенциалом «перехода» (spill-over potential) на соседние территории – прежде всего в Черногорию, Македонию, Албанию и Грецию, учитывая высокую степень концентрации албанского меньшинства в этих государствах. Во-вторых, албано-сербское столкновение в Косове могло привести к усилению этнических конфликтов на всей территории Балкан (Miall, 1992: 34). Так, после начала открытого вооруженного столкновения между ОАК и сербскими силами безопасности весной 1998 г. Косово стало самым серьезным кризисным очагом в Европе.

Мировое сообщество, учитывая опыт гражданско-этнической войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине, с готовностью предложило себя конфликтующим сторонам в качестве посредника и арбитра. Правда, сербы сначала, в апреле 1998 г., на референдуме решительно ответили «нет»

(94,73% всех проголосовавших) иностранным посредникам. Но по мере эскалации вооруженного конфликта стало очевидно, что сербскому режиму, как, впрочем, и албанскому политическому руководству во главе с Руговой, все сложнее удерживать ситуацию под политическим контролем. В разгар вооруженных столкновений в Косове был подготовлен и подписан целый ряд документов, которые представляли собой предварительные политические соглашения для конечного решения вопроса о статусе Косова.

Ричард Холбрук, представитель США на переговорах по Косово в 1998–1999 годах, и министр иностранных дел РФ Игорь Иванов

Сначала президент Милошевич и специальный представитель США Ричард Холбрук подписали 13 октября 1998 г. соглашение, в котором определялись крайние сроки для достижения договоренностей о возобновлении «международного присутствия» в Косове (в виде Проверочной миссии ОБСЕ), по ключевым элементам политического решения косовской проблемы и по выработке правил и процедур для предстоящих выборов в Косове, которые должны были быть проведены в течение девяти месяцев (МНА, 1998: 42). Три дня спустя, 16 октября 1998 г., СРЮ подписала соглашение об отправке Проверочной миссии ОБСЕ в Косово (А, 1998: 42–44). Две тысячи невооруженных членов миссии ОБСЕ должны были «проехать по всей территории Косова и подтвердить наличие вооруженных столкновений» между конфликтующими сторонами, что являлось первым и основным шагом на пути к контролю и разрешению этнического конфликта. Прекращение огня служило условием для начала следующей, более значимой фазы управления конфликтом – политических переговоров враждующих сторон. Это условие не было выполнено. Хотя в Косове все еще продолжались вооруженные столкновения между албанской и сербской сторонами, международные посредники – так называемая Контактная группа (Франция, Италия, Австрия, Великобритания и Россия, под руководством США) – поспешили усадить конфликтующие стороны за стол переговоров, сначала в Рамбуйе (6–23 февраля 1999 г.), а потом в Париже (15–18 марта 1999 г.).

Одну сторону представляла этнически монолитная делегация косовских албанцев. Другую сторону – делегация СРЮ и Республики Сербии, состоявшая из представителей государства и семи этнических общин Косова – по одному от сербов, черногорцев, албанцев, мусульман, турок, цыган и египтян. Хотя впервые за почти два десятилетия конфликта на переговорах наконец встретились группы, состоявшие из значимых представителей, им не дали возможности окончательно поговорить/договориться о проблеме Косова. Дело в том, что посредники из Контактной группы, которыми руководила госсекретарь США Мадлен Олбрайт, оставили в стороне сами переговоры и предложили обеим делегациям подписать «окончательный текст» Временного соглашения о мире и самоуправлении в Косове. Участникам «переговоров» текст вручили 23 февраля 1999 г. в 9.30 и дали срок для ответа (то есть подписания документа) до 13.00 часов того же дня! Если делегация косовских албанцев покорно следовала инструкциям, то делегация СРЮ и Республики Сербии отказалась подписать предложенный документ. Югославские власти не хотели соглашаться с размещением 28 000 солдат НАТО на территории Косова, а тем более полностью выводить оттуда Армию Югославии и полицейские силы. Также спорными являлись правовые соглашения, по которым косовские албанцы фактически получали автономию с атрибутами государственности, что в перспективе означало только одно – поддержку сепаратизма.

Продолжение переговоров в Париже было также безуспешным. На этот раз делегация СРЮ и Республики Сербии представила свою версию соглашения о самоуправлении в Косове и Метохии, предварительно подписанную всеми членами делегации. Так подписанные в одностороннем порядке в Рамбуйе и Париже документы стали бесполезными бумажками. Эти переговоры делегации косовских албанцев и делегации Югославии, организованные амбициозными, но крайне не скоординированными международными посредниками, потерпели фиаско. Несколько дней спустя фиаско потерпел и специальный представитель США Ричард Холбрук, в последний раз попытавшийся посредством еще одной миссии челночной дипломатии получить подпись Милошевича под соглашением (как это удалось ему четыремя годами ранее в Дейтоне). Однако на этот раз Холбрук, как и остальные международные посредники, был вынужден признать свое поражение.

Война 1999 года и приход в Косово КФОР и УНМИК

Исчерпав весь предусмотренный ассортимент политико-дипломатических мер давления, западные страны, глубоко расстроенные собственным неуспехом в посредничестве, решили использовать последнюю и одновременно самую убедительную меру давления – военную акцию. Девятнадцать государств – членов НАТО 24 марта 1999 г. начали кампанию по бомбардировке, названную «Операцией объединенных сил». Операция была направлена против военных и гражданских объектов на всей территории СРЮ, включая и территорию Косова. Эта кампания продлилась 78 дней и была завершена 10 июня 1999 г. Таким образом НАТО под предлогом гуманитарного вмешательства в этнический конфликт прибегло к массовому убийству гражданского населения, разрушению населенных пунктов и инфраструктуры на всей территории СРЮ и особенно на территории Косова. Более того, по большей части именно косовские албанцы, которых НАТО якобы хотело защитить, подверглись массовому уничтожению. Колонны беженцев, перемещавшиеся по Косову, не могли защититься от натовских пилотов, не делавших различия между гражданскими и военными целями.

С другой стороны, военное вмешательство НАТО радушно приветствовалось косовскими албанцами как спасение и разрешение косовского кризиса. Однако косовские албанцы ждали так называемого мягкого вмешательства против сербского режима, «предупредительной», «гуманитарной» военной интервенции, которая привела бы к установлению «временного протектората» над Косовом (Maliqi, 1998: 194–195). А то, что произошло во время бомбардировок НАТО, превзошло даже самые худшие ожидания. После вмешательства НАТО локальный этнический конфликт перерос в региональный кризис с массовым исходом из края беженцев и перемещенных лиц!

Цели авиаударов НАТО в Косово

Оправданием военного вмешательства НАТО служила «гуманитарная катастрофа», которая якобы произошла в крае вследствие столкновения ОАК и югославских сил безопасности. По оценкам ООН, до марта 1999 г. около 315 000 человек были вынуждены переселиться на территории СРЮ. Однако именно интервенция НАТО привела к массовому исходу населения из Косова. Только за первые восемь дней бомбардировок, по оценкам ООН, около 227 000 человек покинули Косово (R, 1999: 5). Окончание бомбардировок НАТО было официально закреплено принятием Резолюции Совета Безопасности № 1244. В соответствии с ее положениями многонациональные силы, которые будут посланы в Косово в рамках миссии КФОР (Kosovo Forces), должны были обеспечить «присутствие

сил международной безопасности». В течение второй недели июня 1999 г., в соответствии с Военно-техническим соглашением, подписанным в Куманово, в Косово после вывода югославских военных и полицейских сил вошли 14 000 представителей КФОР. В течение следующего месяца число кфоровцев увеличилось до 33 500 человек. Единое командование и контроль осуществлял штаб в Приштине, которому подчинялись пять штабов многонациональных бригад, контролируемых пятью ведущими членами НАТО. Была установлена «временная» администрация по безопасности и гражданская администрация – протекторат, основной задачей которого было любой ценой провести демократизацию Косова, чего бы это ни означало для любой из сторон конфликта, сербской или албанской. Политическая роль была доверена гражданским служащим УНМИК (UN Mission in Kosovo) и десятков других международных неправительственных организаций под общим руководством ООН, Управления ООН по делам беженцев и Европейского союза. Были установлены четыре основных принципа демократизации в Косове – четыре долгосрочных цели международного протектората: 1) гражданская администрация; 2) гуманитарные вопросы; 3) формирование институтов; 4) реконструкция.

В конечном итоге и международные, и местные неправительственные организации получили ключевую роль в разрешении постконфликтной ситуации в Косове, то есть в проведении гуманитарных акций и формировании местной администрации. Система международного протектората в Косове старалась утвердить себя при помощи большого количества денег, необходимых для основных гуманитарных нужд. В обращении ООН, опубликованном в середине июля 1999 г., указывалась сумма в 689 064 185 долларов, международные спонсоры (правительства иностранных государств, международные и региональные организации и частные лица) предоставили сумму в 504 621 738 долларов (R, 1999: 64-67). К 2000 г. международные спонсоры называли цифру около одного миллиарда долларов, которую нужно было бы выделить на Косово! После прихода КФОР случаев проявления этнического насилия не стало меньше, прежде всего со стороны албанцев по отношению к неалбанскому населению. Сербь, цыгане, горанцы и другие были слабыми жертвами, оставленными на милость или немилость албанцев и «нейтральных кфоровцев». В так называемом политически безопасном вакууме сербы и остальное неалбанское население Косова стали жертвами этнических чисток, продолжавшихся с прежней силой. Фигурировала цифра порядка 200–300 тысяч человек, которые после прихода КФОР были вынуждены оставить Косово. Косовские албанцы проводили систематические этнические чистки неалбанского населения по следующей модели: если словесные угрозы не заставляли людей уехать, их похищали или убивали, имущество грабили, а дома сжигали, чтобы сделать невозможным возвращение. Параллельно в массовом порядке уничтожались православные церкви и монастыри. Сербь в Косове жили в гетто. По всему Косову были образованы небольшие анклавь неалбанского населения. Более того, этнический конфликт в Косове стал многонациональным. Он больше не был только албано-сербским, он стал албано-неалбанским. Целью для нападений одинаково служили и представители других этнических общин, прежде всего цыгане, горанцы, католики и т. д.

В то же время представители КФОР и УНМИК заявляли, что не располагают достаточным количеством обученных людей и финансовых средств для установления безопасности и осуществления концепции «многонационального» Косова. Бессилие КФОР в сдерживании этнических столкновений объяснялось тем, что солдаты не были обучены полицейским методам

поддержания порядка, и поэтому не могли обеспечить эффективную защиту неалбанского населения. Промедление и трудности с приездом предусмотренных 3100 представителей международной полиции в Косово только усложнило проблему. Косовские защитные силы, состоявшие из местного косовского населения, еще только формировались, хотя их эффективность тоже была под вопросом, так как их членами по большей части были албанцы, представители народа, угнетавшего остальных. После двадцати лет кровавого межэтнического конфликта сербы по-прежнему оставались жертвами албанского большинства, при этом насилие над ними только усугублялось. С другой стороны, косовские албанцы оставались маргиналами в политической и экономической жизни Балканского региона. Наконец, концепция «многонационального» Косова, провозглашенная главной целью международной военной и гражданской миссии в крае, также потерпела поражение. Это вынужден был признать и глава гражданской миссии УНМИК Бернар Кушнер. Спустя месяц после вступления в должность главы УНМИК, в августе 1999 г., Кушнер самоуверенно заявил: «Я намерен построить многонациональное Косово». Однако в середине декабря 1999 г. он признал, что «многонациональность сейчас неподходящее слово; сначала нужна безопасность, а потом уже совместная жизнь» («Блиц», 17 декабря 1999 г., стр. 9). Так в самом конце 1999 г. Косово стало моноэтнической территорией, почти полностью «очищенной» от неалбанцев.

Сейчас напряженность и прямые столкновения в Косове происходят на нескольких фронтах. Это и албано-сербский конфликт, это и конфликт албанцев со всеми неалбанцами (цыганами, горанцами и другими национальными общинами), конфликты между самими албанцами (между различными фракциями косовских албанцев) и, наконец, конфликт косовских албанцев с представителями международного сообщества. Члены ОАК демонстрируют исключительное неприятие принципов этнической терпимости и разделения власти. Время покажет, станут ли представители ОАК такими же хорошими политиками, какими упорными они были вояками.

Как оказалось после почти двух десятилетий конфликта, ключевой проблемой является не только вопрос взаимоотношений сербов и косовских албанцев. Ключевая проблема – в отношении албанцев не только к сербам, но и ко всем неалбанским национальным меньшинствам и общинам и даже к представителям международного сообщества, действующим в Косове в рамках КФОР и УНМИК! Ведь в Косове в данный момент ведется более или менее скрытая борьба между ОАК и представителями международного сообщества за полномочия в сфере политики и безопасности.

Заключение

В ретроспективе, с начала 80-х гг. до сегодняшнего дня, видна постоянная эскалация кризиса в Косове. Из местного внутривластного кризиса он со временем перерос в этнический конфликт и, наконец, достиг стадии гуманитарного кризиса. Сейчас косовский кризис представляет собой большой вызов и пробу возможностей международных институтов – ООН, ОБСЕ, Европейского союза, НАТО и их ведущих государств-членов – в управлении этническими конфликтами. Международное сообщество, управляя этническим конфликтом в Косове, может этим безуспешным начинанием поставить под угрозу результаты своего предыдущего «успеха» – Дейтонское соглашение по Боснии и Герцеговине. Дейтонскому принципу интеграции угрожает косовский принцип сепарации. Международное сообщество стремится шаг за шагом осуществить инкорпорацию Косова посредством нового регионального политического соглашения, образцом которому служит Дейтонское, но с более претенциозным названием. Речь идет о Пакте стабильности

в Юго-Восточной Европе, который принял Европейский союз в июне 1999 г. в целях «расширения демократии, экономического процветания, стабильности и регионального сотрудничества». Сейчас и в ближайшие годы косовский кризис не будет «разрешен». Он еще долго будет служить полигоном для тестирования механизмов управления этническими конфликтами. На данный момент не существует политической или военной организации (местной или международной), способной, опираясь на собственный потенциал, установить и удерживать контроль над косовским кризисным очагом. Сотрудничество и «реклама» в косовском мирном процессе являются необходимым условием для его успешного исхода. В любом случае, его исход не даст ответа на вопросы исторической справедливости и несправедливости. Его исход будет зависеть от степени успешности решения этнического конфликта. Международное сообщество должно способствовать тому, чтобы местные политики и национальные/этнические общины устанавливали, укрепляли и поддерживали меры для формирования взаимного доверия, вытесняли экстремистов с политической сцены внутри своих общин/групп и находили пространство для «умеренных», компромиссных политических решений.

Впрочем, у международного сообщества есть такой опыт. Оно располагает достаточным количеством миротворческих проектов, более или менее успешно опробованных при урегулировании британско-ирландского и арабо-израильского конфликтов. А тем временем, в течение долгих месяцев и лет, присутствие «военного сапога» в Косове будет представлять наиболее удобный механизм управления этническим конфликтом.

Литература:

А (1998). Agreement on the OSCE Kosovo Verification Mission, Eurobalkans, № 33, Winter 1998/1999.

Ахмети, Севдије (1994). Сукоб или дијалог: српско-албански односи и интеграција Балкана, ed.

Душан Јанић, Шкезен Малићи. Суботица: Отворени универзитет.

Боби, Гани (1994). «У вртлогу животног света Албанаца данас», у Сукоб или дијалог: српско-

албански односи и интеграција Балкана, ed. Душан Јанић, Шкезен Малићи (1994). Суботица:

Отворени универзитет.

Д (1997). Српско-албански дијалог / Dialogu Serbo-Shqiptar (Улцињ, 23–25 јун 1997). Београд:

Хелсиншки одбор за удска права у Србији.

ДМЗ (1993). «Демократија и мањинске заједнице», Европски грађански центар за решавање конфликта, Форум за етничке односе и Европски покрет у Србији, Београд – Суботица.

Emmert, Thomas A. (mimeo). «The Kosovo Legacy». Gustavus Adolphus College.

НВ (1992). «Yugoslavia: Human Rights Abuses in Kosovo 1990–1992, „Helsinki Watch“, October 1992,

Helsinki Watch. ИК (1993). „Истина о Космету“, специјално издање Политике, Београд, јун.

Ислами, Хивзи (1994). «Демографска стварност Косова» у Сукоб или дијалог: српско-албански

односи и интеграција Балкана, ed. Душан Јанић, Шкезен Малићи (1994). Суботица: Отворени

универзитет.

Jansen, Jan (1996). «Human Rights Abuses in Kosovo in the 1980s and the response from the West»,

Kosovo-Kosova – Confrontation or Coexistence, Duijzings, Ger; Janjic, Dusan; Maliqi, Shkelzen, (eds.),

Peace Research Center, University of Nijmegen.

Керим, Срђан (1991). «Југославија и Европска заједница», Међународна политика, бр. 979 (16 јануар).

- КЧ (1994). «Косовски чвор све замршенији», Република, тематски број (9 фебруар), Београд.
- Линдхолм, Хелена (1994). «Косово – интифада сутрашњице? (1)», «Косовски чвор све замршенији», Република, тематски број (9 фебруар), Београд.
- Лутовац, Зоран (1995). Мањине, КЕБС и југословенска криза. Београд: Институт друштвених наука, Институт за међународну политику и привреду.
- Maliqi (Malici), Shkelzen (1993). «The Albanian Intifada», *The Destruction of Yugoslavia: Tracing the Break-Up 1980–1992*, ed. Branka Magac. London, New York: Versal.
- (1994). «Саморазумевање Албанаца у ненасиу – изградња националног идентитета наспрам Срба», у Сукоб или дијалог: српско-албански односи и интеграција Балкана, ed. Душан Јанић, Шкелзен Малићи (1994). Суботица: Отворени универзитет.
- (1998). «Proposal: Soft Intervention», in: *Kosova: Separate Worlds (Reflections and Analyses 1989–1998)*, MM, Prishtina.
- МНА (1998). Milosevic-Holbrooke Accord, *Eurobalkans*, № 33, Winter 1998/1999.
- Miall, Hugh (1992). «New Conflicts in Europe & Resolution», *Current Decisions Report*, No. 10, Oxford Research Group, Oxford, July.
- R (1999). Revision of the 1999 United Nations Consolidated Inter-Agency Appeal for the Southeastern Europe Humanitarian Operation, January – December 1999, UN, Geneva, July 1999.
- SMI (1998). Serbian Ministry of Interior: «Actions of Albanian separatists in the territory of Kosovo and Metohija from 1 January to 31 December 1998». *Eurobalkans*, № 33, Winter 1998/1999.
- Шћепановић, Милија (1989). «Егзодус Косовских Срба и Црногораца 1878-1988», *Косово – прошлост и садашњост*, Петковић, Ранко (ур.). Београд: Међународна политика.
- У (1988). «Yugoslavia», *Eastern Europe and Communist Rule*, ed. Brown, F.J. Durham, London: Duke University Press.
- Zimmermann, Warren (1998). «The Demons of Kosovo», *The National Interest*, Summer.
- ZK (1998). Zeri i Kosoves: «Kosova Liberation Army», Statement, in: *Eurobalkans*, № 33, Winter 1998/1999.

Перевод Дарьи Костюченко

Бошко Миятович

Почему Милошевич капитулировал?

Введение

Война за Косово и Метохию закончилась полным политическим поражением Сербии и Югославии.

Эта область потеряна для сербского народа и государства. Что с ней будет в следующие годы и десятилетия – останется ли она надолго под международным протекторатом или обретет независимость и относительно быстро объединится с Албанией, – для нас это уже не важно.

Милошевич и его пропагандисты попытались нас убедить, что мы одержали блестящую победу над НАТО и Освободительной армией Косова (АОК) и сохранили Космет (Косово и Метохия. – Прим. переводчика) в Сербии и Югославии, но речь, ясно, идет об обычной лжи. Я не буду доказывать обратное, а только приведу авторитетное мнение заместителя председателя правительства Сербии профессора Ратко Марковича: «Понятно, что произошло.

Мирным договором за Косово Сербию лишили Косова, исторической колыбели сербского государства... Формально Косово будет *corpus separatum* в территориальных рамках Сербии, но по

сути будет отдельным государством без внешних знаков государственности, хотя это ничего не меняет. Таким образом будет сохранена фикция территориальной интегральности Сербии» (интервью журналу Jurist («Юрист») 7 июля 1999 г.).

В данной работе меня интересует нечто другое: почему Милошевич сдался 3 июня и принял план мирного урегулирования, который ему предложили В.С. Черномырдин и М. Ахтисаари?

Доводы против капитуляции

Вначале приведу несколько доводов против капитуляции: 1. Армия в Косово и за его пределами понесла гораздо меньшие потери, чем мы боялись и чем сообщало НАТО. Генерал Драголюб Ойданич привел официальные данные Армии Югославии (АЮ) о 534 погибших и 37 пропавших без вести военнослужащих, что подтверждают и мои скромные военные источники. Гибель стольких людей всегда ужасна, но это не подрывает боеспособность Армии Югославии. Возможно, число погибших несколько больше, но это не может существенно изменить итоги. В течение лета западные военные специалисты и общественность подтрунивали над НАТО из-за неэффективности их бомбовых ударов. Приводились примеры средств камуфляжа, применяемых югославской армией: макеты транспортных средств, перекрашенные мосты, дороги и пр. Все СМИ упоминали целые и невредимые танки, по окончании войны покидавшие Косово и Метохию, а также говорили об очень скромной цифре разбитых БТР. Консультант по вопросам обороны Пол Бивер из влиятельного британского еженедельника Jane's defense weekly 25 июня сказал в интервью Би-би-си, что за семь дней путешествия по Косову он видел только один обгорелый бронетранспортер и две транспортные платформы. Нет вещественных доказательств успешности воздушной кампании НАТО против БТР. Даже на Паштрик, где непосредственно перед окончанием войны сильно пострадала Призренская бригада, попав в ножницы авиации НАТО и Освободительной армии Косова, ничего не было найдено («мы не нашли ни одного танка или БТР», – сказал подполковник Езерик из немецкого контингента КФОР (The Kosovo Force – KFOR). Перед окончанием кампании Североатлантический альянс сообщал об уничтожении 150 танков противника (позднее генерал Уэсли Кларк сократил эту цифру до 110). Ко всеобщему изумлению, югославская армия вывела из Косова «по меньшей мере 220 танков и свыше 300 БТР» (Агентство Франс Пресс, 2 июля). Всеобщее недоумение также не знало границ, когда из подземных укрытий приштинского аэродрома «Слатина» были подняты в воздух 11 наших истребителей МИГ, которые, по утверждению НАТО, были давно уничтожены. Спасая честь, главнокомандующий вооруженными силами НАТО против Югославии генерал Кларк произвел собственные подсчеты и представил их на пресс-конференции 16 сентября. Согласно его данным, авиация НАТО уничтожила 93 танка, из которых 26 обнаружено на территории, в то время как сообщения об остальных поступили из других источников. Где остальные 67 танков? Они переправлены в Сербию, был ответ генерала. Неужели Армия Югославии не могла придумать ничего умнее, как перевозить выведенную из строя технику в Сербию, когда вокруг дождем сыплются бомбы? «Транспортировка поврежденного бронетранспортера – страшнейшая головная боль для логистики», – сказал один французский специалист (Агентство Франс Пресс, 2 июля). Попытка Кларка реабилитироваться была неубедительной, и мало кто поверил в результаты бомбовых ударов НАТО по объектам югославской армии. Подчиненный Кларка, командующий ВВС НАТО генерал Майкл Шорт, отметил, что прицельные удары по Армии Югославии в Косово были «растратой воздушной силы» (Air Defense Magazin, сентябрь 1999 г.).

Карта стратегических объектов Сербии, подлежащих авиаударам НАТО

Британский маршал авиации Тимоти Гарден утверждал, что истинные причины уступок Милошевича остаются загадкой. Но однозначно это не ликвидация его сил в Косово (Independent, 23 июля). Итак, Армия Югославии не потерпела поражения, поэтому не здесь следует искать мотивы капитуляции.

2. На мой взгляд, дух населения, армии и полиции не настолько низко пал, чтобы это могло обусловить капитуляцию. Ворчали и военные, и мирное население, но в целом преобладала злость на НАТО и смирение при мысли, что придется терпеть и дальше. Безусловно, заслуга высокой точности точечных ударов авиации противника в том, что граждане не чувствовали себя в непосредственной опасности.

3. Промышленных объектов было разрушено меньше, чем ожидалось, и удары по ним прекратились еще в начале мая. Позднее бомбардировкам подверглось еще несколько ранее уже поврежденных фабрик и очистных сооружений. Это свидетельствует о том, что у НАТО иссякли разрешенные цели. Таким образом, попытка избежать полного слома экономической инфраструктуры также не является причиной капитуляции.

4. Рейтинг войны на Западе постепенно падал, особенно в США, где это снижение составило 10%, следовательно, количество сторонников и противников практически сравнялось. Поскольку президент Билл Клинтон слывет человеком, принимающим решения, ориентируясь на общественное мнение, то движение рейтинга по нисходящей могло стать причиной отсрочки капитуляции, так как ослабление общественной поддержки войны в Соединенных Штатах и других странах, вероятно, привело к известному смягчению позиции правительств этих стран и к готовности пойти на компромисс ради скорейшего завершения военного конфликта.

Доводы в пользу капитуляции

С другой стороны, существуют доводы в пользу капитуляции:

1. Россия раскрыла карты и дала понять, что согласна с основными требованиями НАТО. Некоторые это называют предательством России по отношению к Сербии, но я бы не стал заходить так далеко. Россия с ее катастрофичной экономической ситуацией и слабой армией поняла, что должна пойти на унижение и присоединиться к Западу, блюдя прежде всего собственные финансовые и политические интересы. Единственную реальную российскую угрозу, ядерное оружие, нельзя было реализовать. А предшествующая воинственная российская риторика по преимуществу предназначалась для настроенной против НАТО российской общественности. Милошевич здесь тоже сыграл свою роль, долгое время негативно относясь к Б.Н. Ельцину (поддержка путча в 1991 г., дипломатическая ориентация на США и пренебрежительное отношение к России, искренняя дружба с противниками Ельцина, коммунистами и националистами), что, конечно, не могло привлечь российского президента на сторону Сербии.

Окончательное решение принял Ельцин, а исполнил Черномырдин. Согласно некоторым источникам, в ночь с 1 на 2 июня Ельцин приказал Черномырдину выжать из западных партнеров все что можно, но быстро закончить переговоры с тем, чтобы на предстоящем саммите лидеров Большой восьмерки получить гарантии займов Международного валютного фонда. Черномырдин послушался и, столкнувшись с непреклонностью Запада, согласился со всеми требованиями НАТО.

Когда Россия отвернулась от Сербии, стратегически для Милошевича игра была проиграна. Не имея

ни единого союзника, который мог бы оказать политическую, а в определенных ситуациях и военную поддержку, Сербия не имела и шансов, несмотря на ее упорство и жертвы.

2. Милошевич, согласно широкому мнению и информации, которую я не могу проверить, за предыдущие несколько недель перенес два инсульта и, вероятно, пошел на уступки из страха смерти.

3. В течение недели перед 3 июня наносились бомбовые удары по электроэнергетической сети, оставляя практически всю Сербию без электроэнергии. Можно предположить, что НАТО открыто пригрозило бомбардировками полностью уничтожить сеть и надолго лишить Сербию электричества. Это остановило бы экономическую деятельность и весьма осложнило жизнь граждан. Однако этот момент спорен: 1) сомнительно, чтобы НАТО осмелилось это сделать, так как западная общественность проявила особую чувствительность к страданиям мирного населения; 2) сомнительно, чтобы это могло привести к стремительному упадку духа сербов.

Слободан Милошевич и Хавьер Солана, генсек НАТО

4. Причиной могло стать и то, что Милошевич опасался наземной операции. Не только из-за страданий народа и страны, но и из-за возможности входа иностранных войск в Белград и падения его режима. Так, лондонская газета The Observer (18 июля) после восемнадцатимесячного расследования и бесед с высшими военными чинами британской армии сделала вывод, что угроза наземного вторжения была решающим фактором. Военные специалисты Британии и США за три дня до капитуляции завершили план вторжения, названный «В-minus», предусматривавший участие 170 тысяч военнослужащих и выдвижение с территории Албании в середине сентября. Очевидно, Милошевич узнал об этом плане и немедленно сдался. Похожий резонанс появился и позднее (Иво Далдер из Брукингса: New York Times, 7 ноября).

Последнее соображение кажется мне не до конца убедительным. Завершение некоего плана еще не означает, что он будет принят и осуществлен. Пентагон эта идея не воодушевляла, и вопрос был в том, как ее воспримет Конгресс США. У Милошевича было достаточно времени. Он мог капитулировать и позднее, после принятия плана.

Наконец, открытым остается вопрос, был ли бы принят план наземного вторжения. На Западе в течение всего военного конфликта шла дискуссия о наземной операции как средстве его разрешения, ибо многие считали, что воздушные удары не принесут желаемого успеха. Однако сторонники вторжения не принимали во внимание многочисленные и серьезные препятствия. Прежде всего, 1) среди союзников не было согласия относительно этой операции, а НАТО функционирует по принципу единогласия. Американский министр обороны Уильям Коэн 28 мая сказал, что консенсуса относительно проведения наземной операции нет (The Associated Press). 2) Сам вход в Косово не мог быть осуществлен запросто, поскольку югославской армии легко было помешать движению сил НАТО через горные проходы, ведущие из Албании. Вариант входа с севера, через Венгрию, также не принимался к рассмотрению, так как правительство Венгрии не дало согласия на использование территории своей страны, опасаясь за судьбу венгров в Воеводине. 3) В результате наземной операции погибло бы по меньшей мере несколько тысяч военнослужащих НАТО, а на Западе это не прибавило бы популярности правительствам стран – участниц Североатлантического союза. Президенту Клинтону, человеку осторожному, пришлось бы взять на себя крайне неприятную обязанность объяснить своему народу, во имя чего американские солдаты гибнут на территории, не представляющей жизненного интереса для Соединенных Штатов; ведь еще в самом начале войны

для успокоения не заинтересованной в ней американской общественности Клинтон заявил, что не пошлет в Косово наземные силы. 4) Появились бы большие проблемы с концентрацией войск в столь непригодных для этого странах, как Македония и Албания, – это потребовало бы, согласно военным оценкам, по крайней мере три месяца работы. Только одна американская бронедивизия составила бы колонну длиной 580 километров (Time, 1 июля). 5) Наземное наступление еще больше усугубило бы международное положение и подорвало авторитет НАТО.

5. Накануне капитуляции Милошевича и назначенной на 3 июня встречи Клинтона со своим военным руководством Пентагон продолжал возражать против наземной интервенции, о чем сообщала New York Times (3 июня), ссылаясь на военные источники.

Конечно, была одна причина для проведения наступательной наземной операции – это стремление к абсолютной победе, иными словами, желание загнать Милошевича в угол. Только Тони Блэр выказал решимость идти до конца и, кажется, больше никто. К 1 июня появилось много информации о наземном вторжении, но, вероятно, лишь ради оказания давления на Милошевича. Говорят, Ахтисаари в финальных переговорах с югославским президентом дал понять, что НАТО рассматривает все варианты (Daily Telegraph, 6 июня), что должно было означать возможность проведения наземной операции.

Могло ли НАТО дополнительно усилить воздушную кампанию? По всей видимости, нет. По словам председателя военного комитета НАТО адмирала Гуидо Вентурони, НАТО использовало практически все свои ресурсы, поскольку в косовской операции участвовало 44% от общего числа самолетов стран-участниц, находящихся в распоряжении союза, что больше, нежели во время войны в Заливе (Independent, 1 июля).

Не могу сказать, что вышеперечисленные факторы могли стать серьезным основанием для капитуляции.

Последствия бомбардировок НАТО – здание Генштаба

Некоторые теории

Что говорят на Западе? Капитуляция Милошевича удивила западные правительства. Когда советник по национальной безопасности Сэнди Бергер доложил Клинтону, что Милошевич согласен на все условия, тот спросил: «В чем подвох?» Накануне 3 июня все были уверены, что Милошевич не пойдет на попятную и война продолжится. После того как скупщина Сербии приняла соответствующий документ, западные политики поздравляли друг друга с успехом, нахваливая собственную стратегию и тактику, но не углубляясь в анализ.

У западных политиков тоже нет ответа на вопрос, почему Милошевич сдался. Журнал News Week 26 июля писал, что, вероятно, никто никогда не узнает, что толкнуло Милошевича на этот шаг. У каждого есть своя осторожная теория, более или менее отличающаяся от других.

Легче перечислить многочисленные мотивы капитуляции, как это делает Энтони Кордесман из Вашингтонского Центра международных и стратегических исследований: ущерб от бомбардировок, изменение позиции России, совместные акции Освободительной армии Косова и НАТО, растущая вероятность наземной операции (3 августа).

Сэнди Бергер сказал, что «мы никогда не узнаем, почему Милошевич в конце концов сдался», и привел множество причин, которые считаются наиболее вескими: неудачная попытка Милошевича разделить Альянс, большой урон, нанесенный Армии Югославии бомбардировками и усиление

Освободительной армии Косова (отчет Совету по иностранным делам, 26 июля).

Председатель военного комитета НАТО адмирал Гуидо Вентурони заявил, что причина в возможности бомбардировки Белграда и инфраструктуры Сербии, включая электроэнергетическую (Independent, 1 июля). Так же считает и генерал Шорт, а заодно думает, что победу принесла угроза уничтожения всего представляющего для Милошевича интерес (Air Defense Magazin, сентябрь 1999). Некоторые полагают, что деятельность усиливавшейся Освободительной армии Косова на албано-югославской границе в последнюю неделю войны переломила ход военных действий не в пользу Югославии. Атака ОАК выманила югославскую армию из укрытия, обеспечив тем самым возможность для авиации НАТО бить на поражение по людям и технике. Эта теория пользовалась особой популярностью в июне, пока эффективность бомбовых ударов не была поставлена под сомнение, но, судя по всему, она ошибочна. Как уже отмечалось выше, представители КФОР не нашли уничтоженной техники на Паштрике, а газета The Washington Post (2 июня) сообщила, что наступление на Паштрике было «отбито», а ОАК смята. Возможно, однако, что дальнейшее усиление Освободительной армии Косова могло изменить соотношение сил на этой территории.

Генерал Кларк, будучи еще раньше зол на Милошевича, не упустил возможность кольнуть своего противника: «В январе этого года, – говорит он, – Милошевич сказал, что Косово ему важнее собственной головы... У него не получилось сбить большого количества самолетов НАТО, дестабилизировать обстановку в соседних странах, напугать и разбить Альянс, уничтожить ОАК, получить материальную помощь от России... Он должен был заплатить либо Косовом, либо собственной головой, и он предпочел Косово. А теперь пытается удержать на плечах голову» (Reuters, 7 октября).

Последствия бомбардировок НАТО – здание Гостелевидения

Интересную версию предлагает Збигнев Бжезинский. Отбросив все вышеупомянутые стратегические, дипломатические, военные и другие причины капитуляции как недостаточные, он склоняется к теории заговора. Согласно его версии, Москва и Белград договорились заранее, как обыграть НАТО: русские первыми войдут в Косово и займут северо-восточную часть в качестве своего сектора, что впоследствии привело бы к разделу Косова. Для этого две сотни русских солдат должны были 10 июня неожиданно прибыть из Боснии наземным путем, а вскоре к ним присоединились бы еще 2500 парашютистов подкрепления. Венгрия, Румыния и Болгария помешали осуществлению этой комбинации, не дав воздушный коридор российским самолетам (News-Leader, 7 октября). Но проблема здесь в том, что вряд ли Россия была готова ввязаться в военную конфронтацию не только с уже присутствовавшими на территории войсками НАТО, но и с НАТО в целом.

Во время войны на Западе постоянно витали слухи, что бизнесмены из близкого круга Милошевича (например, Карич) согласны на мир ради сохранения своих финансовых интересов. Согласно News Week (26 июля), они склонили на свою сторону Мирьяну Маркович , которая и заставила Милошевича уступить.

Последствия бомбардировок НАТО – здание правительства Сербии

Еще одна теория

Мы привели множество доводов за и против капитуляции. Какой же из них стал решающим?

Вероятно, мотивов капитуляции действительно было множество, но мне кажется, что важнейшим

фактором стал холодный расчет Милошевича, пытавшегося сохранить власть, а не Косово. Ход его рассуждений мог быть следующим: сейчас страна не слишком разорена и я могу сохранить власть, несмотря на потерю Косова и Метохии; я могу ответить любому, что сделал все возможное, но НАТО слишком могущественный противник; у меня есть формулировка о суверенитете и интеграции, которая открывает мне определенные пропагандистские возможности; момент для капитуляции самый подходящий – народ пока еще обвиняет НАТО, а не меня, и разрушения достаточно велики, чтобы люди увидели, что нам несдобровать; если я буду настаивать, это грозит дальнейшими бомбардировками и еще большими разрушениями, уничтожением важного для меня телевидения, падением духа граждан, изменением общественного мнения, распадом государственной системы и потерей контроля над Сербией, а следовательно власти, и все закончится судом (Гаагским или в Сербии); я болен, на меня давят жена и друзья – в общем, сдаюсь. В известной степени это подтверждает и председатель «Югославских левых» Любиша Ристич, который признался, как сообщает New York Times (30 октября), что момент был наиболее благоприятным для спасения Милошевича и его режима.

Расчет, построенный исходя из государственных интересов Сербии, должен был выглядеть совершенно иначе. К примеру: кто дольше выдержит – НАТО или Сербия? Мы страдаем, но можно еще потерпеть. Возможно, они не могут расширить список целей для воздушных ударов из-за своего общественного мнения, не могут интенсифицировать авианалеты. Кажется, для наземной операции еще нет политической воли, им понадобится масса времени. Два фактора сковывают НАТО: во-первых, время, так как Запад не может допустить, чтобы миллион албанцев замерз без крова, а во-вторых, падение рейтинга войны в западном общественном мнении, поэтому им надо решать быстро. Если мы потерпим еще несколько недель, Запад может пойти на уступки. Нам многого не надо, мы согласны на все, что они хотят, при условии, что русские получают свой сектор на севере. Это был бы реальный шанс последующего раздела края. Пусть Клинтон расценивает это, как свою абсолютную победу, нам важен приемлемый результат.

То, что лидерам НАТО было не по душе продолжение военных действий, признает и Струоб Тэлбот, помощник Мадлен Олбрайт: если бы конфликт затянулся, «сохранять солидарность и решимость Альянса стало бы все труднее... к счастью, все закончилось тогда» (Би-би-си, 20 августа).

Что произошло на самом деле в начале июня и что могло произойти, если бы Милошевич не капитулировал, мы, наверное, узнаем не скоро. Сейчас мы можем только гадать, опираясь на неполную информацию и оценки. Но остается факт, что Сербия во главе с Милошевичем в очередной раз потерпела тяжелое поражение.

Последствия бомбардировок НАТО – здание посольства Китая

Перевод Евгении Потехиной

Джордже Вукадинович

Сербия без Милошевича, или По ком звонит колокол?

Почему свергли Милошевича? На первый взгляд, этот вопрос кажется слишком упрощенным.

Учитывая катастрофичность его правления, правильнее было бы спросить: как ему удалось продержаться так долго? Как случилось, что режим и его лидер, чьи анахроничность, агрессивность и аутизм были очевидны с самого начала и который на протяжении всего пребывания у власти терпел одни неудачи и поражения во всех сферах, за какие бы ни брался, вопреки этим

«результатам» сумел просуществовать в течение тринадцати лет во враждебном окружении, так что даже весть о его падении вызвала всеобщее недоверие, изумление и экзальтацию?

Слободан Милошевич

Хотя со времени октябрьского переворота, точнее с его декабрьской верификации, прошло сравнительно мало времени, период, предшествующий этим событиям, как, впрочем, и правление Милошевича в целом, представляется некой сверхреальностью. Все подернуто туманной дымкой, и нация, включая политических аналитиков, словно погрузилась в тяжелую посттравматическую летаргию, неестественно быстро размывающую воспоминания о событиях и действующих лицах предыдущего десятилетия, подобно тому как, проснувшись после ночного кошмара, человек силится восстановить в памяти происходившее во сне, но сновидение отдалается, расплывается, постепенно становясь практически неразличимым в глубинах сознания и оставляя после себя лишь чувство смутной тревоги. И подобно тому, как с течением времени явь проступает все отчетливее, а сон уходит в небытие, так и нам теперь годы, проведенные при Милошевиче, кажутся фантасмагорией, а его свержение воспринимается неминуемым и само собой разумеющимся, как всякое пробуждение после сна. К сожалению, в данном случае имело место не сновидение, а некое тяжелое коллективное наркотическое опьянение, после которого наступает мучительнейшее отрезвление и болезненное осознание вреда, причиненного в состоянии невменяемости. Нижеследующая статья пытается реконструировать некоторые моменты, приведшие к развязке сербского политического кошмара, и обозначить возможные опасности, которые может таить в себе развитие нынешней общественной и политической драмы.

1.1. Увядающие пионы

Вечером 9 июня 1999 г. в г. Куманово было подписано Военно-техническое соглашение о выводе югославских формирований из Косова и вводе международных сил при объединенном командовании НАТО, а на следующий день, после принятия резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН, были прекращены все военные действия на территории СР Югославии. Радость была всеобщей, и кажется, не было ни одной войны за всю историю человечества с таким количеством победителей. Победу праздновали в штаб-квартире НАТО в Брюсселе, в Лондоне и Вашингтоне, в албанских лагерях беженцев в г. Кукеш и Македонии. Довольны были в Москве и Нью-Йоркской штаб-квартире ООН, но восторг, охвативший Сербию, был самым сильным (во всяком случае, бурным). Ликовали и отчаянно палили в воздух по всей стране, от Приштины до Дединье, и, несмотря на циничные комментарии некоторых иностранных наблюдателей, эйфория сербов в ночь кумановской капитуляции являлась не лишним подтверждением клишированного мнения, что «сербы торжествуют очередное поражение», а истерическим возбуждением людей, уцелевших в жестокой бойне, и разумно рациональным удовлетворением власти, преодолевшей сильнейшее искушение. Из четырех возможных исходов военного противоборства с самой могучей мировой державой: 1) НАТО отступает – Милошевич триумфатор; 2) потеря Косова и крах режима; 3) крах режима, Косово остается в составе Сербии; 4) сохранение режима, потеря Косова, как и следовало предполагать, произошел именно последний (4), самый реальный и самый неблагоприятный для страны. Под давлением, с одной стороны, российского «посредничества» (которое на самом деле представляло собой беспомощность и продажность), а также своего прагматичного окружения, с другой же стороны – американских стратегических бомбардировщиков и обвинения Гаагского трибунала –

Милошевич, вероятно, принял решение в последний момент. Возможно, при дальнейшем сопротивлении рассматривались бы какие-нибудь концессии по косовскому вопросу, однако с учетом угрозы наземной интервенции, полного уничтожения инфраструктуры, бунта и т. д. сопротивление могло означать потерю власти, да и жизни. Таким образом, заполучив войска ООН вместо НАТО в Косово, заручившись гарантией территориальной целостности, понеся относительно небольшие людские потери, заново стяжав славу патриотов (здорово подпорченную потерей сербских краин и дейтонскими соглашениями), дезориентировав оппозицию и деморализовав население (у которого значительно поубавилось военного пыла, хотя неприязнь к Америке и НАТО осталась), власть больше не видела причин для сомнений и дальнейшего геройства. У мира вновь «не было альтернативы».

Конечно, был нанесен серьезный материальный ущерб, но его можно будет отчасти восполнить, а отчасти, после частичной отмены «несправедливых санкций», использовать в качестве алиби и убедительного объяснения тяжелой жизни нации. Более того, считалось, что это не самый худший урон, а потеря косовских избирательных единиц и нескольких сотен тысяч голосов «порядочных албанцев» не станет неразрешимой проблемой, если приложить усердие и достаточно «творчески» подойти к избирательному и конституционному законодательству. Главное, чтобы граждане Сербии увидели истинное лицо Запада и чтобы в будущем ни у кого не было дилеммы относительно его истинных замыслов, а также тех сил внутри страны, которые этот хищный Запад поддерживают. И суверенитет сохранен. Правда, «на территории» дела обстояли несколько иначе, но подавляющее большинство сербов никогда не ступало, да и не ступит на эту территорию, свою воображаемую колыбель, а для символической и пропагандистской функции «священной сербской земли» подойдет и эта посткумановская, бумажная и фантазмагорическая «суверенность». Действительно, «там» больше нет нашей власти, таможи, армии и полиции, а неалбанское население прозябает в нецивилизованном подобии резервации, зато хотя бы одно тяжкое бремя спало с плеч режима, и отныне и впредь он прямо или косвенно будет иметь выгоду от любой плохой новости из черной косовской хроники. (А ведь судя по первым дням, Косово обещало быть в этом отношении настоящим эльдорадо и остаться таковым надолго.)

Никто не сомневался, что Милошевич сумеет приумножить этот капитал, отдающий мертвечиной, который ему щедро предоставляли в течение всего послевоенного периода его злейшие американские и албанские враги сперва в виде бомбардировок, а затем в виде систематических издевательств над рдеющим сербским населением в Косово (кражи, насилие, разрушенные церкви, раненые дети, погубленные нивы). «Сербское Косово», десятилетием ранее вознесшее безликую бюрократическую фигуру на высокую балканскую политическую орбиту и в течение всего этого времени в ущерб себе чтившее и поддерживавшее ее культ, готовилось в очередной раз, подобно тому «доброму дереву» из одноименной сказки, помочь своему герою и ликвидатору.

И, вероятно, так оно и было бы, если бы не последовал целый ряд роковых политических просчетов и решений, которые заставили Милошевича (о чем в свое время он предупреждал своих палянских союзников), будто «пьяного тототника», сделать неправильную ставку и ...проиграть все. На такой ход, помимо несомненной и очевидной потери ощущения реальности, его подстрекнуло положение и поведение сербской оппозиции, которая, хоть это и парадоксально, именно благодаря серии ошибок опосредованно, однако решительно привнесла свой вклад в осуществление собственной

десятилетней мечты.

1.2. «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается»

Если предыдущий анализ хоть сколько-нибудь точен, ясно, что течение и исход последнего косовского сражения поставили в безнадежную ситуацию сербскую оппозицию. (Впрочем, с самого начала бомбардировок на это указывали многие сербские и объективные зарубежные комментаторы.) Все же, целых шесть месяцев, с конца бомбардировок почти до нового года, оппозиционеры буквально состязались в оптимистических заявлениях насчет дальнейшей участи режима. Будто вопрос заключался лишь в том, забить ли его камнями на улицах или, как приличествует, по-рыцарски достойно победить на внеочередных выборах до конца года. Помнится, что кое-кому из G17 этот срок показался невыносимо долгим, и они совершенно всерьез развернули кампанию (весьма дорогостоящую) против досрочных выборов («Nema izbora!» – «Нет выборам!»), настаивая на том, что Сербия не может ждать до зимы, поскольку просто не выживет, замерзнет без электричества и мазута, а тогда, дескать, какая нам корысть от свержения Милошевича. А в том, что Милошевич будет повержен, не возникало даже тени сомнения, под вопросом был только способ свержения и последующий дележ политического трофея. Между тем зима наступила и миновала, а нетерпеливой оппозиции оставалось только надеяться, что время (а также массовая апатия и новые невзгоды) смягчит терпкий привкус невыполненных обещаний.

Вообще, это был период сербской политической жизни, когда запросто давались обещания, что светлое будущее без правящего режима вот-вот наступит. В ту осень невыносимо было наблюдать беспечность оппозиции. Проще говоря, оппозиционное движение не до конца осознало (или не желало этого делать) значение и последствия событий 1999 г. Их видение, поддерживаемое суженным полем обзора заинтересованных «иноземных менторов», хоть и верное по сути, на деле оказалось слишком рациональным и однобоким: терпя за десять лет его правления поражение за поражением, мы по вине Милошевича оказались втянутыми в очередную войну, на этот раз лицом к лицу с мощнейшей мировой силой. Разумеется, война проиграна, страна разорена, а Косово, по всей видимости, для Сербии утеряно. Между тем в этой картине упущено из виду несколько важных деталей.

Прежде всего, не являясь, безусловно, невинной жертвой «агрессии НАТО» (принимая во внимание события «минувшей войны», глупую акцию массового выдворения косовских албанцев непосредственно накануне конфликта), правящий режим на этот раз все-таки был не единственным, по крайней мере не главным виновником. (Более того, после целого ряда лет кое-что из его пропаганды и религиозно-военно-мировых фантазий получило известную поддержку в рядах западных правительств и СМИ, во всяком случае судя по их действиям и риторике.) Таким же образом (исключая излишне абстрактные, тенденциозные и метафизические оценки) нельзя считать виновниками и граждан Сербии, особенно в Новом Саде, Белграде, Панчево, Нише, Крагуевце, над головами которых рвались снаряды и пролетали ракеты и которые обоснованно считали, что стали жертвами бессмысленной коллективной вендетты. Поэтому ожидание, что после такого потрясения те, кто ночами напролет, прижимая к груди ребенка, прислушивался к леденящим душу звукам «умных» бомб, пойдет отстаивать чьи-то политические интересы, протестовать против закрытия какого-нибудь оппозиционного СМИ или ареста какого-нибудь политика, – чистейшая иллюзия, поиск оправдания собственным ошибкам и подготовка почвы для вывода, что «такой народ не

заслужил ничего лучшего».

К сожалению, встав на эту опасную и несправедливую стезю, оппозиционные силы, собравшиеся вокруг Демократической партии («Союз перемен»), осенью 1999 г. провели серию митингов «за окончательную смену Слободана Милошевича». Результат был предсказуем, однако до некоторой степени ошеломил даже самых суровых скептиков. Так, во впечатляющем списке промахов оппозиции с 1990 г. этот промах стал абсолютнейшим фиаско, катастрофой и невиданным позором. Резонанс был чрезвычайно слабым, но и откликнувшиеся сделали это вяло, без энтузиазма, выходя на митинг словно по привычке, ради ментальной гигиены и гражданской забавы. Даже выступление тяжело больного Драгослава Аврамовича, еще популярного в народе экс-председателя Народного Банка Югославии, не смогло поправить дело. Малодушие, апатия и безнадежность завладели поределыми колоннами демонстрантов. К концу года Милошевич не только удержался у кормила власти, но и казался сильнее, чем раньше, а своих функций чуть не лишился Зоран Джинджич, чье лидерство серьезно оспаривалось как внутри партии (Слободаном Вуксановичем), так и в западных дипломатических кругах. Можно ли было предположить той зимой, глядя на Зорана Джинджича или на Чедомира Йовановича, бродящего по улицам Белграда во главе группы «хранителей огня», что всего год спустя они будут первыми людьми в государстве?

1.3. Птица Феникс оппозиции

В 2000 г. оппозиция, будто птица Феникс, буквально возродилась из пепла, хотя, надо отметить, этому способствовали целый ряд ошибок, допущенных Милошевичем, а также «живая вода» финансовой и политической помощи со стороны многочисленных западных правительственных и неправительственных организаций. Провал осенних «массовых протестов», постоянное метание между требованием внеочередных выборов (ДПС, СДО) и «мирными непарламентскими методами» (Союз перемен, G17+), нереальные заявления о скором крахе режима, при этом свежие воспоминания о натовских бомбардировках и неудаче в Косово – казалось, что перспективы демократической оппозиции надолго перечеркнуты. Спасение наступило внезапно: сыграла свою роль способность Милошевича ошибаться в те моменты, когда он ощущает себя сильным и теряет бдительность.

Пропаганда Радиотелевидения Сербии, с одной стороны, и крайне вялая реакция граждан на непрерывные попытки оппозиции привлечь к себе внимание – с другой укрепили Милошевича в ошибочном мнении о собственной популярности, а также об окончательной гибели расколотого и «предательского» оппозиционного движения. Однако это было глубочайшим заблуждением, особенно в том, что касалось народной приязни, подтолкнувшим незадачливого президента усилить свою легитимность путем конституционных перемен, которые в начале лета были проведены на союзном уровне, а собственную харизму (излишний шаг, ведь его мандат был действителен еще год) продемонстрировать убедительным триумфом на прямых президентских выборах. Народ действительно на тот момент не доверял вождям оппозиции (теперь мы в этом не без основания убеждаемся), большинство которых, впрочем, были «птенцами гнезда» Милошевича; но и насчет самого Милошевича у граждан не осталось иллюзий. Газиместанский пакт между Вождем и народом уже прерывался, но, по всей видимости, в окружении Милошевича не нашлось ни одного человека, который бы решился сообщить ему суровую правду.

Пропагандистский материал в предвыборной гонке 2000 года

Еще с декабря 1992 г. Милошевич открыто не участвовал ни в одной предвыборной гонке, а его лидерская харизма с тех пор основательно поизносилась, однако по инерции и его сторонники, и его противники считали ее решающим фактором в победах СПС на выборах (кстати говоря, все более хилых и сомнительных). Действительно, за исключением нескольких первых лет (1988–1990), когда Милошевич был по-настоящему непререкаемым национальным авторитетом, в дальнейшем за СПС голосовали не столько из-за него, сколько из-за власти, сконцентрированной в его руках, каковая на выборах 1993, 1996 и 1997 гг. не подлежала обсуждению. Неожиданно, благодаря крупному просчету властных верхов, решивших, что кандидатура Милошевича должна представлять локомотив «патриотических сил», избиратели после долгих лет получили возможность принять решение, поэтому сентябрьские выборы 2000 г. неминуемо трансформировались в своеобразный общенациональный референдум о правлении действующего президента. Таким образом, правящий режим сам вырыл себе политическую могилу. «За или против Милошевича?» Все остальное, включая и главные козыри власти – бомбардировки НАТО и многолетний loser image оппозиции – отошли на второй план перед вопросом всех вопросов, спонтанно всплывавшим в связи с кандидатурой Слободана Милошевича, который оппозиционеры, как одержимые, обыгрывали так и этак в ходе своей кампании: «Что вы думаете о последних десяти годах вашей жизни и кто виноват в этом?»

В политике, как в шахматах, один ход подчас меняет положение на доске. Так и Милошевич за одну ночь вместо выигрыша получил «мат», оказавшись лицом к лицу с выборами, которые он ни в коем случае не должен был проиграть, но одновременно, при условии игры по правилам, изначально не мог выиграть. Оппозиция, естественно, обеими руками ухватилась за этот шанс и неожиданно для многих сгруппировалась вокруг Воислава Коштуницы, человека с завидной национальной и демократической родословной, а также одного из тех редких политиков, который мог похвастаться последовательностью взглядов и неизменной умеренно-националистической и антирежимной позицией. И, возможно, еще важнее, что, присутствуя на политической сцене практически с самого начала многопартийности, Коштуница не являлся типичным представителем политического класса, в некотором смысле был новым лицом, персонально не скомпрометированным, а его имя не было истаскано СМИ. В общем, что особенно подчеркивалось в его кампании («Ko jo? sme da vas pogleda u o?i?» – «Кто еще осмелится посмотреть вам в глаза?»), речь шла о политике несомненного личного авторитета, вокруг личности которого существовала некая аура, защищавшая его от едких выпадов пропаганды сторонников режима.

Созданная правящим режимом медийная «мясорубка» для перемалывания политического мяса в основном предназначалась для Зорана Джинджича, Вука Драшковича и Милана Панича, которые в первую очередь ожидалось на старте выборного марафона, и СМИ попросту не успели перестроиться и подладиться под нового оппонента. Практически до самого финала (не до сентябрьских выборов, а до 5 октября) пропагандисты режима колебались в нерешительности, то ли им направить свое оружие против самого Коштуницы, то ли сосредоточиться на его «неестественном» и «компрометирующем» досовском окружении. Копание же в личной жизни Коштуницы и подсчет его домашних любимцев, сделанные, видимо, от отчаяния в последние дни избирательной кампании, выглядели жалкими подобиями отлаженной процедуры беспощадного линчевания, обрушивавшегося на головы предыдущих противников Милошевича.

Вук Драшкович, лидер оппозиции, после покушения. Август 2000 года

2.1. Охрипший патриотический дискурс и грезы об абсолютной победе

Несшаяся на гребне волны кандидатуры Коштуницы и собственного союза, объединенная оппозиция воистину восстала из мертвых, при этом, однако, нельзя упускать из виду вклад «третьего сектора», то есть деятельность параллельных, иногда весьма четко направленных кампаний (Отпор (Соппротивление); Излаз 2000 (Выход 2000)), которые со значительной материальной помощью и при инструктаже Запада объединяли сербские НПО и организовывали независимые СМИ. Милошевич же, будто все еще не понимая происходящего, совершил свою предпоследнюю ошибку (последней была попытка подтасовать результаты выборов), выйдя на выборы самостоятельно, хуже того, в коалиции только с партией «Югославских левых» (JUL). И речь здесь не только об отречении от (по меньшей мере) нескольких сотен тысяч надежных радикальных избирателей, которые, как оказалось, на президентских выборах сократили бы, а на союзных и вовсе аннулировали отставание от ДОС. Гораздо важнее то, что отдельное выступление радикалов создало угрозу для сути официальной избирательной кампании, опиравшейся на лозунг «Patriote protiv izdajnika» («Патриоты против предателей»). Сама кандидатура Коштуницы сделала эту стратегию очень относительной, а то, что радикалы остались вне коалиции, совсем ее обесмыслило.

Даже если предположить, что радикалы предъявили бы слишком высокие требования за свою предвыборную поддержку и, несмотря на то что двухлетнее сотрудничество с властями пошатнуло их (особенно Шешеля) политический кредит, Милошевич ни в коем случае не должен был игнорировать их помощь. Даже только шарм и национальная демагогия радикалов несколько оживили бы и освежили порядком всем приевшуюся патриотическую риторику, чересчур часто и безответственно используемую в правление Милошевича. К концу лета 2000 г. эти словеса уже миновали свой зенит, но нет сомнений в том, что, скажем, Тома (Томислав) Николич или Александр Вучич, как бы к ним ни относились, были бы куда более привлекательными промоутерами кампании Милошевича, чем Мирьяна Маркович, Драгана Кузманович и Влайко Стойилькович. Поскольку у обеих сторон сценарии имели скорее военно-метафизический, нежели политико-предвыборный характер, в этот апокалиптический бой сил Добра и Зла Милошевичу не следовало вступать без энергичной риторики «сербских радикалов» внутри и вне СРП.

Как бы фантастично это ни выглядело, все свидетельствует о том, что Милошевич настраивался на абсолютную победу, каких еще не одерживал со времен 1990 г. и первых многопартийных выборов. Неважно, пришел ли президент к такому выводу самостоятельно или опираясь на аналитические способности льстецов из своего окружения (не говоря уже о знаменитых индийских пророках, предрекавших Мирьяне Маркович полную победу), сама претензия является серьезным симптомом прогрессирующего расстройства политической вменяемости. При всей специфичности посткоммунистического развития, Милошевич прошел все стадии развития плебисцитных диктатур, от Наполеона III и Гитлера до аргентинской военной хунты (массовая народная поддержка в начале – абсолютная концентрация власти – утрата ощущения реальности – мания величия – война – поражение – крушение). Однако вопреки приведенной структурной динамике, которая, безусловно, включает в себя и психологические моменты, само крушение, как мы уже сказали, не обязательно должно было произойти именно тогда и именно так. Ответ на вопрос, почему это случилось так, а не иначе, помимо уже перечисленных и более или менее известных факторов, вероятно, стоит поискать

в философско-психологической области.

2.2. (Полу)постмодернистский (полу)диктатор или европейский Кастро?

Если немного поиграть постмодернистским жаргоном, можно было бы сказать, что Милошевич пал жертвой «объективистической иллюзии» и типично модернистской веры в «вещественность» и реальность событий. А именно, поскольку его правление зиждилось на прямо противоположных принципах, точнее, на циничном использовании постмодернистской софистской манипулятивной техники в полумодернистской социальной сфере, в решающий час перед последними выборами Милошевич отказался от части своей выгодной до тех пор стратегии. Конечно, он не отрекся от продукции виртуальной реальности. Он был настолько поглощен волшебным царством РТС, сотканным из «друзей мира», «сил овампиренного фашизма», экономических успехов и побед в войнах, в которых мы не принимали участия, что в конце концов и сам в это поверил.

На протяжении всех лет своего правления – в этом как раз и заключалась тайна его успеха – он виртуозно пользовался различными идеологическими личинами, примеряя их крайне избирательно, сообразно личному интересу. Партийный технократ-модернизатор в начале карьеры; консервативный коммунист-титоист во времена VIII съезда; социал-демагог и популист в период «антибюрократической революции»; националист и разжигатель войны в начале 1990-х гг.; бескомпромиссный миротворец и гарант стабильности на Балканах вскоре после того – все это были разнообразные тактики в функции власти как единственной истинной цели Милошевича. Даже военный конфликт в Косово и его эффектное завершение после незапланированной эскалации не являлись отступлением от этого макиавеллиевского образца. Перемена наступила только после бомбардировок НАТО и, вероятно, была связана с тем, что Милошевич тогда (как и большинство его приспешников) впервые ощутил реальную угрозу для жизни, нависшую над ним. Так действительность ворвалась и сокрушила виртуальный мир Сербии Милошевича. Оказавшись в разной ситуации, Милошевич и народ реагировали на вызов извне по-разному: он в смятении льнул к своему TV-симулякру, в то время как народ после всех «небесных» искушений стал немного более приземленным и прагматичным.

После агрессии НАТО политико-психологический портрет Милошевича претерпевает кардинальные изменения и практически сливается с тем, который олицетворяла его супруга. Вместо смелой игры с различными политическими опциями (и их проигрыша) президент вдруг искренне поверил, что его предназначение – в освобождении человечества от страшного мора, каковым являлся новый мировой порядок. Из верховного политического циника, технолога власти и нигилиста Милошевич превратился в «борца за идею». Между тем, под закат собственных дней и власти (летом 2000 г.) сложно сделаться Че Геварой или Фиделем Кастро. Эта метаморфоза президента никоим образом не воодушевила доминантный слой правящей политико-полицейско-деловой «элиты», которой вовсе не улыбалось потакать бредовым фантазиям и фрустрациям супружеской четы Милошевич – Маркович, рискуя своим положением и «потом и кровью» заработанным богатством.

Милошевича в самый неподходящий миг постигла судьба актера, сжившегося со своей ролью, и художника, влюбленного в собственное произведение: он чересчур серьезно отнесся к предназначению, предопределенному ему (его) магическим TV-зеркалом, и взаправду возомнил себя «предводителем свободлюбивого человечества всей планеты». Это была фатальная комбинация – из политического нигилиста Милошевич стал «верующим», поверившим в существование

«объективной» политической реальности, но продолжавшим интерпретировать эту реальность сообразно собственной воле и представлениям. Оттого его шок утром 25 сентября и вечером 5 октября будет еще сильнее, а беспомощность и растерянность еще явственнее.

Опьяненный вновь обретенной «миссией», убежденный в собственной «правде» и окрыленный достигнутым «идейным единством» в семье, Милошевич накануне сентябрьских выборов забыл сделать то, что регулярно делал раньше: это были первые выборы, перед которыми президент не повысил, пусть искусственно и на короткий срок, жизненный уровень граждан. Конечно, сказались последствия бомбардировок, финансовой блокады и нескольких подряд неурожайных лет, но, по нашему мнению, решающей причиной все-таки стала вышеописанная ментальная перемена президента, из-за которой из «стратегических запасов» не была выделена материальная помощь населению. Вместо пенсий и зарплат ресурсы направили на «обновление и строительство», и при несомненном волюнтаризме, чрезмерном раздувании средствами массовой информации и самом характере кампании были достигнуты известные результаты. Без малого за год кое-что подлатали, устранили кое-какие последствия бомбардировок, восстановили некоторые мосты и т. д. Во всяком случае это было гораздо больше, чем раньше, когда тоже проигрывались войны и терпелись исторические поражения, но одерживались победы на выборах наряду с санкциями, гиперинфляцией и потоками беженцев из Хорватии и Боснии.

Если побеждали тогда, при наличии инфляции, призрачных нефтяных скважин и саги о «шведских деревнях», то почему бы не победить сейчас, когда вина объективно меньше, а результаты объективно выше? Этот, на первый взгляд логичный довод стал последним приемом самообороны режима. Милошевичу не пришло в голову, что избиратели поддерживали его не из-за его правоты или результатов, а из-за его силы, из-за того, что он через СМИ бессовестно манипулировал ими и социально коррумпировал. Его власть базировалась не на рациональной калькуляции политических плюсов и минусов, а на аффективной патриотической мобилизации и незначительной технологической инновации принципа «хлеба и зрелищ». Бомбардировки послужили наглядным доказательством того, что на Балканах (как, впрочем, и во всем мире) присутствует сила, могущественнее Милошевича, и из-за Коштуницы, из-за смертельной усталости народа непрерывно эксплуатируемое (еще со времен «патриотического» бойкота словенских товаров в конце 1980-х гг.) патриотическое кресало на этот раз не выбило искру: мощь захирела, игра в патриотизм наскучила, а хлеба не стало.

И если раньше распад страны, бедность, военные разрушения и другие пагубные следствия правления Милошевича в коллективном сознании воспринимались как результат стихийного бедствия или как влияние несправедливой и злой воли сильных мира сего на Западе, то теперь в реальном стихийном бедствии (засухе) и международной несправедливости (бомбардировке) обвиняли политику Милошевича. Летом и осенью 2000 г. сербский избиратель алкал перемен и был зол на всех, кто когда-либо кроил его судьбу по своему почину: на Милошевича, Клинтона, Солану, на Бога, погоду и время – но в избирательном бюллетене значилось только имя Милошевича.

2.3. Безрогий с рогатым не бодается, или Трагизм великого вождя малого народа

Наконец, необходимо упомянуть и тот противоречивый фактор крушения Милошевича, который, несомненно, сыграл важную роль, но который либо игнорируется в аналитических исследованиях (особенно проводимых в кругах, близких новой власти), либо провозглашается решающим и

единственным (в кругах, близких бывшей власти). По нашему же мнению, его не следует ни недооценивать, ни абсолютизировать. Могущество Милошевича подрубили (и) потому, что того пожелало мировое сообщество (точнее Запад и Америка). То есть те, кто в 1996–1997 гг. после кризиса с локальными выборами помог ему удержать власть, усматривая в нем залог мира на Балканах и гаранта Дейтонских соглашений, теперь стали его политическими ликвидаторами. И если последнее и было совершено как величайшая услуга сербскому народу, все равно, нет оправдания тому, что предшествовало «барской милости».

Во всей этой истории бомбардировки НАТО действительно сыграли решающую роль, но повлияли на свержение Милошевича совсем в другом смысле, нежели тот, о котором говорилось в отчетах Международной кризисной группы (ICG) и в кругах местных натофилов. Не бомбардировки подорвали позиции Милошевича внутри страны и привели к падению его режима (за исключением вышеописанного косвенного воздействия, способствовавшего изменению его психологического состояния), но они послужили сигналом для западных правительств, что запущен процесс слома правящего режима Югославии. Таким образом, воздушная агрессия НАТО как таковая не была причиной крушения Милошевича, но катализировала принятие в Брюсселе и Вашингтоне решения о начале бескомпромиссной массивированной атаки на правящий режим Югославии до полного его разгрома, что в конечном итоге и произошло.

Американцы попросту не хотели допустить, чтобы в Европе на пороге нового века образовалась новая Куба и новый Кастро или Саддам Хусейн славянского мира. Поэтому слишком серьезно восприняли дединьские филиппики в адрес Америки как мирового гегемона и заявления о партнерстве с Китаем в Вашингтоне, серьезнее, чем их восприняли в Сербии, давно привыкшей к идеологическим выпадам Милошевича. Если бы он забился в свою нору, зализывал раны и исподтишка терроризировал свой народ, его, возможно, и оставили бы в покое или, во всяком случае, не тратили такого количества ресурсов на его свержение. Такой вот высокой ценой Милошевич заплатил за свое стремление быть на слуху и привилегию, являясь лидером небольшой страны, оставаться самой популярной в СМИ политической фигурой последних десяти лет второго тысячелетия.

Глубоко несчастны те малые народы, которые волею исторических обстоятельств и (или) мегаломании своих вождей оказываются в горниле мировых событий. Несчастье перерастает в трагедию, когда во главе такого народа оказывается человек, не способный и не желающий слушать и учитывать ритмы мировой истории и политики. На протяжении всей своей политической карьеры, от сомнений, стоит ли отречься от пятиконечной звезды, до попытки возглавить мировой антиамериканский альянс, Милошевич был именно таким политиком: он пренебрегал международными обстоятельствами и поплатился за это сокрушительным поражением. Отчасти это объясняется его политическим аутизмом, но является также логическим следствием характера авторитаризма, неизбежно ведущего к мании величия и прогрессирующей потере чувства реальности. Наконец, нельзя не учитывать и так называемый синдром Тито, то есть миф о «третьем блоке» (с Тито и нами, юговичами, под его началом) как мировом факторе, на равных с русскими и американцами вершащем судьбы мира. Занятно, насколько глубоко этот миф проник в коллективное сознание, найдя отклик даже в сфере юмора (популярные анекдоты о Русском, Американце (или Немце) и, разумеется, Югославе), а также в среде национальной интеллектуально-политической

элиты. Между тем вряд ли Милошевич мог стать «европейским Кастро» (а Сербия островом), и не менее далеко ему было до Тито; впрочем, международная ситуация – окончание холодной войны и отсутствие биполярности – не способствовала появлению на Балканах «нового Тито», который бы, как канатоходец, искусно балансировал между двумя враждебными блоками.

Для Милошевича внешняя политика была лишь придатком внутренней (роскошь, которую могут позволить себе только сверхдержавы, и то не без последствий), однако и ту и другую он использовал как инструменты для удержания и упрочения своей власти. В отличие от территории собственной страны, где у Милошевича было неоспоримое стратегическое преимущество, а действия его соперников были скованы политическими или медийными «кандалами», во внешнеполитической сфере, где господствуют иные правила и, что еще важнее, другое соотношение сил, излюбленные игры Милошевича, состоявшие из высокомерия, импровизации, ситуационной интеллигентности и личного обаяния, не могли котироваться в течение долгого времени. В этом отношении особенно бросается в глаза отсутствие какой-либо долгосрочной внешнеполитической стратегии. В течение всех тринадцати лет правления Милошевич пытался выстроить «специальные отношения» и с США, и с Европой, и с Россией, и, наконец, с Китаем, что, пожалуй, наглядней всего иллюстрирует (не)серьезность и (за)путанность его внешнеполитической деятельности. В свете чего его последующие сетования и острое ощущение обмана и предательства со всех сторон приобретают совсем другой, менее трагический и менее геополитический смысл.

Несмотря на то что будущие национальные летописцы, вероятно, опишут «гордое падение» Милошевича и всей сербской нации вместе с ним по образцу античной трагедии (независимо от вызванного им действительного количества пролитых слез, перенесенных страданий и личных трагедий), все же создается стойкое впечатление фарсовости политических зигзагов Милошевича и кривляний в СМИ так называемых национальных сил. В этом смысле Милошевич и сербы скорее пали жертвами собственной мании величия, поверхностности и деструктивного самообмана, нежели оказались агнцами для заклания на алтаре «нового мирового порядка». Вопреки исторической логике и здравому рассудку, мы слепо придерживались устаревшей «вестфальско-брозовской» концепции суверенитета со священными понятиями «территориальной целостности» и «невмешательства в чужие дела» на фоне непрерывного внушения, что «Сербия не воюет» и что «Косово – внутренний вопрос Сербии». Не ясно только, что в такой ситуации было хуже и недальновиднее: что в это безумие верили всерьез или что им всерьез намеревались кого-то обмануть.

Все послекосовские претензии режима к «мировому сообществу» по части несправедливости, насилия и двойных стандартов помимо существенной доли правды всегда содержали одно систематическое упущение. Все то зло, которое причинили Милошевичу перед его свержением, он годами причинял другим, всем (своим однопартийцам, политическим противникам и соотечественникам), кто оказался в пределах досягаемости его власти или стоял на пути его безудержного стремления повелевать. Бесспорно, международные посредники в урегулировании балканского кризиса во главе с Соединенными Штатами были непоследовательны в своих действиях, например, в Хорватии и Боснии в качестве решающего рассматривался территориальный принцип, в то время как в Косово – этнический. Но разве сербский режим не поступал столь же непоследовательно, пытаясь разрешить эту антиномию прямо противоположным способом (этнический принцип для сербов в Хорватии и Боснии, а территориальный в Косово), будучи равно

готовым доказывать свою правоту силой? Не основывался ли такой вариант решения проблемы в регионе на представлении, что «мы, сербы, сильнее всех на Балканах»? (При этом постоянно забывали, что в условиях современной большой политики не существует такого понятия, как самостоятельная «балканская зона», а есть региональные члены «мировой лиги».) И будто не принималось во внимание, что, когда сила станет главным аргументом, правым окажется тот, у кого увесистей кулак, а это особенно важно для более слабого, но прибегающего к «аргументам драки». На свою беду и на беду всего народа, Милошевич оказался не настолько мудрым и терпеливым правителем, чтобы вовремя подстраховаться, найдя внешнеполитических союзников, а также недостаточно сильным, чтобы оказать достойное сопротивление, однако слишком неразумным, чтобы настаивать на своем любой ценой и до конца. Наконец, он не был настолько беспомощным и невинным, чтобы вызвать симпатию и сочувствие в мировом общественном мнении, которое воспринимало его (оставим в стороне все «человеческие» и «исторические» права), в лучшем случае, как локального диктатора, разгневавшего мощного глобального тирана. А этого было маловато для завоевания солидарности во всем мире. Крах его был таким же, как и большинства людей его склада: он остался один, или, что еще хуже, в окружении людей, либо не понимавших, что происходит, либо не знавших, где скрыться.

3. Перспективы

В заключительном разделе данной работы хотелось бы выделить три относительно независимых (что вовсе не означает не связанных) комплекса проблем, которые в последующем могут оказаться препятствиями или по крайней мере лимитирующими факторами для постепенного перехода сербского общества к демократии.

3.1. Культурно-традиционный фактор

Этот фактор очень противоречив, и в своем маргинальном варианте мог бы послужить «доказательством» (а при необходимости и алиби) тезиса, что в Сербии демократия не приживется, так как этот народ и территория исторически и «генетически» обречены на вечное возвращение к истокам, то есть к вариациям архаичных общественных структур и авторитарного политического порядка. Хотя у такого рода представлений было достаточное количество апологетов, особенно в 1990-е гг., все же они представляют собой импульсивное теоретическое выражение политической предвзятости, неприемлемое как в своем эпистемологическом («метафизический» и ad hoc характер не поддающихся проверке обобщений), так и в эмпирическом (трудности объяснения несомненно модернизационных процессов в сербском обществе за последние два века, которые надо либо фактически опровергнуть, либо свести к минимуму) и концептуальном аспекте (сильные структурно-детерминистские импликации, несовместимые с индивидуалистическими предпосылками теории действия М. Вебера и здравыми интуициями). Несмотря на то, что исторические и политические деятели не вполне независимы в своих поступках и решениях, во всяком случае не настолько, как это предполагается в статье Д. Павловича, а также в других подобных работах, сфокусированных на личности и деятельности Слободана Милошевича, все же они не являются безвольными марионетками на нитях структурных, культурно-исторических и (или) экономических детерминатив. Иными словами, хотя мы, разумеется, живем не в безвоздушном пространстве по-сартровски понимаемой свободы или в мире, где всем правит «воля и представление» актера, все же предположение, что отдельные личности в определенных обстоятельствах и в определенной мере

наделены способностью к преодолению своих психологических, социальных, культурных и экономических детерминатив, является важным элементом нашей человеческой сущности, а также нашей ответственности. Поэтому ссылки на факты из далекого и недавнего прошлого, на некоторые традиционные константы сербской политической жизни следует воспринимать исключительно как потенциальные трудности и реальные препятствия демократическому преобразованию общества, но ни в коем случае не как оправдание неудачи или отказа от этого начинания.

Демонстрация в Белграде. 5 октября 2000 года

Прежде всего стоит отметить, что славная сербская «октябрьская» «либеральная» (контр)революция не была «бархатной» и мирной. То, что октябрьские события, вопреки многим прогнозам, не переросли во всеобщую резню и гражданскую войну, можно объяснить по-разному, начиная с 1) массовой и общенациональной природы протеста; затем, 2) благодаря хорошей организации и координации мятежа против Милошевича с акцентом на «менеджмент» ДОС, а также европейско-американскую политическую и финансовую поддержку; 3) рассудительности, нерешительности и (или) коррумпированности внутри правящего режима; и заканчивая 4) заметным отрывом от реальности и психической усталостью самого Милошевича; 5) неудачным выбором кадров, разладом, растерянностью и подавленностью в рядах его окружения (не стоит подробно останавливаться на этом, однако, по нашему мнению, каждый из вышеперечисленных факторов сыграл свою роль в развитии драматических событий осенью 2000 г.). Между тем бескровность и ненасильственность суть не одно и то же, остается фактом, что смена власти в Сербии произошла не мирным путем, хотя, может быть, никогда еще мы не были так близки к этому. Конечно, события 5 октября можно рассматривать как доказательство известного прогресса, однако это лишь усиливает сожаление о пропущенном историческом шансе.

Возможно, разоренная скупщина, дотла сгоревшее здание государственного телевидения отнюдь не единичные случаи физического насилия над представителями режима (Драголюб Миланович, Буба Морина, Татьяна Ленард и ряд не зафиксированных СМИ инцидентов на периферии), «кризисные штабы», множество случаев разграбления недвижимости и имущества СПС по всей Сербии – невысокая плата за более чем десять (по некоторым мнениям, пятьдесят) лет лжи, манипуляций и репрессий. Однако и эти размеры «революционного насилия», хоть относительно небольшие по сравнению с тем, что имело место во время переворотов в 1903 и 1945 гг. (причем второй был гораздо более жестоким и глубинным как в отношении репрессий, так и смены общественно-политической структуры), могут стать препятствием истинной, постоянно откладываемой демократизации сербской политической жизни. И это не пустые слова, а реальная политико-психологическая проблема, в существование которой легко будет поверить, если не сегодня завтра перед той же самой скупщиной с бульдозерами и прочей техникой соберутся тысячи недовольных работников Колубары и Раковицы, уволенных с приватизированных и ликвидированных предприятий, во главе с местными хулиганами, разжалованными сотрудниками спецслужб и представителями security недовольной части политико-деловой элиты. Но даже если этого и не произойдет вообще или произойдет не в столь стихийной и крайней форме (если новая власть сможет искусно сочетать политический кнут с экономическим пряником), огненная лава, бурлящая где-то в глубинах коллективной памяти и готовая прорваться наружу, ставит под сомнение возможность установления парламентской демократии, господства права и государственного

авторитета.

Если на секунду оставить в стороне глобализационные процессы и их воздействие на классическое понимание государства, демократии и суверенности, то нет сомнения, что государство, современное национальное государство, в течение последних двух веков, помимо всего прочего, было основным СМИ и тем, кто реализовывал демократическо-гуманистические тенденции и прогресс. В противоположность этому, на территории Сербии государство слишком долго (и, разумеется, небезосновательно) воспринималось как нечто иррациональное, опасное и недостижимое, чего нужно сторониться или, при удачном стечении обстоятельств, тянуть с него и обворовывать, не задумываясь. Чаще всего чужая, обычно отчужденная и недемократическая государственная власть сформировала у балканских народов особую гайдуцкую ментальность (лишенную истинного чувства коллективизма, однако неизмеримо далекую и от европейского индивидуализма), чьи славные и воспетые черты есть не что иное, как обратная сторона столь часто хулимой психологии райетина (члена райи – феодально зависимого от Турции даннического населения югославянских земель. – Прим. переводчика). Обладатель такой ментальности склонен покорно служить власти и ее представителям, чтобы однажды обрушить на них всю мощь своего подавляемого гнева и затаенной агрессивности.

Бесспорно, в октябрьских событиях в Сербии в известной мере присутствовал элемент кметского бунта с оргиастическим выплеском долго копившегося страха и унижения. Во всяком случае этот элемент был значительно ярче, чем в предыдущих более или менее гражданских протестах 1990-х гг., но, в противоположность расхожему мнению, мы считаем, что не здесь надо искать основную причину успеха совершенного переворота. Независимо от того, был или не был фольклорно-бунтарский элемент решающим фактором в событиях 5 октября (нам кажется, что не был), он мог легко стать ключевым фактором неудачи демократических реформ, бывших целью переворота. Ослабленное государство, не имеющее авторитета и сил для защиты своих институтов, имущества и граждан (такова нынешняя Сербия), никому не внушает доверия и не может быть гарантом демократического правопорядка. В то же время его не захотят и не смогут обеспечить ни полумафиозно-клиентурные ассоциации сербских «хозяйственников» и политиков, ни их зарубежные «партнеры».

3.2. Международный фактор

Помимо худого наследия потенциальным препятствием для успешной демократизации Сербии служит (что на первый взгляд неожиданно) международная ситуация. Прежде всего имеется в виду положение в непосредственном сербском окружении, а также некоторые амбивалентные тенденции в международных отношениях, мало связанные с сутью демократии. Что касается первого, то здесь все более или менее ясно. Сербия окружена обществами и народами со схожей социальной и психологической структурой, с тем же (или худшим) культурно-традиционалистским кодом. В основном это «запоздалые нации» с ипотекой отсроченной модернизации и многовековой чужой властью, с мириадами внутренних конфликтов, экономических проблем и невыясненных отношений с соседями. Балканские страны (хотя на сегодняшний день формально обладающие демократическим общественным устройством) вряд ли могут служить образцом и стимулом друг для друга на пути демократического развития, зато обладают достаточным количеством примеров авторитаризма, несоблюдения или карикатурного применения демократических процедур.

Демократия на этой территории еще более искусственное явление, чем даже недавний деспотический социализм – нечто с неглубокими корнями, идолопоклонническое, обеспечивающее поступление кредитов МВФ и радушный прием в Белом доме, но до чего мало кому по-настоящему есть дело. Да и может ли быть иначе, если весь кадровый состав нынешней политико-интеллектуальной элиты этих стран (власть, оппозиция и независимая интеллигенция) вышел из рядов бывших коммунистических партий, функционировавших по единой идеологической матрице, которая, помимо всего прочего, включала и особое, неформальное и нелиберальное понятие свободы и демократии, абсолютно и решительно противоположное господствующим ныне демократическим принципам. Не отрицая возможность индивидуальной перемены взглядов («от Савла к Павлу»), массовая и практически всеобщая метаморфоза всей элиты выглядит неубедительно, комично и несколько отталкивающе. Неважно, был ли в силе идеологический кетман тогда, теперь или и тогда, и теперь, но более чем ясно, что подобный интеллектуально-политический облик общественной элиты в Сербии с ее неблагоприятной культурной базой, рассмотренной выше, – дела обстоят таким же образом и в окрестных странах – не мог стать плодородной почвой для настоящей, глубокой демократизации сербского общества.

С другой стороны, вопреки всеобщим чаяниям, маловероятно, чтобы желаемые демократические импульсы поступили извне в количестве, достаточном, чтобы компенсировать внутренние препятствия и слабости. Если и в дальнейшем мировое сообщество, особенно та его часть, которая считается демократическим образцом для всей планеты, будет принимать слишком активное участие в политической жизни Балканского региона, то следует задуматься, какие за этим в действительности стоят мотивы: озабоченность проблемами истинной демократизации региона или нечто другое, более приземленное и относящееся к области реальной политики.

Если вдуматься, то видно, что после падения Берлинской стены, распада СССР и кувейтского кризиса наблюдается тенденция к усилению прагматизма политики, прежде всего американской, что влечет за собой явную инструментализацию демократического словаря. Многие, разумеется, возразят, что так было всегда, а кто-то, возможно, не захочет признать злободневности этой проблемы (в зависимости от подразумеваемой при этом степени инструментализации и те и другие могут оказаться правы), но похоже, что в политике единственной оставшейся сверхсилы нарушается то тончайшее равновесие между «реализмом» и «идеализмом», «изоляционизмом» и «интервенцией», «политической принципиальностью» и «политическим прагматизмом», которое способствовало окончательному американскому триумфу в «третьей мировой войне». Возможно, как следствие этого триумфа, в течение последнего десятилетия XX века очевидно проявились упрощенные (и односторонние) трактовки свободы, демократии, прав человека и других категорий, относящихся к системе ценностей, «атлантических» по происхождению и универсальных по интенции, – как достаточно узко понимаемой концепции американского национального интереса, каковой подход усваивают и международные организации (ООН, НАТО, ОБСЕ, МВФ), где США занимают главенствующую позицию.

Отразится ли это идеологическое, имперское редуцирование демократических принципов на самих западных обществах и каким образом – вопрос открытый. Однако несомненно его негативное влияние на курс и качество демократического вмешательства в дела Юго-Восточной Европы, где демократические традиции еще непрочны, а институты слишком хрупки. В конкретном случае

Сербии принятие либерально-демократического инструментария, особенно ныне господствующего, носящего «глобалистский» и американский оттенок, будет дополнительно осложнено и помечено клеймом натовских бомбардировок, а также неизжитым ощущением «американской поддержки всех сербских врагов» (для окончательного вытеснения этого чувства потребуется много усилий, терпения и разума обеих сторон). Помимо этого основное опасение заключается в том, что «прагматичный» зарубежный политико-предпринимательский фактор найдет общий язык с аналогичным балканским (хотя еще карикатурным и экстремальным) и закроет глаза на местные недемократические проявления (связи с криминальными структурами, контроль над СМИ, нарушение законов и, может быть, даже фальсификация выборов), поскольку взамен будут предложены, например, незамедлительная выдача обвиняемых Гаагскому трибуналу, ускоренные и «аутсайдерские» приватизации, быстрое признание независимости Косова и т. п.

По многим причинам современная Сербия вряд ли может рассчитывать на то внимание и на ту финансовую и институциональную благосклонность, каковыми пользовались (оккупированная) Западная Германия и Югославия Тито в десятилетия после Второй мировой войны. Поэтому, невзирая на преобладающую риторику и завышенные ожидания от «иностранный помощи», экономическая, политическая и моральная консолидация сербского общества должна осуществляться с опорой на собственные (небольшие, но все же не несуществующие) материальные и духовные ценности.

3.3. (Полу)постреволюционный мятеж, или Фактор ДОС

Не пускаясь в схоластические споры относительно природы и именованя октябрьских событий в Сербии, а также не пытаясь давать оценку глубине и диапазону совершившихся перемен, стоит обратить внимание на наиболее характерные черты постреволюционного периода, переживаемого сейчас сербами. Судя по поведению политиков, риторике, иконографии и пылким нетерпеливым ожиданиям общественности, мы находимся в типичной постреволюционной ситуации, отмеченной, как это обычно бывает, созданием новых мифов и новых героев, календаря и словаря. Также стоит отметить факт осознания важности происходящего как одну из существенных специфических особенностей этой ситуации. Современникам и непосредственным участникам событий всегда кажется, что исторический момент, на который приходится их период активности, является ключевым, вершащим судьбы всего общества и его членов. Состояние социального возбуждения и бурлящий водоворот политических страстей только углубляют эту иллюзию, приводя к своего рода всеобщему коллективному искажению восприятия.

Помимо этого, мысль об эпохальности текущих событий (отсюда – потребность в глобальном подведении итогов, новой точке хронологического отсчета и т. д.) исключает возможность исторических аналогий и развивает пренебрежительное отношение к конкретным насущным проблемам, к обычному «маленькому» человеку и его заботам. Иногда, когда подобный энтузиазм достаточно массов, это может благоприятно сказаться на социальной сфере (как, скажем, в послереволюционной Франции или послевоенной Югославии), но если пересекается или, наоборот, не достигается некая трудноопределимая критическая отметка (примерно как в странах «реального социализма» в последние десятилетия), событие приобретает характер фарса и простой симуляции революционного воодушевления, в то время как общество погружается в апатию и стагнацию, не подверженными которым остаются только официальная риторика и увеличивающаяся активность

«профессиональных» революционеров.

Судя по всему, на сегодняшний день сербское общество оказалось на распутье между этими перспективами. С одной стороны, октябрьские события пользовались несомненной поддержкой сербского «общественного тела», бесспорно, имел место «революционный» подъем, равно как и связанные с ним большие надежды на будущее и новую власть. С другой стороны, если абстрагироваться от бури и натиска 5 октября, то все больше бросаются в глаза моменты «реставрации», быстрый спад энергии, растущее безразличие, и закрадывается подозрение, что в те «судьбоносные» дни граждане представляли собой скорее не «революционный субъект», а театральные кулисы, за и перед которыми по технике дворцового переворота осуществлялась более или менее контролируемая смена, точнее, переформирование и реорганизация правящей элиты Сербии.

Поэтому, как уже говорилось, события начала октября 2000 г. значительно более многозначны, их нельзя ни именовать, ни трактовать однозначно. Наше мнение таково, что октябрьский переворот и все за ним последовавшее надо осознать и преподнести как сложное переплетение легалистских, путчистских и революционных элементов. Это был и спонтанный массовый протест, взрыв народного (во многом социального) недовольства; и легитимная борьба за признание результатов президентских выборов; и хорошо организованный государственный переворот, согласованный с частью правящего аппарата и существенно поддержанный зарубежными разведанными и финансовыми средствами. Из этого клубка теперь политические субъекты извлекают отдельные составляющие, которые считают наиболее для себя выгодными. Сторонники ДОС в настоящий момент признают только революционную сторону, те, кто ближе к ДПС и президенту Коштунице, провозглашают только легитимно-легалистскую направленность, а радикалы и СПС, в свою очередь, акцентируют внимание на теории «заговора» и путча, остальное же их мало интересует. Октябрьские события, между тем, содержали все перечисленные черты, которые продолжают действовать и в постреволюционный период, чем немало смущают и порождают недовольство.

Многое из того, что нам кажется неясным с точки зрения доминирующей и, так сказать, официальной трактовки этих событий как «революционного переворота» (скажем, на первый взгляд, непостижимый факт неизменности руководящего состава МВД и армии), станет абсолютно понятным, если к основной версии присовокупить «легитимную» и «путчистскую». По всей видимости, эта двойственность не лучшим образом понимается как общественностью, так и самим правящим ДОС, из чьих рядов все время поступают то революционно-зажигательные, то жестко «легалистские» заявления и действия. Эти два подхода, все больше парализующие сербскую политическую жизнь, как правило, ассоциируются с именами двух самых выдающихся лидеров ДОС – президента Коштуницы (легалиста) и премьера Джинджича (революционера), однако такая поляризация чересчур упрощена, и речь здесь скорее идет об имидже и политическом маркетинге. В конце концов, именно Джинджич вел переговоры и заключал «сделки» с представителями правящего режима до и после 5 октября. С другой стороны, Коштуница не занимал бы тот пост, который занимает сейчас, если бы все время, а особенно с 24 сентября по 5 октября, слепо верил в процедуру и «институции системы».

В любом случае, несмотря на сиюминутную популярность революционной теории, нельзя забывать, что как раз наименее популярным аспектам послевыборного кризиса мы обязаны, во-первых,

победным исходом, а во-вторых, предотвращением внутрисербской резни, опасность которой была более чем реальна. Поэтому не должны казаться удивительными ни противоречивые действия новой власти, ни то, что «разрыв с прошлым» не углубляется, а условия жизни не становятся лучше (и то и другое ожидалось), но ради исправления ситуации в будущем нельзя более сохранять этот противоестественный и хаотичный политический провизорий, именуемый Демократической оппозицией Сербии.

Воислав Коштуница, победитель президентских выборов. 5 октября 2000 года

Как известно, ДОС был сформирован как временная и «оборонительная» ad hoc коалиция, призванная дать отпор Милошевичу, и как таковой он не пригоден для осуществления власти и проведения демократических реформ в Сербии. Даже вне зависимости от Коштуницы и Джинджича, а также от характера, тщеславия и открытой враждебности по отношению друг к другу остальных лидеров ДОС, такая масштабная коалиция, невероятно разнородная и программно, и идеологически (от Ненада Чанко и Жарко Корача до Коштуницы, Владана Батича и Велемира Илича) просто не может ни слаженно функционировать, ни проводить какую-либо внятную политику, а ее существование возможно только в форме олигархии, то есть конкурирующих политико-деловых и криминальных кланов, которые время от времени договариваются между собой, контролируют и истребляют – при этом присягая на верность «революции» 5 октября и ссылаясь на собственные «исторические заслуги».

Другими словами, самую большую опасность для сербской октябрьской (полу)революции (или полуконтрреволюции) представляют победители, ее совершившие. А то, что представляется нам как непоследовательность ДОС и «дружеский» спор относительно темпа и методов устранения остатков власти Милошевича, является лишь верхушкой айсберга жестокой борьбы за превосходство внутри ДОС и в Сербии, и самым лучшим вариантом было бы перенесение этой борьбы из сферы таинственных договоров и взаимных расчетов за закрытыми дверями на открытую политическую сцену, в парламент и на избирательную арену. Проведение действительно демократических, честных и корректных выборов, каковых в Сербии, увы, никогда не было, могло бы (точнее, должно было бы) стать последним и самым большим заветом ДОС (что, к сожалению, все менее вероятно).

В противном случае, если новой сербской политической элите не удастся найти некий демократический *modus vivendi* и если не будут установлены законные и медийные механизмы институционального урегулирования назревающих политических конфликтов (а это требует от всех политиков искренней демократической воли и готовности к компромиссу), тогда не только сведется к нулю позитивный эффект свержения Милошевича, но и вся Сербия погрузится в хаос предгражданского состояния со всеми вытекающими драматическими последствиями, чего удалось счастливо избежать 5 октября. А тогда сербскому обществу (не говоря уже о поколении) вряд ли выпадет еще один шанс, и станет неважно, кто победил. Впрочем, колокол, как известно, звонит по каждому из нас.

Перевод Евгении Потехиной

Слободан Антонич

Пятое октября и перспективы демократизации Сербии

В данной статье исследуются перспективы демократизации Сербии после Милошевича в свете революции 5 октября 2000 г. После анализа этого многопланового события я попытаюсь обсудить

влияние каждой его составляющей на демократическое будущее Сербии.

Народно-революционные черты

Когда речь заходит о событиях 5 октября 2000 г., прежде всего в воображении возникают толпы разъяренных людей, штурмующих здание скупщины Сербии и бульдозер Любисава Джокича, «экскаваторщика Джо»; затем по Таковской улице все направляются к зданию редакции государственного Радиотелевидения Сербии (РТС). В этих событиях есть несколько моментов, не имевших места во время предыдущих попыток свергнуть режим Слободана Милошевича.

Во-первых, количество участников. Народ и раньше выходил на улицы Белграда, протестуя против власти Милошевича. Согласно общему мнению, наибольшее количество демонстрантов было зафиксировано в ночь на 13 января 1997 г. и составило 200–300 тыс. человек (по оценкам прессы, эта цифра доходила до полумиллиона – Antoni?, 1997:86). Однако 5 октября на улицы столицы вышло более 500 тыс. человек, белградцев и жителей других городов (газета «Блиц» (Blic). С. 3), а по оценкам полиции – 800 тыс. (газета «Недельни телеграф» (Nedeljni telegraf), 1 ноября 2000 г. С. 6). Во-вторых, у народа, вышедшего на улицы, уже имелся десятилетний опыт манифестаций против Милошевича. Особенно бурной была зима 1996–1997 гг., когда три месяца сотни тысяч людей требовали по всей Сербии, чтобы Милошевич признал результаты выборов в местные органы управления. Поэтому 5 октября большинство демонстрантов было настроено совершить что-то такое, чтобы покончить с ненавистным режимом Милошевича раз и навсегда.

В-третьих, это «что-то» осенило протестующих спонтанно. Конечно, у лидеров Демократической оппозиции Сербии (ДОС) был свой замысел. Они намеревались захватить здания Союзной скупщины, телевидения, Союзного правительства, аэродрома и городской полиции. Тогда бы они потребовали, чтобы группа международных наблюдателей объявила истинный результат прошедших выборов. В тот день в общем-то не планировалось свержение Милошевича (журнал «НИН» (NIN), 12 октября 2000 г. С. 14; ?in?i? 2000: 2.36). Однако этот план провалился. Жители г. Нови Сад, которые должны были захватить Союзное исполнительное вече (СИВ), просто прошли перед зданием и направились в центр города. Точно так же поступили жители г. Шабац, которым надлежало занять аэродром, и жители г. Зренянин, вместо того, чтобы окружить полицейский участок на улице 29 ноября. Зоран Джинджич, пользующийся репутацией «хорошего организатора», в воспоминаниях (2000) описывает охватившее его чувство смутного беспокойства от такого поворота событий. Даже штурм здания скупщины выглядел как единый порыв сплотившегося народа, а не успешное осуществление замысла оппозиционного «генерального штаба». «Скупщина взята, но никто из лидеров ДОС предварительно не выкрикнул „Атака!“ (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:165). Таким образом, „спонтанность“ победила „организацию“.

Поистине эти черты придают событиям 5 октября 2000 г. характер революции.

Слободан Милошевич на последнем съезде компартии Югославии. 1990 год

Грань вооруженного мятежа

За исключением событий 9 марта 1991 г., когда демонстранты стойко противостояли отрядам полиции, и 1 июня 1993 г., когда сторонники Вука Драшковича пытались взять штурмом Союзную скупщину, все остальные народные выступления против Милошевича были мирными и ненасильственными. 5 октября 2000 г. большая часть оппозиционных лидеров и самих участников были готовы применить силу, чтобы покончить с действующим режимом.

Лидеры Демократической оппозиции Сербии

В отличие от предыдущих попыток свержения Милошевича, на этот раз вожди оппозиции обеспечили «серьезную компетентную помощь со стороны бывших (или действующих) полицейских и офицеров, а затем были подготовлены центры оперативной акции. Учитывалось все: оружие и оборудование, телекоммуникации, логистика, транспорт и, прежде всего, планирование» (Vasi?, 2000:14).

Скажем, Небойша Чович раздобыл грузовик с ружьями и вооружил 150 человек, «в основном бывших полицейских» (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:30). По словам Джинджича, в ночь с 4 на 5 октября штаб-квартиру Демократической партии на Крунской улице охраняли 20 человек с автоматами, к которым в случае нападения должна была присоединиться тысяча вооруженных людей! (?in?i? 2000: 3.34). В длинных вереницах различных транспортных средств, отовсюду стекавшихся к Белграду, тоже было много оружия. «Во главе колонны были крутые парни. В каждой из этих групп было по 15–20 вооруженных людей, у них была взрывчатка, бронежилеты и много личного оружия» (?in?i? 2000: 3.34). «Только в одной машине насчитали: снайперскую винтовку с двумя сотнями патронов, пистолет 7,62 ТТ, пистолет 7,65, пистолет-автомат „Скорпион“ с глушителем и восемь бомб» (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:75). В самом Белграде для защиты от возможной танковой атаки кое-кто вооружился «ручными ракетными установками» (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:87), а у отряда из двенадцати человек был наготове «Молотов-коктейль» (?in?i? 2000: 3.36).

Наконец, были группы, заранее подготовленные к стычкам с полицией. Одна из них – группа Боголюбa Арсениевича Макия – насчитывала около двадцати человек, обученных бросать «Молотов-коктейль». Другая группа «Отпораши» учила, «где кому следует быть; действия ударной группы; что задние ряды должны быть вооружены камнями, если полиция прорвется; как сохранить самых важных людей; способы коммуникации; как обращаться с оборудованием» (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:27; 65).

Таким образом, в событиях 5 октября присутствуют черты вооруженного мятежа. Они, конечно, не преобладали, так как скопление народа придало происходившему вид революции. Все же эта сторона событий очень важна для понимания поведения участников переворота, а также для большей ясности насчет демократических перспектив Сербии после 5 октября.

Элемент заговора

Несмотря на многочисленность и решительный настрой участников уличной манифестации 5 октября, а также подготовленность оппозиции, Милошевич располагал достаточным количеством сил, чтобы разогнать демонстрантов. В первой половине 1990-х гг. он увеличил число полицейских больше чем вдвое (с 40 тыс. практически до 100 тыс.), раздал им звания, вооружил 150 БТР и 170 минометами (Antoni?, 2000). В конце 1990-х гг. Милошевич подчинил себе и армию, очистив ее от непокорного офицерского состава. Но в решающий момент и полиция, и армия отказались ему повиноваться.

При анализе событий 5 октября не покидает ощущение, что в тот день полиция и армия действовали не так, как надлежит в подобных ситуациях. И у полиции, и у армии должны были быть разведанные относительно готовящейся акции (NIN. 12 октября 2000 г. С. 14). «Служба госбезопасности с ее серьезными ресурсами могла предотвратить события среды и четверга, если бы

хотела – не стоит обманываться на этот счет. МВД Сербии в критическую ночь могло перекрыть въезд в Белград, прекратив тем самым массовый приток людей в столицу, и взять город под свой контроль даже без помощи армии, но этого не произошло» (Vasi?, 2000: 15). «Для начала представьте, что могло бы произойти, если бы снайпер разнес голову водителю бульдозера и еще несколькими самым активным демонстрантам», – задается вопросом один бывший полицейский (NIN. 12 октября 2000 г. С. 14).

Вместо этого полиция, которая была основной опорой Милошевича, вела себя необычно пассивно. Колонны из других городов без труда преодолевали полицейские кордоны, вопреки приказу Влайко Стойильковича любыми мерами остановить марш на Белград (по словам генерала Обрада Стевановича и его заместителя полковника Любы Алексича – *Nedeljni telegraf*. 1 ноября 2000 г. С. 5–7).

Колонну из Нового Сада должно было остановить заграждение, составленное из дорожных конусов! Когда из колонны стали кричать и напирать на полицейских, те расступились со словами: «А чего не говорите, что вам пройти надо» (!) (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:76). Жители города Ковин рассказывают, что полицейские сами им сказали, что «для порядка они должны задержать их минут на десять», и затем пропустили (Blic. 6 октября 2000 г. С. 9). Столь слабая оборона подступов к Белграду тем более изумляет, что ее осуществляли по большей части бойцы спецполиции (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:56), до той поры блестяще действовавшие в подобных ситуациях (к примеру, митинг в г. Пожаревац 9 мая 2000 г., куда не были допущены сторонники оппозиции).

Во-вторых, полиция вяло обороняла ключевые здания охраны порядка. Для зданий обеих скупщин, президиума, РТС, Радиотелевидения «Студии Б» и т. д. было предусмотрено менее 500 человек из Белграда и 600 с периферии. Но и эта цифра на самом деле была значительно меньше. Половина полицейских не смогла добраться до столицы (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:54-5). А полицейские, защищавшие здания, делали это неуклюже и с явной неохотой. Во время штурма скупщины «полицейские старались не перехватить инициативу, а казалось, только уворачивались от камней и других предметов, летевших со всех сторон» (Blic. 6 октября 2000 г. С. 3). «Кордона не было, не было каких-либо заграждений, обычных в таких ситуациях» (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:131). Правда, полиция использовала огромное количество слезоточивого газа, а кое-кто из демонстрантов получил побои, но ничего более. Стоит напомнить, что полиция при обороне охраняемого объекта имела право применять огнестрельное оружие. Автор этих строк лично принимал участие в штурме здания РТС и помнит, какая началась паника, когда в кого-то из нападавших случайно попала шальная пуля. А как бы развивались события, если бы полиция всерьез открыла огонь на поражение? В-третьих, отряды полиции, специально подготовленные для таких случаев, просто выполняли приказ некомпетентного командования. Как уже было сказано, большая часть отрядов спецполиции была рассредоточена вокруг Белграда, образовав тройное кольцо обороны. Они должны были остановить поток разъяренных граждан, которые со всех направлений устремились к столице. Когда же оборону прорвали, никому не пришло в голову собрать отряды полицейских и окольными путями привести их в Белград (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:83). Но даже если большая часть спецполиции находилась за пределами города, другая ее часть должна была оставаться в Белграде для поддержания порядка и защиты Милошевича. Между тем действия полиции на столичных улицах были крайне неэффективными, с использованием самых примитивных средств. Блюстители

правопорядка применяли в основном слезоточивый газ и колотили дубинками направо-налево. Не использовалась бронетехника со специальными решетками для разгона толпы, как 9 марта 1991 г. Не было водометов, любимого средства для «остужения горячих голов», применявшихся в ночь со 2 на 3 февраля 1997 г. Не участвовали ни конная полиция, как 9 марта, ни джипы, с помощью которых, например, разгоняли демонстрацию 17 и 18 мая 2000 г. (см. описание в газете «Данас» (Danas). 20–21 мая 2000 г. С. 11).

Единственная спецполиция, появившаяся в Белграде в полной боевой готовности, – это так называемое подразделение специальных операций (ПСО) службы госбезопасности. В шести бронемашинах, окрашенных в защитный цвет, находилось несколько десятков «красных беретов», вооруженных тяжелыми пулеметами (12,7 мм), пистолетами и даже секирами (Vreme. 12 октября 2000 г. С. 7; Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6). Но, за исключением использования слезоточивого газа во время попыток прорваться к зданию РТС, они тоже не вступили в бой, а через некоторое время отступили.

Примерно то же самое можно сказать и об армии. Правда, полностью Милошевич подчинил себе армию только в конце 1998 г., да и основу большинства подразделений составляли желторотые рекруты. Но там было достаточно людей Милошевича для передачи приказов и профессиональных отрядов для исполнения этих приказов. Кроме Первой бронебригады, дислоцированной в Баньнице, в распоряжении Милошевича были и такие спецотряды, как Специальная 72-я или 63-я парашютные бригады. А если бы противостояние затянулось, президент СРЮ мог бы вызвать из Черногории верный 7-й или 4-й батальон военной полиции, насчитывавшие 1500 человек (Vreme. 12 октября 2000 г. С. 17).

И все же армия осталась в казармах. После того как демонстранты прорвались в здание скупщины, Милошевич по телефону потребовал от начальника Генерального штаба Небойши Павковича послать войска на мятежный город. Павкович приказ принял, но с выполнением медлил, поэтому Милошевич звонил повторно. Но вместо того, чтобы организовать поход на Белград, Павкович принялся составлять план обороны элитного столичного района Дединье, однако когда стало ясно, что взбунтовавшийся народ не покинет здания скупщины, был выработан новый план. Согласно этому плану перед рассветом, когда еще темно, надлежало напасть на центр города и подавить бунт. Но и этот план не был осуществлен вследствие долгих колебаний Павковича насчет отдачи соответствующего приказа. В конце концов генералы Александр Василевич, а затем Милан Джакович начали открыто требовать невмешательства армии. Таким образом Милошевич был оставлен на произвол судьбы. Павкович словно того и ждал, и в 7.30 утра Генштаб сообщил, что армия «уважает избирательную волю граждан» (Stojadinovi?, 2000:1;2).

Почему же полиция и армия так плохо обороняли власть Милошевича? В отношении полиции существуют два объяснения.

Во-первых, плохое командование. Кажется, план обороны составлял сам министр внутренних дел Влайко Стойилькович. Он же беспокоился за его выполнение, так как есть свидетельства, что министр лично звонил в полицейские участки и давал указания. Впрочем, этот пузатый грубиян, достигший своего положения благодаря не способностям, а подхалимству перед женой Милошевича, мало что понимал в делах внутренних войск. Поэтому, как было сказано выше, он разбил отряды спецполиции, которые должны действовать только сообща, на небольшие группы и рассредоточил

их в тройное кольцо обороны вокруг Белграда, обезвредив тем самым самое мощное оружие Милошевича (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:44; 56).

Полицейские в Белграде, готовые к борьбе с демонстрантами

Второе объяснение слабых действий полиции – неподчинение. Были случаи, что полиция и раньше не выполняла приказы Милошевича и высшего руководства. Скажем, во время событий 9 марта 1991 г. «одно подразделение милиции на позиции около Дома Армии неоднократно отказывалось выполнять приказы» (Vasi?, 1991). Но на этот раз уклонение от выполнения приказов стало общим явлением. Зафиксированы случаи, когда полицейские открыто проявляли неповиновение начальству. Так, подразделение спецполиции из г. Ниш (400 полицейских) отказалось идти к Белграду, сложив бронежилеты и оборудование перед отделением республиканского МВД. Глава нишского Секретариата внутренних дел Здравко Скакавац не пытался разубедить их, сказав, что «время тяжелое и что он понимает их поступок». Более того, нишские полицейские связались по телефону со своими коллегами из Пирота и убедили и их не ходить на Белград (Danas. 6 октября 2000 г. С. 1). В то же время были среди полицейских (особенно среди офицерского состава) и те, кто принимал приказы, но уклонялся от их выполнения. Полковник Зоран Симович получил приказ сбросить с вертолета на толпу слезоточивый газ возле здания скупщины. Поскольку газ содержался в баках весом до 10 кг, в плотной толпе это неминуемо означало бы смертельный исход для тех, на чьи головы эти баки свалились бы. Полковник уклонился от выполнения такого приказа, заявив, что под ним очень густая дымовая завеса, что он не видит цель и не может действовать (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6; (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:159–160). Наконец, некоторые полицейские в эти дни попросту не вышли на службу (как командир Союзной бригады, полковник Люба Лончаревич, который должен был охранять здание скупщины, – Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6).

Что же касается армии, тут объяснение следующее. Большая часть офицерского состава была равнодушна к Милошевичу, но немало было и таких, кто презирал его. Младшие офицеры подумывали об устранении диктатора, а кое-кто создал тайные организации. Одна из них, ставшая известной общественности в 1999 г., – так называемая Освободительная сербская армия (ОСА), во главе которой стоял лейтенант из г. Крушевац Бобан Гайич. Когда стало ясно, что выборы 24 сентября 2000 г. Милошевич проиграл, но попытается силой удержать власть, многие офицеры решили его не поддерживать. Когда 4 октября 2000 г. председатель Верховного Военного Суда Милош Гойкович предложил арестовать вождей оппозиции, изолировав их таким образом от народа, другие судьи его не поддержали (Stojadinovi?, 2000:1). Утром 5 октября некоторые офицеры говорили солдатам, что не поведут их против народа, даже если поступит приказ от высшего командования (Vreme. 12 октября 2000 г. С. 17).

Генерал Павкович должен был знать, какая часть армии ненадежна. Вместе с тем возникает вопрос: если бы он подчинился приказу Милошевича и послал танки, что бы с ними было? После взятия полицейского участка на улице Матери Ефросимы народ около скупщины вооружился 300 автоматами Калашникова, 16 пулеметами, 19 «Скорпионами» и 260 пистолетами. Оппозиция подготовила тяжелую технику городских служб, грузовики, автобусы и трамваи, чтобы соорудить из них противотанковые заграждения. Помимо уже упоминавшейся группы с «Молотов-коктейлем» другая группа мятежников вооружилась ручной ракетной установкой и заняла позицию на улице Князя Милоша (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:243; 87; 241). Если бы армия все-таки вошла в столицу,

то разыгралось бы настоящее сражение. У Павковича были свои осведомители около скупщины, информировавшие его о количестве народа, настроении людей, о том, готовы ли демонстранты идти до конца (Stojadinovi?, 2000). Поэтому он и отступился. «Мне кажется, – говорит Джинджич, – если бы была уверенность, что вторжение даст результат, оно бы произошло. Тут не было никаких ни моральных аргументов, ни совести, а просто вопрос эффективности» (?in?i?, 2000:3.34).

В целом, что характерно и для армии, и для полиции, – это отсутствие рвения выполнять приказы Милошевича. Рядовые полицейские и военные были по горло сыты его властью. Возможно, цифра проголосовавших за Коштуницу полицейских и военнослужащих в 83% несколько завышена (NIN. 12 октября 2000 г. С. 14), но, скажем, большинству жандармов надоело за мизерную плату вступать в стычки со своими родственниками и соседями. А в те октябрьские дни эти стычки были опасными. К примеру, как остановить колонну разозленных жителей г. Чачак длиной в 22 км, сидящих в 230 грузовиках, 52 автобусах и в бесчисленном множестве автомобилей, вооруженных не только камнями и палками, но и винтовками, пистолетами и бомбами (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:74-5)? Конечно, можно было последовать приказу Влайко Стойильковича и поражать ручными ракетными установками автобусы и грузовики. Пассажиры и транспортные средства испепелились бы во взрывах, дающих температуру до 2000°C. Так же можно было действовать согласно приказу, лично переданному Павковичу в ночь на 5 октября начальником охраны Миры (Мирьяны) Маркович офицером полиции Джорджевичем (?in?i?, 2000:3.36), которым требовалось ликвидировать шесть самых опасных оппозиционеров (Воислава Коштуницу, Зорана Джинджича, Владана Батича, Небойшу Човича, Момчило Перишича, Велимира Илича), а остальных арестовать (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 7). Но выполнение этого приказа было бы преступлением, которым большинство рядовых полицейских или военных не хотело запятнать свою совесть.

Чины военного и полицейского командования должны были сознавать, что последовательное выполнение приказов 5 октября 2000 г. лично для них значило бы перейти Рубикон. Взрывать автобусы или посылать танки на город – это повлекло бы за собой большое количество жертв. А столкновения с таким агрессивным настроенным и вооруженным народом переросли бы в гражданскую войну. И если офицеры полиции и армии хоть немного разбирались в сложившейся ситуации, они должны были понимать, что эту войну Милошевичу не дадут выиграть. Войска НАТО были рассредоточены повсюду вокруг Сербии и только и ждали подходящего момента, чтобы под предлогом предотвращения еще одной «гуманитарной катастрофы» двинуться на Белград. Так для чего марать руки и ставить себя под удар сейчас, чтобы завтра сложить голову ради Милошевича и его жены?

Приведенные доводы частично объясняют причины быстрого слома полиции и армии Милошевича. Однако их недостаточно. Например, в отношении полиции мы вправе задать вопрос: как получилось, что Влайко Стойилькович лично спланировал и разработал стратегию обороны 5 октября? Где же были остальные генералы МВД, проверенные фавориты Милошевича? Напомню, что согласно довольно убедительным сведениям одного офицера жандармерии, «у всех генералов МВД, кроме генерал-лейтенанта Мишича, были роскошные квартиры в районе Дединье, и все они ездили на шикарных бронированных авто, чаще всего BMW, стоимость которых составляла от 200 до 600 тыс. марок» (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 7). Эти генералы были заинтересованы в защите Милошевича и его режима. Но Стойильковича покинули на произвол судьбы вместе с его «тройным

кольцом обороны Белграда».

Неэффективность действий полиции 5 октября вряд ли можно списать исключительно на малодушие рядовых полицейских и их командиров. Вскоре по свершении переворота появились свидетельства, что часть верхушки МВД участвовала в своего рода заговоре. Прежде всего, сразу после выборов 24 сентября командующий Специальными антитеррористическими подразделениями, этой убойной силой госбезопасности, полковник МВД Живко Трайкович сказал товарищам, что не пойдет на народ. Он попытался связаться с Коштуницей. Госбезопасность открыла эту его попытку. Поэтому в ночь на 28 сентября он был снят с должности и переведен в г. Куршумлию. Опасаясь за свою жизнь, Трайкович исчез и в последующие дни скрывался в Белграде (Vreme. 19 октября 2000 г. С. 7).

Однако мятеж в ведомстве общественной безопасности продолжал назревать. Его лично возглавил начальник общественной безопасности, генерал Властимир Джорджевич! 4 октября у него состоялась встреча с еще одним генералом МВД и тремя полковниками, на которой было решено «игнорировать приказы, мотивируя это проигрышем Милошевича на выборах. Мол, пусть сам выпутывается, а нас не втягивает» (?in?i?, 2000: 3.34). Конечно, открыто генерал Джорджевич не посмел бы не подчиниться приказам Милошевича. Но очевидно, что как следует он их не выполнял. Не только отряды спецполиции, рассредоточенные в «кольце обороны» Стойильковича, скорее делали вид, что преграждают путь, но и действия Специальных антитеррористических подразделений были совершенно неподобающими. Когда после взятия скупщины они получили приказ выходить на улицы города, бойцы этих подразделений оставили все свое тяжелое вооружение (винтовки, бомбы и т. д.) во дворе здания на улице Князя Милоша, 101 и отправились на задание только с пистолетами. На них были знаки отличия Специального антитеррористического подразделения, что необычно в такого рода ситуациях. В некий момент, непонятно когда и как, бойцы спецподразделения подошли к народу и принялись обниматься и целоваться с гражданами. «Этот жест направил события 5 октября в другое русло и предопределил все остальное», – свидетельствует высший офицер МВД, мнение которого автору этих строк кажется достаточно убедительным. «После того как стало известно, что спецотряды соединились с народом, наши средства связи раскалились от звонков из всех центров и со всех пунктов, когда все поняли, что это наяву и свершилось, – все наши спецы в Белграде отказались выполнить команду выйти против граждан. Полиция побросала свои винтовки, дубинки, щиты» (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6). Другую ветвь МВД, органы государственной безопасности, тоже охватил заговор. Командующий около 1200 «красных беретов», так называемого Подразделения специального назначения (ПСО) Милорад Лукович, по прозвищу Легионер, в ночь накануне 5 октября потребовал встречи с Джинджичем. «Он сказал, – рассказывает Джинджич, – что завтра они получают приказ вмешаться, но они вступят в бой, только если в полицию будут беспричинно стрелять и если будет попытка атаковать казармы, важные объекты для безопасности страны... Он сказал мне, что у „красных беретов“ и антитеррористического спецназа полный контакт и что их действия будут синхронизированы... В заключение он заверил: „Я тебе гарантирую, что завтра против вас никто ничего не предпримет“, (?in?i?, 2000: 3.34). После взятия РТС Легионер повел часть своих людей в полной боевой выкладке к зданию на Таковской улице. Но никаких действий с их стороны не последовало. „Спустя двадцать минут „красные береты“, то есть их командир Легионер, потребовали подкрепления. Из отрядов госбезопасности, однако, никто не хотел вмешиваться, и «красные

береты“ тоже перешли на сторону народа“ (Nedeljni telegraf. 1 ноября 2000 г. С. 6).

Наконец, есть свидетельства о том, что полиция все время поддерживала контакт с мятежниками. «Подготовка велась в условиях строжайшей секретности, – рассказывает Велимир Илич, – особенно с офицерами и инспекторами полиции... Среди нас были действующие полицейские в штатском, даже из элитных белградских подразделений. Они помогали нам получить разного рода информацию: что полиция собирается предпринять, куда направляется и что нас может ожидать на пути... У нас, конечно, была агентура и в Белграде, в полиции, которая тоже нас снабжала информацией. Достоверность и точность мы проверили, когда направлялись на колубарские шахты, в „Тамнаву“ . Оказалось, что нам поступала точная информация... Нам было очень важно поддерживать контакт с нашими агентами в полиции: у нас были гарантии, что в нас не будут стрелять, а также что они выступят против нас в половине четвертого... Много раз нам пришлось отступить из-за слезоточивого газа и дымовых шашек ... Люди не выдерживали – задыхались и падали. Полиция нам говорила потерпеть еще немного, что скоро все закончится. Нам пообещали, что силы полиции перейдут на нашу сторону. Вот так было» (Vreme. 12 октября 2000 г. С. 12–13). Разумеется, нельзя события переворота 5 октября приписывать заговору в стенах МВД. Успешные государственные перевороты, совершенные полицией, – редкость. (В качестве успешного Э. Лутвак приводит только пример полицейского путча в Панаме 20 ноября 1949 г. – E. Luttwak, 1969:195). В Сербии участники полицейского заговора не ставили целью свержение Милошевича, они просто уклонились от исполнения его приказов. Полиция здесь не была непосредственным исполнителем государственного переворота. Силы МВД содействовали тому, чтобы перед настоящими его исполнителями не были поставлены чересчур серьезные препятствия. Кроме того, в кулуарах МВД не сложилось единого заговора, а скорее сеть небольших, независимых друг от друга заговорщических кружков, помогавших мятежникам. Действительно, то, что случилось 5 октября, было неким протозаговором. Не было времени, да и необходимости в настоящих разветвленных заговорах и государственном перевороте. Достаточно было небольшого попустительства, всего-то «не выполнить приказ», чтобы волна народного гнева и массы народа на улицах в одночасье смыли Милошевича и его режим.

А когда полиция, надежная опора Милошевича, отступила перед этой сокрушительной мощью, армия уже не понадобилась. Гораздо менее зависимая от Милошевича, она позже всех оказалась перед выбором, встать ли на сторону народа или защищать режим. Поэтому и в армейских кругах заговор успел созреть еще в меньшей степени, чем в МВД. Но все же отказ Павковича идти на восставший город стал переломным моментом в цепи событий 5 октября, равно как и аналогичное решение командующего общественной безопасностью и командира «красных беретов». Если бы Павкович встал на защиту дединьского самодержца, вряд ли он спас бы его. Но генерал мог собрать вокруг себя достаточное количество сторонников Милошевича, а также колеблющихся, предоставив тем самым Милошевичу шанс на еще одно сражение. В этом смысле решение Павковича остаться в стороне имеет элемент заговора, так же как уклонение от выполнения приказов высших полицейских чинов.

Шпионский элемент

Присутствие зарубежного фактора в событиях 5 октября – вопрос, менее всего обсуждаемый нашей общественностью. Если о заговоре в МВД и наличии оружия у мятежников появилась информация,

то о помощи иностранных государств в свержении Милошевича можно только догадываться. Все же некоторые признаки указывают на несомненную роль иноземного фактора в произошедшем перевороте.

Прежде всего серьезная финансовая поддержка тех, кто был готов сокрушить режим Милошевича. Конечно, среди оппозиционных партий и союзов были и те, кто боялся принимать зарубежную помощь, дабы не попасть в зависимость от иностранных спонсоров. Но поскольку большая часть населения Сербии была доведена практически до нищенства, а все остальные финансовые источники для оппозиционеров внутри страны Милошевич успешно перекрыл, оппозиционному движению просто ничего другого не оставалось. Приветствовались любые деньги, которые помогли бы свергнуть диктатора и установить демократический порядок в Сербии.

Предвыборный плакат Слободана Милошевича

Сумма денежной помощи, оказанной в одном только 2000 г., вероятно, так и останется тайной. Существуют данные, почерпнутые автором этих строк у людей, которым у него нет оснований не доверять, что в тот год в Сербию было переведено 48 млн. долларов. Можно представить, о каких суммах идет речь. Возможно, для другой страны это не показалось бы слишком много, но в сербских условиях это были колоссальные деньги, если учесть, что средняя месячная зарплата в Сербии составляла 40 долларов. То есть предоставленная помощь приравнивалась к миллиону ежемесячных окладов. Это то же самое, как если бы, скажем, для свержения голландского правительства было выделено 2 млрд. долларов!

Функционирование этих денег было заметно повсюду. Так, студенческая организация «Отпор» («Сопrotивление») открыла свои представительства в 123 городах Сербии (газета «Голос общественности» (Glas javnosti). 6 июля 2000 г. С. 4). Это подразумевало покупку огромного количества жилой и коммерческой недвижимости. Только в Белграде у «Отпора» была штаб-квартира в самой дорогой части города, в центре (Кнез Михайлова улица), а также он являлся собственником по крайней мере одной явочной квартиры неподалеку от рынка «Зелени венац» (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:109). Когда в руках полиции оказался пропагандистский материал «Отпора», для его транспортировки потребовались грузовики. Разумеется, это не могло быть оплачено добровольными пожертвованиями бедных сербских студентов.

Такую же платежеспособность проявляли и оппозиционные партии. По свидетельству Джинджича, у Демократической оппозиции Сербии обнаружилось достаточное количество средств, чтобы выкупить все время, которое предоставляли местные TV и радиостанции по всей Сербии (?in?i?, 2000:2.33). Никогда граждане не получали такого количества листовок и других агитматериалов, как перед теми выборами. Лидеры оппозиции снимали номера в отеле «Хайатт», когда надо было скрыться от полиции (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:60). Но особенно бросается в глаза техническая оснащенность оппозиционеров. У них были бронжилеты, устройства для фильтрации радиочастот, помещения, защищенные от прослушивания, устройства для внедрения в программы государственного телевидения, прослушивающие устройства частот МВД и т. п. (Vujo?evi? i Radovanovi?, 2000:28; 42; 49; 53; 67). Джинджич сообщал о 35 спутниковых телефонах, защищенных от прослушивания (так называемые скрэмблированные сигналы), по которым оппозиционеры координировали свои действия (?in?i?, 2000:2.33). А у Васича можно прочесть, что в распоряжении оппозиции было оборудование не только для глушения частот полиции в опасных ситуациях

(попытка полиции взять шахту «Гамнава»), но и для прослушивания во время событий 5 октября переговоров оперативного штаба городской полиции или, скажем, отряда, оборонявшего здание телевидения (Vasi?, 2000: 14–15).

Деньги, спецоборудование и организационно-технические сведения могли поступить только из-за рубежа. Не надо быть чрезмерно проникательным, чтобы понять, насколько профессионально иностранные спецслужбы провели работу среди служащих госаппарата Милошевича, особенно МВД, и военных. Разведслужбы, как и в других подобных случаях, обладали по крайней мере двумя видами мощного оружия воздействия для вербовки сотрудников в этих важнейших для любого авторитарного государства структурах. Первое – деньги. Как ни старался Милошевич «прикормить» полицию и армию, они зарабатывали лишь немногим больше, чем другие чиновники. Для тех же, кто в деньгах не нуждался, являясь частью мафиозной сети Милошевича, был подготовлен другой вид оружия: обещание помилования. Чем выше чин у полицейского, тем щекотливее для него был вопрос о коррупции и военных преступлениях. Естественно, у высших чинов были все основания бояться суда по делу «о приумножении противоправной выгоды путем злоупотребления служебного положения», о нарушении прав человека или преступлениях против человечности.

Поэтому не стоит удивляться, если вдруг окажется, что странные промахи офицеров полиции при обороне Господина мотивированы не патриотизмом или стремлением к справедливости, чувствами, долго подавлявшимися и 5 октября вырвавшимися наружу, а сотрудничеством с какой-нибудь разведслужбой. Если платой за «отпущение грехов» для сотрудника МВД было всего лишь уклонение и попустительство или предоставление представителям оппозиционного движения нужной информации, надо признать, что это было весьма выгодное предложение для большинства чиновников Милошевича. Такого рода сделки могли быть заключены, по свидетельству Джинджича, в ночь на 5 октября или в ходе событий переворота. Но скорее всего, часть служащих МВД еще раньше была привлечена к сотрудничеству с оппозицией, что является результатом работы зарубежной разведки.

Конечно, не стоит переоценивать этот фактор в событиях 5 октября. Определенно, со времени войны 1999 г. правительство мировой сверхдержавы одной из главных задач своей внешней политики сделало ликвидацию режима Милошевича любой ценой. (Бесспорно, скорее вследствие дерзкого отпора Милошевича безраздельному американскому господству, нежели из-за его непозволительно самодержавной политики.) Но если бы Милошевич не совершил роковую ошибку, приняв участие в президентской гонке; если бы сербский народ практически единогласно не проголосовал против диктатора; если бы граждане не разошлись из-за совершенной кражи выборов и не вышли на улицы с намерением расквитаться с угнетателем; если бы рядовым полицейским и солдатам не надоело защищать режим президента, вряд ли иностранным спецслужбам удалось спровоцировать события 5 октября. Они могли предоставить помощь в подготовке государственного переворота. Особенно если бы Милошевич избрал курс диктатуры, а судя по его политике, так оно и было бы. Но для государственного переворота пришлось бы выждать благоприятных условий, долго готовиться, а на все это нужно время. 5 октября переворот совершил оскорбленный и рассерженный народ, иноземный же фактор помог, чтобы все прошло как можно более гладко и обошлось малой кровью.

События 5 октября и демократия

После того как мы выделили различные составляющие переворота 5 октября, теперь следует

рассмотреть их влияние на установление демократического порядка в Сербии.

Противоречивы с этой точки зрения народно-революционные устремления: в них присутствуют как положительные, так и отрицательные черты. Положительная сторона – возросшая уверенность народа в собственных силах. Тот факт, что наконец-то граждане проявили силу, укрепит уверенность, что власть должна нести ответственность перед народом, а не наоборот. Если это мнение укоренится среди обычных людей, можно считать, что Сербия успешно преодолела первую стадию так называемой выборной демократии (Diamond, 1996).

С другой стороны, здесь присутствуют моменты, неблагоприятные для дальнейшей демократизации общества. Отдаленное их эхо прозвучало в адресованных новой власти своеобразных посланиях с изображением бульдозера и словами: «Само вас гледамо» («Мы смотрим на вас»), которые в большом количестве можно было видеть на улицах Сербии после событий 5 октября. Это было не только остроумное предупреждение новой власти. В этой фразе содержалась вера, что повседневную работу правительства можно контролировать с помощью угрозы революции, причем, вероятно, со стороны неправительственных организаций и движений, наподобие «Отпора» или «G17Плус». Однако такое функционирование государственного устройства скорее напоминает китайскую культурную революцию, чем западную парламентскую демократию. Не может быть демократии там, где вместо установленной процедуры, возможно, более медленной, менее продуктивной, но законной, прибегают к насилию, пусть и в благих целях. Еще меньше демократии там, где это осуществляют организации, не входящие в выборный список, поскольку неизвестно, сколько граждан стоит за ними и действительно ли они выражают народную волю.

Вооруженный мятеж влечет за собой в основном плохие последствия для демократизации. Часть совершивших переворот оппозиционеров укрепились во мнении, что народ доверчив, легко поддается на провокации, им легко манипулировать и что этим можно воспользоваться, если того потребуют высшие политические цели. Например, если бы представители оппозиции, придерживающиеся такой точки зрения, открыто объявили о своих замыслах, ссылаясь на то, что на насилие надо отвечать только насилием, их не только властвующие круги обвинили бы в терроризме, но и вряд ли за ними пошло бы такое количество народу. Но они говорили об исключительно мирном негодовании, о законности данного действия, о недопустимости любой крайности и любого насилия. То есть именно то, что хотел услышать простой гражданин, панически боящийся новой войны. А на самом деле... «Вся моя стратегия, – признается ныне Джинджич, – была направлена на то, чтобы заставить Милошевича жечь за собой мосты, накалить ситуацию. Вся наша кампания сконцентрировалась на том, чтобы внушить ему мысль о судьбоносности предстоящих выборов. А когда он их проиграл, мы сделали все возможное, чтобы он не признал поражение, чтобы начал сопротивляться и вывел армию и полицию на улицы. Следовательно, мы целенаправленно подталкивали его к экстремизму, поскольку это был единственный способ совершить глобальные перемены посредством этих, в сущности незначительных, выборов».

Акции молодежной организации Отпор

Таким образом, пока граждане наивно верили, что выходят на мирный марш протеста с целью мирно разрешить вопрос об исходе выборов, часть оппозиционных лидеров сознательно подогривала и обостряла ситуацию. К счастью, события 5 октября завершились практически бескровно, за исключением двух случайных жертв. Но ведь могли быть и тысячи жертв. Был бы Милошевич

единственным виновным в этом случае? Или, может быть, часть ответственности следовало бы возложить на тех оппозиционеров, которые «целенаправленно подталкивали его к экстремизму»? Возможно, ветхозаветная формула «око за око и зуб за зуб» справедлива. Однако одно дело – применить силу при самообороне, и совсем другое – вывести женщин и детей на улицы, ибо протест объявлялся мирным (поэтому на улицы столицы вышли целые семьи), и наблюдать, будут ли в них стрелять и давить танками, дабы диктатор «показал свое истинное лицо». Джинджич и все остальные, готовясь к обороне, могли вооружиться автоматами Калашникова, «Молотов-коктейлями» и ручными ракетными установками. Они даже могли бы подсчитать, какое количество жизней было бы «приемлемой» ценой свержения самодержца из Дединье. Но в списке тех приносимых в жертву человеческих жизней первыми должны были быть их имена. Они не имели права допустить, чтобы тысячи безоружных людей, задыхаясь от ядовитых газов, подверглись атаке БТР и беспощадным побоям полиции, в то время как сами «великие комбинаторы» спокойно отсиживались в своих белградских виллах под надежной охраной вооруженных до зубов телохранителей. Такое хладнокровное злоупотребление народным доверием, которое проявили 5 октября некоторые вожди оппозиции, ставит под сомнение искренность их стремления к демократическому устройству и соблюдению интересов граждан.

У заговорщической стороны событий также есть отрицательные черты. Поскольку в решающую минуту руководящий состав армии и МВД отрекся от Милошевича, они сохранили за собой власть, в отличие от самого президента. Если посмотреть, кто сейчас заведует полицией и армией, то можно увидеть те же самые лица, что и при режиме Милошевича. Но если в армии это может и не представлять опасности, то в МВД этот факт чреват самыми печальными последствиями для демократического будущего страны. Костяк полиции во времена Милошевича был связан с организованной преступностью и незаконной торговлей, захватившими самые доходные сферы сербской экономики. Полиция была замешана в большинстве темных дел, от торговли нефтью, наркотиками и сигаретами до распродажи иностранцам народных богатств (дерева, меди, зерна, произведений искусства). Скажем, торговлю сигаретами держали не какие-нибудь мелкие перекупщики. В этом деле сотрудничали иностранные табачные компании (например, British American Tobacco), с одной стороны, и с другой – представители верхушки власти (например, сын Милошевича Марко), что приносило десятки миллионов долларов чистой прибыли. Покрывали же этот бизнес и участвовали в нем многие высокопоставленные полицейские. Таких коммерческих предприятий было немного, и они составляли финансовое средоточие сербского общества. Ныне основной предпосылкой установления либеральной демократии является замена теневой преступной экономики открытой рыночной. Но как достичь этого без ликвидации отжившей структуры, в которой полиция играла столь значительную роль? Хватит ли сил у новых правителей разворошить найденное «осиное гнездо» или, как это часто бывает, они тоже подвергнутся искушению и попадут в порочный круг? Эти вопросы непосредственно связаны с элементом заговора, присутствовавшим в событиях 5 октября, а особенно с сотрудниками органов внутренних дел. Сейчас, конечно, рано делать какие-либо выводы. Но общественность уже располагает некоторыми данными насчет того, как далеко продвинулось разоблачение деятельности Милошевича. Вновь обратимся к примеру табачного бизнеса. Поскольку табак доступен тем же образом, в тех же местах и по тем же ценам, что и при Милошевиче, в этой области ничего не

изменилось. Только теперь место Марко занял какой-нибудь Зоран или Йовица.

В участии иноземного фактора также кроется множество опасностей. Действительно, в международном плане демократия занимает господствующие позиции. Авторитарный режим в стране, в отличие от предыдущих периодов, не находит опоры у какой-либо антидемократической силы (как недавний СССР или нацистская Германия). Из этого можно было бы заключить, насколько благотворно сказывается влияние зарубежья на демократические преобразования в Сербии. Однако это не совсем так. Зарубежные страны прежде всего ищут собственную выгоду. А основной задачей новой демократической власти в Сербии является отстаивание интересов народа, которым эта власть управляет. А что если эти две позиции не совпадают? И что если иностранные государства попытаются через своих агентов воздействовать на правительство, чтобы интерес зарубежья возобладал над народным? И не единожды или дважды, а всегда, когда создастся подобный диссонанс? Не повредит ли это не только демократической власти в Сербии, но и всей системе демократии в стране?

В заключение, придя к выводу, что отрицательные стороны в приведенных четырех аспектах преобладают над положительными, следовало бы заключить, что перспективы демократизации в Сербии не особенно радужны. Между тем этого не стоит делать без подробного анализа совокупности всех событий 5 октября. Они многослойны, но не все уровни одинаково важны ни для совершившегося переворота, ни для перспектив демократизации Сербии. Поэтому надлежит понять преобладающую природу событий 5 октября и только тогда задаваться вопросом о будущем демократической Сербии. Но это уже задача для другого исследования.

Литература:

Antoni?, Slobodan (1997): «Kriza I u ?vr? ivanje vlasti u Srbiji», Gledi?ta, т. XXXVIII, № 1–6, str. 76–92.

(2000): «Priroda poretka u Srbiji u poslednjim godinama Milo?evi?eve vlasti», Sociologija, т. XLII, № 4 (в печати).

рукопись: «Priroda Petooktobarskog prevrata i demokratija» Bujo?evi? Dragan i Ivan Radovanovi? (2000). 5. Oktobar. Dvadeset ?etiri sata prevrata. Beograd: Medija centar.

Diamond, Larry (1996). «Is the Third Wave Over?», Journal of Democracy, № 3, pp. 20–38.

?indi?, Zoran (2000). «Kako smo sru?ili Milo?evi?a», Blic News, (1): 1 Novembar 2000, str. 33–36, (4): 2 Novembar 2000, str. 33–36.

Luttwak, Edward (1969), Coup d'Etat: A Practical Handbook. Harmondsworth: Penguin Books.

Vasi?, Milo? (1991). Predgovor za fotomonografiju. 9 Mart. Beograd: K.A.M.E.N.K.O. (2000). «Rumunski model na srpski na?in: kriti?na 24 sata», Vreme, br. 510 (12 Oktobar), str. 14–16.

Перевод Евгении Потехиной

Иван Янкович, Борислав Ристич

Когда «провинция» успокоится: проблема вины на развалинах сербского третьего пути
«Молчание – золото»

Сербская народная пословица

Отголоски «бури и натиска» событий 5 октября все еще слышны на сербской политической сцене. Как будто «демократическая Сербия» по какому-то необнародованному внутреннему договору решила до последнего держаться на своем завоеванном демократическом самолюбии и самодовольстве, медленно перерастающем в нарциссизм на почве «хорошо сделанной работы» и

вновь найденной сущности «исконной сербской демократии», под знаком истинной свободы и справедливости. Как будто члены сербской общественности, живущие «как кошка с собакой», заключили некий молчаливый пакт о продолжении этого метаполитического консенсуса с бесконечным блефом на политической ярмарке тщеславия. Лавры 5 октября являются залогом правильности настоящего и будущего исторического направления, а общественные дебаты играют роль своеобразного политического вечного двигателя, чьи народно-патриотические лозунги и шумиха должны заменить реальные усилия по вытаскиванию «национального велосипеда» из того болота, в котором Сербия оказалась в период правления Милошевича. Таким образом, 5 октября стало «красным днем календаря» национальной истории, трансцендентной точкой в Истории Сербского Националистического Бесчестия и исторической вертикалью, которая преодолевает вековые непрерывные блуждания в поисках цивилизации и возвращает нас в мифические времена Универсальной общины наших Отцов. Так, вместо того чтобы изменить «повестку дня» и сфокусировать внимание на реальных проблемах переходного периода и трансформации общества, мы с избытком демонстрируем настораживающее желание остаться в плену мифолого-революционного мира «экскаваторной революции», в ее апокалиптической популярной «альтернативе» бывшему коррумпированному режиму. Популистская, неполитическая природа этой альтернативы блокирует процесс реального постижения последствий существования этого режима. Воислав Шешель, председатель Сербской радикальной партии

Поэтому неудивительно, что в своем отсроченном существовании «дух 5 октября» вновь принимает старый разочаровывающий облик «духа провинции», то есть сопротивления политической рациональности и колонизации политики различными мифолого-литературными машинами по производству политической глупости. Старые мифологизированные фантазии о сербах как «древнейшем народе», трагически борющемся с Новым Мировым Порядком, сейчас заменяются новыми продуктами той же культурной модели – мифами об особом «сербском пути» в демократию, которая якобы не должна быть «импортирована» и «навязана извне». Эта демократия якобы спонтанно, так сказать, естественным образом, выросла из духа и существа целого народа. Западная модель либеральной демократии со всем ее идейно-политическим багажом (права человека, рынок, индивидуализм...) будет «нашим народом» отвергнута («если нам ее слишком агрессивно станут навязывать») по тому же физиологическому закону, по которому живые организмы отвергают механические чужеродные тела. Наш народ устраняет из своего организма все больные и дегенеративные идеи, привезенные с Запада, бежит от них как от чумы, поскольку они вносят распри и раскол, раздор и междоусобицу в идейно-биологическую монолитность нашего национального существования. Демократия, таким образом, никак не может прийти «сверху», не может быть «продиктована извне», а только «снизу», путем спонтанного аутентичного национального созревания, которое исключает любое «посредничество» и «вмешательство». Поэтому политические лидеры «народа» не могут быть прозападными техноменеджерами, стремящимися перенести западные экономические и политические модели на отечественную почву путем своих авантюрных и бессовестных «радикальных реформ». Это должны быть народные трибуны, посвященные в сербскую духовную вертикаль, чувствующие настоящие чаяния народа и компетентно разбирающиеся в его аутентичных интересах. Мировые стандарты у нас не срабатывают или работают ограниченно («адаптировано к балканским условиям»), при этом границу (приемлемости)

понятия либеральной демократии «у нас» определяет степень «угрозы» для культурно-политического самосознания «нашего народа». Демократию нельзя просто ввести в обиход, она не зависит от чьего-то решения и принятия пакета экономических и политических «домашних заданий», в соответствии с уже кодифицированными рыночными принципами, правилами и сроками. Преимущественно речь идет о тяжелом цивилизационном процессе, в котором демократия является лишь неким возможным (туманным) историческим побочным продуктом мероприятия по осуществлению «истинных национальных интересов». Суть здесь не столько в порабощении культурологическими стереотипами о нашей «особенности», сколько в апофеозе политики сербского третьего пути (между Сциллой либерально-демократического капитализма и Харибдой племенного изоляционизма и азиатского деспотизма), то есть осторожного и ограниченного (полного опасностей и ложных путей) включения в цивилизационные процессы.

Французский философ Жак Деррида предложил характерное понятие, с помощью которого он попытался дать некое (сомнительное) философское объяснение базовых принципов либеральной демократии. Это понятие скорее применимо к сербскому «пониманию» современного мира: понятие отсроченной демократии. Сама демократия, по Дерриде, всегда «отсроченная» в том плане, что никогда не достигает до смысла самого понятия, ей не удается достичь абсолютной тождественности между принципами, на которых она основана, и фактическим функционированием институтов, которые этими принципами оперируют. Следовательно, демократия устанавливает свои постулаты в качестве некоего вида регулирующих принципов, к которым историческая практика приближается весьма несовершенно, как точки кривой к асимптоте. Демократия постоянно как бы «отсутствует» и живет только в качестве каждодневно повторяемого эсхатологического обещания будущей гармонии, чтобы легче было «проглотить» несовершенства актуальной действительности и осознать их необходимость в качестве составного элемента неопределенного, в сущности (и неопределяемого), проекта демократии. Тот плохой эсхатологический образец, который Деррида сомнительно вписывает в понятие либеральной демократии, по нашему мнению, можно скорее «вписать» в понятие сербской народной демократии. Демократические стандарты и правила, действующие в цивилизованном мире, для нас являются чем-то чисто внешним, чем-то, что относится к далекому будущему и к чему мы должны приближаться осторожно, принимая во внимание местную специфику. Во всей Восточной Европе действует аксиома универсализации западной экономико-политической модели, но только не в нашей стране – мы начинаем путь к демократизации, но едва ли знаем, что нас там ждет и куда мы по этому пути придем.

Фундаментальная «отсрочка» нашей сербской демократии проявляется здесь в обоих своих модусах – структурном и временном. И содержание, и направление перемен остаются неопределенными, блуждающими в тумане нашего мифологизированного воображения – мы не знаем, куда идем, и не хотим знать, ни куда мы идем (кроме того, что «в Европу»), ни когда мы туда придем, ни ради чего (разве что ради мазута, электроэнергии и облегчения борьбы с «шиптарскими террористами»). Благодаря этому комплексу мистификаций сама идея демократического перехода идеологически усложняется и одновременно обесмысливается. В этих рамках демократия связана уже не с бесспорным переходным менеджментом экономики и политики, а с каким-то мучительным цивилизационным поиском и изобретением, с неким духовным самоучреждением коллектива, который может в чем-то найти свое выражение, но может и потерять его. Лирика вместо политики,

культурологическая эмфаза вместо духа деловой поспешности и ответственности – вот атмосфера, в которой здесь неудержимо стремятся к духовным корням и светлым цивилизованным горизонтам, подчиненным идее «сербского третьего пути». И так же как сербская провинция из бесспорной переходной проблемы выстраивает сложную национальную метафизику, заглушая все шумихой свежеиспеченного демократического патриотизма, – так же, когда возникает вопрос действительно мучительный и неприятный, вопрос о преступлениях по отношению к другим в недавних войнах и о вине за эти преступления, – она замолкает и даже развивает разнообразные техники молчания: табуирование («преступления совершали все стороны»), историзация («а они как нас во Второй мировой войне») и т. д. На не бог весть какие вопросы провинция выдает нам в ответ гиперболизированные большие сказки, и, напротив, на вопросы, по которым сказать можно многое (как о вине), единственным ответом является тишина. Если провинция замолкает, мы знаем, что здесь не обошлось без преступления. Однако это не просто молчание (которое могло бы показать лишь бессилие провинции); это молчание всегда обнаруживается на полях возвышенного провинциального рассуждения об Истории, Миссии, Судьбе и т. д. Чтобы преступление было безукоризненным, оно не должно быть (казаться) оголенным преступлением – оно всегда должно пройти «более высокую», научную поверку. Поэтому «вывихнутое» рассуждение о молчании мы встретим не в провинциальном стиле, то есть в высказываниях, которые на вид не-провинциальны, прежде всего в «модернистском» и «постмодернистском» варианте. «Не-провинциальность» здесь, конечно, является только знаком стратегического перемещения с почвы своего компрометирующего и неприятного происхождения, знаком степени качественного отдаления от рефлексии о своей собственной обусловленности. «Научность» же является мерой успешности этого замалчивания, то есть выравнивания местности и понимания вещей *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности), некоего квалифицированного посвящения во вселенскую ночь, в которой все гегелевские священные коровы серы. При этом нужно помнить, что мы сталкиваемся здесь еще и с целой традицией замалчивания преступлений, механизмы которого сербская провинция успешно развивала в своем многолетнем интеллектуальном узаконивании тоталитарной политики. Так же как преступления коммунистов надстраивались идеей «научного социализма», так в качестве выражения новейшей политики Милошевича по продолжению преступлений появилась некая специфическая политология третьего пути, которая представляет собой высшую научную операционализацию стратегии молчания. Проект «сербского третьего пути», о котором здесь идет речь и в котором берет свое начало и упомянутая специфическая неопределимость сербского пути в демократию, по своему культуролого-цивилизационному происхождению идентичен другой политической матрице. Это матрица, ставшая причиной агонии, в которой находилась Сербия в начале и во время правления Милошевича. Сербская политическая провинция задала себе тогда такой вопрос: как освободиться от коррумпированного коммунистического режима и его компрометирующего наследия и в то же время избежать западни и неверного пути либерально-демократического капитализма? «Негативным идеалом» для сербского духа провинции тогда был, конечно, капиталистический порядок свободы, который своей «иррациональностью» и «неуравновешенностью» грозил разбить системные рамки, в которых только и имеют смысл и ценность инстинкты племенных сообществ. Милошевич стал ответом сербской провинции на глобализационные вызовы капиталистического «большого мира». Провинция хотела окончательно закрыться от его динамики и вызовов, поэтому политика

Милошевича состояла в последовательном осуществлении идеала племенной изоляции от пагубного влияния «внешнего мира» на его логическую и экзистенциальную последовательность. Из этой экзистенциальной угрозы родилось и идеологическое узаконение военной политики Милошевича, ибо политика определялась теперь как борьба не на жизнь, а на смерть.

Уже из вышесказанного видно, что проблема вины, с которой мы здесь столкнулись, скрывает в себе глубокое историческое противоречие – можно ли, и в какой мере свести ее к последним десяти годам «националистического безумия» Милошевича? Преступления и их замалчивание – составная часть нашей истории начиная с 1945 года по сегодняшний день. Традиция не только их табуирования, но и амнистирования, и даже социального продвижения преступников, надолго поселилась в нашей жизни уже с приходом в Сербию «освободителей», с осени 1944 года. В большинстве сербских городов всего за несколько месяцев после «освобождения» было ликвидировано несколько сотен тысяч выдающихся граждан, предполагаемых врагов «нового общества», по принципу «полевых судов», в действительности же без суда и следствия. Никто никогда не ответил ни за одно из этих преступных убийств, хотя до сегодняшнего дня по всей Сербии существуют десятки неучтенных массовых захоронений, в которых как собаки захоронены тысячи невинных жертв коммунистического «революционного террора». Помимо всего прочего, это свидетельствует и о том, что феномен братских могил в Сербии связан не только с военными временами, а его замалчивание – не только с другими народами. Чтобы скрыть правду, послевоенные власти на этих местах чаще всего строили жилые и другие объекты, футбольные поля и т. п., а сами исполнители и заказчики стремительно продвигались по общественной лестнице и становились важной частью «нового класса». Наверное, одним из самых оскорбительных примеров в этом отношении является случай одного из приближенных к Тито судебных исполнителей («сербский Вышинский»), который в профессиональном плане «прославился» тем, что на сфабрикованном судебном процессе в 1946 году приговорил к смертной казни как «предателя» первого антигитлеровского партизана в порабощенной Европе генерала Драже Михайловича. Позже он стал видным политиком и дипломатом, а сегодня спокойно живет на пенсии и (высшая степень кощунства!), являясь членом гражданского движения Сербии, осуждает националистические преступления и призывает к соблюдению прав человека.

Митинг в поддержку Слободана Милошевича, Белград

После первых нескольких лет сведения счетов с «реакцией» и «классовыми врагами», новая власть стала расправляться с собственными сторонниками. Во время кризиса так называемого ИБ (Информбюро) тысячи приверженцев коммунизма внезапно оказались в тюрьмах и концентрационных лагерях. Репрессии приобрели массовый характер, в тот период через руки тайной полиции прошло предположительно несколько миллионов человек. Многие бесследно исчезли на Голом Острове (лагерь Голи Оток) и в подобных местах, и за это тоже никто никогда не ответил. Так же, как в случае с послевоенной ликвидацией «кулаков», говорить об этом было десятилетиями запрещено. Даже сами коммунисты, преимущественно ставшие жертвами, очень старались минимизировать размеры этого преступления («это был центр по перевоспитанию»), так как не были готовы признать правдивые доказательства преступного характера движения, которому посвятили всю свою жизнь. Наши добродетельные левые гуманисты, успевшие за это время сделать себе научную, партийную, государственную карьеру, не видели во всем этом попирания «прав человека» и «национального достоинства». Один из них, писатель из числа так называемых Отцов

Нации (закоренелый коммунист), даже публично хвастался, что многократно посещал Гольй Остров (лагерь Голи Оток), чтобы найти в жизни лагерников литературное вдохновение.

Параллельно этому уже десятки лет после «освобождения» продолжается террор над косовскими албанцами, проводимый полицией под руководством Александра-Леки Ранковича. Частично террор был приостановлен только после его отставки на Брионском пленуме 1966 года. Кроме того, непосредственно после войны имели место интернирование в концентрационные лагеря и массовые высылки немецкого национального меньшинства, самого многочисленного в довоенной Югославии («этническая чистка», не так ли?). В большинстве случаев пострадали совершенно невинные люди, чья единственная вина была в том, что они немцы по национальности, а их богатые дома понравились новым властью имущим, намеревавшимся поселить туда своих «закаленных» и «проверенных» сторонников из Лики, Бании, Боснии и т. д. (Коммунисты искали свои «проверенные кадры» среди выходцев из более пассивных и бедных регионов, потому что таким образом они получали экономически зависимых индивидуумов, которые платили им абсолютной лояльностью. Благодаря этой модели «гуманного переселения» и искусственному созданию экономически зависимых индивидуумов появилось ядро, из которого генерировался тоталитарный коммунистический режим.) Конечно, излишне говорить, что судьба немцев из Баната и по сегодняшний день является закрытой темой.

В 60-е годы появилась еще одна форма государственного террора, которая до недавнего времени была также окутана завесой тайны и ограждена стеной молчания: убийства и покушения, которые за границей исполняла пресловутая титовская тайная полиция. Жертвами являлись представители сербской и хорватской политической эмиграции, считавшиеся политически опасными и «ведущими подрывную деятельность». В течение одного только десятилетия были убиты 37 видных сербских эмигрантов в США и Канаде, самым же сенсационным, конечно, стало злодейское убийство писателя Драгиши Кашиковича. В мае 1977 года в его чикагской квартире вместе с ним была зверски убита и его девятилетняя внучка. (Будучи таким «экспортером террора», титовская Югославия параллельно являлась и одним из надежнейших убежищ для известных международных террористов. Самым блестящим примером является «прием» известного коммунистического террориста Че Гевары на острове Бриони, где он отдыхал в «паузах» между своими действиями по «распространению социализма в мире».)

Сербская интеллектуальная элита с самого начала была соучастником всего этого. Известно, что механизм тоталитарной власти всегда выстраивался при содействии террора и лжи, а большая часть сербской интеллигенции в течение десятилетий коммунистической власти только и делала, что цементировала это содействие и придавала ему эффективность. Поэтому когда мы говорим о вине и интеллектуальном предательстве, мы подразумеваем десятилетия идеологической лжи и монополии коммунистов на правду, в укреплении которой сербская интеллигенция сыграла ведущую роль. Из сказанного следует, что вина за войны и преступления нашего недавнего прошлого не может рассматриваться изолированно. Это предполагало бы существование неких стандартов политической нормы, действовавших до прихода к власти Милошевича. Как видно, вряд ли дело обстояло таким образом. Поэтому с его приходом и не произошел антропологическо-политический перелом, ставший началом некой новой эры, а просто в очень кровавом, доведшем до войны варианте продолжилась старая тоталитарная практика. Нельзя сказать, что тогда вдруг на поверхность

всплыли «мрачные стороны балканского менталитета», которые Милошевич использовал, чтобы «конденсировать» свою новую националистическую идеологию; скорее это была прозрачная метафизика, которую его интеллектуальные соучастники извлекли из нафталина XIX века, дабы оправдать его правление. Причиной войн и преступлений являются не архаический национализм и иррациональная ненависть, а сам коммунистический режим, логика функционирования которого опирается на террор, угнетение и тыловую поддержку «национальной интеллигенции». Что же тогда странного в соучастии сербской интеллектуальной элиты в новейших войнах Милошевича, чему так поражаются наши постмодернистские гражданские просветители? Разве элита таким образом вышла за рамки своей обычной роли при титовском режиме? С другой стороны, разве сам народ, десятилетиями мирившийся с осознанием преступления сербских коммунистов по отношению к нации, государству и тысячам граждан (и сербов, и не сербов), не сможет примириться и с мыслью об ужасных преступлениях сербских некоммунистов по отношению к представителям других народов?

Понятие вины должно быть основательно пересмотрено. Очевидна недостаточность его в том виде, в каком нам подают его наши гражданские просветители (плохо замаскированные левые). Рамки нужно раздвинуть намного шире, чем в дихотомии гражданская норма – взбесившийся национализм. Если верить им, у нас якобы было общество с универсальными, свободными рамками, которое при желании можно было бы трансформировать в свободное общество в соответствии с известными доктринами «критического мышления» и «общественного применения ума». Но потом пришел жестокий националист Милошевич со своей былинно-песенной интеллигенцией из Сербской академии наук и искусств (САНУ) и с Французской улицы, 7, и все наши усилия свел на нет. Он пропагандировал воинствующий этнический партикуляризм, который напрямую вел к конфронтации и войнам с другими народами, вместо того чтобы налаживать понимание, терпимость и т. д. Хотя это объяснение пользуется большой популярностью и даже завоевало себе статус своеобразного катехизиса антивоенной мудрости, мы настороженно относимся ко всем толкованиям, трактующим национализм и коммунизм как реальные системные альтернативы. Мы скорее согласимся с Адамом Михником, сказавшим, что национализм есть лишь «последняя стадия коммунизма», чем с нашими левыми, испытывающими ностальгию по универсализму титовского братства-единства. Сербский национализм не является причиной сербских преступлений, он всего лишь дополнительная, циничная сноска в мрачной исторической структуре сербского коммунистического авторитаризма. «Национализм» Милошевича (и не только его) является лишь точкой «невоздержанности», «выхода» коммунизма из его природного месторождения, точкой его эволюции в идеологического мутанта и бастарда, а не определяющим описанием его политической сущности. Национализм как таковой является объясняющим понятием лишь для бесполезного описания посткоммунистической идеологической эволюции коммунизма. Для описания сущности режима, способного на самые страшные после холокоста преступления, превратившего своих граждан в соучастников, понятие «национализм» не подходит. Поэтому и расчеты с этим режимом и его наследием не могут быть сведены к «критически-идеологическому» разоблачению неправильного, отклоняющегося от нормы идеологического направления его тоталитарной политики. Нужно отвергнуть эту политику в общем, «системном» плане. Нужно посмотреть на проблему глубже, а не только простить «невоздержанность» националистического безумия. Мы должны понять, что мир идеологической

фигуры и полицейского террора, в котором мы жили несколько десятилетий, создал интеллектуальное оружие и политическую культуру, сделавшие преступление возможным: обожание Государства и Власти, создание культа Вождя (Мессии), абсолютный примат коллективизма и пренебрежение индивидуальными свободами, апофеоз логики «государственного интереса» в противоположность эгоистическим индивидуальным проектам и т. д. Начало этому положил не Милошевич на VIII съезде, а Тито в 1945 году, посредством учреждения «революционной легитимности» государства, в котором мандат на применение любых средств для исправления мира. Милошевич унаследовал от старого режима готовые идеологические, полицейские и информационные инструменты, которые употребил для выполнения новых, более радикальных заданий – создания Великой Сербии вместо «строительства социализма». Проблема не в националистической природе цели, к которой Милошевич как коммунистический аппаратчик стремился, а в природе тех средств, которые были у него в распоряжении, и в согласии общества с использованием этих средств в любых целях по решению власти. Это не амнистия Милошевича и сербской интеллигенции за то, что они сделали, а скорее новая интерпретация их «заслуг». В редуционистском ключе можно сказать, что борьба против сербских преступлений в Боснии была борьбой за демократию в Сербии. Это совсем не означает, что сербских интеллектуалов, трубивших о «вековой ненависти», «справедливых границах» и «гуманном переселении», можно окрестить только криминальной командой, по которой плачет Гаагский трибунал. Напротив. Но практически единственной важной составляющей нашей вины является наша неспособность создать достаточно мощное средство для прекращения преступлений – установление демократического порядка. Проблема не в том, что мы допустили или недостаточно противостояли духу Меморандума САНУ (Сербской академии наук и искусств) и подобным вещам, а в том, что мы не построили демократические институты, которые помешали бы странной группе дезориентированных коммунистов стать влиятельным кланом пророков сербского нацизма. Мы, граждане, виноваты в том, что не смогли сломить диктатуру, а не в том, что принимали «объективное участие» в «подвигах» книнско-палайско-косовских хозяев войны и их интеллектуальной *cosa nostra*. Мы терпели тиранскую систему власти во всех ее зловредных проявлениях, и в этом наша основная вина, все остальное – бесплодная метафизика и дешевое морализаторство.

Поэтому мы согласны с тем, что непосредственные виновники преступлений должны отвечать в судебном порядке, то есть все обвиняемые граждане Сербии, невзирая на их ранг, должны быть безотлагательно выданы Международному Гаагскому трибуналу. Наша историография и общественное мнение должны постепенно привыкать к тому факту, что наше государство осуществляло преступную агрессию по отношению к соседним государствам и проводило политику апартеида над национальными меньшинствами (она вылилась в геноцид и ссылки, беспрецедентные в истории Европы после Гитлера и Сталина). Мы верим также, что многие национальные мифы и конформистские самообманы будут развеяны, но не посредством метафизических дебатов о вине и ответственности, а исключительно путем смены системы старой тоталитарной политики и отказа от антилиберальных ценностей, вдохновлявших эту политику.

После краха сербского великодержавного проекта, окончательно произошедшего в последние два года, ситуация в этом плане не очень изменилась. Правда, рефлексия насчет вины и ответственности стала более частым явлением, но она как будто все еще ищет свою настоящую форму и направление.

С ослаблением национального характера и великодержавных императив не произошло ее политизации, она, напротив, стала более «идеологически» дифференцирована и сложна. Упоминавшаяся ранее острая оппозиция между военно-пропагандистской и «мирной» системой взглядов теперь расплылась на несколько взаимопроникающих и взаимопротиворечащих доктрин о судьбе Национального Существования (после всего, что произошло за последнее десятилетие). При этом вынужденном переустройстве политической (и теоретико-политической) сцены, в ее «демократическом» лагере выкристаллизовались две наиболее влиятельные школы мышления, чьи основные постулаты задают тон всем здешним разговорам о вине и ответственности.

Первая из школ напрямую связана с антивоенным движением девяностых годов, ее представителями являются в основном авторы, сосредоточенные вокруг Белградского кружка и журнала «Република». Эта «школа» очень ценится за свою непоколебимую ангажированность против всех войн Милошевича, но понятие ответственности здесь всегда было перегружено определенным избытком просветительских амбиций. Ее последователи постоянно говорят о «коллективном катарсисе», искуплении, извинении, исцелении и подобных достойных похвалы идеальных понятиях, одновременно подчеркнуто избегая политизации проблемы и высказываний по «системным вопросам».

Вторую школу можно было бы назвать «национал-демократической», она представлена в политической философии нынешнего президента государства и мнениях авторов, сосредоточенных вокруг журналов «Књижевне новине» и «Нова српска политичка мисао». Вторая школа преимущественно рассматривает ответственность как категорию, означающую нарушение «нашей» собственной национальной традиции, а не неких универсальных принципов. (Некую спорадическую «феноменологию» этой школы мы попытались представить в начале статьи.) Национал-демократы стараются свести к минимуму масштабы преступлений, совершенных от нашего имени, настаивая на равном участии в них «всех сторон». В то же время они больше не стремятся снова сформулировать национальную идею посредством провалившегося проекта Великого и Этнически чистого Государства, созданного путем военных завоеваний. Теперь они предлагают некую оборонительную стратегию заботы о «национальном самосознании» в условиях мировой глобализации, заботы, которая смогла бы в диалектическом плане примирить два противоположных полюса нашей действительности: европейскую принадлежность и национальную самобытность. Все еще избегая призраков сербской провинциальной ксенофобии типа «глобализма» или «универсализма», эта школа породила одну оригинальную максиму, чей парадоксальный смысл хорошо отражает основную дилемму самой школы: «космополитизм в национальных рамках». Задача – справиться с национальным апокалипсисом, извлечь уроки из поражения проекта Милошевича, но в то же время не соглашаться со всеми последствиями этого поражения. Нельзя признать, что какая бы то ни было «национальная идея» в современной Европе является комичным анахронизмом, суть которого где-то между открытым преступлением и салонной риторикой. Задача, которую они ставят перед собой (в отличие от «гражданского варианта»), – и далее оставаться ни здесь ни там, «между Востоком и Западом», признать мир информатики, но сохранить культ квасного патриотизма.

Однако при всех различиях, существующих между этими двумя школами мышления, можно обнаружить одну точку соприкосновения, которая показывает их обе в довольно неприглядном свете. Это соприкосновение было наглядно продемонстрировано во время прошлогодних

бомбардировок НАТО, когда вся наша теоретическая сцена превратилась в некий стихийно управляемый хор, несколько недель подряд повторявший свои песенки времен холодной войны об «американском империализме», «агрессии», «уничтожении демократии бомбами» и т. д., храбро замалчивая щекотливый вопрос о косовских убийствах и депортациях. Антиамериканизм снова стал преобладающим стилем жизни интеллектуальной элиты Сербии. Эмфатическая реакция по старым антиимпериалистическим шаблонам напомнила нам один несомненный факт, который нужно подчеркнуть без злобы, но и без сентиментальности: большая часть нашей интеллектуальной элиты (и левой, и правой) в теоретическом плане была воспитана в традициях радикально-левой литературы, что надолго ограничило ее способность к восприятию новых идей, выходящих за рамки практической философии. И на уровне личных биографий их представителей, и на уровне историко-логической последовательности их идей, оба доминирующих сегодня интеллектуальных течения проявляют себя как незаконные, дегенеративные дети коммунизма. С одной стороны, это бывшие «новые левые» 1968 года, которые отреклись от своего коммунистического вероисповедания, некоторым образом его секуляризируя, превращая «универсализм» эмансипации пролетарской в универсализм эмансипации гражданской. Теперь они рассказывают о Его Величестве Гражданине, цивилизованном обществе и т. д., от имени которых они произносят свои универсалистские лозунги-молитвы и отправляются в настоящие походы муджахедов против национализма, реакции и других «призраков прошлого». Но их рассказы представляют собой лишь секуляризированные обрывки старой коммунистической сказки об универсальном пролетарском братстве и рабочем классе, не имеющем Родины. С другой стороны, и у «национал-демократических» антиимпериалистов похожая идеологическая генеалогия, но их эволюция происходила в противоположном направлении: по линии «коллективизма», а не «универсализма». Их антилиберальное и антизападное «априори» было сильнее, чем универсально-эмансипаторское «априори», также содержавшееся в коммунистическом проекте, которого они долго придерживались (до его фактического краха). После того как коммунизм как «мировой процесс» провалился, они ухватились за то, что показалось им единственной оставшейся альтернативой капитализму, к которому они питают инстинктивную ненависть. Такой альтернативой стала идеология националистического коллективизма как последняя, злокачественная ступень гигантской лжи и последняя отчаянная надежда тех, кто десятилетиями воспитывался как враг свободы.

И первые, и вторые продолжают увековечивать некую реактивную коллективистскую модель, которая органически встроена в их образ мышления и квинтэссенцией которой является антилиберализм. Обе школы выстраивают свою позицию на выросших из идейных горизонтов времен холодной войны попытках оспорить универсальность «реально существующего либерализма». Они пытаются предложить некое утопическое видение бесконфликтного сообщества с универсальной солидарностью и братством в качестве контрапункта сегодняшнему мировому (или отечественному) нигилизму и моральной испорченности. Архаизм обеих школ очевиден – они продолжают кормить нас сказками, взятыми как будто из другого времени. У «гражданских» фундаменталистов все время чувствуется некая ностальгическая нота, некая запоздалая реминисценция старых добрых франкфуртско-практических времен, фразеологические остатки старого жаргона («критическое мышление», «общественное применение ума») призрачно отзываются в новом контексте, нескромно вплетенные в новую гражданскую телеологию.

В своем бегстве в «блестящее и трагическое прошлое» наши «национал-демократы» заходят еще дальше: они обращаются к идущей еще из XIX века архаичной традиции сербского национализма (идеология «самобытности») и верят, что она конкурентоспособна или, по крайней мере, коррективна по отношению к западному либерализму, а не является лишь ступенькой к нему, как было завещано некоторыми формами традиционного «сербского» либерализма.

Но, несмотря на эти различия, их предполитический консенсус очевиден. Это касается не только идейного архаизма, о котором уже говорилось, но и глубокого фактического согласия по политическим вопросам, которые и те и другие всеми силами стремятся замолчать. Недавно у нас была возможность в этом убедиться, когда в одной телепередаче участвовали два парадигматических представителя гражданского и национал-демократического (социалистического?) течения. Основной темой их двухчасовых дебатов были перспективы переходного периода в Сербии, причем эти лютые идеологические противники продемонстрировали поразительную степень согласия. Исходя из противоположных идеологических позиций, они очень быстро пришли к общему знаменателю – осуждению и отдалению (конечно, «аргументированному» и «учтивому») от проклятого капиталистического порядка, его рыночной стихии и слепого эгоизма. Каждый говорил о своем – представитель гражданского течения (бывший сторонник практической философии) непоколебимо излагал свой старый франкфуртский катехизис о «критическом мышлении», «эмансипации» и т. п. Тогда как его «правый» оппонент приводил экономические «аргументы» против капитализма и говорил, что ни за что на свете мы не можем принять «чистый либерализм», ибо тогда мы совсем пропадем, потеряем национальное самосознание и исчезнем в челюстях многонационального капитала. Как человек, знакомый с крупнейшими вопросами и неверными путями мировой геополитики и макроэкономики, он советует нам брать пример с Турции и Южной Кореи в том, что касается их интервенционистской системы государственного капитализма, ради сохранения «национального самосознания» и/или «биологической субстанции» сербского народа. Ко всему этому он естественно добавил странные пассажи самой отвратительной расистской пропаганды, критикуя немцев и французов за то, что посредством либеральной иммиграционной политики они генетически испортили Нацию. По словам нашего демократического националиста, «каждый пятый новорожденный во Франции или негр, или араб» – что, конечно, является невероятным нарушением национал-демократических цивилизационных ценностей. Однако вы ошибаетесь, если думаете, что наш левый, гуманно воспитанный профессор счел нужным как-то отреагировать на эти очевидно расистские выпады собеседника. Нет, он все время молчал, словно набрал в рот воды, а его «критический» рефлекс проснулся только в самом конце программы, и то когда противник решился мимоходом высказаться против марксизма. Все можно простить – и фашизм, и расизм, и, мягко говоря, сомнительную «экономическую философию». Но, простите, не отличать «догматический марксизм» от «франкфуртской школы» просто недопустимо, скандально. И это, конечно, заслуживает «критического» комментария нашего профессора.

Этот эпизод очень хорошо отражает природу несогласия между сербскими национал-демократами и левогуманистическими «гражданами», а лучше сказать – природу их скрытого идейного и политического сходства, прикрываемого прозрачной и все более ветшающей идеологической сценографией и маскарадом. Поэтому и стало возможным для неофашистского критика и марксистского философа «прийти к согласию» по всем важным общественным и экономическим

вопросам, а «придираться» друг к другу только на почве идеологии. В сущности, различия между этими двумя школами скорее идеологические и теоретические, чем содержательные. Они касаются споров об авторитетах и учителях, об идеологическом контексте, из которого формируется глухонемой язык политического авторитаризма, но эти различия не проявляются во взгляде обеих школ на существенные экономические, политические и этические проблемы, превосходящие узкий горизонт коллективистских идей сербской политической провинции. Наша культура испытывает хронический дефицит того, что можно назвать «либеральной интеллигенцией», но либеральной не в смысле «диссидентства» относительно актуальной формы правящего коллективизма, а в некоем более амбициозном позитивно-теоретическом смысле, что подразумевает поддержку определенной институциональной модели, а не только переоценку компрометирующего наследия коллективизма. Либеральные ценности как таковые здесь никогда не были в цене, да и у проекта некоего национального катарсиса, включающего решение проблемы вины, немного шансов на успех. Как уже было сказано, понятие вины должно быть пересмотрено и включать в себя более глубокое понятие демократического переходного периода через принятие либеральной концепции общества и утверждение индивидуалистических ценностей (а не только подлинное «покаяние»). Как раз такому пересмотру и новому определению понятия вины мешает господствующий лево-правый коллективистский симбиоз. Термин «симбиоз» здесь очень уместен; как мы знаем, в биологии симбиоз – это сожительство двух различных организмов, способствующее их совместному выживанию в неблагоприятных (как правило, климатических) условиях. Так вот, самым частым вариантом политического симбиоза в неблагоприятных климатических условиях глобального капитализма является национал-социализм, означающий объединение левых и правых приверженцев тоталитаризма против либеральных институтов свободы. У нас этот процесс особенно очевиден. Постоянные шумные разборательства типа: «Если ты тронешь моего Хабермаса, я напишу, что твой Чосич фашист», призваны заглушить звенящую пустоту и виртуальность конфликта. Часто даже в одном и том же человеке могут уживаться две стороны этого симбиоза. Здесь нет ничего необычного, даже странно, если было бы по-другому, но нужно указать на эту немного вывихнутую, смещенную перспективу, в которой ведутся дебаты о пересмотре прошлого и путях в будущее. Эту перспективу марксисты обычно называют «идеологической сферой» или «общественной надстройкой». Здесь не рассматривается вопрос о «системной ошибке», в которой мы живем уже 50 лет, а упорно анализируется моральная и неполитическая сторона проблем переходного периода и проблемы вины. Речь не о том, что вину можно сократить до ее политических размеров, а о том, что идеологический и неполитический подход затуманивают настоящие масштабы проблемы, а именно – проблему вины системы, основанной на постоянном терроре (идеологическом и физическом), который должен охватывать все большее число групп и индивидуумов, чтобы система функционировала. Промедление в установлении преемственности между Тито и Милошевичем происходит не столько из страха тем самым оправдать преступления Милошевича, сколько из неспособности увидеть системную природу проблемы под названием «Милошевич». И «гражданские просветители», и «национал-демократы» хотят вывести проблему из некоего большого исторического повествования, из некоей фундаментально аполитической (чаще всего с морально-проповеднической интонацией) конструкции, при этом преступная природа самой системы остается вторичной. В центре внимания Зло, а не его предпосылки; важно подчеркнуть несдержанный,

порывистый характер Милошевича относительно системы коллективистских проектов «исправления человечества», чтобы тем самым только упрочить политическую среду, в которой односторонние «теории» и идеи занимают свое законное (правлящее) место. И когда речь идет о конкретной вине каждого из нас, сама вина направляется на некие неполитические сущности («гуманность и универсальная гражданская законность» или же «национальная традиция») и сбивается с единственного пути, на котором ей можно придать некий оперативный смысл, – политической сферы. Эта морализация политики (конечно, это не означает, что политика и мораль несовместимы) и субстанционализация ответственности (а «наша» ответственность за преступления, совершенные при режиме Милошевича, прежде всего политическая, а потом моральная) всегда являются симптомом авторитарного стиля мышления. Стиля, который оставляет на втором плане демократические институты и политическую систему и утверждает идеологические и моральные аффекты. Политические идеалы наших «гражданских просветителей» и «национал-демократов» предстают как «этика убеждений», поскольку они хотят, чтобы содержанием истории об ответственности и вине стали их напористые гуманистические и националистические чувства, их несокрушимые убеждения, пылкие моральные призывы, рекомендации, которым нужно следовать. Они также хотят, чтобы дискуссия о форме будущего общества была отмечена их непоколебимыми аффектами «солидарности», «общественной справедливости», «национальной гордости», а не рациональным (системным) макроэкономическим и макрополитическим анализом.

Состояние, в котором сегодня находится наше общество, – это состояние перехода из Закрытого в Открытое общество, а трудности, связанные с обдуманной оценкой недавнего прошлого (и вины за него), являются лишь выражением цивилизационного шока, вызванного этим переходом.

Доминирующие формы общественной рефлексии у нас отчасти происходят из растерянности в новых условиях политизированного (аморального) общества, а отчасти являются формой ностальгии по «моральности» коллективизма. Восприятие общества как племени или орды, связанных в органическое единство (классовое или национальное), в моменты апокалипсиса порождает сильное чувство индивидуальной моральной вины. Общество – одно органическое целое, поэтому его раскол болезненно воспринимается каждым индивидуумом, это мифологическая «вина», о которой уже говорилось. У экс-коммунистических пророков гражданского общества эта вина есть, потому что войны и преступления «надломили» югославское сообщество, которое они воспринимали как свое. У националистов же вины нет, при условии, что нет раскола и ссор в «сербском мире», а остальные и так выходят за рамки понятия сообщества, поэтому их резня и изгнание никого и не должны волновать.

Наша речь в защиту понятия политической, «системной» вины граждан в существовании тоталитарного режима – это речь против мистифицированного, коллективистского понятия вины относительно неких универсальных «моральных» принципов; это призыв против всех моралистических «этик убеждений», против идеи, что сущность ответственности свободного человека заключается в служении человечеству, Классу, Нации, Универсальной Морали. Его ответственность исключительно в просвещенной заботе о достойном функционировании институтов Порядка Свободы. Это не душист индивидуальную моральную ангажированность, а определяет рамки, в которых она имеет смысл. Миллион бессильных моральных индивидуумов при тираническом режиме морально значат меньше, чем два равнодушных, но политически

дееспособных человека в свободном обществе.

Перевод Дарьи Костюченко

Владимир Н. Цветкович

Снова в начале

Несмотря на счастливую политическую развязку осени 2000 года, Слободан Милошевич – все еще часть нашей действительности и будет ею оставаться еще какое-то время, то есть до Гаагского трибунала или до окончания уголовного дела, которое несомненно будет вестись против него в Сербии. Как бы то ни было, этот человек и после своего политического (и любого другого?) фиаско останется символом сербских (само)обманов в XX веке. Поэтому не столь важно говорить об индивидуальных свойствах его личности и комментировать повседневные политические шаги, которые предпринимал Милошевич в течение тех несчастных тринадцати лет, когда суверенно вел Сербию из одного поражения в другое. Намного важнее, как нам кажется, в «псевдостратегических» политических целях Милошевича разглядеть те амбиции, которые руководили большей частью современной сербской элиты, в особенности ее второстепенными эпигонами, которые, кстати сказать, составляли убедительное большинство кадров Милошевича.

Если говорить с этой целью, то речь о странном сплаве традиционных и современных идеалов, которые вкуче с непонятной логикой real-политики в основном представляют собой наследие, наиболее явно сконцентрированное в полувековом сербском коммунистическом опыте. Оно породило спорные сербские амбиции, существующие между крайностями пьемонтизма и славянофильства (то есть переодетого русофильства), ложно приписанной и ложно принятой «вины» за создание Югославии как «гнилого версальского творения», и, наконец, так по-настоящему и не оконченной гражданской войны, в которой идеологические победители беспрестанно искали доказательств своей победы. Слободан Милошевич – настоящее дитя этого несчастного исторического сплетения, узник унаследованных стереотипов, к которым он со своей стороны добавил специфическую жажду власти коммунистического аппаратчика и бесчувственность школьного зубрилы.

В этом осадке исторических притязаний, национальной незавершенности и идеологического одурачивания родилась политическая почва, на которой выросла система «мягкого авторитаризма», приправленная, с одной стороны, примесями посткоммунистической криминальной «братковой» системы, а с другой стороны – цинизмом «международного сообщества» и его глуповато-подлыми санкциями. Данные обстоятельства благоприятствовали тому, что в сущности бесплодная система, вопреки всем правилам, прожила на целый десяток лет дольше, чем ее уже закатившиеся исторические и идеологические близнецы.

Конечно, все это легко (вы)сказать сейчас, когда еще ожидается (неотвратимая?) политическая экзекуция Милошевича и его помощников и когда феномен «заднего ума» рационализирует предыдущие заблуждения, в том числе отечественных и иностранных действующих лиц. Впрочем, до вчерашнего дня, так сказать, все выглядело совсем наоборот. Поэтому вспомним прежде всего, как в политическом плане выглядела Сербия на момент десятилетия правления Слободана Милошевича, взявшего на себя слишком тяжелое бремя абсолютной ответственности за «общественные, экономические, политические, культурные, образовательные» и т. д. реформы в Сербии.

Милошевич – «неправильный человек в правильное время»

Всего тремя годами ранее, в октябре 1997 года, казалось, что для власти Милошевича нет препятствий и даже ограничений. Не будем забывать, что в то время для большого числа граждан Сербии Милошевич был мудрым защитником страны, почти обожествленным политиком, государственным деятелем, который, несмотря ни на что, то есть вопреки распаду и войне в бывшей СФРЮ, смог уберечь Сербию от вихря войны и других бед, которые тогда, как, впрочем, и сейчас, кружили по Восточной Европе (нищета, общая безработица, слепая покорность Западу и т. д.). (Когда тот же человек три года спустя привел Сербию к войне против мощнейшей военной силы, которая когда-либо существовала, его верные приверженцы увидели в «мудром руководстве президента» высший пример последовательности, справедливости и даже самопожертвования. Чтобы это выглядело еще более патетично, такую точку зрения, судя по всему, принял для себя и сам Милошевич).

Нельзя забывать и того, что в то время Милошевич получил почти 1,5 миллиона голосов, правда, на довольно сомнительных выборах. Намного важнее тот факт, что тогда он пользовался несомненной поддержкой западных политиков. Хотя и удерживая его на коротком поводке, западные силы, и прежде всего США, видели в Милошевиче своего «сильного человека на Балканах» и одновременно политическую фигуру, которой они легко смогут управлять. То есть не так давно Милошевич в принципе был «хорошим парнем», несмотря на полукриминальный характер его режима. Однако всего год спустя, даже после (не)косвенной политической помощи, которую он получил после подтасовки местных выборов, тот же Милошевич стал европейским Саддамом, воплощением абсолютного зла, нарушающим не только посткоммунистическую балканскую идиллию, но и святые правила демократии и мультикультурного сосуществования. Мы очень хорошо знаем, что это значило для (потерянных) жизней нескольких тысяч граждан Сербии и для качества жизни тех, кто остался жив. Вот то, что хотелось бы сказать о «международных стандартах» в борьбе за демократию...

Зоран Джинджич

Вне зависимости от внешнеполитического имиджа, прошедшего различные фазы любви и ненависти, несмотря на поддержку, оказываемую Западом на момент десятилетия правления Милошевича, для всех остальных (уточним – для более здравомыслящих аналитиков и невольных подопытных кроликов режима Милошевича) этот «юбилей» значил лишь дальнейшее исчерпание общественного и всех иных потенциалов государства и народа. Однако то, что одни осуждали (законное насильственное объединение Сербии, до этого незаконно сделанной конфедерацией; открытое поощрение самых низменных форм сербского национализма; заигрывание с военным лексиконом и скрытое ведение войны; авторитаризм во внутренней и внешней политике; стремление расширить число своих сторонников и отсутствие правового государства...), другие прославляли как «мудрую государственную политику», проявлявшую себя в одном случае как «героический отпор» иностранным силам, а в другом – как «интеллигентное и ответственное приспособление к внешним условиям». Все это в очередной раз подтверждало правило: то, что соотносится с логикой и здравым смыслом, никоим образом не является решающим в политической жизни.

Наконец, тогда уже стало ясно, что от в свое время, то есть в самом начале политической власти Милошевича, (не)искренно объявленных общественно-политических реформ совсем ничего не

осталось (да и не было). Кроме формального перевода монопартизма в подобие партийного плюрализма, во всех остальных сферах жизни сербского общества вместо прогресса наблюдался стремительный регресс и разрушение: начиная с экономики, которая по-прежнему основывалась на государственном регулировании, что неизбежно вело к появлению массы социально зависимых и лишенных политических прав граждан, и вплоть до шизофренической (псевдо)национальной политики, которая превратила сербов в пугало для политических стервятников всего мира.

Другими словами, еще три года назад было совершенно ясно, что если за критерии успешности правления Милошевича взять провозглашенные им самим цели, то ответ неизбежно был бы совсем простым – Великое Ничто. Уже тогда можно было сказать, что узаконивающий основы режима Милошевича фундамент – сербский народ – попал в бесперспективную ситуацию. Исходная мнимая борьба за достоинство и единство Сербии и всего сербского народа, а также «политическая борьба» (если только она была таковой) за более справедливую в экономическом и социальном плане жизнь в стране, несмотря на бесчисленные пропагандистские акции, не могла быть успешной. Сербия при Милошевиче задыхалась в доселе невиданном иле непотизма, правовой анархии и общей гражданской нестабильности. К сожалению, было ясно, что могло быть и хуже. Рационализация собственных неудач способствовала дальнейшему блужданию в тумане самопроизведенных мифов. Этот политический факт, в зависимости от меры, вкуса или просто характера, толковался как «жалкая», «скандальная», «катастрофическая», «пагубная» или «преступная» политика.

Все это совсем не удивительно, если знать, что режим Милошевича в Сербии никогда ни с чем настоящему не считался, кроме своих собственных интересов. И чтобы выжить, этот режим был готов абсолютно на все: от иллюзии так называемой демократизации и (скрытой) войны до «миротворческой политики» и лжеприватизации. Кульминацией всего стала война против НАТО, американского империализма и мировой несправедливости.

Всегда имея перед собой цель личного продвижения, то есть присвоения и сохранения за собой личной власти, Милошевич все многочисленные политические и другие проблемы, которые он спровоцировал (включая и те, что появлялись сами по себе, без его «заслуг»: Косово, словенский и хорватский сепаратизм, окончание холодной войны), рассматривал именно под этим (и только под этим) углом зрения. Конечно, беспрестанная борьба за сохранение собственной единой и неделимой (неконтролируемой) власти должна была сказаться и на характере человека номер один. Вскоре после своей инаугурации, по свидетельству биографов, он даже иностранным дипломатам стал говорить, что сербы видят в нем некие божественные свойства, с помощью которых он заранее узаконивает любое свое политическое решение. Вероятно, он и сам начал верить в собственную Богом данную миссию просвещения народа, принимая во внимание, как относительно быстро и легко он прошел путь от классического человека аппарата, мелкого государственного деятеля типа «социалистический политик-хозяйственник» до харизматичного лидера «Митинга правды». В конце концов он успокоился, ведя благородные разговоры с глазу на глаз (за бокалом виски) в мистической тишине своих четырех президентских стен, откуда все выглядело – если уж не лучше и красивее – то по крайней мере не так больно и реально.

Как бы то ни было, основным «результатом» и «знанием» многолетней власти Милошевича стало то, что в политике нет ничего святого, то есть что все средства хороши, если они способствуют укреплению силы и сохранению власти. Национальный, экономический или моральный предел цены

этой власти никогда не устанавливался, даже когда страна вступала в «войну» с НАТО и можно было заранее с уверенностью сказать, что войну эту никаким образом выиграть не получится. Обо всем этом Милошевич может (возможно) размышлять только сегодня, куда ожидает, что за ним придут органы местного или же Гаагского правосудия.

Закончить рассказ о Милошевиче нужно следующим рассуждением. Ясно, что нет политика, который мог бы так долго оставаться у власти, не имея за собой крепкой и дееспособной политической организации. В самом начале фатально запоздавшего в Сербии процесса партийного плюрализма Милошевич просто переименовал мощный Союз коммунистов, а также призрачный Социалистический союз трудящихся в единую Социалистическую партию, при этом существующая государственно-партийная система дополнительно окрепла в правовом плане благодаря парламентским выборам, на которых Милошевич просто не мог проиграть. Крепко держа в своих руках партийно-государственный аппарат, командовавший не только экономикой, но и всеми другими сегментами общества, Милошевич стремился к абсолютной централизации силы, означавшей временное создание политической ситуации, с помощью которой «покупается» всегда ценное политическое время. В такой переходной (проходящей, временной) ситуации всегда преуспевает та политика, которая внушает собственную надежность и постоянство.

Новое всегда проблематично (чуждо, плохо) – придерживайтесь старых проверенных ценностей. Вот девиз политического стиля Милошевича. Он знал, как использовать страх перемен и всего того, что нарушает покой социальной и экономической уравниловки. В какой-то момент этот страх был побежден другим страхом – общей безнадежностью. Новые политические фигуры должны ясно выразить тот политический инстинкт самосохранения, который проявили граждане Сербии. Вопрос, однако, в том, смогут ли они это сделать?

Политические плакаты

ДОС – «хорошие парни в плохое время»

Мы уже сказали, что намного важнее рассказа о Милошевиче и его псевдокоммунистическо-национальной власти знание контекста, в котором она появилась, включая и понимание ее последствий. Конечно, освещение этой проблемы потребовало бы намного большего, чем позволяет объем этой статьи. Поэтому мы только в основных чертах остановимся на том, что Милошевич оставил в наследство новой (демократической?) власти. Прежде всего, здесь нужно различать «долгосрочное» наследие и то, что непосредственно относится к заслугам Милошевича.

В первую группу, не относящуюся к макиавеллизму Милошевича, попадают проблемы национального государства и национального самосознания, с одной стороны, и предпринимательского менталитета и традиционной общественной уравниловки – с другой. Одним словом, даже после всех наших страданий мы все еще не знаем ни объема, ни содержания того государства, в котором хотим жить. Даже с его названием не все понятно.

О том, что вещи необходимо называть своими именами и на основании этого строить гражданское общество и демократию, мы уже говорили и писали в других статьях. Добавить можно только то, что сербское общество сегодня снова, в который раз, находится на своеобразном историческом распутье. На этот раз дилеммы практически нет: мы должны «открыться», то есть приспособиться к мировой расстановке сил, насколько бы она ни была сейчас или постоянно (не)справедлива по отношению к нашим законным интересам.

Мы должны быть открыты Иному, но это не означает, что не нужно обращаться к местным традициям и в существующей галиматье найти те ценности, которые смогут нас как нацию и государство вытащить из многолетнего сна и приобщить к универсальным ценностям. Мы уже подчеркивали, что для этого прежде всего нужно сделать все возможное, чтобы у нашего государства появились демократические, не скомпрометированные и не коррумпированные институты, которые способствовали бы развитию национального осознания нашей личности, а также и рациональной рефлексии о внешнем мире, в котором мы живем. Таким образом мы могли бы сделать из Сербии (и ее возможного союза с Черногорией) настоящее национальное, то есть трансэтническое государство, чьи граждане были бы не рабами своего культурного или языкового происхождения, а автономными индивидуумами, добровольно, в соответствии с личными интересами принимающими правовые институты страны, в которой они живут. В этом случае «иностранцами» останутся только те, кто ими и является, – граждане других политических сообществ.

Что же касается проблем, связанных с Милошевичем, то есть тех, которые находятся непосредственно на повестке дня (за исключением вопроса Косова и Метохии, а также отношений с Черногорией), а именно: Гаагский трибунал и в особенности – экономическая катастрофа, – то для их решения нужны профессиональные и надежные люди, способные образовать прозрачные институты. Бесспорно, такие люди в Сербии есть. Вопрос в том, как их «используют». На сегодняшний день, как мы видим, ситуация обстоит не самым лучшим образом. Руководствуясь инерцией функционирования старого режима, нынешние власти скорее занимают стартовые позиции перед некими будущими выборами (сбор «наших кадров» и покорение «стратегических» государственных фирм), чем занимаются институтами системы. Вообще непонятно, когда и как они переделаются, перестроятся. Ожидание в данном случае может только помешать, но никак не помочь.

Переустройство политической системы, в особенности правосудия и исполнительной власти, новое устройство экономики и всего, что с этим связано (образование, социальная защита и т. д.), все эти проблемы, по примеру Милошевича, все так же откладывают в долгий ящик в надежде, что они разрешатся сами собой. Не разрешатся! Поэтому новые власти должны взять на себя ответственность, и немедленно. По этому и запомнятся новые люди во власти в политической истории Сербии: или как случайные наследники пресловутого полутурана, или же как люди слова и дела.

В связи с этим особенно важно, какой идеологический проект будет доминировать в обществе. Стечение разных исторических обстоятельств и появление независимого государства – каким бы оно ни было изнутри и даже как бы оно ни называлось – привело к тому, что сербы привыкли идентифицировать себя с любым режимом, «только бы наш был» и обеспечивал нам мнимую суверенность. Отсюда и готовность к жертвам за «наш образ жизни», о котором на самом деле неизвестно практически ничего, кроме того, что он отличается от других. Парадоксальная и почти иррациональная, такая констатация, как нам кажется, очень точна, поэтому именно из нее нужно исходить при некоей более продуманной формулировке проекта нашего «лучшего будущего». Принимая во внимание, что ключевым нашим отличием все-таки является православие, причем скорее как привычка и в меньшей степени (или совсем не) как вера, для начала нужно сделать усилие

и найти в этом духовном пространстве точку опоры против искушений, которые уже есть и еще нас ожидают. В конце концов, не будем забывать, что вся сегодняшняя Европа является результатом болезненных, но все же плодотворных процессов приспособления христианского мира к течению современного «разочарования» и всего того, что следует из этого «искоренения».

Воислав Коштуница на приеме у Президента России Владимира Путина

Разумеется, определение православия как основной матрицы национального самосознания не является и не может являться призывом к какой-либо «поповской политике» или православному клерикализму. В сущности, это просто попытка в общем хаосе самосознания и идеологическом блуждании найти тот фундамент, на котором можно построить национальный дом. Разумеется, это не означает привилегированного положения одной конфессии и ее иерархии на государственном уровне. Широкое обращение к духовным ценностям в нашем обществе, независимо от унаследованных мыслительных стереотипов левонастроенных атеистических критиков, судя по всему, может способствовать сближению с (пост)современным миром и его универсальными, по крайней мере в замысле, ценностями.

Вот почему (пере)определение национального самосознания не означает иррациональной суматохи из-за (не)принятия закона Божьего в качестве школьного предмета (как будто это какая-то особая новость), а означает серьезную работу по установлению условий для развития гражданского общества и демократических государственных институтов, для которых Иное необязательно будет Врагом. Будут ли политики из ДОС способны действовать успешно в данном деликатном контексте, мы увидим позже. Некоторые точно не сумеют, а другие не смогут. Что же касается тех, кто не хочет (или не хотел) этого делать, их политическая судьба уже известна – и бесповоротно решена.

Перевод Дарьи Костюченко

Владимир Н. Цветкович

Партийная борьба и СМИ в Сербии

В отечественных социополитических анализах есть два общих места: во-первых, что современная Сербия представляет собой общество с недифференцированными социальными слоями и интересами; во-вторых, что Сербия – государство со слабой демократической традицией и преимущественно авторитарным политическим устройством. На этой основе строятся рассуждения и прогнозы ближайшего и далекого политического, экономического и, вообще говоря, культурного будущего Сербии. Все же, для большей точности и лучшей осведомленности о самом предмете, следует пояснить приведенные тезисы и заострить проблему. Это в особенности касается области «общественного мнения» в Сербии, того, что является каркасом современной политики и институций.

* * *

В принципе ключевую проблему современной Сербии можно сформулировать как вялое формирование гражданской общественности и демократических государственных институтов, то есть демократической политической системы. Отечественная политическая элита очень хорошо знакома с секретами (до)современного авторитаризма и отлично паразитирует на слабой политической просвещенности и еще худшем экономическом развитии Сербии. Ее современная жизнь всегда обусловлена тем, что между «народом» и его «вождями», как правило, стоят государственные чиновники, государственная собственность и, конечно, государственные СМИ.

Здание Государственного телевидения Сербии. 5 октября 2000 года

В такой общественной среде автономное гражданское общество обозначено лишь пунктиром, тогда как общественное мнение формируется в борьбе манихейских идеологий и гностических партийных страстей, паразитирующих на эгалитарном наследии и квазипатриотических призывах. На этой социальной почве процветает «братковая политика», основанная на непотизме, «земляческих» связях и, наконец, криминале. Сила такой системы в слабости институтов, остающихся лишь декором голой власти в то время, как политическая и остальная элита безжалостно тратит историческое время нации, которая все еще не сформировала своего недвусмысленного гражданского самосознания. Более того, это самосознание по сегодняшний день мечется между крайностями этнического, с одной стороны, и неопределенного трансэтнического профиля, с другой стороны, иначе говоря, между квазипатриотическим «сербством» и квазиполитическим «югославянством».

Проблема отечественной элиты, прежде всего политической и культурной, в том, что она пытается играть роль катализатора общественного мнения, стараясь быть проводником дутых современных идей в (полу)органическом общественном теле. Отсюда и невыносимый шум идеологических лозунгов, безнадежно путающих свободу и равенство, суверенность и справедливость, независимость и самодостаточность. Отсюда и весь этот не критический «космополитизм» до вчерашнего дня правившего проюгославского большинства внутри сербской элиты, за которым обычно следует легкомысленное отождествление левых с «прогрессивным», правых с «ретроградным», национального с «пройденным», глобализационного с «современным» и т. д.

* * *

В качестве реакции на исключаящие классификации и огульные идентификации время от времени (с интервалами от нескольких месяцев до нескольких десятилетий) определенная идеологическая матрица в Сербии получала преимущество, и тогда все общественное пространство колонизовалось монархической, либеральной, радикальной, коммунистической, националистической или какой-то другой идеологической матрицей. Сегодня несомненно доминирует новое издание либерализма, при этом, в соответствии с мировыми тенденциями, он старается утвердиться по крайней мере в трех вариантах. Первый вариант – «постлиберализм» – представляет собой соединение социал-демократических фраз и классической либеральной экономики, этот вариант представляют партии ДС, ГСС, НД и т. п. Второй вариант – хорошо затушеванный «неолиберализм» – является дериватом предыдущего варианта, его представляют партия Г17 и другие «экспертные группы», то есть группы давления в виде квазипартий. Третий вариант – «консервативный либерализм» – представляет собой принципиальное соединение национальной традиции и экономико-политических свобод, этот вариант представлен партиями ДСС, Новая Сербия и др. Четвертым вариантом, идеологически самым слабым, но зато «модно» оформленным, является мультикультурализм в интерпретации так называемых региональных партий, в которых сильные примеси провинциализма иногда отклоняются или по крайней мере пугают возможным отклонением в сторону сепаратизма, примером могут служить так называемые автономные партии в Воеводине, мусульманские партии в Санджаке и т. п. Помимо этого доминирующего, но довольно рыхлого «либерального» блока, представленного правящей политической коалицией с нелогичным названием (Демократическая оппозиция Сербии – ДОС), в современной Сербии на втором плане существуют и идеологические остатки страдающего аутизмом левого национализма (СПС) и его правого радикального брата-близнеца (СРС и ССЈ). Хотя

при «мудрой государственной политике» неприкосновенного вождя Милошевича вышеназванные партии целое десятилетие суверенно правили в отечественной политике, при всей своей социальной демагогии сегодня все они вместе взятые могут рассчитывать лишь на пятую часть электората. Их политическая мощь по большей части зависит от степени разочарования, то есть от неучастия в голосовании тех оставшихся в Сербии избирателей, которые полностью разочаровались в политике ДОС.

С точки зрения повседневной жизни, раздел партиями поднявшегося как на дрожжах «либерального» идеологического пирога в основе своей представляет выражение желания перемен, которое легче всего можно свести к желанию лучшей жизни. Пресловутый девиз – «жить как все нормальные люди» – является объединяющим фактором для разнообразных отечественных либеральных и коммунистических вариантов (псевдо)либерализма. Во всяком случае заигрывание с социалистическими фразами – это, с одной стороны, дань непобежденному по сей день менталитету эгалитаризма и полувековому царствованию коммунизма, а с другой стороны – приближение к традиционному консерватизму, который является преемником законного стремления к национальному суверенитету. Все это способствует тому, что господствующей формой мышления в общественном мнении пока остается некая эклектическая смесь современных политических идей и их реал-политических гибридов. Правящая коалиция в Сербии – хороший пример временной успешности и долгосрочной неэффективности такого смешения. Здесь собрались вместе, причем с одинаковыми правами и ответственностью, страстные монархисты и республиканцы, левые и правые, националисты и провинциальные глобалисты, сильные и слабые партии... одним словом, политическое «все и вся», кутающееся в конъюнктурный плащ идей свободы. Поэтому вполне ожидаемым было прораствание под общим идеологическим небом ново-старых форм политической жизни, при этом простое большинство составляют политические растения, паразитирующие на более сильных – старших организациях.

Независимо от стремлений своих карликовых членов благодаря естественному политическому отбору ДОС сегодня ясно и недвусмысленно поделена надвое. Это, с одной стороны, уже давно утвердившаяся Демократическая партия (ДС) и, с другой стороны, ее прежнее диссидентское ответвление, а ныне растущая политическая сила – Демократическая партия Сербии (ДСС). Между ними находится множество переходных вариантов, в которых доминируют бывшие вожди и/или новые лидеры раздробившихся тем временем партий: начиная с «исконной» Демократической партии и Сербского движения обновления (СПО), Гражданского союза Сербии (ГСС) и Социал-демократической партии и заканчивая СПС и множеством региональных партий. Все, что в политическом плане сможет выжить, сконцентрировано вокруг троих докторов наук: философа Зорана Джинджича, юриста Воислава Коштуницы и инженера-механика Небойши Човича. В начале своей карьеры первые два из них были политически ангажированными интеллигентами, а третий – технократом, заинтересованным во власти. Между тем Джинджич стал политическим менеджером с амбициями государственного деятеля, Коштуница остался интеллигентом-государственником, тогда как Чович вырос в проницательного, можно сказать, «настоящего» политика. Их прочие коллеги по ДОС за редким исключением относятся к разряду политических пиявок и паразитов, которые могут выжить, только присосавшись к большому партийному организму. Принимая во внимание данный идеологически-партийный горизонт, нам будет легче понять его отблеск в СМИ, а в связи с ним и

конкретные кадровые пертурбации.

* * *

Существующие где-то между своей критической и манипуляционной функциями СМИ в Сербии безошибочно следят за актуальной партийной сценой. Отсюда и впечатление некой монолитности, которую можно понять как естественное следствие прежнего унисона, в котором преобладали партийный дух коммунизма и дополнительно завоеванного (псевдо)патриотизма. Полностью исчезло и существовавшее до недавнего времени, но не особенно убедительное разделение на «проправительственные» и «независимые» СМИ. То есть сегодня якобы все средства массовой информации «независимые»: от РТС и БК до «Политики» и/или «Блица». Конечно, ничто никогда не бывает так, как кажется на первый взгляд.

Изначально в этой истории существовали три обособленные, но взаимно обусловленные стороны: ДС, ДСС и так называемый неправительственный сектор. Партийную сцену мы уже обрисовали, поэтому нужно сказать несколько слов и о «неправительственных организациях». Без сомнения, основным мотивом и маховиком их появления и существования был режим Слободана Милошевича. Сейчас, когда его уже нет, большая часть неправительственного («третьего») сектора быстро разваливается. В действительности большинство руководителей и их помощников в данных организациях в огромном количестве входило в систему до вчерашнего дня презируемого государственного аппарата. Причина тому в основном прозаичная: деньги. Иностранным спонсорам больше не интересно поддерживать деятельность, подрывающую Систему; более того, они все чаще обращаются к классическим, государственным институтам. Поэтому отечественные идеологические посредники забывают свои прежние клятвы «гражданскому обществу» и с новыми силами возвращаются в свою старую общину – в бюрократию.

Различные группы друзей по интересам, которые изо всех сил «энергично протестовали» против режима (симптоматична производительность таких влиятельных организаций, как «Женщины в черном» или бесчисленные «движения за права...» всех, кого только можно), оказывали большую услугу не только себе, но и Милошевичу. Его система просто раскачивалась под давлением бесчисленных художественных представлений, петиций и круглых столов. В то же время при недостатке настоящих политических акций тогдашней оппозиции прежние «независимые СМИ» из самодостаточной активности «неправительственных групп» делали информационное движение сопротивления, виртуальную силу, которая, вопреки соображениям Бодриера, на самом деле не очень существенно мешала авторитарному, фактически криминальному режиму Семьи. Конечно, справедливости и истины ради здесь тоже не нужно слишком торопиться и сваливать в одну кучу все неправительственные организации. Были и такие, кто на самом деле конкретно и успешно действовал в русле своих изначальных политических стремлений (скажем, ЦЕСИД; я не беру в расчет те неправительственные организации, которые не содержат в себе эксплицитный политический характер).

Как бы то ни было, факт остается фактом: в персональном плане стержень политически ангажированного неправительственного сектора составляла идеолого-политическая и культурная элита, сформированная в период до прихода к власти Милошевича. Эти люди в большинстве своем остались пленниками своего времени и подогнанной к нему (режимной или диссидентской) системы ценностей. Так, социализм, самоуправление и юго-славянство благодаря ключевым действующим

лицам из самозваной «Другой Сербии» за одну ночь трансформировались в либерализм, гражданское общество и мультикультурализм. В то же время вошедшая в пословицы идеологическая исключительность и партийное сектантство сохранялись, нередко приобретая даже повышенную интенсивность. Наконец, как только появилась возможность от рассказов о «гражданском» перейти к «этатизму», старые кадры триумфально заявили о своем возвращении в Большую Политику и к своим чуть уменьшившимся привилегиям. Так замкнулся круг «гражданской ангажированности» в Сербии, чтобы открыть путь к старому идеологическому узаконению и «субъектам действий». Связь «неправительственных» элит с центрами актуальной политической силы представляет реальную картину того, чем занято сегодняшнее общественное мнение, особенно информационную сцену в Сербии.

* * *

Новое распределение политических карт в Сербии обусловило исчезновение различий в (не)режимной ориентации отечественных СМИ. В основных чертах речь идет о следующем. Часть СМИ, сосредоточенных вокруг пресловутого фантомного АНЕМа, или организации, более известной под названием «Б92» (точнее, нескольких ее руководителей, одновременно осуществляющих бесчисленное количество различных функций в неопределенном треугольнике между радио, телевидением и «сетью»), старается осуществить новый вид монополии, при этом оставив за собой привилегию «независимости» (читай: спонсорства). Таким образом они, с одной стороны, продолжили бы «бороться за гражданское общество» (!?), а с другой стороны, в полном соответствии с «братковым менталитетом» на основании своих «старых партизанских заслуг» старались бы получить новые – государственные (значит – режимные) льготы в виде привилегированного вещания на всей территории государства, отсроченной уплаты налогов и т. п. Величина их воздействия на иностранных спонсоров обратно пропорциональна их реальному влиянию на отечественное общественное мнение.

Другая часть того же котла бывшей «независимой журналистики» (руководство НУНСа, например) пытается напрямую вклиниться в ряды государственных СМИ и таким образом показать свою прежнюю ангажированность. Однако и они одновременно стараются сохранить собственную информационную продукцию, которая опять-таки все меньше спонсируется из прежних неисчерпаемых источников «международного сообщества». Желание владеть даже такими руинами, как РТС, очень велико, тогда как реальные шансы войти в это общественное пространство благодаря старым политическим заслугам с каждым днем уменьшаются.

Третья часть «независимых» СМИ, та, которая с самого начала играла уверенно, то есть на рынке (прежде всего это печатные СМИ, особенно «Блиц» и «Глас јавности»), сегодня находится в наилучшем для дальнейшего развития своего дела положении. По правде говоря, они также не обладают иммунитетом от подмигиваний власти (пример: разрешение ТВ «Кошава»), но такие отношения входят в разряд того, чего уже просто невозможно и даже ненужно избегать. В той мере, в какой возьмут верх вызовы инструментализации, а их редакторы забудут о дипломатических карьерах (пример: БЕТА), вышеназванные СМИ с явно профилированной собственнической структурой занимают лучшую позицию и имеют шансы успешно пребывать и развиваться на будущем политическом и другом, более важном – экономическом рынке.

В схожей, то есть благоприятной, ситуации находятся и остальные частные СМИ, хоть они и

являются продуктом предыдущей эпохи. Их недвусмысленная собственническая позиция при новых, разумеется, политических договорах с актуальной властью позволит им соответствующим образом вписаться в политэкономические течения Сербии настолько, чтобы иметь возможность не только получать прибыль, но и профилировать политическую сцену Сербии (пример: РТВ «Пинк» и БК). Наконец, старые государственные СМИ сегодня находятся в наихудшем положении с тех пор, как существуют. Это в равной мере относится и к электронным СМИ, представленным тяжеловесными, неэффективными и непрофессиональными «командами» на государственном радио и телевидении, и к печатным СМИ типа «Политики» или «Борьбы», которые чуть быстрее проходят процесс политико-экономического перехода. Эти динозавры отечественной информационной сцены, судя по всему, пройдут через настоящее чистилище, то есть испытают радикальные изменения, которые в корне охватят существующий (не только унаследованный) кадровый и управленческий потенциал. Конечно, несомненно, что такие изменения не смогут быть реализованы посредством деятельности законодателей-узурпаторов, через их демократические решения, основанные на «высших европейских стандартах» (sic!), и какие-то советы или «регулятивные органы» (хорошим примером действия экспертной утопии является сегодняшний совет РТС; проект закона о радиотрансляции – его ХУ-версию даже не будем обсуждать).

В таком информационно-политическом пространстве партии в Сербии пытаются навязать свое влияние. Классические государственные СМИ проходят сквозь бури столкновений между ДС и ДСС, тогда как сливки пока снимают старые комитетские кадры из информационных секций СКЮ (Союз коммунистов Югославии. – Прим. переводчика). Перебегая из вымирающего конгломерата неправительственных организаций в государственные учреждения, эти неискренние борцы за «гражданское общество» снова становятся партийными активистами. Для большего абсурда их теперешним ядром является партия, вероятно, самая маленькая и в избирательном плане самая незначительная часть ДОС. Конечно, речь идет о Социал-демократической унии (СДУ), суперактивного руководителя которой премьер Джинджич по мере надобности использует на различных экспертных заданиях в широком диапазоне от образования и здравоохранения до табачной и другой промышленности. Все-таки основой его политической деятельности является работа с кадрами внутри государственных СМИ. По нашему мнению, СДУ здесь является только трансмиссией гораздо более сильного, хотя и внутренне не очень любимого партнера – Демократической партии (похожая ситуация наблюдается в отношениях частей ГСС и ДСС). По правде говоря, руководствуясь принципом «ни себе, ни людям», то есть сознательно жертвуя качеством ради победы, на информационной сцене Сербии действительно доминирует ДС. Другое дело, что на данный момент, политически вполне оправданно и интеллигентно, она выдвигает на первый план одного из своих временных сателлитов (остальные социал-демократы, особенно «сексуально корректное» отделение, ждут заслуженной очереди), при этом приводя в отчаяние растерянное молоденькое руководство ДСС и их все более обеспокоенного лидера.

Во всяком случае, кадровые решения с маленькой кухни досовского ЮЛа (Югославские левые, в этом плане идет гонка насмерть с ГСС) носят временный характер, что не означает их доброкачественности по отношению к заинтересованным действующим лицам, особенно принимая во внимание предвыборные расчеты, которые рано или поздно проявятся. Нужно ожидать, что в ситуации, когда внутри частных электронных СМИ раздел добычи уже произошел (ДС

«контролирует» «Пинк», а ДСС – БК; другие телевизионные каналы второстепенны), решающее влияние на избирателей окажут традиционные государственные СМИ, сейчас официально возглавляемые «проверенными журналистами» и «независимыми экспертами». Они же в партийном плане контролируются еще одним доктором наук, на этот раз психологом Жарко Корачем. Цена его «промоушена» еще только станет известна. Какими же будут последствия для общественного мнения Сербии, если продолжится такая тенденция работы с кадрами, также предстоит увидеть. Между тем, судя по всему, отечественные СМИ продолжают явно и тайно отравлять наши мысли, причем некоторые члены ДОС на деле будут продолжать успешно демонстрировать и доказывать, что сербская политическая история проходит в ницшеанском ключе вечного возвращения и воли к абсолютной власти.

* * *

Господство Милошевича оставило за собой необозримую массу разгромных действий, и опять-таки нужно трезво рассудить, что из этого изначально является результатом его неспособности, а что – долгосрочным наследием. В группу, не относящуюся к макиавеллизму Милошевича, попадают проблемы национального государства и национального самосознания, с одной стороны, и предпринимательского менталитета с традиционной общественной уравниловкой – с другой. Все настолько серьезно, что после всех наших страданий и даже свержения Вождя мы так и не знаем ни объема, ни состава того государства, в котором хотим жить. Даже с его названием не все понятно. Также все еще не реформированы государственные институты, то есть у нас нет действительно демократических – неskomпрометированных и некоррупцированных институтов, которые способствовали бы развитию национального осознания нашей особенности и рациональной рефлексии о внешнем мире, в котором мы живем. Только таким образом мы могли бы сделать из Сербии (и ее возможного союза с Черногорией) настоящее национальное, то есть трансэтническое, государство, чьи граждане были бы не рабами своего культурного или языкового происхождения, а автономными индивидуумами, добровольно, в соответствии с личными интересами принимающими правовые институты страны, в которой живут. В этом случае «иностранцами» останутся только те, кто ими и является – граждане других политических сообществ. Проблема в том, что еще не произошло переустройства политической системы, в особенности правосудия и исполнительной власти, а также нового устройства экономики и всего отсюда проистекающего (образование, социальная защита и т. д.). Все эти проблемы по примеру Милошевича все так же откладывают в долгий ящик в надежде, что они разрешатся сами собой. Не разрешатся! Поэтому новые власти должны взять на себя ответственность, и немедленно. По этому и запомнятся новые люди во власти в политической истории Сербии: или как случайные наследники пресловутого полутирана, или же как люди слова и дела.

В связи с этим особенно важно, какой идеологический проект будет доминировать в обществе. Стечение разных исторических обстоятельств и появление независимого государства – каким бы оно ни было изнутри и даже как бы оно ни называлось – привели к тому, что сербы привыкли идентифицировать себя с любым режимом – «только бы наш был» и обеспечивал нам мнимую суверенность. Отсюда и готовность к жертвам за «наш образ жизни», о котором на самом деле неизвестно практически ничего, кроме того, что он отличается от других. Парадоксальная и почти иррациональная, такая констатация, как нам кажется, очень точна, поэтому именно из нее нужно

исходить при некоей более продуманной формулировке проекта нашего «лучшего будущего».

Принимая во внимание то, что ключевым нашим отличием все-таки является православие, причем скорее как привычка и в меньшей степени (или совсем не) как вера, для начала нужно сделать усилие и найти в этом духовном пространстве точку опоры против искушений, которые уже есть и еще нас ожидают. В конце концов не будем забывать, что вся сегодняшняя Европа является результатом болезненных, но все же плодотворных процессов приспособления христианского мира к течению современного «разочарования мира» и всего того, что следует из этого «искоренения».

Разумеется, определение православия как основной матрицы национального самосознания не является и не может быть призывом к какой-нибудь «поповской политике» или православному клерикализму. В сущности это просто попытка в общем хаосе самосознания и идеологическом блуждании найти тот фундамент, на котором можно построить национальный дом. Разумеется, это ни в коем случае не означает привилегированного положения одной конфессии и ее иерархии на государственном уровне. Широкое обращение к духовным ценностям в таком обществе, как наше, независимо от унаследованных мыслительных стереотипов левонастроенных атеистических критиков, судя по всему, может способствовать сближению с (пост)современным миром и его универсальными, по крайней мере по замыслу, ценностями. Вот почему (пере)определение национального самосознания не означает иррациональной суматохи из-за (не)принятия Закона Божьего в качестве школьного предмета (как будто это какая-то особая новость), а означает серьезную работу по установлению условий для развития гражданского общества и демократических государственных институтов, для которых Иное необязательно будет Врагом. Будут ли политики из ДОС способны действовать успешно в данном деликатном контексте, мы еще только увидим. Некоторые точно не сумеют, а другие не смогут. Что же касается тех, кто не хочет (или не хотел) этого делать, их политическая судьба уже известна – и бесповоротно решена.

Перевод Дарьи Костюченко

Экономика

Младжан Динкич

Экономика деструкции

Вместо введения

МОНТЕСКЬЕ: Значит, раз вы уничтожили политическое сознание, то приметесь и за уничтожение морального сознания. Ваши намерения теперь совершенно ясны.

МАКИАВЕЛЛИ : Мои намерения никогда не будут ясны до конца, даже моим ближайшим соратникам. Я никогда не поступлю так, как сказал, и никогда не скажу, как поступлю. А каким могуществом наделяет властителя эта таинственность, когда она сливается с силой его поступков. Меня окружает ореол обожания.

И так я буду властвовать десять лет, не меняя ничего, поскольку тяжкое бремя должно стискивать грудь моего народа, пока процесс бурления не будет завершен окончательно. А потом я ослаблю тяжесть и верну некоторые свободы.

МОНТЕСКЬЕ: А ваш народ вам ответит тогда: «Нам от вас не нужно ничего. Мы сами возьмем то, что нам принадлежит».

МАКИАВЕЛЛИ: Такого не случится. Цель достигнута, люди разоружены, доведены до полнейшего равнодушия к идеям и принципам революции. Кроме того, меня будет окружать целая школа

политиков, наученных мыслить, как я. Держу пари, малейшее эхо свободы породит такой ужас, что меня будут умолять во имя спасения государства предпринять что-нибудь для ее предотвращения.

МОНТЕСКЬЕ : Но неужели вы не понимаете, что ваша доктрина зиждется на вашем же восприятии народа исключительно как пассивных наблюдателей и испуганных жертв; вы не видите живых людей, людей, мыслящих собственным разумом, имеющих собственные желания, потребности, моральные ценности, а ко всему прочему способность и силу распознать и помешать любой игре, ведущейся против их здравого рассудка. Человек всегда будет бороться за человечность. Против манипулирования. Против лжи о неизбежном. Против гонений во имя свободы и против несвободы во имя сохранения мира. Неустанно и вопреки всему.

МАКИАВЕЛЛИ : Даже если это будет добровольное безумие или безнадежный вызов? Не так ли, почтенный Монтескье?

Хронология югославской инфляции

Сколько себя помню, Югославия была страной, где инфляция считалась таким же нормальным явлением, как и то, что фабрики принадлежат рабочим, а земля крестьянам. Я хорошо запомнил наставления отца: «Пока у нас социализм, в социалистических банках надо брать как можно больше кредитов, а то инфляция все съест». Тогда я плохо представлял себе, что такое инфляция, а как это она «съест», и того хуже. Помнится только, что отец, бывало, показывал квитанции, выписанные на смехотворно малые суммы (например, 0,5 динара), о выплате какого-нибудь ранее взятого кредита. Я долго жил с убеждением, что инфляция – «Богом ниспосланная» данность, пока не стало происходить нечто, совершенно сбившее меня с толку. А именно, мои родители оба были экономистами и работали в государственной администрации. За обедом они обычно с жаром обсуждали все произошедшее за рабочий день, не щадя при этом ни меня, ни моего младшего брата, поэтому волей-неволей мне приходилось выслушивать их дискуссии о текущих экономических проблемах страны. Чем старше я становился, тем больше дома говорили о каких-то дефицитах, дисбалансах, депрессии, девальвации, дестабилизации и тому подобных вещах, а слово «инфляция» все чаще звучало с негативным оттенком. Закончив словесные дебаты, родители обычно усаживались перед телевизором, чтобы не пропустить последние новости, и я видел торжественно-суровые лица дикторов, глухо, точно из бочки, информировавших общественность о нечеловеческих усилиях правительства по снижению инфляции, о создании рабочих органов и комиссий, в обязанность которым вменялась разработка различных стабилизационных программ, о дискуссиях на партсобраниях по всей стране, на которых «товарищи» постановляли, что инфляцию нужно искоренить как можно быстрее, что этого можно достичь одновременными совместными действиями всех граждан – трудящиеся и крестьяне могут помочь своей самоотверженностью. После таких сеансов я никак не мог уяснить, как же эти «товарищи», раз они такие сплоченные и единые в воззрениях, не могут договориться и победить общую напасть (инфляцию). Еще я не до конца мог взять в толк, что это за товарищество, которое их объединяет. Тогда я не понимал, что инфляция «кому-то мать, а кому-то мачеха», что кое-кому из «товарищей» она приносит и материальную выгоду... Достаточную для того, чтобы вслух выступить против, а на практике делать другим в ущерб, а себе на пользу.

Таким образом, инфляция в Югославии – явление весьма продолжительное. Она закономерно проистекала из социалистической экономической системы, основанной на неэкономическом

принципе коллективной собственности, подкрепленном тьмой решений вроде «объединения труда и средств», «автономного заключения соглашений и общественного договора» и т. д. Такая система не только порождала бесполезные предприятия, но и поощряла их нерациональную деятельность .

Покровительство государства убыточным предприятиям практически обесмыслило функционирование инстанций по рассмотрению дел о банкротстве, давая таким предприятиям полную свободу немилосердно транжирить средства, доверенные им обществом, и будто не замечая, что покрытие убытков обходится в копеечку. Однако был забыт один жесткий экономический принцип: что когда-нибудь по счетам придется платить.

На общегосударственном уровне нерентабельное хозяйствование привело к превышению государственных расходов над доходами. Социализация убытков на микроуровне неминуемо должна была отразиться и на макроуровне. Попросту говоря, тратилось больше, чем создавалось. Дыры (дефицит бюджета) «латали» двумя способами: иностранными кредитами и эмиссией денег. 1960-е, а особенно 1970-е годы отмечены огромными зарубежными долгами. Перманентный приток средств, точно колыбельная, убаюкивал политических комиссаров (директоров) социалистических предприятий, с полной уверенностью полагавших, что «легкие» деньги можно так же легко тратить. Это был период мегаломанских инвестиций и начинаний, зачастую продиктованных ностальгией по родным местам некомпетентных руководителей. Каждый вкладывал в свое село или город, вероятно, воображая, что его будут вечно помнить и прославлять как чудотворца или благодетеля. Подъем целых регионов зависел исключительно от хлопот и места их земляка в экономико-политической иерархии государства. Участвовавшие хозяйственные промахи никого особенно не беспокоили. Народ жил относительно хорошо и был доволен. Экономисты считали, что одалживаться за границей можно без конца, или беря новые кредиты, или перераспределяя старые. Неприятности начались в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Тогда резко ухудшились условия иностранного кредитования, что привело к сокращению поступления денежных средств из этого источника. Случайно или нет, но это совпало со смертью Тито. В той ситуации нагромождение и рост убытков отечественных предприятий можно было покрыть только выпуском денег. В 1965–1970 гг. годовой уровень инфляции в СФРЮ составлял чуть менее 10%. В 1970-е гг. она росла, но не превышала 30%. Однако уже в 1980 г. инфляция достигла 40% в год, а затем ее увеличение продолжалось: в 1983 г. она составила 58%, в 1987 г. – 162%, в 1988 г. – 251%, в 1989 г. – 2733%. Итак, напрашивается вывод, что интенсивность югославской инфляции напрямую зависела от источника погашения дефицита бюджета. Когда в 1980-е гг. резко сократилось кредитование по стране и за рубежом и увеличился выпуск денег, произошел взрыв инфляции.

Важнейшие события в период 1989–1994 годов

В конце 1980-х гг. инфляция в тогдашней СФРЮ достигла внушительных размеров. Ежемесячный уровень роста розничных цен превысил 10%. Этот факт был зафиксирован в августе 1987 г. А уже во второй половине 1988 г., а особенно в 1989 г., ежемесячный рост цен более чем на 20% стал обычным явлением. В конце 1989 г. инфляция переросла в гиперинфляцию. Максимальная отметка была достигнута в декабре 1989 г., месячный уровень роста цен превысил 59,1%. Тогда союзное правительство осуществило антиинфляционную программу, с помощью которой в первой половине 1990 г. инфляцию удалось обуздать, вернув ее в прежние рамки. Между тем мало кто в тот момент осознавал, что это лишь затишье перед бурей. Распад СФРЮ, гражданская война и еще некоторые

события (о чем речь пойдет далее) спустя некоторое время вызвали одну из самых разорительных инфляций в истории. Приведем краткую хронологию важнейших событий, прямо или косвенно связанных с этой гиперинфляцией.

1989

Март . После объявления вотума недоверия Союзному исполнительному вечу (федеральному правительству) Бранко Микулича был утвержден новый состав кабинета министров во главе с Анте Марковичем. Думаю, что его члены вряд ли знали, что участвуют в работе последнего союзного правительства в истории СФРЮ. Основной экономической проблемой, с которой столкнулся вновь сформированный кабинет министров, была растущая инфляция, уже тогда преодолевшая порог 20%. Однако СИБ на тот момент решило, что условия для разработки эффективной антиинфляционной программы отсутствуют, поэтому окончательное разрешение вопроса об инфляции было отложено.

Июнь . Национальная истерия в Сербии достигла своего апогея. Массовая поддержка «национальной программы», предложенной Союзом коммунистов Сербии и его лидером Слободаном Милошевичем и на начальном этапе вызванной борьбой за защиту ущемленных прав сербов и черногорцев в автономном крае Косово, в полной мере проявилась в конце 1988 г., когда повсеместно в Сербии проходили «спонтанные» митинги, называемые тогда «митингами правды». Массовый митинг в том году состоялся в середине ноября в Белграде. Помимо «догађања народа» (народного действия) , на нем бушевали антисловенские страсти, подогреваемые утверждением, что Словения перманентно грабит сербскую экономику. Самое колоссальное скопление народа отмечалось на Газиместане 28 июня 1989 г. (в День св. Витта, или Видовдан) по поводу празднования 600-летия со дня Косовской битвы. Организаторы торжеств утверждали, что на митинге присутствовали два миллиона человек . В течение июня 1989 г. была объявлена подписка на заем для экономического возрождения Сербии. Развернувшаяся невиданная кампания в СМИ имела целью мобилизовать валютные средства пробужденного сербства. Кредит предполагалось взять на сумму 1 млрд. долларов США и 2 трлн. югославских динаров (около 225 млн. немецких марок) для «оживления производства» и старта «нового инвестиционного цикла». Между тем национал-патриотические чувства газиместанских паломников моментально остывали, когда требовалось лезть в карман и вкладывать деньги в разоренную сербскую экономику. В конце концов заем с треском провалился, что послужило уроком для правительства насчет сбора свободных денежных средств у населения.

Сентябрь . Приняты поправки к конституции Словении, положившие начало выхода этой республики из состава федерации. Это была первая ласточка в череде сепаратистских правовых актов югославских республик, которые неумолимо вели к расколу единого государства. Принятие поправок сопровождалось ростом экстремистского словенского национализма. В те дни на фасадах некоторых зданий в крупных городах Словении появились зловещие граффити: «Сербов на вербы, боснийцев в цепи!».

В этом месяце инфляция достигла 48% и переросла в гиперинфляцию.

Декабрь . Сербия вводит «негласную» экономическую блокаду против Словении. Милошевич решил научить словенцев уму-разуму. В воззвании, выпущенном Радмилой Анджелкович , председателем Социалистического союза трудового народа, труженики Сербии призывались к бойкоту словенских товаров. Г-жу Анджелкович послушались, так как знали, кто за ней стоит. В последующие дни журналисты наперебой хулили все, что имело отношение к недавно братскому народу. Например,

выпуск «Политики» от 5 декабря пестрел заголовками и комментариями типа «Нам не нужно ничего словенского», «Сербия не словенская колония», «Пирот: рабочие „Тигра“ не желают иметь деловых отношений с провокаторами распада страны» и т. д.

Инфляция преодолевает порог 59%. На годовом уровне рост цен составляет 2733% (относительно декабря прошлого года). 18 декабря Анте Маркович представил программу экономической реформы и мер для ее реализации в 1990 г. В центре внимания был план борьбы с инфляцией. Югославский динар вновь стал конвертируемым, а валютный курс установлен 7:1 относительно немецкой марки. Граждане получили возможность свободно покупать валюту в банках.

В конце года принимаются поправки к конституции Сербии, по которым она окончательно распространялась на всю территорию. Автономные края Воеводина и Косово практически лишались своего статуса, утвержденного союзной конституцией 1974 г.

1990

Январь . Распался Союз коммунистов Югославии. Словенская делегация демонстративно покинула XIV внеочередной съезд СКЮ (20–22 января). Это была вершина конфликта республиканских политических элит многонациональной СФРЮ. Хотя трения между республиканскими руководствами начались гораздо раньше, довольно долго действовало негласное соглашение об избежании открытой конфронтации и о невынесении спорных вопросов на суд общественности. В начале 1988 г. это соглашение было нарушено. После этого органы СКЮ становятся плацдармом для открытых дебатов двух противоположных течений: реформистского, ориентирующегося на Запад, и традиционалистского, тяготеющего к «аутентичным ценностям социализма». Приверженцами первого были словенские руководители при осторожной поддержке хорватских, вторую же точку зрения отстаивало сербское руководство при поддержке остальных членов СКЮ . Кульминация конфронтации произошла на XIV съезде, после чего конфликт вокруг судьбы Югославии интенсифицировался и обострился. Стремясь заручиться поддержкой местного общественного мнения в борьбе с политическими элитами других республик, республиканские руководства через «свои» СМИ акцентировали внимание на угрозе своей нации и республике со стороны других наций и республик. Так подогревался ультранационализм, подорвавший основы федерального государства и приведший к власти в республиках самых рьяных своих сторонников .

Февраль . Стабилизационная программа дает первые положительные результаты. Уровень инфляции снижен до 13,6%, и есть предпосылки дальнейшего снижения цен. Валютный резерв страны спустя лишь два месяца после осуществления программы увеличен более чем на 1,5 млрд. долларов США. Черный валютный рынок полностью уничтожен.

Словения принимает контрмеры против Сербии в ответ на ранее установленную экономическую блокаду.

Май . Инфляция взята под контроль. Месячный рост цен составляет всего 0,3%. Валютный резерв увеличился (по сравнению с началом программы) более чем на 2,7 млрд. долларов США. Между тем обнаруживаются первые негативные тенденции: промышленное производство в первые пять месяцев спало на 10%, увеличились проценты роста и сбои в секторе заработной платы. Последнее стало представлять особую угрозу для программы. Большой рост заработной платы, нежели предусматривалось, тесно связан и с проведением первых послевоенных многопартийных выборов в Словении и Хорватии. В обеих республиках победу одержали оппозиционные партии с подчеркнuto

национальными программами (ДЕМОС в Словении и Хорватское демократическое содружество (ХДС) в Хорватии). Президентом Словении стал Милан Кучан, Хорватии – Франьо Туджман.

Июнь . Инфляция отрицательная (-0,3%).

Июль . Словения провозглашает Декларацию о суверенитете (2 июля), где утверждается принцип главенства словенской конституции и законов на территории республики над федеральными. В качестве возможной формы устройства единого государства остальным республикам предложена конфедерация.

Союз коммунистов Сербии переименован в Социалистическую партию Сербии. 16 июля состоялось учредительное собрание СПС. Маневр с переименованием произведен в целях подготовки к предстоящим в декабре выборам.

Август . Валютный резерв достигает максимума (10,1 млрд. американских долларов). По сравнению с началом программы увеличение составляет 4,2 млрд. долларов США. Инфляция все еще под контролем и равняется 1,9%.

Сентябрь . Принята конституция Республики Сербия, в которой Сербия фактически провозглашается самостоятельным и суверенным государством. Утверждено главенство республиканских законов над союзными.

Экономическая программа СИВ входит в кризисную фазу. Инфляция достигает 7,3%. Уровень валютного резерва уменьшается на 114 млн. долларов США по сравнению с августом. Сбои в секторе заработной платы продолжают увеличиваться.

Октябрь . Дала трещину единая денежная система СФРЮ. Словения, Хорватия и Сербия начинают незаконную эмиссию денег. Валютный резерв страны резко снижается.

Декабрь . Сербия совершает показательное «вторжение» в денежную систему СФРЮ, несанкционированно эмитируя огромное количество денег. Речь шла о сумме, приблизительно равной половине первичной эмиссии, предусмотренной на весь 1991 г. Только в этом месяце валютный резерв уменьшился на 1,5 млрд. долларов США. Это было очевидным крушением программы Марковича. Этим событием воспользовались как одним из основных поводов для выхода Словении и Хорватии из состава СФРЮ.

Вторжение в платежную систему произошло как раз накануне первых многопартийных выборов в Сербии, состоявшихся 9 и 23 декабря (в два круга). Часть средств, полученных таким образом, пошла на предвыборную выплату зарплат и пенсий. Убедительную победу на выборах одержала СПС (46% голосов), которая выглядела еще убедительнее вследствие мажоритарной избирательной системы (78% депутатских мандатов). На выборах президента Сербии с большим отрывом лидировал Слободан Милошевич. Одновременно на выборах в Черногории побеждает Союз коммунистов Черногории (64% голосов), а президентом избран Момир Булатович. Сербия и Черногория стали теми республиками, где после выборов полноту власти сохранили «реформированные» коммунисты. В день проведения в Сербии второго круга выборов в Словении состоялся плебисцит, на котором 86% населения высказалось за самостоятельность и независимость республики. В тот же день была провозглашена конституция Республики Хорватия, согласно которой она становилась самостоятельным и суверенным государством. В конституции утверждалось право хорватов на отделение и прописывалась процедура его осуществления.

Распался единый югославский рынок. В конце 1990-го – начале 1991 г. Сербия, Хорватия и Словения

установили ряд правил, с помощью которых взаимно дискриминировали друг друга экономически. Сербия приняла закон о специальном налоге с оборота товаров и услуг определенного происхождения (читай: словенских и хорватских) и специальных таксах, постановление об уплате специальной таксы на регистрацию фирмы, на пользование коммерческой площадью и землей под строительство, предписание об обязательной выплате депозита за некоторые виды товаров и т. д. Хорватия приняла схожие меры по отношению к Сербии, как, например, постановления о надбавке на цены нефтяных дериватов и о специальных республиканских таксах на регистрацию фирмы и пользование недвижимостью. Словения приняла закон о налоге на скот, мясо, молоко, мясные и молочные продукты, поставляемые Сербией, и т. д. «Такого количества односторонних постановлений и недружественных мер федеральных единиц в такой короткий промежуток времени не было принято ни в одной федерации. Неизбежным результатом этого стала деструкция Югославии как политического союза» .

В конце месяца на основании решения Народного банка Югославии от 21 декабря приостановлена свободная продажа валюты гражданам. Чуть позже последовало полное замораживание валютных вкладов населения. Так возникла проблема «старых валютных сбережений», решение которой взяло на себя государство (как гарант). Не считая нескольких спорадических голодовок, народ стоически перенес этот шаг, доверяя, вероятно, намерениям государства честно разрешить сложившуюся ситуацию. Во всяком случае было организовано Содружество «старых» валютных вкладчиков. Годовой уровень инфляции составил 121,7% относительно декабря прошлого года.

1991

Январь . Динар девальвирует. Спустя чуть больше года паритет динара относительно немецкой марки изменился и был зафиксирован на 9:1.

Македония принимает «Декларацию о суверенитете Македонии» (25 января), в которой утверждается принцип главенства республиканских законов над союзными.

Абсолютно неизвестный финансист Ездимир Васильевич, владелец малоизвестного предприятия «Югоскандик», робко открывает свой банк. Никто тогда даже не мог предположить, какой глубокий след в югославском банковском деле оставит этот во многом неординарный человек. Его действия как банкира на первый взгляд необычны: он предлагал и выплачивал 10% ежемесячно с суммы валютного вклада!

Июнь . СФРЮ распалась. Это произошло 25 июня, когда Словения провозгласила «Конституционный устав о самостоятельности и независимости Республики Словении», а Хорватия – «Декларацию об установлении суверенной и самостоятельной Республики Хорватии».

Непосредственно после этого была развязана «малая война» в Словении, вскоре завершившаяся выводом Югославской народной армии с территории бывшей республики. Между тем это было лишь прелюдией к великой югославской военной драме. Уже в конце лета начался гораздо более жестокий вооруженный конфликт в Хорватии, спровоцировавший гражданскую (этническую и религиозную) войну на территории недавней СФРЮ . Кроме того, предпосылки войны следует искать в глубоком экономическом кризисе, разразившемся еще в начале 1980-х гг. Этот кризис привел к экзистенциальной шаткости и вынудил к «возвращению к нации» как к естественному сообществу. В таких условиях призывы национальных вождей, диктуемые стремлением захватить и удержать власть, пали на благодатную почву и ускорили смещение лояльности населения с Югославии на

республики. Гомогенизация наций усилила их враждебное отношение к другим нациям в рамках одного государства. Чувство враждебности между нациями, подогреваемое национальной пропагандой, в середине 1991 г. переросло в кровавые сведения счетов.

Сентябрь. Инфляция в Сербии и Черногории преодолевает порог 15%. Начиная с этого месяца финансовые власти отказываются от реструктивной денежной политики и начинают ускоренный выпуск денег. Вместе с тем, контроль над денежной эмиссией и оборотом взяли на себя несколько республиканских институций. Тем самым обесмыслилась деятельность центральной финансовой структуры страны – Народного банка Югославии (НБЮ).

Октябрь. Основан «Дафимент-банк» (9 октября). Предлагая еще более выгодные проценты с валютных вкладов, чем «Югоскандик», он станет в следующем году причиной одной из сильнейших сберегательных лихорадок в истории банковского дела. Но кто знает, имел ли бы место этот эпизод, если бы многочисленные вкладчики узнали, что владелице банка Дафине Миланович разрешили открыть свое предприятие несмотря на то, что на тот момент у г-жи Миланович был условный срок заключения, и вопреки требованию республиканского общественного обвинителя запретить ей распоряжаться чужими деньгами, учитывая неоднократное привлечение ее к ответственности за различные финансовые махинации.

В Словении (9 октября) и в Хорватии (23 октября) произведена замена денег. Динар сменили новые национальные валюты – толары и хорватские динары. Одновременно Сербию наводнил поток динаров, изъятых из оборота в бывших югославских республиках, вызвав обвал на черном валютном рынке. Это дало инфляции дополнительный импульс (15%), учитывая, что ответная замена денег на территории Сербии и Черногории была произведена весьма несвоевременно и бестолково.

Ноябрь. Введение Европейским сообществом экономической блокады против Сербии и Черногории, обвиняемых в поддержке и непосредственном участии в вооруженном конфликте в Хорватии.

Декабрь. Месячная инфляция превышает 21%. Годовой рост розничных цен составил 235% (относительно декабря прошлого года). В то же время курс немецкой марки на черном валютном рынке увеличился более чем на 1100%.

1992

Январь. Начинается нехватка моющих средств, растительного масла, сахара... Правительство Сербии во главе с премьером Радоманом Божовичем принимает постановление об ограничении оборота стратегических продовольственных товаров – пшеницы, кукурузы, муки, сахара и растительного масла. Таким образом, государство установило искусственную монополию на продукцию, которой в Сербии было в изобилии. В то время как обычные граждане сновали по магазинам и облегченно вздыхали, находя основные продукты питания, отдельные представители власти и близкие к ним «предприниматели» обогащались, продавая эти продукты по монопольным ценам, понемногу выбрасывая их на прилавки с переполненных складов.

Февраль. Инфляция перерастает в гиперинфляцию. Рост цен составляет 50,6%.

Март. Увеличивается разрыв курса между черным и официальным валютными рынками. На черном рынке немецкая марка стоит в 3,7 раза больше, чем на официальном.

Апрель. В конце месяца (27 апреля) создано новое совместное государство – Союзная Республика Югославия (СРЮ), объединенное государство Сербии и Черногории.

Инфляция составляет 77,5%. Правительство Сербии объявляет антиинфляционную программу.

Май . Введение экономических санкций против СРЮ. Решение принято 30 мая 757-й Резолюцией Совета Безопасности ООН. Все страны – участницы всемирной организации приняли на себя обязательства прекратить торговые отношения с СРЮ, использование воздушного и водного транспорта, запретить гражданам своих стран осуществлять какую-либо деятельность на территории Югославии, заморозить югославские счета в иностранных банках, ограничить разрешения на транзитные перелеты югославских авиалайнеров, запретить участие югославских спортсменов в международных соревнованиях и прекратить научно-техническое и культурное сотрудничество. Формальным поводом для введения санкций стало участие СРЮ в военных действиях, развернувшихся в апреле в Боснии и Герцеговине.

Инфляция зашкаливает за 80%. Цены на товары меняются по 5–6 раз в месяц. На совещаниях высших государственных органов все чаще «подчеркивается необходимость принятия существенной антиинфляционной программы». Решением НБЮ запрещена продажа валюты на улицах и высказана мысль об открытии обменных пунктов, однако за исключением отдельных случаев показательных арестов дилеров существенных изменений не произошло.

Июнь . Инфляция перевалила за 100%. Валютный курс на черном рынке в семь раз превышает официальный. 30 июня произведена деноминация динара. «Зачеркнут» один ноль.

Радоман Божович заявляет о «решительных мерах против последствий несправедливых санкций». Государственные товарные резервы пущены в ход для закупки пшеницы. Введены талоны на бензин. Процветают дефицит, контрабанда и теневая экономика. Жизненный уровень резко падает. За упаковку стирального порошка уже тогда надо было отдать почти целую среднюю зарплату.

Июль . Избран новый президент СРЮ Добрица Чосич и председатель союзного правительства Милан Панич. Панич заявляет, что его работа в области экономики будет направлена на обуздание инфляции, не подозревая, вероятно, что должность союзного премьер-министра не даст ему никаких шансов воплотить в жизнь свое намерение.

Остановилось 40% промышленных предприятий в общественном секторе. По инициативе сербского правительства скупщина принимает пакет законов, «направленных на смягчение эффекта от действия санкций», среди которых самым важным является закон, гарантирующий трудящимся занятость и выплату заработной платы на период действия санкций мирового сообщества. Помимо этого, правительство лимитировало заработную плату работающих граждан и заморозило цены примерно на 50% товаров. И к тому же было заявлено, что «в будущем общественные затраты будут финансироваться из реальных источников!» В те дни начали открываться частные обменные пункты и сберкассы.

Сентябрь. После летних отпусков начинается период отпусков вынужденных. Около 300 тыс. работающих граждан оказались не у дел. Свой гарантированный заработок они пополняют доходами от контрабанды, торговли валютой и спекуляции всякой всячиной. Улицы Белграда заполняют импровизированные, зачастую неопрятные прилавки, торговцы и дилеры из всех общественных слоев. Все это очень напоминает зарисовки из жизни беднейших латиноамериканских стран.

Что-то странное творится с черным валютным рынком: курс не менялся целых 48 дней! В то же время перед «Дафимент-банком» выстраиваются длиннейшие очереди. Граждане переводят свою валюту в динары и кладут их в этот банк. Логика проста: в условиях относительно стабильного курса и огромных процентов со вкладов в динарах (70–75% в месяц) шанс быстро обогатиться выглядел

практически осязаемым. Но только на первый взгляд. Все это было слишком просто, чтобы осуществиться. Однако, увы, чему имеется множество примеров в истории, алчность затуманивает рассудок даже самым разумным людям. Вкладчики круглосуточно осаждали кассы этого банка. Ноябрь . Согласно официальной статистике, инфляция составляет «всего» 33%. В это время курс немецкой марки на черном рынке перевалил за 87%. Приближаются внеочередные парламентские и президентские выборы на союзном, республиканском и местном уровне. А при таких обстоятельствах статистика, как правило, становится маркетингом.

Ужесточение санкций против СРЮ. Резолюцией ООН № 787 от 16 ноября запрещен международный транзит основных видов сырья и продукции через территорию СРЮ.

Декабрь . Рост розничных цен согласно официальным данным составляет 46,6%, а курс немецкой марки на черном рынке равняется 100%. «Дафимент-банк» предлагает 100–120% в месяц со вкладов в динарах и 15–17% в месяц со вкладов в валюте. Спустя немалое время увеличивает проценты с валютных вкладов и «Югоскандик». Ездимир Васильевич выдвигает свою кандидатуру на должность президента Сербии. Количество вкладчиков в этот банк увеличивается как никогда.

Выборы состоялись 20 декабря. Бразды правления удержала власть. «Новыми» президентами Сербии и Черногории стали Слободан Милошевич и Момир Булатович. Ездимир Васильевич получил ничтожное количество голосов.

Годовая инфляция достигает 19 755%, а годовой рост курса немецкой марки на черном рынке составляет 18 789% (относительно декабря прошлого года).

1993

Январь . Частные сберкассы начинают массовую скупку безналичной валюты. Гражданам предлагается продать этим учреждениям свою валюту по безналичному курсу, который выше уличного. В свою очередь, частные сберкассы гарантировали выплату эквивалента в динарах на счет, который продавец валюты установит сам. В январе безналичный курс на 5–10% превышает уличный. Частные сберкассы появляются как грибы после дождя.

«Дафимент-банк» возвращает проценты с валютных вкладов на довыборный уровень (11–14%), но увеличивает ежемесячные проценты со вкладов в динарах до 120–150%, а в начале февраля даже до 150–195%. «Югоскандик» повышает уровень ежемесячных процентов с валютных вкладов до 14%. Ажиотаж вокруг этих банков достигает пика.

Инфляция составляет 100,6%. Курс на черном рынке выше официального почти в 9 раз.

Февраль . Сформировано новое правительство Сербии с Николой Шаиновичем во главе.

Обнародована экономическая программа, содержащая три основных цели: «прекращение спада и рост производства, борьбу с гиперинфляцией и начало работы с общественностью для стимуляции экономической деятельности».

Инфляция уже составляет 211,8%. Валютный курс на черном рынке выше официального в 30 раз. Безналичный курс превышает уличный на 15%.

Март . В ночь с 7 на 8 марта Ездимир Васильевич покидает страну. Через два дня после этого «Югоскандик» прекращает официальные выплаты вкладчикам. Вкладчики «Дафимент-банка» в панике. Дафина Миланович – частый гость на телевидении и пытается убедить граждан, что вложения в ее банк исключительно надежны, что она никогда их не обманет. И все же испуганные толпы перед дверями этого учреждения все увеличиваются. Большинство желает забрать свои

деньги. Банк ограничивает выплаты и обращается за помощью к государству.

Правительство Сербии предлагает скупшине на рассмотрение пакет законов о налогообложении. Предусматривается уплата налога с товарооборота трижды в месяц. Ожидается, что возмещение недостатка денег в республиканской казне произойдет путем сокращения сроков уплаты налогов и более строгого контроля за их выплатой, однако возлагаются надежды и на дополнительные займы у коммерческих банков и НБЮ.

Инфляция составляет 225,8%. Официальный валютный курс, по которому оплачиваются таможенные пошлины, в 50 раз ниже, чем на черном рынке. Это красноречиво свидетельствует о том, насколько государство было заинтересовано в реальных фискальных доходах. Скупка безналичной валюты принимает все более грандиозный размах.

Апрель . Вновь ужесточены международные санкции против СРЮ. Экономическое пространство страны закрыто наглухо. Резолюцией ООН № 820 от 17 апреля запрещены все иностранные финансовые транзакции . Кроме того, наложен запрет на транзит товара и сырья через СРЮ по суше и по Дунаю, а также использование порта Бар для ввоза товаров на территорию страны. Санкции распространялись на области под протекторатом миротворческих сил ООН в Хорватии, как и на территории в Боснии и Герцеговине, контролировавшиеся боснийскими сербами.

«Дафимент-банк» прекратил выплаты вкладчикам. В отличие от Ездимира Васильевича Дафине Миланович не дали покинуть страну. Обманутые вкладчики среагировали быстро, создав многочисленные общества по защите своих прав.

В начале месяца валютный курс на черном рынке превышал официальный в 70 раз. Наконец, 13 апреля после 147-дневного затишья официальный валютный курс более или менее сравнялся с курсом на черном рынке. Безналичный курс превышает уличный на 20%.

Май . Инфляция составляет 205,2%, а уровень роста валютного курса на черном рынке достигает 468%.

Июнь . Инфляция на отметке 366,7%. За день цены в среднем вырастают на 2,3%. К концу месяца одна немецкая марка на черном валютном рынке стоит свыше 1 млн. динаров. Развернули бурную деятельность более 300 сберкасс. Граждане осаждают магазины, скупая на чеки все подряд, а отрицательный баланс своих счетов покрывают безналичной продажей валюты в сберкассах.

Июль . Государство выпускает огромное количество денег для закупки пшеницы. Валютный курс неистовствует. В первые 17 дней июля средний уровень роста уличного валютного курса в день составляет 10,3%, а переводного – 13,7%. Томясь в очередях перед сберкассами, граждане вспоминают часы и дни, проведенные перед отделениями «Дафимент-банка» и «Югоскандика».

Новый председатель НБЮ Борислав Атанацкович 21 июля отдает распоряжение прекратить работу и заблокировать расчетные счета сберкасс и обменных пунктов. Союзное правительство во главе с премьер-министром Радоем Контичем в целях прекращения денежного хаоса принимает критерии направленности первичной эмиссии. В кассах больше «не принимаются» многочисленные нули, и суммы в динарах теперь считаются по тысячам (так называемая техническая деноминация).

Жизненный уровень населения упал катастрофически: 3/4 граждан еле сводят концы с концами, будучи не в состоянии удовлетворить самые насущные потребности.

Август . В соответствии с правительственной программой «организованного снабжения населения» введены талоны на муку, растительное масло, сахар и моющие средства. Кроме того, правительство

Сербии замораживает цены на основные продукты питания и коммунальные услуги.

После запрета скупки безналичной валюты предприятия осуществляют валютные сделки по договорному курсу. Договорной курс на 50% превышает уличный. В августе инфляция достигает 1880% со средним уровнем роста в день от 10,1%.

Сентябрь. В магазинах пусто. В результате замораживания цен исчезло последнее, что оставалось на прилавках. Многие магазины не работают. На черном валютном рынке одна немецкая марка стоит свыше 1 млрд. динаров.

Октябрь. Инфляция составляет 1896%. Динар деноминирован, зачеркнуто шесть нулей.

Правительство Сербии принимает решение о частичном размораживании цен на основные продукты питания. На производителей наложено обязательство за три дня оповещать надлежащие государственные органы о планируемом подорожании. Подобными мерами правительство продемонстрировало решимость «пресечь дефицит и гиперинфляцию».

20 октября распущена скупщина Сербии и назначены внеочередные парламентские выборы.

Талоны на потребительские товары времен гиперинфляции

Ноябрь. В начале месяца очереди граждан выстраиваются перед филиалами некоторых государственных банков, которые становятся основными персонажами вампирической скупки безналичной валюты. Валютный курс на черном рынке вновь немилосердно вздыбился. Только в течение первых девяти дней ноября уличный валютный курс вырос в 8 раз, а безналичный аж в 14 раз. В конце концов государство запрещает «скупку безналичной валюты», «перекрывает спекулятивные финансовые каналы» и начинает «гонения на инфляционных аферистов».

В середине ноября, спустя лишь полтора месяца после деноминации динара, курс немецкой марки на черном валютном рынке вновь подскакивает до 1 млн. динаров. Денежная фабрика в Топчидере – единственная в стране, где после введения санкций отмечен рост производства: только в первую неделю ноября было отштамповано наличных денег больше, чем за все предыдущие десять месяцев 1993 г. Ноябрьская инфляция составляет 20 190% со средним уровнем роста в день от 18,7%.

Самая большая купюра времен гиперинфляции 1993–1994 годов

Декабрь. В конце месяца одна немецкая марка на черном рынке стоит 1 миллиард (тысячу миллиардов) динаров. В течение декабря НБЮ пускает в обращение четыре новых денежных знака, у самого крупного из которых 11 нулей (см. таблицу 1). Речь идет о купюре, номинальная стоимость которой составляет 500 млрд. динаров. Декабрьская инфляция составляет 178 882% со средним уровнем роста в день от 28%. Одновременно валютный курс на черном рынке увеличился на 569 131%. Немецкая марка становится практически единственным платежным средством в магазинах и на рынке, полностью вытесняя обесценившийся динар. Даже самые бескомпромиссные борцы за сербские национальные интересы вынуждены признать немецкую марку национальной валютой. В разгар гиперинфляции состоялись внеочередные парламентские выборы в Сербии. По случайному стечению обстоятельств или нет, но проведение выборов опять было связано с православным праздником св. Николая Чудотворца (на этот раз – 19 декабря). И вновь победу одержала СПС. На годовом уровне рост розничных цен составил 352 459 275 105 195%, или 3,5 x 1014%. Годовой рост курса немецкой марки на черном рынке обогнал рост цен и достиг 4,7 x 1017% (относительно декабря прошлого года).

1994

Январь . Динар вновь деноминирован. Зачеркнуто 9 нулей. Но уже в середине месяца немецкая марка на черном рынке стоит 1 млн. новых динаров. Январский рост цен фантастичен и составляет 313 563 558%. Цены в среднем увеличиваются на 62% в день, 2% в час и 0,029% в минуту. Если взять январь в качестве точки отсчета годовой инфляции (относительно января прошлого года), то получится, что годовой рост цен в СРЮ составил $5,5 \times 1020\%$, а рост курса немецкой марки – $6,7 \times 1027\%$.

Таблица 1 Месячные уровни роста розничных цен в 1989–1994 годах

а) данные за январь 1989 – декабрь 1990 г. относятся к СФРЮ.

б) начиная с января 1991 г. данные относятся к СРЮ.

в) хотя в феврале 1994 г. отмечалось снижение цен, Союзный статистический институт, придерживаясь своей методики, регистрировал их рост, так как югославская статистика учитывает движение цен до 20-го числа текущего месяца. Поскольку программа Аврамовича вступила в силу 24 января, в данные о февральской инфляции включена информация о росте цен за 20–24 января.

Источник: Союзный статистический институт.

* * *

Гиперинфляция окончательно взята под контроль 24 января в результате проведения программы Драгослава Аврамовича. Прекратилась шквальная штамповка денег. Произведена замена денег. Введен новый динар, привязанный к немецкой марке в соотношении 1:1. Новый динар объявлен конвертируемым. Постановлено, что старые динары можно обменять на новые в пропорции 13 000 000:1, однако через несколько дней соотношение изменилось на 12 000 000:1 и сохранялось вплоть до полного изъятия старого динара из обращения в июле 1994 г. После этого цены стали снижаться, хотя страна все еще находилась под действием санкций и несмотря на продолжавшиеся военные действия на территории бывшей СФРЮ.

Денежный хаос

Денежный хаос в СР Югославии запомнится интенсивностью своего пагубного воздействия, причинами, его вызвавшими, и быстротой перераспределения общественного богатства. Невиданная югославская гиперинфляция – одна из самых разорительных в истории экономики. В момент ее кульминации (январь 1994 г.) уровень роста цен составил 313 млн. процентов. Более высокий уровень инфляции был зафиксирован в Венгрии – 4,19 трлн. процентов ($4,19 \times 1012\%$) в апреле 1946 г. и в Греции – 855 млн. процентов в ноябре 1944 г., при знаменитой же немецкой гиперинфляции рост цен в октябре 1923 г. составил «всего-навсего» 32 400%. Если крупнейшие гиперинфляции в истории сравнить по их продолжительности, то можно с уверенностью сказать, что югославская была самой длительной – целых 24 месяца (венгерская гиперинфляция закончилась спустя 12 месяцев, греческая – 13, немецкая через 16 месяцев) .

Большая югославская гиперинфляция не была вызвана естественными законами. Ее инициировали и ей поспешествовали люди, которые не побоялись ради собственных корыстных интересов, хотя и от имени народа , злоупотреблять денежной и политической властью и использовать государственные учреждения, находившиеся под их началом. Обладать властью значило иметь абсолютную монополию на делание денег. Иметь абсолютную монополию на делание денег означало обладать властью. Деньги, несмотря на их выпуск в огромном количестве, были искусственно превращены в «редкий» (монопольный) товар, что дало право финансовой олигархии обчитать тех, у кого этого

товара не было, но кто в нем остро нуждался. И хотя существовали крупные государственные сберкассы, уполномоченные государственные банки и привилегированные государственные предприятия, парастатусные банки и предприятия наряду с обычной деятельностью в «национальных интересах» платили особую финансовую дань фактическим распорядителям денег; взамен же руководству парастатусных структур предоставлялась возможность заниматься разного рода спекуляциями в целях наживы. Разумеется, все эти поборы и подати в конце концов тяжким бременем ложились на плечи обычных граждан. Они были вынуждены непрерывно выплачивать своему государству инфляционный налог с учетом того, что их собственные доходы (пенсии и зарплаты) изо дня в день с катастрофической скоростью обесценивались. Чтобы выжить, многие граждане рано или поздно были вынуждены лезть под матрас за своими валютными сбережениями. Однако после многих перипетий и при участии разных людей и учреждений большая часть этих денег неким таинственным образом перешла в руки политического истеблишмента. Жестоко и неумолимо гиперинфляция способствовала ужасающего масштаба социальному расслоению. В СРЮ быстро сформировалась малочисленная, но исключительно могущественная финансово-политическая элита. Она возникла в результате любопытного симбиоза трех, в принципе разных, социальных групп: 1) представителей верхушки политической власти (государственный аппарат); 2) небольшого числа директоров государственных предприятий и банков; 3) владельцев некоторых частных, а по сути парастатусных предприятий. Нельзя сказать, что эта узкая прослойка фантастически богатых людей на вершине общественной пирамиды своим исключительным экономическим успехом обязана собственным выдающимся предпринимательским способностям. Напротив, эта политическая группировка создала свой формальный и материальный статус благодаря различным видам монополий: монополии на эмиссию и распределение денег, монополии на ввоз и торговлю отдельными товарами, монополии на важную (руководящую) должность, монополии на СМИ, привилегированному положению при определении финансовых обязательств по отношению к государству и т. д. Вследствие этого члены элиты никогда не были заинтересованы в процветании и экономическом развитии всей страны, но единодушно поддерживали систему, где политическая мощь гарантировала монопольные позиции. Естественно, господствующая власть с готовностью обеспечивала эти позиции, так как отдавала себе отчет, что, потакавая желаниям элиты, можно продлить свое существование, но больше всего потому, что высшие ее представители сами участвовали во всем этом и вкупе со своими элитарными поделщиками наслаждались материальными благами.

Народ же все время пугали опасностями, таящимися внутри страны и грозящими извне, призывали терпеть во имя осуществления национальных интересов и всячески противостоять международным Голиафам, разоряющим его слабую родину. Народу внушали, что путь, избранный руководством, тернист, но конечная цель стоит усилий. И народ соглашался терпеть лишения и идти на жертвы (а те, кто не соглашался добровольно, были вынуждены это сделать по экономическим причинам). В конце концов вопрос стал не в том, тернист ли путь, а в том, обут ли тот, кто по нему шагает! К сожалению, у большинства населения в то время не хватало денег на питание, не говоря уже об обновлении гардероба, особенно обуви. Во время гиперинфляции уровень реальных средних зарплат упал значительно ниже уровня 1966 г., самой давней даты с сопоставимыми статистическими данными.

Народ забыл, что значит жить нормально. Дни рождения, свадьбы, крестины и другие торжества, на которые всегда принято было дарить хорошие подарки, стали в то время головной болью для обнищавшего населения. Знаменитое сербское гостеприимство подавлялось страхом: а вдруг гость захочет выпить бутылку пива, ставшего настоящей роскошью в обычных домах. Когда разбушевалась гиперинфляция, зарплаты и пенсии превратились в жалкую насмешку. Люди днями напролет разуживали о них, часами терпеливо ждали в очереди их получения и тратили их в секунды. В основном покупали продукты питания, поскольку иные товары большинству граждан были просто недоступны. К примеру, в середине ноября 1993 г. для приобретения самого обычного штепселя надо было отдать две средние зарплаты, а для покупки детской коляски требовалось 97 средних зарплат. На одну среднюю зарплату тогда можно было купить четыре шариковые ручки. В декабре 1993 г. самая высокая пенсия (ее получали всего 300 граждан Сербии) позволяла приобрести на день выплаты один кусок мыла или 1/3 тюбика зубной пасты.

Реальная покупательная способность денежных выплат, которые получало население, была исключительно низкой и в отношении продуктов питания. В декабре 1993 г. одна средняя пенсия приравнивалась к стоимости килограмма моркови! Многие не могли себе позволить даже основных продуктов. В преимущественно аграрной стране, такой как Сербия, имел место жуткий парадокс: в очень урожайный год большинство граждан голодало! Политический истеблишмент и здесь не сжалился, монополизировав большую часть сельскохозяйственной продукции. Искусственно создавая дефицит продуктов, которых на самом деле было в изобилии (например, пшеницы, муки, растительного масла), некоторые дельцы получали баснословную спекулятивную прибыль. В то же время многие граждане, которых голод заставлял переступить через гордость, стояли в необозримых очередях за бесплатной пищей от гуманитарных организаций.

В прессе тех дней появлялось огромное количество историй обездоленных, доведенных до отчаяния людей. Вот некоторые из них: «Я чувствую себя каким-то жалким, когда простаиваю в этой очереди за хлебом, а что поделаешь? У меня нет другого выхода. Нам с женой надо как-то выживать. За что нам такое?» Положение одной несчастной женщины еще плачевнее: «Я боюсь умереть, а то моим детям придется тратиться на похороны. Им самим есть нечего. Я забыла вкус фруктов, мяса, да и молока тоже. Я не завтракаю, не ужинаю, не пью кофе, не курю... У меня нет стирального порошка, мыло приходится экономить. Некому мне помочь, а в последнюю пенсию я получила 8 тысяч динаров, как раз на рулон туалетной бумаги». Об общем бедственном положении среднего класса в период гиперинфляции красноречиво свидетельствует история одной, когда-то известной, женщины-врача: «Я вышла на пенсию четыре года назад. И только я стала подумывать о том, как доживу последние дни в тиши и покое, как моя жизнь полетела в тартарары. Мою квартиру дважды взламывали, машину угнали... Я живу на пенсию, о которой говорят, что она высокая. На эту пенсию я могу оплатить коммунальные услуги и очень скромно питаться. Мне помогают мои бывшие пациенты, которые меня не забыли и время от времени приносят что-нибудь из продуктов. Я живу воспоминаниями о временах, когда ощущала себя человеком».

Практически вся нация была обречена на томительное ожидание в очередях. Сначала люди толпились в очередях перед филиалами парагосударственных банков и сберкасс. Затем длинные вереницы граждан стали собираться перед магазинами (в основном за хлебом и молоком) и перед кассами банков и почтовых отделений для получения мизерных пенсий. Очереди перед дверями

магазинов самообслуживания выстраивались с трех часов утра. Когда же наконец на прилавки выбрасывали ожидаемые с нетерпением продукты, начиналась страшная давка, для некоторых зачастую заканчивавшаяся тяжелыми телесными повреждениями. Однажды в газетах появилось сообщение, что в г. Вране «во время столпотворения за хлебом пенсионеры Душан Попович и Андра Йованович получили травмы грудной клетки. Вместо покупки хлеба они попали на рентген. Несколько человек сильно повредили кисти и пальцы рук в момент, когда продавцы магазина самообслуживания резко захлопнули тяжелые металлические двери; сотни людей падали и их едва не затаптывали». К несчастью, некоторых граждан постигла еще более печальная участь. Газеты писали и о случаях смерти пожилых людей, которым становилось плохо от долгого и изматывающего стояния в очереди. Мало того, некоторые одинокие пенсионеры умирали от голода; случалось так, что их обнаруживали соседи в их квартирах спустя продолжительное время после кончины. Всю глубину трагичности и безвыходности ситуации для простых людей в ту пору лучше всего иллюстрирует «пример пенсионера Б. С., который, получив пенсию, пошел в магазин и купил несколько сот граммов хорошей салями и килограмм хлеба. Наевшись, он повесился. В предсмертной записке было сказано: „Я не хочу умереть от голода!“.

В целях предотвращения социальных волнений власть сознательно поощряла теневую экономику (контрабанду, уличную торговлю и т. д.). Прикрываясь экономическими санкциями, власть довела до абсурда известный принцип трудящихся построенного социализма: «мне никто не заплатит настолько мало, насколько мало я могу работать». Принудительные отпуска стали массовым явлением, но взамен гарантировалось соответствующее пособие, предусмотренное законом. И хоть оно было не бог весть каким, но все же не намного отличалось от средних зарплат тех, кто продолжил трудовую деятельность. Этот факт лишал работников, пребывавших в принудительном отпуске, мотивов искать новое рабочее место. Они очень быстро поняли, что, уйдя в теневые сферы, можно заработать гораздо больше. Сначала такого рода деятельность являлась для многих дополнительным источником дохода, затем становилась постоянной. Одно весьма интересное и объемное исследование показало, что в 1992 г. доходы населения от неформальной экономики в среднем составили свыше 57% их общей прибыли. Также установлено, что теневая экономика на территории СРЮ отличалась тем, что результатом ее было перераспределение существующих ценностей, а не создание новых. Нелегальными финансовыми спекуляциями в основном занималась узкая прослойка граждан, увеличивавших собственные доходы за счет соотечественников. Наибольшие убытки при этом несли представители среднего общественного класса. Трудясь на общественных, официальных предприятиях, как одно погрязших в нищете, скованные понятиями о чести, они не успевали включаться в деятельность теневой экономики и в результате разделили участь своих фирм, хоть и сохранив собственное достоинство.

Как показала практика, теневая экономика действительно послужила хорошим амортизатором социальных потрясений. Однако она породила упадок морали и иных общественных ценностей. Порядочность стала пороком, непорядочность – добродетелью и главным критерием выживания. А это неминуемо влекло за собой расцвет коррупции и криминала, принявший невероятный размах. Общество деградировало социологически и психологически. События, когда-то имевшие место в Латинской Америке в периоды гиперинфляции, в начале 1990-х гг. разыгрались на территории СР Югославии. Так, например, в Аргентине во время жесточайшей гиперинфляции в народе говорили:

«Государство ловит воров, потому что не терпит конкуренции». В случае продвинувшейся дальше Сербии можно перефразировать: «Государство объединяется с ворами, чтобы создать монополию». Поскольку, в конце концов, только за счет воровства можно жить достойно !

Поскольку во время гиперинфляции большая часть отечественной экономики ушла в тень, неминуемо последовал сильный спад реальных фискальных доходов государства . Конечно, финансирование государственных расходов денежной эмиссией без погашения только сильнее разжигало гиперинфляцию, которая, в свою очередь, приводила к дальнейшему спаду реальных фискальных доходов, учитывая, что запоздалая уплата налогов при высоком уровне инфляции автоматически означала их обесценивание. Таким образом, на сцену выходит известный в экономической теории эффект Танзи – Оливера. «Чудовище-гиперинфляция сделало свое дело». Между тем после всего сказанного неизменно возникает вопрос: а было ли государство заинтересовано в сборе налогов и пошлин для пополнения бюджета из реальных источников? Факты неприглядны и свидетельствуют об одном: все происходившее в области общественных финансов во время гиперинфляции недвусмысленно указывает на отказ государства от потенциально богатых источников дохода, сознательной жертвы общими интересами в пользу интересов отдельных лиц из финансовой элиты. К примеру, доходы от таможенных и других импортных пошлин практически отсутствовали, поскольку пошлины рассчитывались и уплачивались на основании заниженного официального валютного курса. Наоборот, была предоставлена возможность обогащаться политическому истеблишменту, представители которого благодаря монопольному праву на импорт и фактическому освобождению от пошлин получали колоссальные сверхприбыли. Помимо этого, государство сознательно отказалось еще от одного чрезвычайно важного источника доходов – налога с товарооборота . Такова была цена расширения теневой экономики и еще одна жертва в пользу политического истеблишмента. Незаинтересованность государства в налоге с товарооборота наиболее очевидна на примере торговли исключительно прибыльным товаром – сигаретами. Практически вся торговля табачными изделиями проходила через теневые каналы и завершалась уличной торговлей. И хотя речь не шла о жизненно необходимой продукции, нелегальная торговля сигаретами была фактически легализована, поскольку весь процесс без каких-либо осложнений проходил на виду у надлежащих инспекционных органов и милиции. Таким образом, взятки и коррупция вновь сделали свое дело на радость организаторам этого прибыльного табачного бизнеса. Но все же у государства не хватило духу отказаться от всех своих фискальных доходов. Ревностно взимались налоги с личных доходов граждан, и добросовестно сокращались сроки их уплаты в целях смягчения упомянутого эффекта Танзи – Оливера. В течение 1993 г. из этого источника был собран 71% общих фискальных доходов Сербии . Кроме того, значительные доходы шли от специально введенного налога с финансовых транзакций (около 15% общих фискальных доходов), а налогоплательщиками в большинстве случаев опять-таки оказывались простые граждане. Следовательно, государство селективно подходило к выбору налогоплательщиков, причем его выбор (на первый взгляд) кажется несколько нерациональным и абсурдным: бремя налогов было возложено на плечи немощного населения, в то время как могущественная финансово-политическая элита заботливо оберегалась и де-факто укреплялась. Вероятно, речь здесь шла о неких особых национальных интересах, которые ум обычного человека, каковыми и мы себя считаем, не в состоянии воспринять и осознать.

Собираемые таким манером фискальные доходы ни в коей мере не могли удовлетворить даже элементарных потребностей государства, в силу чего они постоянно пополнялись инфляционными доходами. Финансирование дефицита общественного потребления денежной эмиссией и неутолимая жажда валюты у политического истеблишмента привели к денежному хаосу в стране. Он начался летом 1993 г. (великая пшеничная афера), а кульминировал после запрета скупки безналичной валюты в конце осени 1993 г. После того как денежный хаос был запущен в действие, он сам себя подпитывал (государство контролировало черный валютный рынок, но не инфляцию) и в конце концов сам по себе угас.

Результатом денежного хаоса был общий дефицит товара, катастрофическое обнищание большей части населения и полное изъятие из оборота национальной валюты. Большинство магазинов в ту пору выглядели жутковато пустыми. На закрытых дверях многих из них висели таблички с надписью «учет», хотя непонятно было, что можно учитывать на пустых полках. Владельцы работающих магазинов ломали голову, как избежать продажи товара за бесценок. В цены заранее включался ожидаемый рост валютного курса на черном рынке в последующие несколько дней, однако чаще всего это не помогало. Теневая денежная эмиссия оказалась неуловимым и крайне непредсказуемым противником производителей и работников торговли, поэтому их прогнозы в большинстве случаев были чересчур оптимистичными. Последствия таких ошибок становились роковыми, так как вырученная от продажи прибыль не могла покрыть расходов даже на приобретение новой партии товара в том же количестве. Вследствие этого расчетливые, но беспомощные работники торговли были вынуждены изменить тактику выживания. Для сокращения убытков они складировали товар до лучших времен и продолжали продажу только нескольких его видов. Многие магазины самообслуживания сократили время работы с двенадцати до семи часов в день. Тем самым они существенно уменьшали опасность обесценивания своего товара и, что еще важнее, выигрывали драгоценное время для выполнения одной необычайно серьезной, но изнуряющей физической работы – каждодневной смены ценников на товарах.

Наконец выяснилось, что наиболее успешная тактика поддержания существования сферы торговли – это установление расценок на товары по принципу «чем выше, тем лучше». То есть работники торговли поняли, что выгоднее заломить такие цены на товар, по которым его никто не купит, чем продавать его за бесценок. Поэтому цены изначально устанавливались недоступные рядовому покупателю и ежедневно росли для сохранения недостижимого уровня. Таким образом возник феномен, который общественность назвала «инфляцией немецкой марки», поскольку в результате росли также и цены, выраженные в немецких марках. Возможно, в будущем экономическая наука откроет некие сложные эконометрические модели, которые позволят подвергнуть этот феномен точному расчету; вопрос в том, окупятся ли когда-либо усилия, предпринятые в этом направлении. Наверняка «инфляция немецкой марки» не была результатом мудрствований работников торговли, а появилась из-за страха перед неизвестностью и общего недоверия создателям экономической политики государства.

Наряду с причинами, которые мы только что привели, дефициту в магазинах способствовала и «ловкая» мера государства, замышлявшаяся как средство борьбы с денежным хаосом. Как оказалось, члены правительства были осведомлены о ситуации, которой сами счастливо избежали, поэтому после августовской инфляции в 1880% они приняли решение о замораживании цен. После этой меры

в секторе цен наступило относительное затишье, ибо их рост в сентябре составил каких-то 643%, а в октябре – разумных 1 896%, дефицит на рынке возрос. Несчастные работники торговли, разумеется, среагировали единственным здравым способом: они отправили товар на склады, не желая продавать его за бесценок. Тогда началась «всеобщая» (в действительности выборочная) травля их самих и облава на их товары; государственные СМИ педантично фиксировали практически каждый случай сокрытия товара и обнаружения различных «потайных» складов; дикторы государственного телевидения целыми днями сообщали общественности имена многочисленных нелегальных частников-спекулянтов, деятельность которых вскрыли надлежащие инспекционные органы. Однако, как и много раз раньше, силовые меры оказались тщетными против трезвого экономического расчета людей, поэтому, несмотря на давление государственных репрессий, магазины продолжали пустеть. Многие магазины временно закрывались, а их персонал, не занятый «учетом», дружными рядами «уходил в отпуск». В конце октября правительство окончательно признало свое поражение и отменило замораживание цен, решив контролировать только цены на отдельные виды продуктов и услуг. Но ноябрьская инфляция превысила 20 000%, в таких условиях дефицит невозможно устранить, а только смягчить при одновременном возникновении феномена «инфляции немецкой марки».

Денежный хаос сильнее всего поразил тех, чье существование зависело от регулярных персональных выплат.

В условиях гиперинфляции реальный уровень зарплат и пенсий зависел не от результатов труда, а исключительно от производительности денежной фабрики в Топчидере. Ударным трудом в три смены эта фабрика в день могла отпечатать максимум 1 900 000 штук купюр, из которых 300 000 предназначались для сербских краев. Рабочие в Топчидере воистину были великомучениками тогдашней власти. Они трудились без устали, а все критиковали результаты их работы. И хотя день и ночь штамповались самые крупные денежные знаки, реальное количество наличных денег в обращении неудержимо снижалось. Например, во второй половине декабря 1993 г. не было ни одного момента, когда бы масса наличности превысила сумму в 5–6 млн. немецких марок. Количество (стоимость) свежотпечатанных наличных денег росло линейно, рост же цен и курса немецкой марки был экспоненциальным. По этой причине реальные средние недельные выплаты около 3,2 млн. трудящимся и пенсионерам в СРЮ лимитировались производительностью Топчидера практически суммой в 1–2 млн. немецких марок!

В конце 1993 г. динар был полностью вытеснен из практического употребления. Итак, власть, возглавляемая самыми бескомпромиссными борцами за национальные интересы, сделала так, что национальной валютой стала немецкая марка. Динары больше никому не были нужны, все стремились как можно скорее от них избавиться. Многие торговые точки перестали принимать у граждан и чеки. Доверие внушала только немецкая марка. Между тем истощенное двухлетней инфляцией население продавало эту валюту мелкими суммами, а покупало и того меньше. Уличные дилеры, которым раньше и в голову не приходило торговать мелочью, вынуждены были приспособиться к новой ситуации и обеспечить достаточное количество монет, чтобы отсчитывать сдачу обнищавшим продавцам валюты. Это сделало возможным ввести в обращение в мелких расчетах и немецкие пфенниги. Гиперинфляция окончательно обесмыслила вызвавшую ее причину. В условиях вопиющей бедности у народа хватило сил не пасть духом. Всю свою боль он выражал и

заглушал песнями. В этом населению от души помогали отечественные СМИ, транслируя народную музыку в новой аранжировке, смирившую недовольство и гасившую помыслы о бунте. После римейков отдельных популярных номеров еще времен Тито (к примеру, «Хоть я беден, но люблю жизнь») огромным успехом у публики пользовалась по-новому аранжированная песня с хитом-рефреном: «Друг, у меня нет ни денег, ни счастья». Окрыленные успехом, композиторы множили песни на подобную тематику (во вдохновении недостатка не было), а СМИ их усиленно передавали, стараясь хоть как-то угодить населению, в большинстве своем проводившему вечерние часы перед экранами телевизоров, так как мало кто мог себе позволить выйти в город. Помимо воздействия через музыку на души и сознание граждан, на ТВ шла активная скрытая пропаганда: политические энтузиасты неустанно и очень настойчиво обращались к народу. Результат такого насыщенного, но дозированного идеолого-культурного «седативного средства» оказался неожиданно удачным для правящей партии, державшей под жестким контролем все ведущие отечественные СМИ: вопреки пагубным последствиям денежного хаоса и общего отчаянного положения в государстве она одержала очень легкую и убедительную победу на декабрьских парламентских выборах (1993 г.). Как оказалось, многим избирателям гораздо легче было поверить собственным ушам, нежели глазам.

Эпилог

Пелена спала 20 ноября 1923 г. Как и за год до этого в Австрии, конец инфляции наступил внезапно; немецкая гиперинфляция завершилась поразительно легко. Может быть, она закончилась именно потому, что не могла длиться вечно. В тот день, 20 ноября, было объявлено об изъятии из обращения старой рейхсмарки. Вводилась новая национальная валюта – рентенмарка. Одна рентенмарка заменяла миллиард старых рейхсмарок. Новая валюта объявлялась конвертируемой и обеспечивалась землей и другой государственной собственностью Германии. Речь, конечно, шла о своего рода фикции: в обстановке творившегося тогда экономического хаоса превратить земельные и промышленные активы в реальные деньги можно было только теоретически, поэтому любой немец, рассчитывавший на это, в серьезных официальных кругах считался повредившимся рассудком. Вся комбинация, однако, неплохо сработала. Помогло стечение обстоятельств.

В тот же день, когда старая марка ушла в прошлое, 20 ноября 1923 г. по странному совпадению скончался президент Рейхсбанка Рудольф Хавенштайн. На его место был назначен Яльмар Шахт, который быстро приобрел репутацию творца чуда, сотворенного рентенмаркой. Шахт слыл экономическим чудотворцем очень долго. Согласно популярному мифу, он был финансовым гением, спланировавшим экономическое обновление Германии в правление Адольфа Гитлера, создавшим финансовую базу для нового вооружения страны и вершившим немецкую экономическую политику в первые, успешные для Германии, годы Второй мировой войны. Мало кто получил столь коварную награду за свою финансовую репутацию: благодаря ей о Шахте пошла молва как о жизненно важном орудии злодейств Гитлера, в результате чего он оказался на скамье подсудимых на Нюрнбергском процессе. Таким образом, в который раз магия денег оказалась роковой для того, кто пытался повелевать ими.

Феномен и репутация Шахта, как, впрочем, и многие другие экономические феномены, стали воистину плодом случайности, того обстоятельства, что он оказался в нужное время в нужном месте. Если бы давление на немецкий центральный банк насчет денежной эмиссии без погашения продолжилось и после 1923 г., никто не мог бы поручиться за спасение ни новой марки, ни

авторитета Шахта. Но население, пережившее все ужасы гиперинфляции, неожиданно поверило в новые деньги и готово было принять любой миф, который подкрепил бы эту веру, так что стабилизация стала возможной и осуществимой.

Двадцать один год и несколько месяцев спустя группа американских экономистов прибыла в Германию для анализа негативного воздействия войны на ее экономику; помимо прочего, они встречались с экс-президентом Рейхсбанка Шахтом, отбывавшим заключение под Франкфуртом, в специальном изоляторе для высокопоставленных руководителей Третьего рейха. Шахт утверждал, что в годы фашизма не имел практически никакого влияния на события. По его словам, ему не удавалось убедить Гитлера, что немецкий бюджет необходимо уравновесить, что следует ограничить банковские кредиты и в целом строго придерживаться неизменного, вечного закона ортодоксального ведения денежной политики. Американские специалисты вернулись домой с убеждением, что Шахт не лгал, что он действительно человек ограниченного и устаревшего склада ума, который, судя по всему, и вправду не мог оказать ощутимого влияния на гораздо более прагматичную национал-социалистскую экономическую политику немецкого Рейха. Позднее и суд пришел к аналогичному заключению и оправдал Шахта.

* * *

Если читателю предыдущих строк показалось, что он случайно заглянул в эпилог какой-то другой истории, он прав лишь отчасти. Действительно, вышеизложенное является фрагментами книги Д.К. Гэлбрайта «Деньги: откуда они приходят и куда они уходят», относящимися к концу немецкой гиперинфляции. Между тем сходство с завершением югославской гиперинфляции столь разительно, что мы не могли их не процитировать. Вообще говоря, у всех гиперинфляций в экономической истории начало было схожим, протекали они специфично, а заканчивались одинаково.

Югославская гиперинфляция неожиданно прекратилась 24 января 1994 г. с применением старого, отработанного средства. Была произведена замена денег: в обращение пущен новый динар, который приравнялся к 12 млн. старых. Курс новой валюты относительно немецкой марки устанавливался 1:1, новый динар объявлялся конвертируемым, гражданам предоставлялась возможность свободной купли-продажи валюты в банках. Между тем эта конвертируемость была односторонней и по сути фиктивной. На тот момент государство располагало валютными резервами на сумму в 300 млн. немецких марок, но это мало кому что-то говорило. Населению разрешалось продавать валюту государству без каких-либо ограничений, а вот покупка лимитировалась административным ограничением: в день можно было купить не более 100 марок. Разумеется, поначалу никто и не стремился покупать валюту, так как новых динаров катастрофически не хватало, тем более что процесс внедрения новых денег только начался. В банках выстраивались длинные очереди жаждущих продать свои валютные запасы, чтобы приобрести деньги на насущные нужды. Валютный резерв страны постепенно рос. Совершалось новое экономическое чудо.

К величайшему изумлению населения, до той поры убежденного, что конец гиперинфляции не наступит никогда, цены стали падать. Боязнь поверить в новую ситуацию вскоре сменилась всеобщим воодушевлением, восторгом и безграничным оптимизмом относительно будущего. Хотя снижение цен объяснялось тем, что денежная реформа и прекращение лавинообразной эмиссии остановили гиперинфляционные ожидания производителей и работников торговли, а также тем, что предусмотренный в ценах валютный курс на 60–100% превышал установленный 24 января, то есть

цены снизились в результате адаптации к новым паритетам, сам факт их снижения чрезвычайно благотворно сказался на психике граждан. После длительного периода неизвестности люди хотели стабильных денег, в которые они могли бы верить и которые не были бы мертвым грузом. Их инстинктивная вера была настолько сильна, что мастеру политического маркетинга не составило большого труда создать новый миф о чуде. Этот миф поддерживался еще и тем, что победа над гиперинфляцией была одержана исключительно внутренними силами, без зарубежного вмешательства, в условиях экономической блокады и вопреки продолжавшейся войне на территории бывшей СФРЮ. Удивительно, что мифотворцам и народу в тот момент вовсе не помешало то, что совсем недавно те же факторы считались единственными причинами, вызвавшими страшную двухлетнюю гиперинфляцию.

Подобно тому как когда-то в Германии, заслуга экономического волшебства, создавшего новый динар, была приписана его учредителю и промоутеру, вновь избранному председателю Народного банка Югославии 75-летнему профессору на пенсии, бывшему эксперту Мирового банка Драгославу Аврамовичу. По невероятному совпадению в тот самый день, когда был назначен новый председатель НБЮ, 2 марта 1994 г., умер бывший председатель Борислав Атанацкович. Таким образом, совершив виток, история вновь сыграла злую шутку с судьбами отдельных людей и целого народа.

Вскоре Аврамович приобрел репутацию «чудесного доктора» финансовой системы страны. Новую валюту, его творение, отечественные СМИ прозвали «супердинаром», а вслед за тем и сам председатель НБЮ приобрел прозвище «супердедуля». Население, испокон веков обожавшее мифических героев, с готовностью восприняло рождение нового идола. Аврамович был осиян ореолом славы и со всех сторон осыпан почестями.

Понятно, что во всем этом было преувеличение. Основной замысел прозорливого Аврамовича заключался в фиксировании курса нового динара по отношению к немецкой марке как 1:1. Это, несомненно, сильнейшим образом воздействовало на психику граждан, привыкших во время гиперинфляции осуществлять финансовые операции в немецкой валюте. Кроме того, замена денег и формальная конвертируемость динара способствовали снижению инфляционных ожиданий.

Разумеется, в такой ситуации психология не помогла бы, если бы государство внезапно не приняло решение о прекращении лавинообразной денежной эмиссии. Когда это произошло, гиперинфляция прекратилась сама по себе, после чего начался рост производства, обратный эффект Танзи – Оливера, и государственный бюджет стал понемногу уравниваться.

Между тем гиперинфляция оставила глубокий след, и от ее последствий СР Югославии нелегко было избавиться. Многолетняя экономика деструкции набросила тень на все ключевые рыночные категории. Она полностью ниспровергла институт частной собственности, чему во многом способствовала спекулятивная деятельность различных парастатусных институций – банков, сберкасс и предприятий, представлявшихся общественности как частные. Принятие закона о приватизации в условиях астрономической гиперинфляции привело к вопиюще несправедливым решениям, что впоследствии послужило противникам частной собственности дополнительным аргументом для полного отрицания ее преимуществ. Конечно, коммунистическому режиму в Сербии всерьез никогда не было дела до развития частной собственности, это расходилось с его принципами сохранения власти. Форсированием и цементированием общественной собственности на практике

власть постаралась, чтобы деньги «не испортили» людей и не настроили их против политических властителей, что неминуемо произошло бы в случае широкого распространения частной инициативы

Помимо частной собственности, создатели деструктивной экономики ниспровергли и важнейшие постулаты банковского дела. У наученного горьким опытом населения появилось предубеждение к сберегательным вкладам в банки, займам и другим видам изъятия свободных денежных средств. Отдавая себе отчет, что общее недоверие к банковской системе приведет к множеству нежелательных последствий, власть на совесть потрудились, чтобы хоть как-то смягчить эффект своей несправедливой миссии в предшествующий период. Так, например, было принято решение о пересчете стоимости облигаций займа для экономического возрождения Сербии, который гиперинфляция полностью обесценила. К сожалению, эта мера только подтвердила известную народную мудрость «как волка ни корми, он все равно в лес смотрит». Напомним, что на счет этого займа население перевело порядка 130 млн. немецких марок в динарном эквиваленте. Но, применив некую специфическую формулу высшей математики, правительство высчитало, что сумма государственной задолженности составляет 40 млн. немецких марок. С учетом финансовой ситуации, которая, как всегда, в этой стране была объективно тяжелой, в конце концов решили, что гражданам хватит и 24 млн. динаров из бюджетных денег. Таким образом, речь шла о по крайней мере тройном обмане: во-первых, неправильно рассчитан долг государства; во-вторых, правительство великодушно предложило выплатить населению менее 60% от этой неправильно рассчитанной суммы; в-третьих, правительство мудро решило выплатить в пять раз меньшую сумму из государственного бюджета – то есть из денег налогоплательщиков, которые, по сути, являлись заимодавцами. То, как большинство отечественных СМИ прокомментировало этот жест доброй воли со стороны правительства, очень интересно и психологически показательным для постгиперинфляционного периода. Ведущее издание в стране писало: «Оказав помощь своими сбережениями экономическому развитию страны, ожидать, что страна вовремя вернет долг, а ныне получить только половину займа, выглядит как большая несправедливость. Но, учитывая все события, произошедшие в стране за последние несколько лет, особенно в прошлом году, когда у вкладчиков была отнята последняя надежда, этот жест республиканского правительства можно трактовать и как дар государства, которого никто не ожидал». Видимо, народ надо было довести до нищенства, чтобы он оценил своих щедрых правителей.

Интенсивная деструкция экономики разрушила югославское общество. Народ ограбили и материально, и духовно, отняли у него право на нормальную жизнь. Ненормальные явления стали в порядке вещей, убита здоровая экономическая логика, общество криминализировалось. Люди свыклись с теневой экономикой и черным рынком, финансовые спекуляции и злоупотребления в условиях недействующей правовой системы привлекали больше, чем честный труд, а дача взяток и уплата различных комиссионных стали неотъемлемой частью существования как богатых, так и бедных. Создалась атмосфера, исказившая сознание и психику людей. Народ воспринимал стояние в очередях как объективную реальность, отвык от труда и жизни по результатам этого труда, стал невосприимчив к любым обманам и несправедливостям, идущим от государства, и готов был переносить любые лишения, невзирая на цели. Краски сгущали государственные СМИ, всегда готовые тяжелейшие национальные поражения обратить в эпохальные триумфы, способные

глупейшие экономические меры представить как самые рациональные и даже убедить общественность в их полном соответствии светлым принципам рыночной экономики. Очевидно, что в подобных общественных условиях твердая уверенность, добрые намерения и несокрушимая воля председателя НБЮ Аврамовича не могли быть достаточным залогом его успеха. К счастью, власть оказала ему решительную поддержку. В высших эшелонах наложили суровый запрет на бесконтрольную денежную эмиссию (без погашения) и пришли к соглашению, что в дальнейшем государственный бюджет будет пополняться из реальных источников. Помимо этого, постановили раз и навсегда покончить с «теневой эмиссией», поэтому институции, в предшествующий период участвовавшие в несанкционированных финансовых операциях, постепенно упразднили. Сначала были закрыты народные банки республик и краев, затем ликвидирована Служба безналичных финансовых операций и Казна федерации. Власть предстала в новом и значительно более привлекательном облике. Решимость довести до конца денежную реформу доказывалась во всем и на всех общественных собраниях. Даже сам президент СР Югославии Зоран Лилич всерьез объявил, что попытка «срыва экономической программы будет рассматриваться как тяжкое уголовное преступление» .

Хотя после 24 января 1994 г. произошли значительные сдвиги в денежной сфере, в реальном секторе экономики практически ничего не изменилось. Однако Аврамович был твердо уверен, что инъекция здоровых денег в большую экономику сама по себе окажет исцеляющее действие. Была развернута кампания по реанимации производства путем краткосрочных банковских кредитов. Между тем эти кредиты выделялись сообразно традиционному духу банковского дела времен реального социализма, неселективно (главными заемщиками были крупные и нерентабельные общественные предприятия), без серьезной оценки финансово-экономической рентабельности и риска возврата средств. Помимо этого, банкам предписывалось предоставлять кредиты по фиксированной процентной ставке максимум 9% в год. Конечно, большинство банков приняло это предписание безоговорочно, понимая, что за ним стоит гораздо более серьезная сила, чем аргументы председателя НБЮ Аврамовича. Желая задобрить власть имущих и одновременно угодить им, некоторые уполномоченные государственные банки предоставляли кредиты, превышавшие их кредитоспособность, в результате чего оказывались в минусе. Но, несмотря на это, результат финансовых вливаний был на первый взгляд впечатляющим: промышленное производство, которое в предшествующий период практически полностью стояло, начало расти, в отдельные месяцы достигая десятков процентов роста. Странно, однако, что мало кому приходило в голову, что это всего лишь логическое последствие резкого прекращения гиперинфляции, которая душила всякое производство, даже не зависевшее от импорта-экспорта. Так или иначе, рост промышленного производства общественность приписывала колоссальному успеху программы Аврамовича и относила к разряду невиданных экономических чудес, несмотря на то что уровень, относительно которого этот рост измерялся, был исключительно низким, фактически нулевым . Мало кто не восхищался экономическими переменами (пусть с известной долей осторожности). Среди пессимистов, которых высмеивали и над которыми злорадствовали, оказался еженедельник «Экономическая политика», сравнивший рост промышленного производства с пресловутым медицинским фактом – «И у покойника ногти растут» .

Вопреки непоколебимому оптимизму и обаянию, которые излучал Аврамович во время

многочисленных выступлений перед общественностью, наряду с ростом промышленного производства увеличивалась и неликвидность банков. В начале июля около 80 из 100 югославских банков оказались в минусе. Предприятия, в предыдущий период научившиеся жить в долг, и не думали возвращать кредиты, зная, что против них не будут применяться санкции. Отговариваясь сомнительными причинами, в силу которых они не в состоянии выполнить обязательства перед банками, и преподнося их как объективные, должники настоятельно просили новых и больших кредитов. Но банки, кредитный резерв которых не пополнялся, не могли тут же удовлетворить эти просьбы и искали помощи у НБЮ, требуя уменьшить ставку обязательных резервов и предоставить кредит для обеспечения ликвидности на более выгодных условиях, чем раньше. Председатель НБЮ Аврамович, стяжавший тем временем славу чудотворца и популярность в народе, под закат своих дней не мог отказать себе в удовольствии продлить эти дивные грезы. Вероятно, уступая также нарастающему давлению со стороны политического истеблишмента, он постепенно отпуская поводья денежной политики. В конце концов вопрос ставился не о кредитовании, а о субвенции нерентабельной экономики эмиссией денег. НБЮ даже перестал скупать ценные бумаги крайне нерентабельных учреждений и общественных предприятий, финансируя тем самым их неэффективность. Помимо этого, в конце июня 1994 г. вновь появилась разница в курсах, что также означало спекулятивную мотивацию лоббирования заемщиков и породило новую волну фиктивных импортеров, чьей основной целью было паразитировать на разнице курсов.

Упорно взбадривая производство описанным способом и все еще теша себя надеждой, что процесс денежной реформы не завершился, НБЮ выпускал все больше денег без реального погашения. В основном эти деньги уходили в спекулятивные каналы или в номинально растущие зарплаты работников общественных предприятий, большинство которых находилось в принудительных отпусках. Финансовая недисциплинированность принимала все больший размах, а вместе с этим нарастал и квазифискальный дефицит, предвещая новую инфляцию. Предприятия изворачивались, как могли, лишь бы не выплачивать ранее взятые кредиты. Очень часто они открывали по несколько расчетных счетов в разных банках одновременно, уходя из тех банков, где у них был долг и гарантии по валютным кредитам, и получая новые кредиты в тех банках, которым они еще не были должны. И без того хрупкие валютные резервы страны начали неудержимо таять. Учитывая, что номинальные персональные выплаты населению значительно увеличились, а официальный валютный курс остался без изменений, повысилась и способность граждан покупать валюту. Уже в середине 1994 г. в банках шел процесс, обратный тому, который наблюдался на старте программы «чудесного доктора». Теперь мало кто стремился продать свою валюту, наоборот, все валюту покупали. Поняв, что валютные резервы испаряются, а спрос населения растет, банкиры прибегли к одному весьма необычному трюку.

Они внезапно прекратили продажу самой востребованной валюты – немецких марок и американских долларов – под предлогом ее отсутствия в сейфах. Взамен же гражданам галантно предлагали экзотическую валюту – испанские песеты, японские иены, датские кроны и т. д. Но после кратковременной настороженности граждане стали скупать и «экзотическую валюту», так что в начале осени 1994 г. пришлось полностью прекратить свободную продажу валюты. Новый динар лишился своей ограниченной конвертируемости.

Тем временем промышленное производство, ради которого было пожертвовано стабильностью и

конвертируемостью нового динара, стало хиреть, его уровень в 1994 г. был всего на 1,2% выше, чем в период гиперинфляции 1993 г. Председатель Аврамович сталкивался со все более серьезными проблемами, которые ему пока удавалось искусно скрывать от общественности. Просто непостижимо, с какой энергией и вдохновением «супердедуля» убеждал журналистов и экономистов в том, что расход бюджета с середины 1994 г. финансируется исключительно из реальных источников и нет никакой опасности возобновления инфляции, при этом искренне изумляясь, что кто-то и после его заверений рвался скупать валюту. Наверное, Аврамович знал тогда, что обманывает не только народ, но и себя. А после этого произошло нечто, что должно было развеять розовый туман, в котором пребывал председатель НБЮ, насчет стабильных денег, а также развенчать все его надежды на воплощение этой мечты в существующей общественно-политической ситуации. Спустя всего десять дней после громкого заявления об ответственности за попытку срыва экономической программы государство (вероятно, за спиной Аврамовича) осуществило значительную «теневую эмиссию»!

Случилось это в середине октября 1994 г., после почти годичного перерыва, по каналам, применявшимся во времена гиперинфляции. Судя по всему, тогда было эмитировано по меньшей мере 150 млн., а по некоторым данным, 450 млн. «теневых» динаров. Как следствие этого «тяжкого уголовного преступления» вновь взвился валютный курс на черном рынке, достигнув в некоторых городах соотношения 2,2:1 с немецкой маркой. «Теневая эмиссия» неизбежно вызвала рост цен. Первыми выросли цены на бензин, нелегальная продажа которого открыто велась на улицах. Так, 22 октября цены на «super» неожиданно подскочили с 3 до 6 динаров за литр. На эти события сбитые с толку СМИ реагировали растерянно, и общественность так и не узнала, что же произошло на самом деле. Один журналист из «Политики», например, удивленный и озадаченный происходящим, причиной роста цен счел сильную «кошаву» (северо-восточный ветер с низовьев Дуная. – Прим. переводчика) на югославско-румынской границе, заставшую контрабандистов за работой и сократившую поставки горючего во внутренние районы страны. Между тем все споры и сомнения разрешил лично Драгослав Аврамович, заявив, что «направил просьбу Службе безналичных операций о прекращении всех кредитов, которые до тех пор предоставляли казна республики и государственные органы. Речь идет о кредитах, которые они предоставляли банковскому сектору, в то время как банкам предписывалось остановить предоставление кредитов республиканским и союзным бюджетам и другим бюджетам и фондам». Тем, кто был хорошо знаком с югославской экономикой деструкции и усвоил ее уроки из периода гиперинфляции, не составит труда понять заявления председателя НБЮ.

Драгослав Аврамович оказался в той же ситуации, что и некогда Анте Маркович. Так же как и Марковичу, Аврамовичу не хватило сил оставить свой пост с чистой совестью, прежде чем корабль вместе с рулевыми пошел ко дну. Как и многим известным людям до него, ему, вероятно, помешали тщеславие, необоснованный оптимизм и непреодолимое желание любой ценой сохранить статус человека, творящего чудеса, ведущего к неугасимой исторической славе. Понимая позицию Аврамовича и его внутренние порывы, я искренне надеюсь, что столь амбициозного и благонамеренного человека не постигнет судьба президента немецкого Рейхсбанка Шахта. Хотя сомневаюсь, что история могла бы повториться в таких подробностях. Но и Монтеスキе сомневался в силе Макиавелли, был уверен, что люди способны распознать и помешать любой игре, которая

ведется против их здравого рассудка, верил в борьбу человека против манипулирования, против лжи о необходимости, был убежден, что угнетаемый восстанет против гонений во имя свободы и сохранения мира, но опять оказалось, что это был лишь самообман и вызов безнадежности.

«The show must go on!»

Перевод Евгении Потехиной

Силвано Болчич

Миграция рабочей силы и «утечка мозгов» из Сербии в 90-е годы

Во всем мире, и особенно в Европе, 90-е годы прошли под знаком «новых миграций» (Morokvasic and Rudolf, 1996). Новыми они считаются по тому, что их обусловило, по характеристикам мигрантов и в особенности по характеру самих миграций. Потому что теперешние миграции все чаще представляют собой разновидность мобильности рабочей силы, а не «эмиграцию»- «иммиграцию» населения. Новые миграции, особенно в рамках Европы, означают пересечение государственных границ (не обязательно «эмиграцию»), временный отъезд из дома в целях повышения качества жизни семьи в той среде, в которой не получается жить так, как бы хотелось. Имеются в виду частые миграции в смежных по территории странах Восточной и Западной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Германия, Венгрия, Австрия, Хорватия, Словения, Италия и т. д.) Эти страны составляют особое «миграционное пространство», не разграниченное, а пересеченное государственными границами. Многие классические для мигрантов вопросы (например, легально или нелегально они находятся на территории данной страны; временно или постоянно они там проживают; «адаптируются», «ассимилируются» ли мигранты в новой среде и т. д.) теряют свою прежнюю важность. Новые миграции чаще «маятниковые», в виде частых отъездов-приездов. Такие мигранты пребывают в данной среде, пока продолжается найденная работа, работают периодами и часто возвращаются «домой», чтобы потом вновь уехать. Опорой для новых мигрантов являются социальные «сети» родственников (земляков, знакомых, а также «отечественных» работодателей, у которых они работают), а не государственные филиалы (организации по трудоустройству и т. п.), которые в течение предыдущих десятилетий (60–70-е гг.) выступали посредниками в трудоустройстве работников за границей.

Миграции населения Сербии в течение 90-х гг. отличаются от миграций 60–80-х. Они стали носить явный массовый характер в виде вынужденного переселения большей части населения всех возрастов вследствие военных действий на территории бывшей Югославии. Но массовый характер носили и миграции работоспособной части населения молодого возраста (вследствие всеобщего крушения «нового» югославского общества в 90-е гг.). Значительная часть мигрантов из Сербии направилась в те европейские страны (Германия, Австрия, Франция, Швеция), где еще раньше (в виде временно-постоянных «отъездов на работу за границей») были созданы многочисленные общины «югославов». Но участились сейчас миграции (краткосрочные и долгосрочные) и в страны востока (Венгрия, Чехия, Словакия) и юга Европы (Греция, Болгария, Турция). Наконец, достаточно значительна и миграция в заокеанские страны (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, ЮАР). Туда преимущественно переселяются целыми семьями на постоянное место жительства.

Трудно судить о точных масштабах миграции из Сербии в 90-е годы из-за отсутствия достоверной информации (последняя перепись населения была в 1991 г., а в 2001 г. перепись не состоялась). В обществе преобладает уверенность в том, что все виды миграции носят массовый характер и что

уезжают в основном молодые и образованные люди. Некоторые публично объявленные оценки количества уехавших несомненно были преувеличены. Если при оценке размеров и характера миграций 1994 и 1999 гг. опираться на данные анкетирования, проведенного Институтом социологических исследований философского факультета в Белграде, то можно заключить, что в 90-е гг. из Сербии уехало (на «долгий срок», а многие, вероятно, навсегда) около 5% всего населения, что превышает показатели предыдущих десятилетий (1971 – 2,5%, 1981 – 3,6%, 1991 – 3,9%, – Račević, 1995. С. 101). Достоверность имеющихся данных опросов об объемах и характере миграций в Сербии довольно ограничена (респонденты подавали сведения только о двух членах семьи, уехавших в 90-е гг.). Интересно, однако, отметить, что во второй половине 90-х общий процент заявленных в опросах мигрантов выше, чем это было в первой половине 90-х (в августе 1994 г. – 2,6%, а в августе 1999 г. – 5% мигрантов по отношению к потенциальному количеству членов семей, в которых проводилось анкетирование). Таким образом, хотя вторую половину 90-х гг. мы можем назвать постдейтонским периодом, когда военные действия, в которые была вовлечена Сербия, в основном прекратились, миграции из Сербии, как следует из имеющихся данных, продолжились. В пользу этого факта говорят и данные о «предполагаемых» миграциях (об этом мы можем судить на основании ответов респондентов на вопрос «думаете ли вы об отъезде за границу?») за 1994 и 1999 гг.

Таблица 1 «Предполагаемые» миграции населения Сербии в 1994 и 1999 годах
(Думаете ли вы об отъезде (на долгий срок) за границу?)

Таким образом, если в первой половине 90-х около трети респондентов подумывали (серьезно или немного) об отъезде из страны, то во второй половине 90-х это количество составило уже почти половину всех респондентов (46%). Сравнительных данных по другим странам у нас нет, но вполне реально предположить, что в Европе, даже в непосредственном окружении Сербии, мало стран, где такое количество граждан хотело бы уехать из страны. Вероятно, столь широкая «предполагаемая миграция» также является одним из факторов, которые поддерживают преувеличенное общественное мнение относительно массовости реальной эмиграции из Сербии в 90-е годы.

Из ограниченных данных анкетирования, проведенного Институтом социологических исследований философского факультета в 1994 и 1999 гг., можно сделать выводы и о некоторых характеристиках мигрантов из Сербии в 90-е гг. Очевидно, что явное большинство мигрантов – молодые люди (в 1994 г. 62% составляли лица, родившиеся после 1960 г., это значит, что к моменту анкетирования им было менее 35 лет, а в 1999 г. эта группа мигрантов составила 63%). Если к этой группе мы добавим еще и родившихся между 1950 и 1960 гг. (а таких в 1999 г. было 28%), тогда очевидно, что среди мигрантов явное большинство (91%) составляют представители младшего и среднего рабочего контингента. Это значит, что Сербия в 90-е гг. теряла значительную часть своей лучшей потенциальной рабочей силы. В краткосрочной перспективе отъезд за границу работоспособных граждан мог уменьшить проблемы с трудоустройством в стране и помешать еще более выраженному росту безработицы, в отличие от официально зарегистрированной в Сербии в 90-е гг. В долгосрочной перспективе, если значительная часть уехавших за границу людей не вернется (для чего есть много причин), с учетом долгосрочно снижающегося естественного прироста населения эти миграции 90-х гг. могут обусловить недостаток рабочей силы (особенно квалифицированной) в Сербии в период нового подъема экономической активности.

Дополнительную причину беспокойности долгосрочными последствиями массовых миграций младшего и среднего работоспособного населения представляет факт, очевидно следующий из имеющихся анкетных данных, об уровне образования мигрантов, уехавших на долгий срок за границу в 90-е годы. Действительно, 90-е гг. в Сербии прошли под знаком не только миграции рабочей силы, но и людей с образованием (и с высшим образованием), то есть под знаком так называемой утечки мозгов. Об этом свидетельствуют данные таблицы 2.

Таблица 2 Уровень образования мигрантов из Сербии в 1990-е годы

Мобильность кадров с высшим образованием – явление общемировое, сопровождающее процессы транснационального развития («глобализации») науки, технологии, финансовых и других экономических трансакций. «Утечка мозгов» – один из видов этой мобильности, и раньше она представляла собой прежде всего многочисленные миграции лучших кадров из Европы в Америку, затем миграции лучших кадров из неразвитых стран Азии, Африки и Латинской Америки в Европу и США с 1995 г. Новая волна более массовой «утечки мозгов» началась в 90-е гг. из бывших социалистических стран Европы на Запад (в Европейский союз, Канаду, США, Австралию). В этой волне оказались и многие лучшие кадры из Сербии. Но помимо этих лучших специалистов, которые прежде работали в Сербии, а уехав на Запад, продолжили там работать по специальности (что изначально и подразумевает понятие «утечки мозгов»), из Сербии уехало много молодых людей с высшим образованием, которые и не начинали здесь карьеру по специальности и были вынуждены потом за границей, по крайней мере поначалу, выполнять работу намного меньшей квалификации, чем их специальность.

Эта вынужденная массовая миграция лучших специалистов стала частью общественного крушения в Сербии в 90-е гг. Это большая потеря не только для общества, но и для тех молодых людей, чьи продуктивные и креативные годы пройдут под знаком профессиональной деградации, застоя в работе по специальности, это высокая цена общественного регресса из-за плохих условий жизни в Сербии в 90-е гг.

Принимая во внимание данные таблицы 3, можно подумать, что процент «потенциальных миграций» по отношению к общему числу населения не столь велик, если серьезными «потенциальными мигрантами» считать только тех, кто ответил «серьезно думаю». Таких в 1994 г. было 11%, а в 1999 г. – 21%. Но если «потенциальными мигрантами» считать и тех, кто ответил «немного думаю об отъезде», тогда общее количество составит треть всех респондентов в 1994 г. (т. е. треть всего взрослого населения Сербии, если считать данную анкету показательной) и почти половину всех респондентов в 1999 г. Данные об увеличении вдвое процента тех, кто в 1999 г. (по сравнению с 1994 г.) «серьезно думал» об отъезде за границу, бесспорно должны настораживать. Эти данные наравне со многими другими говорят об ухудшении условий жизни в Сербии во второй половине 90-х гг., хотя номинально после Дейтонского соглашения были прекращены военные действия, а после реформы Аврамовича реально выросла заработная плата. «Массовый исход» из Сербии, реальный и потенциальный, таким образом, не прекратился, а продолжился и во второй половине 90-х гг.

Таблица 3 Потенциальные мигранты из Сербии в 1990-е годы

(Думаете ли вы об отъезде на долгий срок за границу?)

Как среди реальных, так и среди потенциальных мигрантов из Сербии преобладают молодые люди с высшим образованием и с более выраженными предпринимательскими наклонностями. Такая

тенденция была отмечена в первой половине 90-х гг., а в конце 90-х она стала еще более интенсивной. Об этом говорят данные таблицы 3.

Данные таблицы ясно показывают, что склонность к миграции более выражена у молодых людей (до 30 лет) со средним и высшим образованием и предпринимательскими наклонностями. В некоторых группах желающие уехать составляют около 3/4, а те, кто не думает об отъезде – оставшуюся четверть респондентов. Так, среди людей старшего возраста те, кто не думает об отъезде, составляют большинство, что понятно. Но интересно отметить, что по сравнению с серединой 90-х гг. тех, кто думает об отъезде за границу (серьезно или немного), в конце 90-х стало больше во всех возрастных группах, включая и людей среднего и пожилого возраста (41 и более лет). Этот факт нужно увязать с буднями сербского общества в конце 90-х, когда происходило долгосрочное падение уровня жизни вплоть до нищенского существования. Об этом свидетельствуют данные об оценке респондентами настоящего и будущего уровня их жизни в 1994 и 1999 гг.

Студенты подписывают петицию в поддержку Свободного Университета

Если такие оценки респондентов в основе своей реальны, то можно сделать следующий вывод: для граждан Сербии, живших из года в год все хуже и хуже, в 1999 г. по сравнению с 1994 г. нормальны более пессимистичные оценки будущего уровня жизни. Принимая это во внимание, становится понятно, почему в качестве одной из самых важных причин раздумий об отъезде за границу респонденты называют уверенность в том, что «в этой стране долго нельзя будет достичь желаемого уровня жизни» (так думали 34% респондентов в 1994 г. и 45% в 1999 г.). Среди других причин респонденты назвали следующие:

- за границей легче достичь желаемого уровня жизни (29% в 1994 г. и 17% в 1999 г.);
- за границей заработная плата соответствует выполняемой работе (14% в 1994 и 1999 гг.);
- за границей можно создать условия для надежного будущего детей (10% в 1994 г. и 12% в 1999 г.).

Таблица 4 Оценка респондентами уровня жизни в 1994 и 1999 годах

Источник: Анкеты Института социологических исследований философского факультета в Белграде, 1994 и 1999 гг.

Уверенность в том, что «за границей можно получить знания, необходимые для квалифицированной работы по своей специальности», респонденты высказывали реже (3% в 1994 г. и 7% в 1999 г.). Это значит, что работа по специальности и потребность в профессиональном развитии, являющиеся в развитых странах важными причинами для мобильности и миграции лучших кадров, «утечки мозгов» из менее развитых в более развитые страны, в Сербии 90-х гг. не являлись важным мотивом для миграции рабочей силы. По данным анкеты, из общего числа эмигрировавших в 90-е гг. респондентов половину составляли те, кто был трудоустроен в Сербии. Тогда логично предположить, что именно отсутствие перспективы «светлого будущего» в Сербии, которая в общественном плане разрушалась в течение десятилетия, стало важной причиной и для реальных миграций, и для массового потенциального «миграционного» обращения к заграничье, особенно среди молодежи. Медленный выход из состояния общественной разрухи (выраженной в основательном разрушении институтов всех сфер общественной жизни), замедленное, несмотря на политическую смену режима в 2000 г., выздоровление экономики Сербии и включение ее в современные эволюционные течения, замедленное реальное установление законов и основанных на них норм общественных действий – вот причины неуверенности людей в том, что в этой стране в

обозримом будущем можно будет жить нормально, как в других современных обществах. Из-за таких мрачных для Сербии перспектив невозможно ожидать прекращения тенденции к массовой миграции из страны, а тем более возвращения в Сербию тех, кто из нее уехал в 90-х. Таким образом, если миграции из Сербии в 60–70-е гг. имели ряд благоприятных краткосрочных и долгосрочных эффектов для общества и экономики страны, то массовые миграции преимущественно работоспособного населения в 90-е гг. будут иметь серьезные неблагоприятные долгосрочные последствия для общего развития Сербии.

Литература:

Bol?i?, Silvano (1995): «Izmenjena sfera rada» // Dru?tvene promene i svakodnevni ?ivot: Srbija po?etkom devedesetih / S. Bol?i?. Beograd: Institut za sociolo?ka istra?ivanja Filozofskog fakulteta, 79-108.

Laky, Terez (2000): Labor Market Report, 2000, National Center for Labor Research and Methodology, Budapest.

Morokvasic and Rudolf (ред.) (1996): Migrants: Les nouvelles mobilit?s en Europe. Paris: L' Harmattan.

Mundende and Chongo (1989): The Brain Drain and Developing Countries // The Impact of International Migrations on Developing Countries / R. Appleyard. Paris: OECD.

Ra?evi?, Mirjana (ред.) (1995): Razvitak stanovni?tva Srbije 1950–1991. Beograd: Centar za demografska istra?ivanja IDN.

Перевод Дарьи Костюченко

Слободан Цвейич

Неформальная экономика в условиях постсоциалистической трансформации: теневая экономика в Сербии 1990-х годов

1. Введение

Сфера неформальной экономики – одна из основных, где зарождался процесс распада командной экономики и деконструкции главного институционального механизма европейских социалистических обществ. Резкое разрастание этой сферы, необычная активность носителей экономической деятельности в неформальной экономике, а также разнообразные виды мимикрии теневых бизнесменов в институциональном вакууме и экономическом кризисе в период крупных перемен неминуемо привлекли внимание как специалистов, так и широкой общественности. Сербия в этом отношении не представляет исключения. С учетом некоторых специфических исторических обстоятельств, а именно социалистического экономического наследия, слабо развитого третичного сектора, войны в непосредственном окружении, экономических санкций ООН, продолжительной агонии протосоциалистической системы, а также опустошительных налетов Североатлантического альянса, можно было бы сказать, что Сербия представляет собой особый случай дуализации постсоциалистической экономики. В изучении теневой экономики, помимо объема, структуры и форм проявления, важное значение имеет динамический размер и возможность редукции этого феномена. Автор настоящей статьи пытается дополнить уже опубликованные исследования данными из экономической социологии. Результаты этих исследований (см., например, Mrk?i?, 1994; Bol?i?, 1995; Krsti? i dr., 1998; Sveji?, 2000) в тексте статьи будут представлены суммарно в целях обобщения проблемы неформальной экономики в Сербии в условиях постсоциалистических изменений.

2. Выводы социологического анализа теневой экономики

Теневая экономика – феномен не новый ни в эмпирическом, ни в научном отношении. Начиная с экономического кризиса 70-х гг. прошлого века это явление зафиксировано во всех типах экономических систем, на всех уровнях экономического развития и во всех крупных мировых культурах. Тем самым и результаты специальных исследований, экономические, социологические и антропологические, кумулируются и глубже проникают в структуру проблемы. Этим же определяется и попытка представить неформальную экономику в Сербии в конце XX века. Что касается теории, то между жестким ортодоксальным экономическим подходом, достигшим апогея в дефиниции Международного бюро труда (ILO), рассматривающего теневую деятельность как исключительную и связывающего такого рода деятельность с урбанистической средой, низким уровнем образования, чрезмерной эксплуатацией рабочей силы и нерегулируемым рынком в неразвитых экономиках, и противоположной точкой зрения, согласно которой неформальная экономическая деятельность является моделью существования в условиях нехватки рабочих мест, народный ответ на жесткую «меркантилистскую» политику в Латинской Америке (E. de Soto) путем проникновения действительных рыночных сил в экономику, скованную государственной регуляцией (A. Portes, 1994:427), возник «срединный подход», относящийся к теневой экономике дифференцированно. Согласно этому подходу, к неформальной экономике относятся все доходные виды деятельности, не регулируемые государством, в обществе, где подобные виды деятельности регулируются (Castells and Portes, 1989:12). Необходимо отличать неформальную экономику от нелегальной, недекларируемой и незарегистрированной экономической деятельности. Но поскольку эти формы могут пересекаться, следует выделить отличительные признаки нелегальной экономики. Нелегальная экономика включает в себя производство и оборот товаров и услуг, запрещенных законом. Уточненное определение неформальной экономики подразумевает все виды экономической деятельности, избегающие затрат и не защищенные законом и административными правилами, регулирующими отношения собственности, торговые права, трудовые соглашения, кредитование и систему социального страхования (Feige, 1990, Portes, 1994:428). Но если попытаться дать краткое и более емкое определение неформальной экономики, то мы неминуемо столкнемся с трудностями как из-за скрытости теневой экономической деятельности, так и из-за огромного ее разнообразия, связанного со специфическими особенностями конъюнктуры. То же самое касается и методов измерения размеров неформальной экономики (Mrk?i?, 1994:23–27; Krsti? i dr., 1998:15–19). В силу этого бесполезно было бы рассмотреть последствия, мотивы и цели ухода в теневую экономику. И хотя в некоторых случаях последствия теневой экономики могут оказаться позитивными (снижение уровня бедности, поддержание пульса экономики, дерегуляция рынка, даже сегментированный экономический рост), все же чем интенсивнее неформальная экономика, тем больше негативные последствия превалируют над позитивными (экономический спад, стихийность и ненадежность в осуществлении трудовой деятельности и найма; Krsti? i dr., 1998:1).

Основные мотивы ухода в область теневого рынка следующие:

- 1) отсутствие/недостаточность легального рынка (например, неэффективность в условиях командной экономики, оскудение при экономическом кризисе);
- 2) слишком крупные затраты и риски, связанные с деятельностью на легальном рынке (высокая ставка налогообложения, коррупция, нерегулируемый имущественный статус, неэффективное администрирование);

3) небольшие затраты/риски, связанные с деятельностью на неформальном рынке (неэффективная политика штрафов, слабо развитый социально-культурный капитал).

Возможны и комбинации этих трех мотивов.

С учетом целей различаются три типа неформальной экономики:

- прожиточная неформальная экономика, при которой отдельный человек или хозяйство производят основные продукты питания или предлагают свои услуги на рынке;
- неформальная экономика зависимой эксплуатации, характеризующаяся неофициальным наймом сотрудников в условиях повышенной менеджерской гибкости и при уменьшенных затратах на оплату труда;
- неофициальная экономика роста, в которой доминирует организованная аккумуляция капитала со стороны мелких фирм, базирующихся на солидаристских отношениях, повышенной гибкости и уменьшенных затратах (Portes, Castells and Benton, 1989). В реальных обстоятельствах три этих типа не могут возникнуть одновременно. Кроме того, некоторые черты первого типа, изначально соотносимые с бедными обществами, сейчас можно распознать и в развитых обществах, что во многом объясняется влиянием постматериалистической системы ценностей. В процессе социализации в более богатой и надежной среде ориентированность на самообеспечение и самоподдержку рассматривается как позитивная черта идентичности (Tulhofer, 2000:130).

Введение культурных элементов в трактовку экономической деятельности – один из важнейших вкладов социологии в исследования этой проблемы (Di Maggio, 1994). Этот подход описывает два основных течения сегодняшней экономической социологии: одно концентрируется вокруг общественных институций, а второе фокусируется на концепции зависимости от предшествующего пути развития (path dependence) (Stark, 1992) или на понятии включенности экономики в общество (embedded-ness) (Granovetter, 1985). В этом смысле теневая экономика, как и в целом постсоциалистическая институциональная трансформация (см. Eyal, Szelenyi and Townsley, 1998:15–16), считается зависимой от развития институционального окружения в данной экономике и определяется укорененностью теневых предпринимателей в их специфичном социальном окружении. Систематизация влияния культурных элементов на социальную (а тем самым и на экономическую) деятельность позволила выделить понятия социального, культурного и социокультурного капитала. В исследовании А. Штулхофера (A. Tulhofer), посвященном хорватскому опыту «транзиции», социокультурному капиталу (СКК) отведено центральное место. Согласно этому автору, социокультурный аспект, приведенный в действие механизмом социокультурного капитала, играет роль катализатора общественных перемен (Tulhofer, 2000:87). Слабым сторонам аспектов социокультурного капитала приписывается (отдельно взятое или в комбинации с элементами макроэкономической политики) решающее влияние на разрастание неформального сектора, коррупции и криминала (там же: 86, 109). СКК – интерперсональная реальность доверия, взаимодействия и ограниченной солидарности, следовательно, и их дефицита, то есть совокупность доминантных норм, ценностей и доверия в рамках определенной общественной группы, которые передаются через социализацию. Аналитический подход, объединяющий понятия зависимости от предшествующего пути развития и включенности экономики в общество, утверждает значимость упомянутых неформальных институций (доверие, взаимодействие и ограниченная

солидарность). Они служат не только структурным ограничением экономической деятельности, но и моральной сферой, где берут начало (или блокируются) общественные перемены, и участвуют в создании формальных институций. Формальные институции (законодательные, исполнительные, образовательные, политические, экономические) оказывают обратное воздействие на институции неформальные. Неформальные институции поддерживаются социализацией и инерцией, то есть обладают исторической преемственностью. Их устойчивость проявляется в периоды изменения идеологических систем, а основывается на перцепции функциональности, то есть на той мере, в которой они обеспечивают успешность интеракции. Эта инструментальность неформальных институций не может иметь в качестве исхода экономическую оптимальность (там же: 58, 81–82).

Три основные неформальные институции имеют следующее значение:

- 1) доверие – вероятность того, что одна сторона в процессе интеракции припишет другой стороне кооперативное поведение (Hwang and Burgers, 1997:67);
- 2) взаимодействие в переплетении общественных интеракций с точки зрения временной перспективы обеспечивает продолжительность кооперативных отношений, налагая обязательства на носителей интеракции;
- 3) ограниченная солидарность базируется на основополагающей норме общения и подразумевает готовность одной из сторон отказаться от части собственной выгоды в пользу других участников интеракции (там же: 84).

В связи с вышесказанным Штулхофер отмечает, что механизм транзитивной аномии заключается в разрушении базовых неформальных институций, следовательно, в снижении взаимодействия и доверия между участниками интеракций, вызванном прежде всего появлением новых возможностей некооперативного поведения, особенно для представителей элиты. Подобная ситуация есть прямое следствие нарастания оппортунизма и иерархической нелояльности в социализме за счет горизонтального доверия и лояльности (там же: 92). Деление институций на горизонтальные и вертикальные проистекает из их основной направленности на три цели: 1) уменьшение транзакционных затрат, 2) уменьшение эффекта индивидуальной иррациональности (рациональное профилирование коллективной акции) и 3) поддержание иерархической мощи структуры.

Горизонтальные институции направлены на первые две цели, а вертикальные подчиняют их третьей. Природа институциональной организации общественных групп или сообществ влияет и на характер институциональной перемены: там, где доминирует горизонтальная институционализация, перемены преемственны и основываются на адаптации к изменениям в окружении; а в преимущественно вертикально институционализированных общественных группах перемены прерывисты и носят взрывной характер вследствие медленного восприятия внешних перемен и иерархизированного (замедленного) протока информации (там же: 70–72).

Таким образом, реалистичный подход к проблеме неформальной экономики подразумевает многоаспектное и многоуровневое исследование. Если задуматься о границах теневого сектора, то первый возникающий вопрос: возможно ли существование неформальной экономики как автономной системы? В другой формулировке этот вопрос звучит так: устойчива ли автономная экономическая система, в которой государство не играет никакой роли и где экономическая деятельность субъектов является стихийной, а экзистенциальное обеспечение зависит от прямого обмена товаров и услуг? На первый взгляд этот вопрос может показаться тривиальным в контексте

модернизационных достижений современного мира. Однако нельзя упускать из виду, что существуют государства с очень низким уровнем институционального развития, в которых стабильные элементы государства проявляются исключительно в контрольно-принудительных институтах, а также тот факт, что иногда формируются и исторически специфичные конъюнктуры, в которых государства на высшей ступени институционального развития перенимают экономические механизмы слаборазвитых стран, естественно, с более сложной системой реализации. В качестве примера институционально слабо развитых государств можно привести хищническую систему Заира при длительном правлении режима Мобуту Сесе Секо (Evans, 1989, цитируется по Portes, 1994:432). Заирское государство деградировало до скопища должностей, свободно покупаемых и продаваемых, основной целью которых было извлечение прибыли из фирм и населения. Государство, таким образом, полностью абстрагировалось от экономических течений и само стало предметом (квази)рыночной конкуренции. Тем самым обозначились границы между двумя экономическими системами, формальной и неформальной, следствием чего стала неконтролируемая эксплуатация природных и экономических ресурсов, а также утрата возможности формулирования долгосрочной перспективы развития как для предпринимателей, так и для экономики в целом. Примером другой клиентурной системы, которую точнее всего можно определить как «политический капитализм», является как раз Сербия в конце XX века. Адаптивная реконструкция элит (Lazi?, 2000:33–56) в Сербии 1990-х гг. подразумевала налаживание связей между двумя системами, формальной и теневой, причем в условиях неразвитости демократических и рыночных институций, гиперинфляции и экономических санкций ООН. Длительное существование условий для быстрого и неконтролируемого извлечения прибылей пересеклось с интересом части государственного политико-делового истеблишмента, который путем «литургийной» налоговой политики (Veber, 1976:158), высшей точкой которой являлось налогообложение задним числом, пополнял государственный бюджет, истощенный нереальными политическими амбициями. Сложилась ситуация, когда коллективные интересы правящего класса и класса новых собственников встретились в сфере нелегальной деятельности. Тем самым изначальное структурное (конъюнктурное) сотрудничество старой и новой элит переросло в системное (функциональное), а отличительными чертами вновь возникшей системы стали: этатизм, автаркичность, протекционизм, контроль цен, превосходство политической элиты над экономической, традиционализм и ксенофобия (Sveji?, 2000:297). Конечно, не может быть однозначной аналогии между двумя этими примерами, но в целом понятно, что установившиеся неформальные институциональные механизмы тормозят экономический рост и модернизацию, а подавляющую часть населения ставят в зависимость от прямого натурального производства и обмена. В нарастании и институционализации неформальной экономики и складывании нелегальной экономики настает момент, когда распад экономической системы и политического порядка, который его легитимизирует, в основном зависит только от количества ресурсов в конкуренции и степени развитости социокультурного капитала в этом обществе. Отсюда можно сделать вывод, что долгосрочная автономность системы неформальной экономики невозможна и зависима от институций формальной экономики, зачастую в том, что определенная общественная группа может монопольно контролировать и перераспределять ресурсы и тем самым навязать «правила игры» неформальному сектору. В силу этого мы вправе говорить о неформальной экономике только как о парасистеме.

Предыдущий анализ подводит дальнейшую аналитическую разработку к проблеме общественной структуры. А именно, объем, интенсивность и устойчивость неформальной экономики определяются социокультурными характеристиками носителей неформальной экономической деятельности. Можно предположить, что группы, стоящие на верхней ступени общественной лестницы, решительнее направляют проток ресурсов в этой области (если они действующие) и больше увеличивают совокупный объем неформальной экономики. Однако, дабы не концентрировать внимание только на материальной стороне вопроса, необходимо еще раз подчеркнуть значение контроля над потоком информации и создания доминантной системы ценностей как важного элемента СКК. Отдельные личности и группы, для которых деятельность в этой области является постоянным источником доходов и способом подъема по общественной лестнице, являются не только основными творцами, но и косвенными профитерами в неформальной экономике. Но структурная дифференциация не принадлежащих к элите членов общества не менее важна и, конечно, гораздо более доступна научному измерению. В этом отношении самым наглядным примером является различие в целях, ради которых низшие и средние слои общества уходят в теневые сферы деятельности – для первых это чаще всего средство существования, а для вторых поддержание стиля жизни. Кроме того, количество экономического и социального капитала, которым располагает каждый теневой предприниматель, может повлиять на репродуктивную скорость парасистемы неформальной экономики и тем самым подчеркнуть специфическое динамическое значение данного предпринимателя для функционирования неформальной экономики. Говоря конкретнее, хотя любое соглашение о неформальном обороте товаров или услуг подразумевает две договаривающиеся стороны – предоставляющую и заказывающую услуги, лицо с более низким общественным положением (с меньшим общим количеством аккумулированного капитала) чаще всего может выступать в качестве лишь одной из этих двух сторон (скажем, как поставщик услуг или, работая на дому/на приусадебном участке, как производитель части товаров/продуктов питания для потребления в хозяйстве), в то время как лицо с более высоким общественным положением нередко является и заказчиком, и поставщиком услуг (например, на неформальном рынке труда), то есть в данном случае сеть деловых контактов гораздо шире и оборот капитала больше. Следовательно, можно сказать, что чем выше уровень общественной иерархии, на котором концентрируются неформальная деятельность и производство, тем ярче выражены дисфункциональность формальной экономической системы и кризис институций.

Оценка эффективности теневой экономики также сложна и требует дифференцированного анализа. В исследовании роли «второй экономики» в трансформации венгерской экономической системы И. Габор (I. Gábor, 1997) высказал несогласие с гипотезой о преобладании благотворных эффектов дуализации, возникшей в конце социалистического периода. Начав свои исследования в конце 1970-х гг., Габор до середины 1980-х гг. полагал, что амбивалентные, отчасти конкурентные, отчасти комплиментарные, отношения между формальной и «второй» экономикой в Венгрии приведут к маркетизации первой. После неудачи реформ его чаяния были устремлены в направлении экспансии «второй» экономики и основанного на ней рыночного механизма, однако и эта позиция изменилась после падения социализма в контексте возросшего потребительского менталитета, нежелания прилагать усилия и слаборазвитой налоговой морали венгерских хозяйств. В приведенной работе опасения Габора оправдываются: полутрудающиеся-полукоммерсанты, экономически

социализированные в период социализма, тяжело свыкались с условиями рыночной экономики, а трансформационный кризис сделал этот процесс еще более трудным. Результатом были чересчур многочисленные, чересчур мелкие частные предприятия, не способствующие расширению рынка труда и с коммерческой точки зрения нацеленные в основном на третичный сектор, что ослабляло интерес инвесторов к венгерской экономике. Примеры, где бы социоструктурная концентрация неформальной экономики оказывала преимущественно позитивный эффект и способствовала бы экономическому росту, редки; как правило, они регионального масштаба и связаны с особыми общественными и историческими обстоятельствами. В Центральной Италии мелкие неформальные ремесленные мастерские горизонтально объединены в разветвленную сеть предприятий, специализирующихся на high tech и высокой моде. Такая коммерческая структура принесла региону экономический рост, уменьшила количество безработных и сгладила социальные различия. Между тем подобная форма теневой экономики основана на солидарности, проистекающей из коллективной классовой идеологии «красного» центрального региона, которую исповедуют недавние рабочие, а теперь хозяева этих мастерских. В Гонконге на сети мелких неформальных предприятий, сбывающих и кредитующих свой товар посредством специализированных импортно-экспортных фирм, выстроена успешная экспортная экономика. В ее основе лежит очень низкая суточная оплата труда, что, в свою очередь, компенсируется широким ассортиментом бесплатных или дешевых общественных услуг из области коммунального обеспечения, образования, здравоохранения и транспорта, предоставляемых правительством (Portes, Castells and Benton, 1989:302–305). К этому следует присовокупить и вопрос обособленности формальной и неформальной экономики. А именно, разрастание теневой экономической деятельности становится серьезной проблемой там, где доминирует первичная неформальная экономика (когда большинство коммерсантов действует исключительно в сфере теневого бизнеса), нежели там, где преобладает вторичная неформальная экономика (большинство предпринимателей совмещает деятельность в формальной и теневой экономике), поскольку во втором случае все же поддерживается основная формальная институциональная структура.

Формальные институты маркируют первичные признаки неформальной экономической системы. Для предпринимателей они выглядят двояко: устанавливаются «правила игры» и обеспечивается их транспарентность, а также определяется система штрафов для тех, кто этих правил не придерживается, соответственно предоставляется защита и стимул тем, кто репродуцирует данную систему. На макроуровне эти институциональные признаки профилируются преимущественно через отношения между рынком и государством. Функция рынка – обеспечение оборота товаров, услуг и труда. Рынок образуют две составляющие – обмен в комбинации с конкуренцией, то есть рынок представляет собой конкуренцию вокруг возможности осуществления обмена (Swedberg, 1994:271–272). Концепция абсолютно свободного рынка, где оба эти элемента реализуются самостоятельно, является идеальным типом. В действительности процессы обмена и конкуренции опосредованы для уменьшения затрат, связанных с деятельностью на рынке (контроль, осуществление безопасности, информированность), а также увеличения предсказуемости исхода и возможности планирования. Таким образом, государство играет определенную роль на рынке, вопрос только в том, каково его влияние и в какой мере его интервенция представляет расходную статью для коммерсантов. Как уже говорилось выше, неформальную экономику составляют виды

деятельности, направленные на избегание затрат и не подлежащие защите закона и административных правил, а основным мотивом для ухода в теневую экономику является отсутствие/недостаточность формального рынка, слишком большие затраты и риски, связанные с деятельностью на нем, и небольшие затраты/риски, связанные с деятельностью на теневом рынке. Оптимисты бы сказали относительно первого мотива, что речь идет о флексибилности и модернизации, а относительно второго – об импульсе дерегуляции рынка. Все же, как мы уже отмечали, стихийный и непредсказуемый неформальный рынок может привести к блокированию роста и невозможности планирования, так что при разросшейся теневой экономике изначально, вероятнее всего, имелся недостаток доверия и оппортунизм (слабая ограниченная солидарность). Кроме того, издержки отсутствия правовой защиты и регуляции часто превосходят выгоду от избегания затрат. В любом случае укрепление неформальной экономики должно стать сигналом для формальных институций о необходимости реформ.

Существует еще один важный элемент интеракции рынка и государства, который может воздействовать на теневую экономику. Речь идет о мерах социальной политики, предпринимаемых в отношении тех, для кого по тем или иным причинам закрыт доступ на рынок труда. Различные «режимы государства благосостояния» (Esping-Andersen, 1990) создают разного рода условия для развития теневой экономики. Неолиберальная модель зиждется на минимальных функциях социального государства и низком социальном и налоговом обложении, что обуславливает большие ставки заработных плат и более полную занятость. Однако эта система не только способствует развитию дуализма, но и приводит к экономическому расслоению работающих, вынуждая лиц с меньшим достатком искать дополнительные источники дохода. Социал-демократическая модель предусматривает высокие налоги и социальные отчисления, а также многочисленные целевые программы социальной помощи. Между тем намерение сохранять и развивать культурный и человеческий капитал в обществе компрометируется возрастанием оппортунистических настроений, символически проявляющихся в увеличении числа молодежи, хорошо подсчитывающей социальные трансферы и льготы при формулировании собственной экономической стратегии (продление статуса безработного при наличии рабочего места в сфере неформальной экономики, скрытые внебрачные союзы вследствие предоставления бесплатного жилья для матерей-одиночек и т. д.), что в крайней степени выражения опять-таки повлечет замедление роста (Esping-Andersen, 1996; Korpi, 1985). В консервативных, континентально-европейских режимах благосостояния содержится известная доля фамильяризма. При таком режиме меры социальной политики имитируют модель кормильца семьи. Эта концепция подразумевает присутствие традиционализма в ценностной ориентации в большей мере, чем первые две. Можно ожидать, что акцент на традиционных ценностях и внутрисемейных узах препятствует росту оппортунизма.

Еще одним существенным аспектом проблемы неформальной экономики является преобладающий характер деятельности. Устойчивость теневой экономики в Средней Италии, Гонконге или сообществах этнических меньшинств в США связана с тем, что речь идет о замкнутом круге мелких предпринимательских общин, внутри которого происходят приобретение, производство, дистрибуция, даже инвестирование и кредитование. Парасистема, которая активизирует и связывает огромное количество сетей, значительно устойчивее к импульсам, исходящим из формальных институций, чем неформальная экономика, где преобладает, скажем, спекуляция купленным товаром

или какая-нибудь другая плохо «снабженная капиталом» (Mrk?i?) отрасль экономики. Одной из важных причин этого является то, что более сложно организованные неформальные парасистемы зиждутся на неписанных внутренних правилах коммерции и развитом чувстве солидарности, в результате чего их особый СКК становится более невосприимчивым к вызовам конкурентных ценностей, создаваемых формальными институциями.

3. Неформальная экономика в постсоциалистической Сербии

Уже подмечено, что форма и структура теневой экономики могут варьироваться в зависимости от конъюнктуры. Между тем, учитывая, что у стран бывшего европейского социализма был ряд схожих системных черт, одинаковая модель экономики и общества, мы вправе задать вопрос: существует ли «транзиционная» неформальная экономика? Крстич и др. (Krsti? i dr., 1998:10–11) подчеркивают, что в переходных экономиках появляются формы теневой деятельности, свойственные старому способу хозяйствования, а также формы, характерные для рыночных экономик. Авторы приводят их отличительные признаки:

– сосуществование государственной и негосударственной деятельности предприятий.

Государственная экономическая и политическая элита связана с неформальным сектором для обеспечения флексибельности предприятий, а также получения личной выгоды;

– неформальный сектор обширный и явный, но часть его деятельности прикрыта двойным функционированием государственных предприятий;

– недостаток либерализма и стабильности экономической системы является причиной ухода в теневые сферы;

– большая часть неформальной экономической деятельности появляется и в формальной экономике;

– позитивные аспекты неформальной экономики – защита низших слоев населения от нищеты и поддержание экономической деятельности;

– доминирует прожиточная экономика. Нет крупных инвестиций, преобладают торговля, услуги и пользование государственным имуществом.

Однако ситуацию в Сербии отличает и ряд известных исторических особенностей, которые отражаются и на характере теневой экономики, а именно в образовании некоторых специфичных форм теневого бизнеса (там же: 9–10). Что касается предприятий с формальной регистрацией, то там имеют место:

– неуплата налогов и подоходных взносов;

– неуплата таможенных пошлин, налога с товарооборота и акцизов;

– хранение валюты на счетах за рубежом;

– «подчистка» годовой отчетности (отсутствие обязательной аудиторской проверки бухгалтерии);

– перекачивание капитала из государственных в частные предприятия по нерыночным ценам;

– бартерные сделки по разным ценам;

– создание параллельных предприятий для неформальной и нелегальной деятельности;

– оплата наличными;

– валютные спекуляции (отсутствие легального валютного рынка);

– нелегальный найм, преимущественно в частном секторе;

– нарушение различных правил (о стандартах качества, установленных ценах, антимонопольной деятельности и т. п.).

Занятые в сфере теневой экономики заняты следующего рода деятельностью:

– ввоз и перепродажа товара без разрешения и в обход таможенных пошлин;

Сербские деньги времен гиперинфляции

– перепродажа валюты;

– денежные ссуды;

– неофициальный труд (в строительстве, ремесле, сельском хозяйстве, образовании, уходе за детьми и стариками, услуги домработниц и т. п.);

– незарегистрированная сдача жилой и коммерческой площади;

– оборот недвижимости без регистрации смены владельца и т. д.

Что касается объема неформальной экономики, то для сравнения стоит привести Западную Европу, где в начале 1970-х гг. доля теневого бизнеса в ВВП составляла 5%, а в 1990-е гг. – в среднем от 7% до 16% (от 5% в Ирландии, Австрии и Голландии до 20% в Греции и Италии). Данные по странам бывшего соцлагеря приведены в таблице 1.

Данные по Хорватии показывают рост доли неформальной экономики в ВВП до 1994 г. и тенденцию спада в 1995 г. В 1990 г. средний показатель равняется 17,8–25,9% от зарегистрированного ВВП, в 1991 г. – 19,4–28,0%, в 1992 г. – 21,7–38,2%, в 1993 г. – 29,7–38,2%, в 1994 г. – 28,6–37,4% и в 1995 г. – 22,7–32,6% (там же: 14). Наконец, в Югославии в 1990-е гг. объем теневой экономики оценивался разными методами. Оценка посредством анализа предложения на рынке труда дает возможность стандартизованного сопоставления за несколько лет и отображает нижнюю границу объема теневого бизнеса (там же: 15–17). Согласно этим данным, доля неформальной экономики в СРЮ в 1991 г. составила 31,6% по отношению к зарегистрированному общественному продукту, в 1992 г. эта цифра была 41,7%, в 1993 г. – 54,4%, в 1994 г. – 44,7%, в 1995 г. – 40,8% и в 1997 г. – 34,5%. На основании опроса, проведенного в 2000 г., был сделан вывод, что в Сербии приблизительно 1,2 млн. человек заняты в сфере теневой экономики (Krsti? i Stojanovi?, 2001:fn.27), а это более 1/3 трудоспособного населения (приблизительно то же количество, что и в 1997 г.).

Таблица 1 Доля теневого бизнеса в общем ВВП переходных экономик

* ППС – паритет покупательной способности

Источник: EBRD, Transition report 1997, по Krsti? i dr. (1998:12).

Относительно структуры деятельности в югославской неформальной экономике результаты анкетирования 1997 г. свидетельствуют, что 79% тех, кто дал положительные ответы о наличии дополнительного заработка, ищут его путем самонайма, 10% – через фирмы или кооперативы, 8% – через неформального работодателя. У 40% работающих в теневой сфере низкий ежемесячный доход, а на неформальном рынке средний суточный доход на 46% больше, чем на формальном рынке.

Такой размер прибыли обусловлен неуплатой налогов, однако эту сумму работодатель и сотрудник делят не пополам, а в соотношении 54% и 46%. Самые высокие проценты вышедших на неформальный рынок труда представлены в следующих группах: среди самонаемных работников 100%, среди безработных 38,8%, среди работающих 31,9% (они составляют 52,1% задействованных на рынке труда), среди работников сельского хозяйства 23,9%, среди пенсионеров 17,3% и среди остальных с личными доходами 20,4%. Схожее распределение мы получим и по среднему ежемесячному доходу от теневой экономики: среди упомянутых групп самый высокий доход зафиксирован у самонаемных работников (2913 югославских динаров), далее у безработных (1471

динар), у работающих (1019 динаров), у пенсионеров (914 динаров) и у работников сельского хозяйства (875 динаров). В качестве мотива ухода в теневую сферу во всех группах доминирует насущная потребность, за исключением владельцев/совладельцев фирм, которые в 61% случаев трудятся в неформальной экономике ради более высокого жизненного стандарта. Еще стоит упомянуть, что среди видов деятельности в теневой экономике лидирует торговля (28,3%), затем идет сельское хозяйство (21,7%), ремесло (18,8%), финансовые услуги (7,2%) и строительство (6,9%), при этом процент занятых в неформальном сельском хозяйстве в пять раз превосходит формальное, а в торговле и ремесле чуть более чем в два раза. Распределение же ежемесячного дохода практически обратное: в строительстве эта сумма составила 1537 динаров, в области финансовых услуг – 1501 динар, в торговле – 1454 динара, в ремесле – 1207 динаров и в сельском хозяйстве – 858 динаров. Эти данные приводят к нескольким выводам. Прежде всего относительно «переходных экономик». Хотя таблица не предоставляет информацию о ряде вариантов, которые считаются существенными при объяснении феномена неформальной экономики, из общих соображений можно заключить, что ее объем не связан напрямую с уровнем экономического развития, выраженного посредством ВВП. Во-вторых, в странах, где показателем успеха их институционального развития является статус кандидата в члены Европейского союза, объем теневой экономики меньше, чем в прочих, и с тенденцией к дальнейшему спаду. Исключения, как Латвия, с одной стороны, и Узбекистан – с другой, вероятно, объясняются наличием неких специфичных конъюнктурных элементов, однако здесь мы не будем останавливаться на этом подробно. Важнее отметить, что подобными элементами можно объяснить рост югославской теневой экономики. Одним из них являются войны, в результате которых распалась СФРЮ, что отобразено в сходстве тенденций неформальной экономики в Хорватии и СР Югославии. Другие элементы могли бы объяснить объем неформального сектора в Югославии. Часть причин исключительно крупной доли теневой экономики в период 1992–1995 гг., помимо упомянутых общественных и экономических перемен, характерных для всех стран постсоциализма, заключается в экономических санкциях, введенных ООН против тогдашней югославской власти и повлиявших на профилирование стратегии экономического существования предприятий и отдельных граждан в Югославии. Однако ни одному исследованию до сих пор не удалось до конца отделить эффект экономической блокады от результата хищнического образа действий тогдашней экономической и политической элиты, поэтому и идентификация тогдашней неформальной экономики в Югославии как хищнической или прожиточной остается под вопросом. Результаты же исследований 1997–2000 гг. показывают, что на тот период в Югославии преобладала вторая модель.

3.1. Культурно-ценностный контекст неформальной экономики в Сербии

Попытка проследить связь между основными аспектами СКК и неформальной экономической деятельностью основана на данных исследования «Стратегии существования хозяйств в Сербии», проведенного летом 2000 г. в белградской неправительственной организации Центр по изучению альтернатив. Это исследование рисует ситуацию с теневой экономикой в Сербии сходно с данными предыдущих работ в этой области (Krsti? i dr., 1998; Krsti? i Stojanovi?, 2001). Однако в используемый инструментарий не была включена теория о СКК, поэтому для данного анализа я попытаюсь выстроить ее снова. Из нескольких вопросов, являющихся мерилем ценностной ориентации опрошенных, я отобрал по одному самому существенному в качестве параметра

основных аспектов СКК. Все варианты сведены к принципу дихотомии для повышения эффективности анализа. Распространение ценностной базы, необходимой для сохранения доверия, выражено в степени обеспокоенности респондентов присутствием безнравственности и обмана в обществе – выказавшие наибольшую обеспокоенность рассматривались как носители доверия в обществе, те же, кого не слишком это беспокоит или не беспокоит совсем, составили противоположную группу. В качестве показателя ценностной предпосылки для установления реципроции брался вопрос о наиболее желательном способе регулирования пенсионных фондов: за их отсутствие высказались те, кто считал, что человек должен сам заботиться о средствах к существованию после завершения трудовой деятельности, в то время как мнение об обязательном наличии какой-либо упорядоченной системы пенсионного обеспечения рассматривалось как солидарность с принципом реципроции. Наличие ограниченной солидарности трактовалось с точки зрения готовности опрошенных платить налоги – тем, кто считал, что налогов не должно быть, приписывалось отсутствие ограниченной солидарности. 76% респондентов ответили, что им очень мешает наличие безнравственности и обмана. 14% считали, что люди должны искать индивидуальные решения своей пенсионной ситуации. 89% опрошенных заявили, что налоги платить необходимо. Все эти проценты равномерно распределены между занятыми и незанятыми в сфере теневой экономики. Модель логистической регрессии, где три эти варианта и их интеракции были экспланаторными, а зависимым являлся дихотомичный вариант о деятельности в неформальном секторе, не прошла тест на значимость. По этой причине был сконструирован ряд дополнительных моделей, посредством которых мы попытались исследовать связь между ценностными позициями и неформальной экономической деятельностью дифференцированно через преобладающую отрасль экономики, общее материальное положение и возраст респондентов. В результате наметилась более удачная модель, но трактовка все еще весьма затруднена. Прежде всего отрасль неформальной экономики, в которой занят респондент, не оказывает существенного влияния на исследуемые ценностные позиции, так что можно предположить, что в каждой отрасли есть те, кто уклоняется от формальных институций вследствие неприятия основополагающих норм общества, и те, кто приемлет эти ценности, но не имеет выбора относительно экономического существования. Возраст в структуре модели присутствует как самостоятельный фактор, но за исключением некоторых интеракций с перечисленными ценностями. Таким образом, дифференциация ценностных ориентаций по возрастному признаку практически не увенчалась успехом, удалось только констатировать факт (более или менее тривиальный), что возраст имеет важное значение для объяснения способов экономической деятельности. Определенное дифференцирование ценностных склонностей достигнуто на основании категорий материального положения. Модель была слаба в плане прогноза (60% случаев распределено верно), особенно шансов ухода в теневую экономику (всего 15%), однако наше внимание привлек один самостоятельный эффект и один эффект интеракции, прошедшие тест значимости, а именно позиция обеспокоенности относительно распространения безнравственности и обмана и интеракция этой позиции и материального положения. Оценки статистики Вальда для этих двух эффектов 5,65 и 5,17, а оценки коэффициента В – 0,48 и 0,17 соответственно. Среди респондентов с наилучшим материальным положением более склонны к неформальной экономике те, кто показал низкий уровень доверия. Среди респондентов с низким, средним и относительно высоким материальным

стандартом равное количество доверяющих и не доверяющих занято в теневых сферах, в то время как у респондентов с самым высоким материальным уровнем наблюдалась ситуация, обратная группе худшего уровня: в данном случае уход в теневую экономику зачастую вызван отторжением безнравственности и обмана в обществе.

Чем объяснить столь неконсистентную структуру? Вероятно, тем, что проблема сложна и что связь между общественным положением, ценностными позициями и экономической деятельностью трудно выразить четкой образцовой моделью. Поэтому я воспользуюсь простым описанием группы, которая в подобной ситуации представляется типичной. Эта группа в образце насчитывает всего 20 респондентов, или 1,5%, но является хорошей матрицей для описания динамики форм неформальной экономической деятельности, отступающей от стандарта: неблагоприятная экономическая ситуация – слабый СКК – деятельность в неформальной экономике. Каков социокультурный профиль респондентов с высоким материальным положением, занятых в теневой сфере и выражающих озабоченность относительно безнравственности и обмана в обществе? Эту группу характеризует индивидуализированная деятельность в третичном секторе, связанная с основной работой и практически квалифицируемая как основная работа. Помимо обеспокоенности распространением безнравственности и обмана, эта группа солидаризуется и с остальными позициями, представляющими основу развития СКК, а также ориентирована на горизонтальную институционализацию. 70% опрошенных из этой группы уже имеют высшее образование или получают его, у 25% – среднее образование. В особую подгруппу выделены те, кому удалось сохранить или улучшить свой жизненный уровень в годы большого экономического кризиса. В силу вышесказанного ориентацию данной группы респондентов на теневую экономику при мощном потенциале для развития СКК не стоит рассматривать как двойной стандарт на уровне идентичности и деятельности, а прежде всего как динамически более заметную позицию в продвижении СКК, как уже сформированный ценностный ориентир, которому недостает изменения конъюнктурных параметров для перехода всей экономической деятельности в формальную сферу.

* * *

Конструирование достоверной и дающей возможность интерпретации образцовой модели, которая объяснила бы суть неформальной экономики в Сербии, требует отдельного исследования со скрупулезной операционализацией основных вариантов. Но и на основании представленного вторичного анализа можно заключить, что горизонтальная институциональная формализация теневой деятельности, которую пытаются практиковать предприниматели с высоким материальным положением и в то же время высоко развитым чувством социального доверия, эффективнее с точки зрения экономического роста, открытия рынка и увеличения жизненных шансов, нежели прожиточная теневая экономика, преобладающая в группах с низким материальным положением. Между тем напрашиваются несколько выводов и на уровне основного теоретического подхода. Как нам представляется, теория СКК нуждается в дополнительной доработке с целью ее применения к динамической и структурной трансформации основных форм экономического и общественного устройства. И хотя несомненна контекстуальная связь между уровнем развития СКК и наличием неформальной и нелегальной экономики, требуются дополнительные элементы для объяснения динамики этой связи. Речь идет не только о том, что основные аспекты СКК неравномерно распределяются среди всех членов общества или общественных групп/сообществ, но и о том, что

различные группы своей деятельностью в обществе по-разному влияют на консолидирование неформальных институций. Тем самым принятие поведения и воспроизводство ценностей, охватываемых понятием СКК, будут зависеть от институциональной «готовности» той или иной группы, а также от ее структурной позиции, то есть обладания различными формами капитала. Социальный капитал, выраженный в интенсивности социальных связей, в этом смысле имеет особое динамическое значение. Поэтому формы деятельности общественной элиты оказывают большее воздействие на профилирование формальных и теневых институций, чем партикуляризированная деятельность представителей более низких слоев общества. Из этого следует, что в ситуации конкуренции двух или нескольких различных форм неформальной институционализации превосходство одной из них зачастую связано с возможностью концентрации в рамках одной общественной группы, отмеченной культурными или политическими «маркерами», или с возможностью основания общественного движения на базе определенной формы коллективной идентичности, как это было на примере демократического движения в Сербии во второй половине 1990-х гг. (Cveji?, 1999). Перспектива преобладающего институционального механизма зависит, как уже было сказано, от того, будет ли он развиваться по горизонтали или по вертикали. Наконец, каналы дистрибуции доминантных механизмов институциональной социализации являются интегральной частью доминантной формы общественного устройства и имеют особое значение в процессе развития формальных и неформальных институций.

4. Заключение

С началом исполнения сменившейся властью в Югославии в 2000 г. требований международных организаций и постепенным наведением порядка в экономике и государстве можно предположить, что трансформация теневой экономики будет зависеть от того, в каком направлении и как быстро пойдет развитие экономики. Хотя «пожизненные ренты», как правило, сопровождают системы со слаборазвитой институциональной системой, вряд ли этому виду неформальной экономики в Сербии вновь удастся достичь уровня парасистемы. Между тем в условиях прогрессирующего обеднения и безработицы, с одной стороны, и ориентации правительства на приватизацию и поддержку малого и среднего бизнеса – с другой велики шансы, что часть предпринимателей устремится в теневой сектор, дабы избежать налоговых и других обложений. Модель теневой экономики, практикуемая в Средней Италии, могла бы стать вполне приемлемой для наиболее бедствующих и трудоемких отраслей (например, для сельского хозяйства, текстильной и кожевенной промышленности), а также в регионах, где особенно остра проблема безработицы (Крагуевац и др.). Наконец, с учетом экономической структуры Сербии и масштабов обеднения, а также инертности смещения коллективистских, эгалитаристских, традиционалистских и патерналистских ценностей, особенно на нижней ступени общественной иерархии, следует ожидать, что прожиточная неформальная экономика с большим числом относительно изолированных предпринимателей окажется самой живучей. Ее интенсивность и динамический потенциал тесно связаны с деятельностью формальной экономики, но для борьбы с ней необходим общий экономический рост, а также эффективное функционирование формальных институций и, что не менее важно, развитие СКК. В этом отношении именно выстраивание новых экономических и государственных институций и упор на прозрачность, эффективность и беспристрастность их работы должны стать ключевыми для осуществления на практике трех основных аспектов СКК – доверия, взаимности и ограниченной

солидарности. Как показало исследование, приверженность этим неформально-институциональным механизмам на ценностно-нормативном уровне уже распространена. Принимая во внимание полупериферийную зависимость пути реформ югославского общества и экономики от импульсов, которые поступают из центральных международных институций, наслаиваясь на еще свежие воспоминания о многолетней глубокой конфронтации с ними, следует осознать, что развитие и структурная дифференциация СКК будут гиперчувствительны к предпринимаемым шагам зарубежных институций, пропущенным сквозь призму их амбивалентного имиджа в югославском общественном мнении.

Литература:

Bolji?, S. (1995): «Izmenjena sfera rada» // Bolji?, S., (ur.): Društvene promene I svakodnevni život: Srbija početkom 90-ih, Beograd: ISI FF.

Castells, M. and A. Portes (1989): «World underneath: The Origins, Dynamics and Effects of the Informal Economy» // A. Portes, M. Castells and L.A. Benton (eds): The Informal Economy. Studies in Advanced and Less Developed Countries, Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.

Cveji?, S. (1999): «General Character of the Protest and Prospects for Democratization in Serbia» // Lazi?, M. et al: Belgrade in Protest: Winter of Discontent, Budapest: CEU Press.

Cveji?, S. (2000): «Opadanje društva u procesu dualnog strukturiranja. Društvena pokretljivost u Srbiji 90-ih», Lazi?, M. (ur): Rađji hod, Beograd: Filip Višnji?.

Di Maggio, P. (1994): «Culture and Economy» // Smelser and Swedberg: The Handbook of Economic Sociology. Princeton and New York: Princeton University Press and Russell Sage Foundation.

Esping-Andersen, G. (1990): The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge. Polity Press and Princeton: Princeton University Press.

Esping-Andersen, G. (1996): «After the Golden Age? Welfare State Dilemmas in a Global Economy» //

Esping-Andersen, G. (ed) Welfare States in Transition. National Adaptations in Global Economies, London: SAGE.

Evans, P.B. (1989): «Predatory, Developmental and Other Apparatuses: A Comparative Political Economy Perspective on the Third World State», Sociological Forum 4 (December): 561-87.

Eyal, Szelenyi and Townsley (1998): Making Capitalism Without Capitalists. Class Formations and Elite Struggles in Post-Communist Central Europe, London, New York: Verso.

Feige, E.L. (1990): «Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach», World Development 18 (7): 989-1002.

Gžbor, I. (1997): «Too Many, Too Small: Entrepreneurship in Hungary – Ailing or Prospering?» // Grabher and Stark (eds.): Restructuring Networks in Post-Socialism. Legacies, Linkages, and Localities, Oxford: Oxford University Press.

Grabher and Stark (eds.) (1997): Restructuring Networks in Post-Socialism. Legacies, Linkages, and Localities, Oxford: Oxford University Press.

Granovetter, M. (1985): «Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness», American Journal of Sociology, 91: 481-510.

Hwang, P. and W. Burgers (1997): «Properties of trust: An Analytical View», Organizational Behavior and Human Decision Processes 69 (1): 67-73.

Korpi, W. (1985): «Economic Growth and Welfare State: Leaky Bucket or Irrigation System», European

Sociological Review, Vol. 1, № 2.

Krstić, G. i dr. (1998): Analiza sive ekonomije u SR Jugoslaviji sa procenama za 1997. i preporukama za njenu legalizaciju, Beograd: Ekonomski Institut – izveštaj.

Krstić, G. i B. Stojanović (2001): Osnovne reforme tržišta rada u Srbiji. Beograd: CLDS i Ekonomski Institut.

Lazić, M. et al (1999): Belgrade in Protest: Winter of Discontent, Budapest: CEU Press.

Lazić, M. (ur) (2000): Rađji hod, Beograd: Filip Višnjić.

Lazić, M. (ur) (2000): «Elite u postcocijalističkoj transformaciji srpskog društva» // Lazić, M. (ur): Rađji hod, Beograd: Filip Višnjić.

Mrkić, D. (1994): «Dualizacija ekonomije i stratifikovana struktura» // Lazić, M. (ed): Razaranje društva, Beograd: Filip Višnjić.

Portes, A. (1994): «The Informal Economy and Its Paradoxes» // Smelser, N. and R. Swedberg: The Handbook of Economic Sociology. Princeton and New York: Princeton University Press and Russell Sage Foundation.

A. Portes, M. Castells and L.A. Benton, eds. (1989): The Informal Economy. Studies in Advanced and Less Developed Countries, Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press.

Smelser, N. and R. Swedberg (1994): The Handbook of Economic Sociology. Princeton and New York: Princeton University Press and Russell Sage Foundation.

Smelser, N. and R. Swedberg (1994): «The Sociological Perspective on the Economy» // Smelser, N. and R. Swedberg: The Handbook of Economic Sociology. Princeton and New York: Princeton University Press and Russell Sage Foundation.

Sorensen, A. (1998): «On Kings, Pietism and rentseeking in Scandinavian Welfare States», Acta Sociologica, Vol. 41.

Stark, D (1992): «Path Dependence and Privatization Strategies in East Central Europe», East European Politics and Societies, 6: 17-51.

Swedberg, R. (1994): «Markets and Social Structures» // Smelser, N. and R.

Swedberg: The Handbook of Economic Sociology. Princeton and New York: Princeton University Press and Russell Sage Foundation.

Štulhofer, A. (2000): Nevidljiva ruka tranzicije. Oglеди iz ekonomske sociologije, Zagreb: Hrvatsko sociološko društvo i Zavod za sociologiju Filozofskog fakulteta.

Veber, M. (1976): Privreda i društvo, Beograd: Prosveta.

Перевод Евгении Потехиной

Общество и культура

Триво Инджич

Образование, наука и культура после Милошевича

Программы партий естественным образом касаются прежде всего стратегии завоевания власти, то есть содержат критику существующей власти и описывают непосредственные меры, необходимые для прихода к власти. Основную слабость отечественных партий я вижу в отсутствии программных установлений, описывающих меры, которые следовало бы предпринять после прихода к власти.

Конечно, больше всего здесь надо говорить о необходимых изменениях политической системы, об ожидаемом превращении ее в демократическое правовое государство, об изменениях в

экономической системе и внешнеполитической ориентации страны. Я бы уделил некоторое внимание тем сегментам переходного периода, о которых говорят меньше и о которых партийные программы, как правило, умалчивают. Предмет своего рассуждения я называю «комплексом ЮНЕСКО», без его развития не может быть реального продвижения на пути настоящей модернизации общества. Это политика в области образования, науки и культуры.

Начнем с образования, так как без образованных граждан не может быть ни демократии, ни развития. «После хлеба народ более всего нуждается в просвещении», – говорил Дантон в Конвенте. В нашей стране образование уже давно помещено на самую дальнюю полку, вынесено на поля государственного бюджета и заботы власти. Ему отведена функция социального контроля над молодежью (усвоение коллективистской ценностной ориентации и действующих политических авторитетов, т. е. массовое воспроизводство конформистской личности) и механизма для замалчивания скрытой (и реальной) безработицы среди молодежи. Степень образованности наших граждан не соответствует потребностям демократического общества. В последнее десятилетие XX века СРЮ вступила с крайне неблагоприятной ситуацией в сфере образования: около 10% граждан были без образования вообще, около 50% населения имели только начальное школьное образование (иногда даже неоконченное), 32% окончили среднюю школу, 3,8% имеют среднее профессиональное образование и только 5% – высшее. В странах ЕС (за исключением Португалии) процент населения со средним образованием колеблется от 75 до 95% от общего числа образованных граждан. В Югославии каждая десятая женщина неграмотная (точнее, 11,1% всех женщин). Каждая пятая женщина, проживающая в сельской местности, неграмотная. О дискриминации по отношению к женщинам говорит и следующий факт: из десяти неграмотных в СРЮ – восемь женщин. В некоторых общинах количество неграмотных превышает 20% (Гаджин Хан, Бойник и т. д.). Из общего числа учащихся начальной школы 10% получают неоконченное начальное образование и только 40% соответствующей возрастной группы оканчивают среднюю школу. Из возрастной группы 20–24 года только 16,5% в начале 90-х годов получили среднее профессиональное и высшее образование. Сегодня этот процент еще меньше. Очень мало детей посещают дошкольные учреждения, не только из-за их нехватки, но и потому, что большинство родителей не в состоянии оплатить расходы по пребыванию там своего ребенка. Более половины безработных (а три четверти составляет молодежь до 30 лет) должны получить дополнительную или новую квалификацию, чтобы их приняли на работу. По уровню специального образования сегодня рабочая сила отстает от среднестатистического уровня в бывшей СФРЮ. Ситуацию усугубляет еще и отсутствие системы неформального образования (среднее или профессиональное образование взрослых, постоянное образование по специальности – на всех уровнях, образование на предприятиях, образование посредством СМИ, ознакомление с новшествами и т. д.). Современной экономике нужны высококвалифицированные работники, она основывается на знании, инновациях и информационной революции. Уже давно Ребекка Вест отметила, что «современная жизнь – это гонка между образованием и катастрофой». А главным в образовании является научить осваивать нововведения, ведь XXI век – век инноваций. Если вы не принимаете инновации, вы либо потеряетесь, либо станете дешевым довеском чужой экономики. При существующей образовательной структуре страна не является конкурентоспособной на мировом рынке знаний и труда, то есть не совместима с развитыми странами. Сейчас мы получаем образование наугад, в соответствии с сомнительными

оценками (если они вообще существуют), а не с реальными, заявленными потребностями общества и экономики. Нет такой организации, которая могла бы ответить на вопросы: сколько, где, что, кто и для кого – когда речь идет об образовании. О запущенности образовательной системы говорят и следующие данные. Треть школьных зданий в Сербии не подключена к водопроводу. В трехстах небольших сельских школах нет электричества. Две трети школьных зданий находятся в таком плачевном состоянии, что требуется капитальная реконструкция. В свое время даже в большинстве школ Нового Белграда протекали крыши (см. «Политика», 24 февраля 1995). Только в 12% школ есть паркет. Физкультурные залы есть в 20% школ, а библиотеки – в четверти школ. О компьютерах в школах и вузах даже и говорить нечего! В белградских средних школах в классе бывает по 50 учащихся. При таких переполненных классах ученики еще и перегружены учебными часами – 30–32 обязательных часов в неделю и еще 4 часа занятий по факультативным предметам. Еще одна тема – слишком большой объем и консервативность учебных программ, а существование обязательного для всех учебника (при отсутствии альтернативных учебников и педагогической автономии учителя) говорит о персональной и политической монополии Министерства просвещения и его издательства («Завод за уџбенике и наставна средства»), растущей как опухоль в нашем школьном образовании. В 1996 г. на просвещение было направлено только 3% ВВП, и эта цифра не изменилась до конца десятилетия. В то же время Европейский союз в 1995 г. тратил на просвещение 5,2%, а некоторые страны, входящие в него, тратили даже больше (Дания – 8%, Швеция – 7,8%, Финляндия – 7,3%). В детских садах, школах и вузах работает около 126 тыс. человек, что составляет 5,2% от общего числа работающих в Югославии. Это самая образованная и самая низкооплачиваемая профессиональная категория в нашем обществе. Если в 1990 г. зарплата преподавателей была на 30% выше среднестатистической по стране, то в 1997 г. эта разница составила лишь 4%. В последующие годы зарплаты преподавателей продолжали уменьшаться. Принимая во внимание высокую квалификацию преподавательского состава по сравнению с остальным населением, это суровый показатель негативной оценки труда. Если представители других профессий в кризисные времена работали не каждый день (многие предприятия работали всего на 10% мощности – «Вискоза», «Застава» и т. д.), то работники просвещения, по словам доктора Ивана Ивича, эксперта в области образования, постоянно и усердно выполняли свою каждодневную работу в полном объеме. Когда нищета и голод постучались и в их дома, они тоже решились на забастовки (после врачей, судей, шахтеров, актеров, музыкантов) и вышли на улицы. Были и такие школы, в которых в течение трех лет выполнялся обязательный по закону минимум, а уроки длились по 30 минут в качестве разновидности легальной забастовки.

Режим Слободана Милошевича преследовал всеми возможными средствами вновь образованные независимые профсоюзы работников просвещения, включая увольнение профсоюзных активистов с работы. Низкие заработные платы в сфере просвещения (в среднем 65 марок) заставили уйти из профессии всех, кто только мог. Забастовки не прекращаются и по сегодняшний день.

Сильная централизация и строгая административная иерархия в школьной системе являются препятствием к ее серьезной демократизации. Во времена Милошевича выбор и назначение директора школы производились по критериям правящей партии, то есть политической принадлежности министра образования. Это еще больше способствовало нехорошей политизации образования, навязывался менталитет покорной преемственности, работники просвещения не

должны были задаваться вопросами ни о политике приема в школу, ни о школьной программе, ни о делах самой школы как организации. Труд и знания преподавателей недооценивались, уничтожался их критический дух, а поощрялась слепая покорность и приверженность правящей партии. В школах преобладала система «своих людей», которые без возражений голосовали за решения директора, что привело к длительной негативной селекции кадров в школах. Из школы уходили самые лучшие и способные преподаватели (и не только из-за зарплаты), а приходили те, для кого другие пути были закрыты. Школа, таким образом, перестала быть центральным учреждением, создающим и сохраняющим общий корпус социальных и прежде всего моральных ценностей.

О положении вузов я не стал бы рассуждать, принимая во внимание то, что отдельный, очень хороший номер этого журнала в 1998 г. был посвящен теме «Вузы в Сербии». Вузы разделили тяжелую судьбу всего образования, подвергшись острым политическим и иным репрессиям правящей коалиции партий супругов из Дедине и сербских радикалов. Очень небольшой процент населения страны имеет высшее образование, при неодинаковом распределении по регионам (в основном в Белграде и Воеводине). Ощущается недостаток кадров с высшим образованием, прежде всего в южных и западных регионах Сербии. Появилась тенденция к уменьшению числа студентов, получающих дипломы (по сравнению с количеством поступивших в вуз в течение года дипломы защищают только 6,4% от запланированного на этот срок количества студентов). Долгий, неэффективный процесс обучения, не обремененный модернизацией, новыми технологиями и компьютерной революцией, является последствием общего невнимания к образованию и уровню знания в стране и политического подозрения по отношению к автономии просветительских учреждений и к молодому поколению в целом. Срочной мерой должен стать новый, реформаторский закон о высшем образовании, который вернет полную автономию вузам и будет разработан в соответствии с нормами европейского академического сообщества.

Что нужно сделать после Милошевича в этой области? Основное требование – отказаться от доминирующей государственной модели образования, ее пагубного политического и идеологического гнета. Необходимо отменить бюджетную, кадровую, программную, законодательную монополию так называемой государственной школы. Плюралистическому, демократическому обществу нужна полная автономия образовательной системы на всех уровнях, свобода создания гражданами (работниками просвещения и родителями учащихся, самими школьниками и студентами) таких форм и содержания образования, которые будут соответствовать потребностям нового времени, новой экономики, новых гражданских свобод. Децентрализация этой системы с учетом местной общественности, потребностей региона, этнических и других различий; в организационном и программном плане – освобождение от авторитарных наслоений политического прагматизма и идеологического фанатизма и утилитарности; освобождение от иерархического подчинения, делающего личность пассивной в образовательном процессе; возвращение педагогической автономии как предпосылки для того, чтобы школа стала инициатором модернизации, гражданского воспитания и ответственности за свою работу и за цивилизационный статус общества, – это только некоторые условия для выздоровления образования здесь и сейчас. Нужно увеличить участие образования в национальном доходе, вывести работников просвещения из нищеты, избавиться от коррупции и коммерциализации в школьных учреждениях, уравнивать положение и ответственность общественного и частного сектора в образовании, ввести стандарты и

нормативы Европейского союза в школьную систему, привнести в школы достижения компьютерной революции, открыть пути новым, альтернативным педагогическим теориям и проектам и т. д. Но прежде всего нужно, чтобы новая политическая элита вернула престиж образованию как фундаменту демократии и развития.

Что касается положения науки и политики по отношению к ней в сегодняшней Югославии, то и здесь очень много проблем. Министерство науки в Сербии в 1998 г. потратило 0,35% бюджетных средств. Часть ВВП Югославии, выделяемая на науку и развитие, уже давно составляет менее 1% (в 2000 г. – 0,22%), тогда как, например, в Швеции выделяется 3,8%, в Финляндии – 2,8%, в Германии – 2,3% и т. д. (данные за 1997 г.). В обнищавшей, изолированной, уничтоженной войной стране страдающей аутизмом политической элитой лучшего быть и не могло. Вопрос в том, смогут ли пикантные лозунги Джинджича (например, «Вместо сливовицы – компьютеры») быстро вывести нас из этой блокады развития. При этом нужно иметь в виду, что в развитых странах около 70% роста производства приписывается технологическим новшествам, а остальные 30% – рабочей силе и капиталу. Здесь же ни политика, ни экономика не являются изобретательными, что уж говорить о науке и технологиях. Специалисты Центра по исследованию развития науки и технологии, входящего в состав НИИ имени Михайло Пупина, говорят о тяжелой болезни науки и технологии в Сербии и о гибели сербской научно-исследовательской традиции. Для выздоровления необходимо прежде всего упразднить существующее Министерство науки и технологии. Это пресловутое министерство годами ставило свой сектор непосредственно на службу узких партийных интересов коалиции СПС–ЮЛ (особенно три последних министра: С. Ункович, Д. Каназир и Б. Ивкович), делая невозможными усилия общественности по разработке в стране современной, критичной и реальной стратегии развития науки и технологии. В уже развитый процесс глобализации мы вступаем, пренебрегая ключевыми ресурсами развития: образованием, исследованиями, инновациями и технологиями. Уже давно Кан предупреждал, что «технологическое развитие таково, что в течение следующих пятидесяти лет мы будем заняты тем, что сегодня еще серьезно не принимается во внимание». В нашей политике все еще преобладает традиционное, магическое и интуитивное, основанное на «здравом смысле» поведение и сознание, в противовес неудержимой волне все большей аккумуляции и использования научных и технологических знаний в постиндустриальном обществе. Ключевые системы индустриальной цивилизации – транспорт, электроснабжение, сельское хозяйство, фармацевтика – здесь находятся в состоянии коллапса и не удовлетворяют элементарных потребностей населения. В них в течение десяти лет ничего не инвестировалось, а национальные приоритеты были или другими, или же непрозрачными идеологическими фикциями. Равнодушие к самой жизни стало знаком нигилизма нашей бывшей политической элиты. Дворцы спорта (за которыми стоят министерства профессионального спорта) строились быстрее и с большим размахом, чем школы, библиотеки, лаборатории, заводы. В стране, где промышленность функционирует на 20–30%, где оборудование изношено, технологии по большей части устарели, продукция неконкурентоспособна, где рабочий класс разорен, а население находится на грани нищеты, естественным образом происходит массовая эмиграция молодежи, специалистов, ученых. Из НИИ Винча в период с 1991 по 2000 г. ушли почти 400 сотрудников, а из НИИ им. Михайло Пупина – 410 сотрудников. Так называемая утечка мозгов из Сербии приобрела размеры национальной катастрофы. Сегодня большая часть исследовательских учреждений в Сербии

пополняет свой бюджет за счет чего угодно, но только не научной работы. В течение последних трех лет (1998–2000) из бюджета Сербии в Министерство науки и технологии направлялось одинаковое количество денежных средств (по 800 млн. динаров в год), но даже эти деньги не были полностью потрачены за последние два года! Начиная с 1991 г. постоянно сокращается число исследователей в технико-технологических, биотехнических и естественных науках. Структура нашей научно-исследовательской системы прямо противоположна модели, существующей в развитых странах. Если в странах ОЕЦД в среднем 65% исследователей работают на производстве, 25% в вузах и остальные в так называемых государственных НИИ, то в Сербии 7% работают на производстве, 66% – в вузах и 27% в НИИ. Это значит, что наука в нашей системе во многом отделена от производства или же не знает его потребностей.

Что нужно сделать после Милошевича в этой области? Если мы хотим достичь скорейшей стабилизации экономики, ее выздоровления и дальнейшего развития, прежде всего новое правительство должно полностью отказаться от унаследованной политики и существующих институциональных решений. Думаю, что специалисты Центра по исследованию развития науки и технологии НИИ им. Михайло Пупина в своем послании правительству предложили соответствующие решения, платформу для новой, ответственной политики научного и технологического развития. Я выделил бы лишь несколько моментов из этой программы. Научно-исследовательский потенциал Сербии должен сохраняться и развиваться, для этого необходимы следующие меры: адекватное финансирование с использованием иностранных источников; открытость для международного сотрудничества в области науки и технологии; трансформация существующих НИИ и вузов в ключевые компоненты инновационной системы Сербии; возвращение кадров из эмиграции; реструктуризация некоторых групп промышленных предприятий, важных для экономики Сербии как носители стратегической технологической политики; разработка программы развития национальной инновационной системы; защита национальных интересов в процессе приватизации – в особенности от всемогущего лобби монополистов, как это было в случае с приватизацией Телекома Сербии и появлением на рынке телекоммуникаций неизвестной компании «БК трейд» из Москвы, не говоря уже о том, что даже НИИ Винча был кем-то поставлен в список на приватизацию! Необходима также защита прямых иностранных инвестиций и трансфера иностранных технологий с учетом научно-исследовательского, производительного, кадрового потенциала, а также экологических требований и норм и т. д. Далее необходима разработка политики научного и технического развития на будущий период (хотя бы до 2010 года), которая обеспечила бы более реальное планирование развития предприятий, общин, регионов, промышленных ветвей и других экономических секторов с ясными приоритетами и механизмами адаптации к меняющимся условиям и макротенденциям в мире. Обязательна также реорганизация управления научно-техническим развитием в стране на уровне министерств, правительства и других подразделений, а также подготовка кадров по всем перечисленным направлениям, особенно для работы с международными организациями в этой области и для участия в процессе глобального развития. Срочно требуется реформа высшей школы с учетом потребности в научно-технологических исследованиях, отвечающих запросам науки, экономики и общества в целом, и с целью адаптации норм и критериев организации и эффективности высшей школы, действующих в развитых европейских странах. Наука, образование и производство должны стать одной непрерывной

цепочкой, поэтому наука должна вернуться в высшую школу. Необходимо установить систему объективной общественной оценки компетентности научно-исследовательской системы, отдельно взятых специалистов и программ, а также следить за использованием бюджетных средств и средств из других источников, поступающих на нужды научно-технического развития страны; такая система должна соответствовать системе и деятельности Европейского союза. Конечно, это лишь некоторые шаги, необходимые для возвращения ключевой роли науки и технологии в общественном, экономическом, культурном и цивилизационном развитии нашего общества. К сожалению, в программах наших политических партий вы об этих шагах не найдете ни слова или же в лучшем случае прочтете какую-нибудь общую фразу, больше напоминающую предвыборный лозунг, чем пункт обоснованной политической программы.

Культура разделила судьбу образования и науки. Государство через свои органы и кадры проводило культурную политику, которая отвечала только официальным потребностям и запросам, то есть духу так называемого партийного государства, существовавшего здесь десятилетиями. Все министры культуры (особенно Милан Ранкович, Миодраг Джукич, Джока Стоичич, Нада Перишич и Желько Симич) прежде всего заботились об интересах партийной верхушки и партии, членами которой являлись. Идеологические предрассудки и политический прагматизм являлись доминирующими критериями финансирования и продвижения культурных организаций и программ. У министерства, в духе строгого централизма и этатизма, была монополия на законодательную инициативу, финансовые средства (бюджет), кадры (назначение директоров и руководителей культурных организаций), программы, инспекционные службы, международное сотрудничество. Программы у министерства либо не было, либо она осталась недоступной общественности. А учитывая все, что с нами происходило за прошедшее десятилетие, программа была необходима. Вот проблемы, с которыми мы столкнулись: кризис политической модели, потребность в новом определении сербского культурного пространства (прежде всего по отношению к сербам, оказавшимся за пределами Сербии), определение новой культурной политики в условиях политического и экономического плюрализма, переоценка культурного самосознания и традиций, соотношение светской и церковной культур, преодоление изоляции от международного культурного сообщества, новое определение языка сербского народа и лингвистическая нормализация в ареале бывшего сербохорватского языка, появление сильного частного сектора в сфере культуры, новые СМИ и культура и т. д. Вместо объективных критериев и рациональной культурной политики была путаница, невежество и плохое распределение кадров в министерствах и парламентских комитетах по «культуре и средствам массовой информации» с процветающим под патронатом правящей олигархии ярко выраженным стремлением выделять своих людей. Типичными примерами являются: издательский дом «Политика» (см. список сотрудников культурного приложения к газете «Политика»), ежедневная газета «Борба» с ее культурной рубрикой, Радиотелевидение Сербии, издательство Verzal Press, издательство «Просвета», издательство VMG, большинство так называемых национальных культурных учреждений, возглавлявшихся членами СПС или ЮЛ (Музей современного искусства, Национальный театр, Национальный музей, ректорат Университета искусств, ректорат Белградского университета и т. д.), журнал «Књижевне новине», Союз писателей Сербии (в последние годы), Матица сербов и эмигрантов из Сербии (под руководством Браны Црнчевича), союзное Министерство по международному культурному и научному сотрудничеству,

Культурно-просветительное общество Сербии и Белграда, ТВ-Палма, ТВ-Пинк, БК Телевидение, Югославский фонд европейской интеграции, издательство «Завод за уџбенике и наставна средства» и т. д. Вместо морального, интеллектуального и политического обновления после многолетней монополии СКЮ (Союз коммунистов Югославии) мы получили грубейшую политическую приватизацию и манипуляцию в сфере культуры, не допускавшую критики и современных тенденций.

Что же делать? Прежде всего должно измениться положение культуры и культурных учреждений в политической и экономической системе, нужно убрать патерналистскую лапу партийного государства и государства вообще из сферы культуры. Через бюджет культуре нужно вернуть то, что у нее отнимают налоги, таможенные пошлины, взносы. Доля культуры в бюджете Сербии должна превысить жалкие 0,4% и составить хотя бы 1%. Нужно сделать возможными инвестиции в объекты культурной инфраструктуры (дома культуры, залы и центры, здания музеев, библиотек, художественных школ, кинотеатров, галерей, архивов, театров и т. д.), кредитование культурной продукции (издательств, кинематографии, дискографии, так называемых капитальных изданий национальной культуры, оцифровка, сохранение и реставрация культурного наследия, гастроли деятелей культуры за границей, их обучение и т. д.), обеспечить благоприятное фискальное положение культурной деятельности и творчества. Необходимо вернуть соблюдение авторских прав, особенно прав на воспроизведение произведений, авторам которых государственные СМИ, пользуясь своим монополистическим положением, ничего не платили. Страна стала самым большим рассадником пиратства в Европе. Только РТС (Радиотелевидение Сербии) задолжало компании «СОКОЙ» 28,5 млн. динаров, а бывшая председатель Коммерческого суда в Белграде Милена Арежина откладывала решение этого спора в долгий ящик. Похожая ситуация и с ТВ-Политика, его долг за многолетнее нарушение чужих авторских прав составляет уже более 5 млн. динаров. Пиратство в области кино, видео, издательской деятельности, музыки, компьютерного софтвера и т. д. является проблемой, с которой мы должны бороться, если хотим выйти из международной изоляции страны и сохранить кинопрокат и отечественную видеоиндустрию.

Нужно развивать децентрализованные модели культурной политики, которые позволят вернуть регионам, округам, городам и местным коллективам компетенцию, инициативу и денежные средства на развитие культуры. Нужны образовательные программы для менеджеров в области культуры, которые смогут открыть культурные организации для рынка, для новой публики и нового содержания. Так называемый частный сектор, частная инициатива в области культуры перед лицом государства и закона должны наравне с общественным, государственным сектором стать составной частью, равноправным партнером в культурной политике страны. В срочном порядке нужно отменить все репрессивные законы прошлого режима (особенно законы о СМИ и о высшей школе), касающиеся культуры, на руководящие посты путем открытых конкурсов должны быть назначены компетентные профессионалы. Статус и права работников культуры, особенно так называемых свободных художников, должны защищаться путем развития соответствующих профсоюзов в новых социально-экономических условиях, а не под опекой государства и волюнтаризмом его администрации. Нужно также проверить сеть художественных (начальных, средних, высших) школ и пути их финансирования и, возможно, подумать об открытии в Нише Университета искусств (подобно белградскому) – в духе так называемой деметрополизации культуры.

Открытие нашей страны миру означает и возвращение нашей культуры в международное культурное сообщество, обновление членства в ЮНЕСКО, в Совете по культурному сотрудничеству Совета Европы, в ОБСЕ, в Фонде мирового наследия и в ряде международных профессиональных и культурных ассоциаций. МИД страны должен открыть культурные центры во всех больших мировых столицах и реабилитировать нашу «культурную дипломатию». Нужно как можно быстрее восстановить работу Национальной комиссии по ЮНЕСКО, сделать ее кузницей профессиональных кадров и идей, способных вернуть на международную арену отечественную науку, культуру, образование и средства массовой информации. Сербия – страна с ярко выраженным многообразием культур, и новая культурная политика должна содержать долгосрочную детальную разработку охвата всех национальных культурных сущностей, другими словами – соблюдать культурные и другие права национальных меньшинств. Как участники Европейской конвенции по культуре (Совет Европы принял ее в 1954 г., а Югославия подписала только в 1987 г.) мы должны и в этой области соблюдать международные нормы и законодательство. Это обеспечило бы нам право участвовать в регулярных годовых конференциях министров культуры стран Европы и в региональных (особенно балканских) проектах. Таким образом мы хотя бы частично компенсировали бы свое неучастие в Декаде культурного развития ООН-1988–1998.

Здесь, конечно, лишь обозначены возможные действия и направления работы по духовному и материальному возрождению Сербии в ближайшие годы.

Перевод Дарьи Костюченко

Заключение

Мирослав Йованович

Сербия в начале XXI века, или О кризисе, его причинах и ответственности

В течение последних 15 лет (с 1988 г.) Сербия и сербский народ вольно или невольно, на короткий или долгий срок привлекали к себе внимание мирового общественного мнения. Появление Слободана Милошевича и его «антибюрократическая революция»; празднование 600-летия Косовской битвы 28 июня 1989 г., на котором собралось более миллиона человек; распад КПЮ; первые массовые оппозиционные демонстрации в Белграде 9 марта 1991 г.; распад СФРЮ; войны в Словении, Хорватии и Боснии; введение экономических санкций и подписание Дейтонского соглашения (1991–1995); одна из самых масштабных гиперинфляций в мировой истории (1992–1993); трехмесячные зимние митинги протеста студентов и оппозиции из-за подтасовки результатов местных выборов (1996–1997); косовский кризис и безуспешные переговоры в Рамбуйе (1998–1999); натовские бомбардировки (март – июнь 1999); успешное покушение на Славко Чурувию, владельца первой частной газеты в Сербии (апрель 1999); две попытки покушения на Вука Драшковича (инсценированное столкновение на шоссе с грузовиком, наполненным песком, и револьвер в Будве); похищение и убийство Ивана Стамболича, бывшего президента Сербии (2000); массовые демонстрации и переворот 5 октября 2000 г. после попытки Милошевича фальсифицировать результаты президентских выборов; триумф оппозиции под предводительством Зорана Джинджича и Воислава Коштуницы (2000); арест и выдача Гаагскому трибуналу Милошевича и других подозреваемых (2001–2002); фактический распад СРЮ и формирование некой специфической государственной организации – Государственного союза Сербии и Черногории (2001–2003); убийство премьер-министра Зорана Джинджича 12 марта 2003 года...

Сегодня возникает логичный вопрос: каков же итог этих 15 лет? Где теперь, после всего, что произошло, Сербия и сербский народ? Что за это время Сербия приобрела, а что потеряла? Как нам кажется, если ответить на эти вопросы одной фразой, получится довольно простой и ошеломляющий вывод: сербский народ за истекшие 15 лет пережил целый ряд драматических политических и военных поражений и общий тяжелый социальный и экономический крах.

Зоран Джинджич, премьер-министр Сербии в Народной Скупщине

Многие авторы искали возможные объяснения происшедшему. В основном эти попытки сводились к рассмотрению трех вопросов: что же действительно произошло, как это вообще могло произойти и почему всего за 15 лет Сербия проделала путь от одного из самых преуспевающих социалистических государств (в качестве части СФРЮ) до государства-изгоя, пользующегося дурной репутацией не только в Европе, но и во всем мире. Принимая во внимание, что это три самых значимых вопроса сербской современности, не лишним будет еще раз над ними задуматься.

Ответы или заблуждения?

В анализах событий последних 15 лет преобладают две версии. Большая часть общественности и интеллигенции, подавляющее большинство политиков склонны без долгих толков всю вину за многочисленные поражения, общественную стагнацию, криминализацию политики, общества и экономики, экономическое разорение и вообще за всю нынешнюю ситуацию приписать лично Слободану Милошевичу и его политике. И для Сербии, и для сербского народа было бы хорошо, если бы было именно так. Но коль скоро проблема заключалась только в одном человеке и его политике, его устранение с политической сцены должно было бы решить почти все накопившиеся вопросы. Проблема же заключается в более длительных и сложных исторических и общественных процессах. Что не означает, что Милошевичу можно простить произошедшее с сербами за последние 15 лет, к чему склоняется другая часть общественности и интеллигенции. Эти люди (близкие бывшему режиму), не рассуждая и не вдаваясь в комплексные проблемы, всю вину сваливают исключительно на «внешний фактор», на некий воображаемый «заговор» или «новый мировой порядок». Ничего подобного! Это лишь два вида самообмана, которые ищут (и находят) крайне упрощенные, черно-белые ответы на сложные вопросы действительности. Тем самым, осознанно или не совсем, отвлекается внимание от настоящих проблем, с которыми сталкивается сербское общество и которые требуют (это императив данного времени) адекватного решения.

В поисках адекватных решений необходимо отталкиваться именно от этих заблуждений, так как в них содержится зачаток комплексных проблем. То есть реальная ответственность самого Слободана Милошевича и политической элиты, которой он руководил, без сомнения огромна. Это ответственность и за поражения, которые сербский народ пережил в конце XX века, и за ситуацию, в которой он оказался в начале века XXI. Но Слободан Милошевич не был захватившим власть узурпатором, появившимся внезапно и из ниоткуда. Появление Милошевича (а точнее, супружеской пары Милошевич – Маркович) на политической сцене Сербии в середине 80-х гг. XX века стало ответом общественной сербской элиты на вызовы эпохи. Но какова элита, таков и ответ – идеологически окостеневший в сталинистской матрице мышления, непродуманный, слишком поспешный, случайный, не согласованный со временем общих перемен и преобразований в Европе и мире, полный (ложного и обманчивого) ощущения мощи... На самом деле это был еще один самообман, к которому так склонна сербская элита, происходящий из многочисленных заблуждений,

стереотипов и коллективных мифов о себе, окружении и мире. С другой стороны, нельзя отрицать тот факт, что и ведущие мировые силы несут свою часть ответственности (неважно, за сделанное или не сделанное) за то, что происходило на территории бывшей Югославии. Но это не значит, что мировым силам можно отказать в праве защищать свои интересы (как бы они ни противоречили реальным или вымышленным интересам самой Сербии и сербского народа), как это делала и продолжает делать часть общественности и интеллигенции в Сербии.

Несмотря на то что эти две точки зрения широко представлены в общественности, они даже приблизительно не указывают на настоящие причины сегодняшней ситуации и не показывают реальных масштабов и глубины кризиса. Ибо ситуация, в которой сегодня находится сербский народ, не является последствием «эксцесса», «заговора» или некоего кратковременного «выхода из колеи» нормального развития. Так же как и дилеммы, мучающие нас, и проблемы, с которыми мы сталкиваемся, и ошибочные заключения об их причинах не новы и появились в сербском обществе не вчера и не 15 лет назад.

«Эксцесс» или процесс?

Современные проблемы, дилеммы и заблуждения являются логическим следствием двух равно длительных, взаимосвязанных и взаимообусловленных процессов – общественного и исторического развития, отмеченного явными скачками, и долговременного господства политического мышления, склонного к самообману и мифологическому пониманию политической реальности, мира и своего места в нем.

Если проанализировать общие тенденции политического и общественного развития, то станет ясно, что современные проблемы по большей части являются результатом (прямым или косвенным) неравномерного исторического развития современной Сербии (начиная с 1804 г.). Процесс развития был отмечен и во многом определен явными, частыми и радикальными скачками. О том, насколько глубокими и частыми были переломы и преобразования, можно судить, вспомнив следующие факты. За последние два века Сербия и сербы десять раз участвовали в войнах (1804–1813; 1815–1817; 1848–1849; 1875–1878; 1885; 1912–1913; 1913; 1914–1918; 1941–1945; 1991–1999). Семь раз за два века происходили радикальные смены династий или правителей (1815–1817; 1841; 1859; 1903; 1945; 1987–1988; 2000), сопровождавшиеся более или менее радикальными преобразованиями общественного строя, резким разрушением старых и появлением новых политических, государственных и экономических структур (1804; 1815–1817; 1841; 1859–1860; 1903; 1918; 1944–1945; 1948; 1988–1991; 2000). За это время многократно происходили радикальные повороты во внешней политике (1877–1878; 1903; 1917–1918; 1944–1945; 1948; 1957–1961; 1987–1988; 2000), а примерно каждые 20 лет территория государства то увеличивалась, то уменьшалась...

Явная прерывистость исторического развития неминуемо привела к многолетней релятивизации, ограничению значения политических структур и ломке институтов, что больше всего проявляется в характерной для современной политической истории Сербии традиции, когда власть в стране контролируют сильные личности, а не институты. Карагеоргий, Милош Обренович, Тома Вучич-Перишич, князь Михаил Обренович, Йован Ристич, Никола Пашич, король Александр Карагеоргиевич, Иосип Броз Тито, Слободан Милошевич, Воислав Коштуница, Зоран Джинджич – именно сильные политические фигуры, «водители», а не институты определяли основные направления сербской политики. (Из этого факта многие западные аналитики делают крайне упрощенный и

поверхностный вывод о склонности сербского народа к авторитарной власти.) Эта традиция как результат специфического исторического развития влияет на понимание политики как «фатума» и влечет за собой по крайней мере два негативных последствия. Во-первых, она решительно повлияла на релятивизацию политических институтов (о чем наглядно свидетельствует присказка, бытовавшая в народе и политических кругах в начале XX века, когда в каждой кризисной ситуации говорили: «Байя (Никола Пашич) знает, что делает»). Во-вторых, на практике такая традиция часто приводит к некой общественной дезориентации без «сильного вождя» и тем самым облегчает его появление на политической сцене (как это было в начале 80-х перед появлением Слободана Милошевича). Такая опасность существует и сегодня. Впрочем, отчасти и под влиянием этой традиции все современные политические партии в Сербии организованы не на основе программных идей, а именно по принципу лидера. Логично, что в такой обстановке институты разрушались, систематически теряя свою значимость. Ибо каждый вождь довольно «гибко» относился к институтам и трактовке закона (что ярче всего иллюстрирует известное заявление Тито: «Давайте не будем держаться за закон, как пьяный за забор»).

Приведенные факторы повлияли на современную сербскую историю таким образом, что ее можно рассматривать как ряд взаимно сменяющихся и переплетающихся (и даже взаимно уничтожающихся) периодов резких общественных, культурных, экономических и политических взлетов, приводивших к модернизации политической и общественной жизни, – и стагнации, слабости, кратких или длительных кризисов. Вследствие этого даже очевидные достижения в некоторых общественных сферах (например, сохранение мелкой земельной собственности после получения частичной независимости в рамках Османской империи в 20–30-е гг. XIX века, позволившее избежать резкой и грубой социальной дифференциации сербского общества; или же очевидные сдвиги в образовательной, социальной и медицинской сферах в период социалистической модернизации) не способствовали общественному развитию и преобразованию, а чаще сводились к (политическим и статистическим) иллюзиям, образуя тем самым прекрасную основу для дальнейших самообманов, коллективных мифов и стереотипов.

Укреплению общей склонности к нереальному пониманию мира и своего места в нем значительно, хотя, возможно, и непреднамеренно, способствовала и внешняя политика. Решившись в конце 50-х – начале 60-х гг. XX века на политику неприсоединения в качестве главной внешнеполитической ориентации, титовская Югославия, бесспорно, смогла в биполярной системе международных отношений времен холодной войны найти свою специфическую и довольно удобную «нишу» между двумя сверхдержавами. Но из этого был создан один из важнейших коллективных мифов социалистической Югославии (наряду с мифами о самобытности, независимости и оригинальности югославской коммунистической революции во время Второй мировой войны и об историческом «нет», сказанном Сталину в 1948 г.) – миф о том, что эта позиция была завоевана исключительно благодаря собственной силе, ловкости и значительности, будто не было молчаливого договора двух сверхдержав. Такое понимание собственной мощи и роли в мире повлекло за собой по крайней мере три негативных последствия. Во-первых, региональная внешняя политика была оставлена без внимания, Балканы и реальные проблемы этой территории, на которой как раз и находится Сербия, были неинтересны дипломатии того времени. А в обществе со временем сложилось уродливое, пренебрежительное мнение о соседях. Во-вторых, важным аспектом дипломатии стала ее

идеологическая основа (особое внимание уделялось коммунистическим партиям в западных странах и антиколониальному движению) как специфический вид доказательства идеологической правоверности в споре с КПСС за превосходство в коммунистическом мире. Этот спор в головах здешних партийных лидеров и партийной интеллигенции так никогда и не был окончен. Милошевич, в первые годы своего правления принявший «груз» необходимости постоянно доказывать идеологическую правоверность, косвенно способствовал созданию на Западе образа Сербии как «последнего бастиона коммунизма в Европе». Наконец, такое понимание мировой реальности периода холодной войны существенно способствовало развитию ложного ощущения собственной силы, что решительным образом повлияло на дезориентацию и растерянность сербской дипломатии во время правления Милошевича и после него.

Кризис или крах?

Неравномерные, прерывистые и запутанные процессы развития за последние 15 лет привели к самому тяжелому, глубокому и всеобъемлющему кризису в новейшей сербской истории. Все, что произошло за этот период, потрясло до основания сербскую политику, общество и экономику. Демонстрация против Милошевича и фальсификаций результатов выборов. Белград, 5 октября 2000 года

а) Политика

Политический кризис нельзя считать только следствием появления Милошевича на политической сцене СФРЮ. Более реалистичной представляется оценка некоторых аналитиков: появление Милошевича (так же как и Туджмана и Изетбеговича) логично проистекает из многолетнего политического и экономического кризиса в СФРЮ.

Первые признаки кризиса стали заметны задолго до появления Милошевича. Кривую почти непрерывного развития кризиса можно проследить еще со студенческих волнений 1968 г., когда требовали «больше коммунизма». Потом было успешное сведение счетов партийной верхушки с сербскими «либералами» и подавление хорватской «весны» 1971–1972 гг. Принятие новой конституции в 1974 г., первые волнения и албанские демонстрации в Косове после смерти Тито, когда албанцы стали требовать отделения от Сербии и создания самостоятельной республики в составе СФРЮ (1980–1987), наконец, тихая инфляция и постоянный экономический кризис 80-х и распад КПЮ в конце этого десятилетия. Но кульминация кризиса пришлась на период правления Милошевича, когда бывшая Югославия распалась в кровавой спирали гражданской войны (куда были вpletены сепаратистские тенденции с элементами религиозных, национальных и идеологических столкновений). Но кризис в Сербии продолжал углубляться и после ухода Милошевича, охватывая все сегменты внутренней и внешней политики.

Войны в Словении (1991), Хорватии (1991–1994), Боснии (1992–1995) и в самой Сербии, в Косове и с НАТО (1998–1999) явились кульминацией политического кризиса, потрясшего в последние 15 лет территорию бывшей Югославии, а тем самым и Сербию и сербский народ. Мотивы столкновений были различны и многослойны. Каждая из воюющих политических элит видела в войне возможность для одновременного решения личных интересов и политических вопросов предполагаемого государства. Некоторые части страны стремились сохранить существовавшую федерацию, тогда как другие желали получить самостоятельность. Сербская сторона оправдывала защитой сербского населения радикальное политическое решение (раз уж Югославия не могла оставаться единой из-за

сепаратистских стремлений прочих народов и республик). Но эти войны отчасти представляли собой и решительную фазу теплившихся давних столкновений между соседями, которые по крайней мере дважды в XX веке перерастали в кровавые разбирательства – в 1914–1918 и 1941–1945 гг. Поэтому часть общественности сочла такой эпилог исправлением прежней «исторической несправедливости». Имелись в виду страдания сербского населения во время Первой и Второй мировых войн, а также административное деление государства по конституции 1974 г., когда на территории Сербии были организованы два автономных края – Косово и Воеводина.

Все же если смотреть под другим углом, то использование радикальных политических средств недвусмысленно указывало на немощь, бездарность, безыдейность и неприспособленность сербской элиты (политической, военной и отчасти интеллектуальной). И не столько потому, что таким образом она показала свое неумение и неспособность разрешить накопившиеся проблемы политическими средствами, сколько потому, что обнаружила неспособность предвидеть (и предупредить) возможные негативные последствия радикального политического проекта, который затевала. Опыленные коллективными мифами о себе, соседях и мире, эпическим пониманием прошлого, надменные, склонные ко всем видам самообмана, Милошевич, видные представители политической и военной элиты, большая часть интеллигенции (видевшие в нем «нового Милоша Обреновича», основателя современного сербского государства, делая при этом неловкие намеки на его фамилию), поверив в свою собственную демагогию, видели перед собой только путь к победе, «усыпанный розами». Согласно мифологическому образцу, прочно сидевшему в их образе мыслей и понимании мира, который они старались распространять через все государственные СМИ и частные телеканалы (которые сами же и открывали или контролировали), на этом пути, вопреки многочисленным «заговорам» и международным сильным и злым чародеям «нового мирового порядка», Сербия и сербский народ просто обязаны были победить, ибо «право и историческая справедливость на нашей стороне».

Но действительность была намного сложнее, поэтому политики и интеллигенты, самовлюбленно упивавшиеся своими фантазмагориями, застывшими реальным мир, переживали сплошные поражения. Трагедия, однако, была в том, что за собой они втянули в эти поражения весь народ и государство.

В результате Сербия сегодня оказалась государством, побежденным в войне. Со всеми вытекающими последствиями. Мировые силы рассматривают Сербию как государство, проигравшее войну, часть территории которого оккупирована (при постоянной угрозе ее аннексии). Кстати, по этой причине иностранцы, приезжающие в Сербию, как правило, ожидают увидеть руины и разруху, почувствовать ненависть и затем утверждают, что были приятно удивлены тем, что здесь все «нормально». В сербской общественности, однако, факт поражения в войне систематически скрывался. Милошевич в свое время (1999) даже публично заявил о победе над НАТО!!! А сегодняшняя политическая элита старается сделать вид, что Сербия и сербский народ являются равноправными и уважаемыми партнерами в международных делах. Конечно, это лишь очередной самообман, который в перспективе может привести к новым неудачам и проблемам, но никоим образом не сможет улучшить сегодняшнее катастрофическое международное положение Сербии, чье пространство для маневра на внутривнутриполитическом и внешнеполитическом направлении значительно сокращено. Внешний фактор, который с 1991 г. все сильнее вмешивался в решение политических

вопросов на Балканах, с 1999 г. стал ключевым в сербской внутренней политике. Время и последние события показывают, что Международный трибунал по военным преступлениям в Гааге, демонстративно сформированный с целью «персонализировать» преступления (по принципу командной ответственности) периода гражданской войны на территории бывшей Югославии, на практике все больше превращается в некое подобие Нюрнбергского процесса, осуждающего само сербское государство по принципу коллективной ответственности. Таким образом, иностранный фактор (США, ЕС, НАТО) создал мощное средство и инструмент коррекции, давления, контроля и влияния на внутреннюю и внешнюю политику Сербии (если, конечно, это не являлось важнейшей функцией Гаагского трибунала с момента его основания).

Современная политическая ситуация в Сербии, без сомнения, является прямым следствием многолетнего кризиса, кульминация которого пришлась на последнее десятилетие, но одновременно и зеркалом, отражающим длительные неблагоприятные политические и общественные процессы и тенденции. Неравномерное историческое (политическое, общественное и экономическое) развитие сделало невозможным проведение постоянной, уравновешенной и последовательной политики, как внутренней, так и внешней. Грубые преобразования сербского государства и общества должны были оставить ряд негативных последствий и тенденций. К ним можно отнести: постоянный кризис власти, государственных и политических структур и катастрофическое внешнеполитическое положение страны.

Фактом является фаталистическое понимание политики в Сербии. Как правило, люди, приходящие к власти, хотят осуществить все свои политические идеи. Поэтому они борются за то, чтобы пробить у власти как можно дольше. Часто невзирая на цену этой борьбы. Поэтому скрытый кризис власти является одной из констант сербской внутренней политики, так как каждая смена власти таит в себе опасность радикального преобразования системы и изменения внешнеполитической ориентации. На то, что эта опасность часто становилась реальностью, указывают многочисленные примеры и из политической истории Сербии XIX века, до Первой мировой войны, и из истории Югославии между двумя мировыми войнами, и, конечно, ситуация, сложившаяся за последние два десятилетия. Отсюда столько радикальных переломов во внутренней и внешней политике (по крайней мере четыре в XIX и пять в XX веке – то есть каждые 20–25 лет). Это означает, что политическая система в Сербии ни разу не была выстроена окончательно и не успевала укрепиться.

Нестабильность политической системы не способствовала развитию политических институтов и укреплению политических структур. За последние 15 лет это привело к полному разложению практически всех ключевых политических институтов государства – президента страны, премьер-министра, правительства, парламента, председателя парламента, выборов, конституционного суда, судебной власти вообще, министров и министерств... В период правления Милошевича это привело к серьезному кризису в функционировании политической системы. Милошевич взял в собственные руки все ключевые рычаги законодательной, исполнительной и судебной власти и во многом контролировал макроэкономические процессы и денежный оборот. И это вопреки тому, что политические функции, которые он выполнял, по закону не давали ему и малой части этих полномочий (председатель президиума Союза коммунистов Сербии; президент Сербии, хотя Сербия являлась лишь частью СРЮ, а у Югославии был свой президент; наконец, президент СРЮ, хотя президент Сербии продолжал существовать). Поэтому и его поражение на выборах президента

Югославии (2000, при том что должность президента союзного государства по конституции в сущности была лишь протокольной функцией) привело к полной потере власти и радикальным изменениям в управленческой структуре. При этом партия, возглавляемая Милошевичем, все еще обладала большинством мест в парламентах Сербии и Югославии, а его партийные соратники занимали все важнейшие позиции (президент Сербии, председатель парламента, председатель конституционного суда)... Просто сам Милошевич поражение на этих выборах, пусть должность была не такой уж важной, психологически воспринял как конец своего правления (даже в телевизионном обращении 6 октября, когда был вынужден признать поражение на выборах, он говорил о своей политической отставке).

Смена власти 5 октября 2000 г. способствовала улучшению политической обстановки в стране, но это не было использовано для оздоровления политических институтов. Уже через несколько месяцев после отстранения от власти Милошевича произошло сначала скрытое, а потом явное столкновение двух самых ярких политических личностей – премьер-министра Сербии Зорана Джинджича и президента СРЮ Воислава Коштуницы. Очень скоро оно обрело черты соперничества двух институтов власти, в которое один за другим включились и другие политические институты – парламента, правительства, конституционный суд, министерства, армия, полиция, военно-разведывательная служба, служба государственной безопасности... Ситуацию дополнительно осложнили временное отстранение от власти Коштуницы (когда была упразднена СРЮ и провозглашен Государственный союз Сербии и Черногории), неудачные президентские выборы в Сербии, проигнорированные правительством, чтобы помешать возвращению Коштуницы на политическую сцену, в результате чего этот важный для политической системы Сербии институт уже более года не функционирует так, как положено по конституции, и, конечно, убийство Зорана Джинджича, после которого в отсутствие сильных личностей на политической сцене обнаружилась реальная неспособность функционировать сербской политической системы.

В настоящее время имеется серьезный кризис всей политической системы с элементами блокады политических институтов и структур, а отнюдь не нормальное состояние, свойственное демократическим обществам, когда система функционирует без сбоев, несмотря на кризисы или смену правительств (как, например, в послевоенной Италии). Такая ситуация, конечно, таит в себе опасность новых радикальных потрясений и перемен. Это лишь продолжение многолетней скверной практики инструментализации политических институтов, что влечет за собой их разложение и кризис.

Наконец, современный политический коллапс Сербии становится наиболее очевидным при анализе внешней политики.

Последовательная ориентация на «неприсоединение», основной принцип которого заключался в том, чтобы не связывать себя ни с одним из мировых полюсов, оказалась под угрозой, когда в конце 1980-х начался распад «биполярной» системы международных отношений. Тогда стало необходимо отказаться от идеи последовательного «неприсоединения», пересмотреть стереотипы и заблуждения насчет собственной мощи и значения в международных делах. Но политическая и интеллектуальная элита, вытолкнувшая на поверхность Милошевича в качестве ответа на вызовы эпохи, под его руководством двинулась в противоположном направлении. Это был путь, мягко говоря, к кризису сербской дипломатии.

Милошевич, пренебрегая реальностью мира, в котором коммунизм исчез с политической (и исторической) сцены, отказываясь принять новое соотношение сил, не желая знать о методах мировой дипломатии начала 90-х гг., сделал катастрофический выбор внешнеполитических партнеров и союзников. Его дипломатия сохранила подчеркнуто идеологическую основу, явно видную из надежды, что поверженным российским коммунистам удастся вернуться к власти в Москве и что в столкновениях с Западом удастся вовлечь коммунистический Китай в большей мере, чем он к тому готов. Параллельно во внешнеполитических решениях и действиях Милошевич опирался на иррациональный с дипломатической точки зрения религиозный, православный фактор. Этот «аргумент» часто использовался в попытках склонить на свою сторону российскую дипломатию. Но особенно ярким он был в двух нереализованных и совершенно нереальных «проектах»: в предложении Греции вместе с Сербией создать конфедерацию (в середине 90-х гг.) и в инициативе парламента СРЮ (в момент начала натовских бомбардировок) присоединиться к союзу России и Белоруссии (с надеждой на вовлечение России в конфликт с НАТО). С другой стороны, он последовательно и совершенно отказывался принять реалии современного мира, в котором решающее влияние на внешнеполитическое положение страны и реализацию ее интересов можно оказать через агентства по формированию имиджа или лоббистские круги. Отказываясь от вложения средств в PR и лоббирование на Западе, Милошевич одновременно продолжал настаивать на идее найти силу, готовую вступить в открытую конфронтацию с США – чтобы таким образом возродить ситуацию холодной войны, когда существовали две сверхдержавы, а у Югославии была своя ниша между ними. С такой внешней политикой ни одного поражения просто нельзя было бы избежать. Наконец, в конфликт с самым мощным военным союзом современности – НАТО – Милошевич вступил без единого союзника, как самоубийца, ведя за собой и весь народ. Но и уход Милошевича не принес существенных сдвигов и улучшений. Правда, его отстранение от власти способствовало большей внешнеполитической открытости Сербии, что отчасти освободило ее от статуса государства-изгоя. Сербию приняли (или восстановили членство) в ряд международных организаций (ООН, ОБСЕ, Совет Европы и др.). Было проведено несколько инвестиционных конференций, и немалые средства были вложены в восстановление Сербии. Ведущие сербские политики стали частыми гостями государственных деятелей, участвуют в мировых экономических форумах... Но эти перемены повлекли за собой радикальный поворот во внешней политике. Резко и во многом неразумно было прервано всякое взаимодействие с Россией. Но и это не принесло улучшения, процесс блужданий и поисков направления внешней политики продолжался. На сей раз выбор делается между США и Европейским союзом. Неудивительно, что, потеряв всякую опору и ориентацию, сербская дипломатия принимает участие в различных утопических проектах, чтобы хоть как-то исправить свое международное положение (например, идея послать своих солдат в миссию США в Афганистане). Но такое поведение только лишним раз показывает всю глубину кризиса. Поэтому можно констатировать, что современная сербская дипломатия не в силах прекратить долговременные негативные тенденции. Она сводится к «глухонемому» и неумелому представлению страны без ясно заявленной позиции, без какого-либо суверенитета и даже без осознания, что хотя бы его элементы необходимы стране, чтобы она вообще могла функционировать в современном мире. Чем обернулся для положения Сербии и сербского народа десятилетний кризис, ярче всего показывает следующий факт. Перед судом за военные преступления предстали несколько

президентов (Милошевич, Милутинович, Плавшич, Краишник, Мартич), начальник генерального штаба (Д. Ойданич; обвинение предъявлено и другому начальнику генштаба – Н. Павковичу, еще двое под следствием – Б. Аджич и М. Перишич), руководитель службы госбезопасности (Станишич), несколько вице-премьеров, десяток офицеров высшего звена... А Сербия при этом не смогла обеспечить им возможность защиты на свободе.

Неравномерное историческое развитие, многочисленные негативные явления и тенденции сказались не только в сфере политики. Частые преобразования, переломы и перемены неизбежно отражались на обществе и экономике. Можно с уверенностью констатировать наличие глубокого кризиса в этих сферах, особенно учитывая, что сегодняшняя Сербия по многим показателям попадает в ряд неразвитых стран...

б) Общество

Сербское общество стало не только жертвой, но и причиной кризиса последних 15 лет.

Кризис уменьшил значение и в каком-то смысле уничтожил ряд благоприятных показателей развития предыдущего периода. Чтобы понять размер кризиса, достаточно сказать, каким образом общество и политика относились и по-прежнему относятся к науке, представить несколько фактов, касающихся демографической политики и демографического развития, а также современного состояния общественного сознания.

По многим показателям наука, научные исследования в XXI веке будут представлять самый важный потенциал государства, будут являться ключевыми параметрами для различения высоко-, среднеразвитых и неразвитых стран. В XX веке, особенно в 60–80-е гг., Сербия достигла заметного прогресса в сфере образования вообще и особенно в сфере высшего образования, которое интенсивно развивалось и совершенствовалось в соответствии с мировыми стандартами. Это позволило дать хорошее высшее образование большому числу специалистов различного профиля. Разразившийся кризис, гиперинфляция и войны 90-х гг. привели к росту эмиграции из страны. По сравнению с предыдущим периодом среднегодовое количество эмигрантов увеличилось тогда в три раза. Наиболее ярко эмиграция была выражена в 1993 и 2000 гг., когда страну покинули соответственно 12 и 19% общего количества эмигрантов. По официальной статистике, в 1999 и 2000 гг. каждый сотый житель страны эмигрировал в одну из стран Европейского союза. Но так как точная статистика уехавших из страны не велась (и не ведется, к сожалению, до сих пор, что свидетельствует об отношении к ним власти), аналитики могут лишь гадать, каково общее число эмигрантов из Сербии в 90-е гг. Оценки колеблются в диапазоне от 200 000 до 1 500 000 человек. Наиболее близкими к истине кажутся оценки местного Образовательного форума и ЮНЕСКО: около 400 000–500 000 человек. Среди эмигрантов большинство составляют люди в возрасте 26–30 лет (33%) и 31–35 лет (22%). Большинство эмигрантов уехали в Канаду и США (60%), в Европу (30%), менее 10% – в Австралию, Новую Зеландию, страны Азии, Африки и Латинской Америки. Факт, с которым не будет спорить ни один аналитик, состоит в том, что огромный процент эмигрантов составили молодые люди с высшим образованием, которые не планируют вернуться в страну. Оценки числа эмигрантов с высшим образованием колеблются от 30 000–40 000 до 150 000. По оценкам экспертов, 2000–3000 из этого числа – ученые, магистры и доктора наук и кандидаты на эти звания. Только из Белградского университета уехало несколько сотен профессоров, ассистентов и преподавателей; из НИИ им. Михайло Пупина и НИИ Винча, двух ведущих национальных

институтов естественных, математических и технических наук, по данным на 2002 г., уехали 1000 исследователей. Каждый год после получения дипломов в Электротехническом институте из страны уезжают 100 инженеров. Анкетирования, проведенные в 2003 г., подтверждают, что ситуация существенно не изменилась. По их данным, 54% молодежи в возрасте 16–25 лет уехали бы из страны, если бы им представилась возможность. А 18% хотели бы уехать насовсем. Еще более драматичны следующие сведения: из 120 лучших учеников средних школ, победителей республиканских, европейских и мировых конкурсов среди школьников (преимущественно по естественным наукам), 96% планируют уехать из страны. Конечно, и в 70-х, и в начале 80-х гг. молодые образованные люди уезжали из страны, но это и приблизительно не напоминало такую интенсивную и радикальную «утечку мозгов», какая происходит в течение последних 15 лет. Эти данные указывают на ряд проблем, характерных для современного сербского общества. Прежде всего налицо незаинтересованность власти в том, чтобы эти люди остались в стране, поэтому не стоит удивляться, что ни у Матицы эмигрантов, ни у Министерства просвещения Сербии, ни у ректората Белградского университета до сегодняшнего дня нет точных сведений о количестве уехавших из страны людей. Далее, невнимание к обеспечению для молодых людей приемлемых условий жизни и создания семьи; невнимание, незаинтересованность и нищета сербского общества, которое не в состоянии обеспечить адекватные условия для научной работы. Наконец, отсутствие ясного представления и общественного осознания того, что в современном мире никакой прогресс невозможен без образованных индивидуумов. Об этом наглядно свидетельствуют несколько фактов. Во-первых, по данным последней переписи населения, в Сербии было 412 000 человек с высшим образованием, значит, даже по умеренным оценкам (30 000–40 000), за последние 10–12 лет из Сербии уехало почти 10% граждан, имеющих высшее образование. Во-вторых, среди граждан старше 15 лет (т. е. тех, кто по закону обязан был получить хотя бы начальное школьное образование) 227 000 неграмотных (или 3,6%), ни одного класса не окончили 357 500 человек (включая неграмотных), а полного начального школьного образования не получили 1 380 526 человек (или 21,8% граждан страны). Таким образом, количество тех, кто не имеет законченного начального школьного образования, в 3,5 раза больше количества людей с высшим образованием. Наличие негативных тенденций и общее непонимание значения образования в обществе и политике отмечают и независимые эксперты. Так, Штефи Снор, эксперт правительства Германии, анализирувшая возможности реформирования высшей школы в Сербии, после беседы с представителями Белградского университета и Министерства просвещения Сербии заявила, что чиновники министерства «не осознают важности просвещения для развития страны». Приведенные факты косвенно или прямо показывают, в какой степени сербское общество охвачено кризисом. При этом сербская политическая элита ведет себя так, как будто ей и не нужны граждане с высшим образованием, поскольку не способна или не хочет обеспечить им адекватные рабочие места. Скорее всего у политической элиты нет и проекта развития страны. О том, что это не пустые пессимистические заявления, говорят данные за 2001 г., когда из ВВП Сербии только 0,26% было выделено на науку и научное развитие, что соответствует ситуации в самых неразвитых странах мира.

Данные об эмиграции вообще и об эмиграции граждан с высшим образованием в частности логично связаны и с рядом негативных демографических показателей в Сербии. Опубликованные данные

последней переписи населения, проведенной в 2002 г. на территории Сербии (без Косова), и другие статистические исследования показывают, что демографические тенденции, характерные для современного сербского общества, совершенно не совпадают с господствующими представлениями о себе, своих возможностях и значении и претензией на роль в региональных и международных отношениях.

Количество жителей Сербии составило в 2002 г. 7 480 000. По сравнению с данными переписи 1991 г. (7 550 000), несмотря на большой приток беженцев из Хорватии, Боснии и Косова (по очень приблизительным оценкам, от 500 000 до 1 000 000), Сербия за последнее десятилетие потеряла 70 000 жителей. По количеству жителей Сербия занимает среднюю позицию среди балканских стран. Больше жителей в Румынии (22 355 000), Греции (10 630 000), Венгрии (10 170 000), Болгарии (7 870 000). Меньше, чем в Сербии, жителей в Хорватии (4 380 000), Боснии и Герцеговине (4 120 000), Албании (3 200 000), Македонии (2 040 000) и Словении (1 990 000). По количеству жителей Сербия стоит в одном ряду с такими странами, как Гвинея (7 750 000), Швейцария (7 230 000) или Бурунди (7 070 000).

Впрочем, данные об общем числе жителей не так настораживают, как иные демографические показатели. На первом месте показатель среднего возраста жителя Сербии, который составляет 40,2 года, а в некоторых регионах даже более 50 лет. При этом в Сербии сегодня всего 495 000 детей младшего возраста (0–7 лет), а людей старше 70 лет – 780 000. В Белграде, где живет 20% всего населения Сербии (1 574 000), средний возраст составляет 40,4 года, дети дошкольного возраста составляют лишь 6,6% населения, а совершеннолетние граждане (от 18 лет) – 80,4%. На основании этих цифр некоторые аналитики сделали вывод о наступлении процесса прогрессивного старения населения. Дополнительно это подкрепляется фактом, что за последние 15 лет резко сократилось число браков и, следовательно, вырос количественный разрыв между новорожденными и умершими. Достаточно сравнить нынешнюю ситуацию с данными 1989 г., когда была зарегистрирована 51 000 браков, а число новорожденных (90 600) еще превышало число умерших (85 250). Но в конце 90-х гг. о таком соотношении уже не было речи. В 1998 г. было зарегистрировано 39 300 браков, родилось 76 330 детей, а умерло 99 380 человек. В следующем 1999 г., во время натовских бомбардировок, негативные тенденции только усугубились: было зарегистрировано только 37 260 браков, родилось 72 220 детей, а число умерших при этом составило 101 440 человек. Смена власти в 2000 г. существенно на улучшение ситуации не повлияла. Хотя в 2002 г. было зарегистрировано больше браков – 41 950, родилось больше детей – 78 100, но увеличилось также и число умерших – 102 780. Негативные демографические тенденции являются следствием отрицательного естественного прироста населения, на который решающим образом повлиял кризис, сотрясавший страну в течение последних десяти лет. Но надо подчеркнуть, что этому способствовала и демографическая политика власти, политика в сфере трудоустройства и жилищного строительства, а в особенности – в сфере науки и образования. Как во время правления Милошевича, так и теперь, все это способствовало появлению «белой чумы», росту эмиграции и смертности от стресса.

С другой стороны, вследствие поражений в войнах сербы были вынуждены в массовом порядке покинуть территории, на которых их предки проживали веками (в Хорватии, Боснии, Косове), что привело к резким переменам в размещении сербского народа на территории Западных Балкан. «Вклад» сербской политики в этом случае заключался в том, что существенно сократилась

территория деятельности, политического влияния и значения Сербии в региональной и европейской политике.

Принимая во внимание приведенные данные, надо иметь в виду, что, если негативные тенденции не прекратятся, всего через 40 или 50 лет Сербии угрожает демографический коллапс. Прежде всего сокращение количества граждан с высшим образованием, что повлечет за собой торможение экономического и культурного развития, увеличение числа эмигрантов, старение населения, отрицательный естественный прирост и т. д. В случае если демографическая политика власти в скором времени радикально не изменится (к сожалению, пока на это нет даже намека), в будущем станет намного сложнее выбраться из негативного демографического круговорота, и сербы станут маленьким, состарившимся, необразованным, маргинальным балканским народом.

Наконец, специфическое историческое развитие Сербии во многом повлияло на формирование сербской общественной элиты и общественного сознания. Даже поверхностный анализ показывает, что общественные и культурные взлеты и периоды экономического процветания, имевшие место на отдельных этапах модернизации в современной сербской истории, не были основаны на непрерывном общественном и экономическом развитии и развитии политических институтов. А тем самым был усложнен процесс развития общественной элиты. Сербия получила определенную степень автономности в рамках Османской империи в начале XIX века, когда ее население было полностью сельским. Только после этого стали заметны первые признаки формирования политической и общественной элиты Сербии. Правда, к тому времени среди сербов, проживавших на территории Габсбургской монархии, уже сложилась интеллектуальная и хозяйственная элита, но она не имела решающего влияния на политическую, экономическую и культурную жизнь в самой Сербии. Взлет и эмансипация сербской элиты произошли только во второй половине XIX века, особенно в 70-е гг., с получением государственной независимости, когда во властных кругах созрело осознание необходимости образования интеллигенции в иностранных университетах. В то же время обозначились сдвиги в политической и общественной сферах. Последующие этапы ускоренного развития элиты можно отметить и в Королевстве Югославия, и после Второй мировой войны. Но этот процесс был нарушен из-за ряда переломных событий XX века. Прежде всего из-за демографического краха после Первой мировой войны, а потом в какой-то степени из-за создания Югославии. Вторая мировая война привела к разделению страны, жестким национальным столкновениям, гражданской войне между двумя антифашистскими движениями сопротивления, формированию фашистского Независимого государства Хорватия, новым демографическим потерям, коллаборационизму и, наконец, к введению сталинистской политической, общественной, экономической и идеологической модели социализма.

Такое неравномерное и прерывистое развитие элиты общества, отмеченное периодами заметных подъемов и резких спадов, двояко отразилось на развитии общественного сознания.

С одной стороны, развитие его проходило стремительно, но крайне неровно. Общественное сознание во время Первого восстания (1804–1813) отличалось преобладанием косной сельской системы коллективных мифов, которую часто подводят под общий знаменатель «косовского мифа». Эта система в первой половине XIX века, благодаря деятельности Вука Караджича по собиранию устного народного творчества и кодификации литературного языка, стала одним из ключевых элементов культурных и общественных традиций, на основе которых сформировались система

ценностей и самосознание сербского общества. Тем самым из корпуса культурных и общественных ценностей были вытеснены гражданские традиции, сложившиеся в XVIII и XIX веках в сербской среде в Габсбургской монархии. Только на рубеже XIX и XX веков поколение образованных интеллигентов и политиков попыталось (не без успеха) привнести в этот корпус некоторые важнейшие элементы европейских общественных ценностей того времени. Но потом, в течение XX века, сначала произошло объединение и формирование Югославии, потребовавшее наполнения новым содержанием (в соответствии с идеологией югославянства) социальной основы и общественной ориентации. Затем гражданская война между двумя антифашистскими движениями во время Второй мировой войны привела к идеологической инструментализации прошлого, принесла пагубные и глубокие расколы на «наших» и «не наших», «партизан» и «четников», «победителей» и «предателей», «коммунистов» и «сербов», а позже – на «городских» и «деревенских». Эти расколы и по сей день отягощают общественное сознание. И, наконец, произошел радикальный поворот, когда коммунистическая власть навязала стране совершенно новую систему общественных ценностей, соответствовавшую большевистской (сталинистской) идеологической модели.

С другой стороны, такое развитие сербской элиты способствовало тому, что новые идеи, которые должны были бы преобразить общественное сознание, остались закрытыми в узких верхушечных кругах. Вследствие этого несколько раз (в начале XX века, с 1918 по 1941 и в 70–80-е гг.) элита достигала высокой степени эмансипации, но это не имело заметного влияния на общество. Тому благоприятствовали различные факторы, например, после 1945 г. ускоренная индустриализация и стремительная урбанизация привели к формированию специфического слоя населения, жившего в городах, но в плане мышления находившегося «на полпути» между деревней и городом, общественные и культурные потребности которого вполне удовлетворялись сельскими категориями и контактами. Незавершенность процесса урбанизации таила в себе много опасностей, проявившихся во время кризиса 90-х годов.

Общественный кризис 90-х годов привел к разрушению прежней системы общественных ценностей. Произошло частичное оживление тех ценностей, которые входили в сельскую систему мифов начала XIX века. Правда, эта система в течение XIX – первой половины XX века отчасти эволюционировала, а после 1945 г. дополнилась элементами коммунистической идеологии.

Вследствие этого в современном общественном сознании переплетены и взаимосвязаны базовые элементы косной сельской системы коллективных мифов и сталинистской «надстройки», проявляющейся в ряде стереотипных представлений о себе и окружающем мире.

Абсолютно ошибочно понимая преобладающие элементы сербского общественного сознания, некоторые западные аналитики и политики часто заявляют, что сербский народ пребывает в плену у своего прошлого. Их ошибка в том, что на самом деле сербы находятся в плену не у событий прошлого. Об этом свидетельствует тот факт, что они склонны легко забывать важные фигуры, события и факты, собственная история для них полна «белых пятен», что было особенно заметно в начале 90-х гг. (за это в большой степени ответственно идеологическое давление коммунистической власти на историографию). Сербские скорее находятся в плену у мифов, легенд и стереотипов прошлого: мифа о том, что в средневековой Сербии при дворе ели золотыми вилками, когда в Европе еще ели руками; в плену косовского мифа и его составной части о том, что накануне Косовской битвы князю Лазарю было обещано «Царствие небесное»; о том, что народная, сельская культура

намного ценнее культуры городской, о Вуке Караджиче как творце сербской культуры; о «золотом времени» сербской демократии (1903–1914), причем Сербию сравнивают с ведущими мировыми державами того времени; в плену ряда стереотипных представлений о Первой и Второй мировых войнах, а особенно о «партизанах и четниках», о самобытности и идейной оригинальности «нашей» социалистической революции; заблуждения насчет сказанного в 1948 г. «исторического НЕТ» России и Сталину; о собственной силе и значении, о могуществе движения неприсоединения; о силе Югославской народной армии... Такая ситуация представляла отличную основу для различных манипуляций, к чему вообще был склонен Милошевич и чем он злоупотреблял.

Вследствие всего этого коллективному менталитету не удалось эмансипироваться, и сегодня все его главные характеристики сводятся к легкомысленной готовности согласиться с упрощенными решениями, склонности к демагогии и пустым обещаниям. А самой характерной чертой является самовыражение через (часто парадоксальные) крайности: с одной стороны, это недоверие к общественным и государственным структурам и авторитетам (часто доведенное до анархизма пренебрежение ими), а с другой стороны, сугубо покорное отношение к тем же структурам и авторитетам. Из идентичной ментальной матрицы происходят и склонность к отказу от любого самоанализа и самокритики, а параллельно – самокритика, доходящая до нигилизма. Она выступает на первый план, когда речь заходит об отношении к «другому» (к великим державам или соседям). Столь запутанное, прерывистое, меняющее направления развитие общественного сознания со временем стало ключевым генератором самообмана и заблуждений, к которым склонно сербское общество. Вследствие этого самосознание современного сербского общества решительно не соответствует реальному положению вещей. Если проанализировать историческое развитие в течение XIX и XX веков, а особенно в последнее десятилетие XX века, можно прийти к выводу, что сербский народ пережил драматические политические, общественные, территориальные, экономические и демографические потрясения и потери. Вопреки этому коллективное представление о себе и своем значении и роли в региональной, европейской и мировой политике, которым манипулировала и все еще продолжает манипулировать сербская общественная и политическая элита, основано на целом ряде ошибочных предпосылок. Они таковы:

- сербы в экономическом и культурном отношении доминируют на территории Юго-Восточной Европы;
- сербы – исключительно успешные воины (что отражено в расхожих фразах «работать не умеем, зато умеем драться» или «победители в войне, проигравшие в мире»);
- сербы – самые красивые, сильные и, естественно, самые лучшие любовники;
- сербы – очень способный и сообразительный народ, что было причиной социалистического благосостояния во времена Тито;
- Сербия – «значительный фактор» в балканской и европейской политике, а сегодня и «фактор стабильности» в регионе, «лидер на Балканах»;
- территория Сербии – «важное геостратегическое пространство», за которое борются великие державы. Вследствие этого в сербском обществе не принято сравнивать политическое, экономическое, общественное или культурное развитие своей страны с соседними странами или странами, сходными по территории и количеству жителей, но исключительно с великими, с мировыми державами, Россией, Францией, Германией, Великобританией, США... Что порождает

новые заблуждения;

- Сербия и сербский народ занимают особое место «между Востоком и Западом»;
- «Справедливость» на стороне сербов, это «небом избранный» народ...

в) Экономика

Несмотря на то что пагубные последствия кризиса, сотрясавшего страну последние 15 лет, явно видны и в сфере политики, и в сфере общественного сознания, наиболее ощутимы они в экономических, хозяйственных процессах и тенденциях.

Нынешнее состояние сербской экономики, которую по ряду параметров можно сравнивать с экономикой неразвитых стран, является следствием действия трех факторов: особенностей исторического развития, политического кризиса последнего десятилетия, неблагоприятно отразившегося на экономике, и текущих проблем переходного периода.

Историческое развитие сербской экономики в большой мере определялось строительством социалистической хозяйственной системы после Второй мировой войны. Это вело к ключевому перелому в развитии сербской экономики. Основа, на которую она опиралась и благодаря которой функционировала до того, была заменена на большевистский эксперимент (отмена рынка, форсированная индустриализация, вмешательство государства в экономику, коллективизация и т. д.). Правда, экономическое развитие Югославии после 1948 г. и конфликта Тито со Сталиным происходило особым образом. Например, не была проведена всеобщая коллективизация, в определенной степени сохранялась частная собственность (право крестьян распоряжаться землей и право ремесленников на содержание мастерских), в 50–60-е гг. было введено рабочее самоуправление, рынок частично открылся для западных товаров, помимо государственной собственности, появилась общественная и т. д. Следует констатировать, что некоторые из этих элементов давали позитивные импульсы экономическому развитию СФРЮ – это прежде всего относится к частичному сохранению частной собственности в сельском хозяйстве. Все же основные экономические механизмы, характерные для большевистской (сталинистской) системы – ускоренная индустриализация, вмешательство государства в экономику, строительство и форсирование так называемых социалистических экономических «гигантов», полный контроль над банковской системой и денежной политикой, отмена рыночного регулирования экономических процессов, – были полностью сохранены до конца 80-х гг. При этом во время правления Тито экономика Югославии, а соответственно и Сербии благодаря политическому разрыву с Советским Союзом получила значительные финансовые поступления с Запада в виде безвозмездных кредитов. Правда, эти средства чаще всего использовались для сохранения социального спокойствия (шли на потребление), на инвестиции в военно-промышленный комплекс (в том числе на сооружение бесполезных, как показало время, фортификационных объектов вроде подземных аэродромов и бункеров на случай атомной атаки) или на строительство так называемых политических фабрик в некоторых регионах страны. С другой стороны, экономическая концепция в соответствии с идеологической основой системы подразумевала построение самодостаточной экономики. Поэтому с распадом системы в мире в конце 80-х – начале 90-х гг. произошел коллапс всей экономики, а за распадом страны последовал и распад больших образований, отдельные части которых оказались в составе различных новых государств. В ситуации, когда рушился коммунизм, распадалась СФРЮ, а восточноевропейские государства переживали период экономического кризиса, на экономической

сцене Сербии появился партийный аппаратчик Слободан Милошевич, юрист по образованию, с опытом работы банковским чиновником. Одно из его первых демагогических обещаний населению, касающихся экономики, заключалось в том, что Сербия через десять лет (т. е. в конце 90-х) достигнет «шведского стандарта», то есть ее доходы составят 10 000 долларов на человека. Но кризис в Сербии начинался, и Милошевич с экономической элитой, которую он возглавлял, для предупреждения кризиса предприняли ряд, в сущности, противоречивых мер. Они сохранили некоторые основные экономические положения предыдущего периода (например, общественную собственность), но одновременно приступили и к введению рыночной экономики, то есть разрешили развитие частного сектора в большей степени, чем это позволялось в социалистической Югославии. Параллельно была объявлена подписка на «заем для экономического возрождения Сербии», с помощью которого хотели привлечь средства как населения страны, так и диаспоры и вложить их в отечественную экономику (под контролем государства). Но этот проект быстро свелся к извлечению денег «из-под матрасов» населения. Параллельно развивался процесс лишения граждан их валютных вкладов в государственных банках, которые просто перестали выплачивать деньги депозиторам с валютных сберегательных счетов. А потом одна за другой последовали войны в Словении, Хорватии и Боснии, а затем еще и введение экономических санкций ООН. Государство оказалось в глубоком кризисе, а перед экономикой (в основе своей все еще социалистической) встали неразрешимые проблемы. В поисках «дополнительных источников дохода», с помощью которых можно было бы финансировать кризисную экономику, армию и полицию, Милошевич и его экономические эксперты вновь посягнули на деньги, которые население (недоверчивое еще с коммунистических времен, а в особенности после блокировки их счетов в государственных банках) в основном держало не в банках. Последовали две синхронные акции с целью дальнейшего извлечения средств из карманов населения. Во-первых, инфляционное финансирование государства, которое привело к одной из самых масштабных гиперинфляций в мировой истории. Во-вторых, формирование так называемых банковских пирамид – «Югоскандика» и «Дафимент-банка», привлекавших астрономическими процентными ставками обнищавшее из-за инфляции, измученное кризисом население, средняя заработная плата которого, обесцененная гиперинфляцией, держалась на уровне нескольких десятков немецких марок. Оба банка, естественно, контролировало государство. Но, даже несмотря на такое «кредитование» государства, гиперинфляция привела практически к полному коллапсу экономической системы (1992–1994), устрасшающему по темпам развитию теневой экономики (которая в немалой степени послужила для амортизации социального недовольства работников, лишь фиктивно трудоустроенных в «общественных» гигантах и системах, не производивших ничего, кроме долгов) и накоплению огромного богатства в руках небольшой группы людей, многих из которых можно было бы отнести к категории «спекулянтов, нажившихся на войне». Только после подписания Дейтонского соглашения (1995) случилась короткая экономическая передышка, ставшая возможной после нелегальной продажи компании «Телеком» (государственного оператора телефонной связи), но этого было недостаточно для того, чтобы остановить негативные экономические тенденции. Наконец, последовал полный хозяйственный и экономический крах после бомбардировок НАТО (причем у Милошевича появилась невероятная идея: будучи проигравшей стороной, потребовать возмещения военных убытков у победителей (!)). Это говорит о степени нереальности представлений тогдашней политической элиты о себе, государстве и его положении в

мире).

Так разрушенная, опустошенная, ограбленная, физически уничтоженная бомбардировками сербская экономика встретила XXI век. С таким наследием столкнулись люди, взявшие власть в свои руки 5 октября 2000 г. Ситуация, по их собственным словам, была намного хуже самых пессимистических предположений – экономика и банковская система разрушены, в сфере монетарной политики царил беспорядок, государственная казна и пенсионные фонды полностью опустошены, валютных резервов практически не было, а население обнищало из-за десятилетнего кризиса и постоянных посягательств власти на его деньги. Само государство было обременено огромными долгами. С одной стороны, оно задолжало иностранным кредиторам, включая долги по кредитам времен СФРЮ и долги, появившиеся при Милошевиче (за российский газ, китайскую нефть и т. д.). С другой стороны, государство было должно и собственным гражданам (долги по «старым валютным накоплениям» времен СФРЮ и по «займу для экономического возрождения Сербии»).

Принимая все это во внимание, можно с уверенностью констатировать, что за прошедшие три года было приложено много усилий, чтобы санировать и нормализовать экономическую ситуацию, обновить банковскую систему, укрепить национальную валюту (динар) и хотя бы частично вернуть доверие населения к отечественной валюте и банкам; чтобы сербская экономика (оказавшаяся в самом начале XXI века, образно говоря, в состоянии «клинической смерти») выжила, а теневая экономика (полностью захватившая общество и выросшая в параллельную экономическую структуру) была побеждена и возвращена в легальное русло. Сегодня во многих из этих направлений сделаны более чем заметные шаги. Кроме того, продолжается переходный процесс всей системы, приостановленный во время правления Милошевича и включающий в себя приватизацию, либерализацию рынка и применение законного регулирования.

Но правомерен вопрос о реальных достижениях этого выздоровления, то есть насколько сегодняшние трудности связаны с переходным периодом, а в какой мере они являются последствием предыдущего экономического и хозяйственного развития и особенно кризиса, пошатнувшего (если не сломавшего) сербскую экономику. Этот вопрос (и беспокойство) возникает в связи с некоторыми показателями состояния сегодняшней сербской экономики и хозяйства. Во-первых, анализ основных показателей развития регионов Сербии показывает, что смена власти не остановила процесса их обнищания. В 80-х – первой половине 90-х гг. Сербия состояла из развитых, среднеразвитых и совершенно неразвитых регионов. А по последним данным, вся Сербия, за исключением Белграда, сегодня представляет собой неразвитый регион. Во-вторых, в платежном балансе страны заметно огромное несоответствие между импортом и экспортом. По данным за первые шесть месяцев 2003 г., было экспортировано товаров на 1,2 млрд. долларов, а импорт составил 3,5 млрд. долларов. Таким образом, дефицит во внешней торговле (2,3 млрд. долларов) почти в два раза больше, чем весь экспорт. Сам по себе дефицит можно было бы списать на «болезни» переходного периода, но крайнюю настороженность вызывает структура импортируемого товара. Так, в отличие от развитых стран, в которых более 50% импорта приходится на оборудование, Сербия на оборудование потратила только 400 млн. долларов, или около 11% всех средств, израсходованных на импорт. Тогда как на товары широкого потребления было выделено 46% средств (1,6 млрд. долларов), что типично для неразвитых стран. При этом тревожит тот факт, что, по данным анкетирования, проводившегося среди хозяйственников, более половины

предприятий не имеют экспортной программы, что пагубно для стран с малой экономикой, таких как Сербия. Особенно если учесть, что степень использования потенциала предприятий крайне низкая (всего 55%). Наконец, по оценке заместителя председателя Всемирного банка Майкла Кейна, Сербия находится на критической отметке развития, так как дефицит платежного баланса составил около 10% ВВП. Реально это означает, что Сербия стоит на пороге «долгового кризиса» и ей угрожает «латиноамериканский синдром», характерный для неразвитых стран. Помимо прочего, согласно последнему отчету Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), Сербия находится в списке 36 стран, которым зимой 2003–2004 гг. угрожал голод. Это при том, что Сербия считается сельскохозяйственной страной.

* * *

Столкновение с общественными, культурными, экономическими и политическими последствиями поражения и глубокого кризиса, в котором последние 20 лет находятся Сербия и сербский народ, при не очень оптимистичных прогнозах перспектив развития приводит к логичному выводу, что господствующее в обществе представление о себе, своей силе и значении решительно противоречит реальности. В реальности же существует лишь маленький, усталый, политически побежденный (и униженный), запутавшийся и совершенно бессильный во внешней политике, экономически обнищавший, демографически измученный, ослабевший и состарившийся народ. Поэтому не стоит удивляться, что «мыльные пузыри» нашей силы, возможностей, значения и важной геостратегической позиции в мире так легко, драматично и кроваво лопнули.

Вместо заключения: вина или ответственность?

Может быть, кризис, охвативший сербский народ в последние 15 лет и всколыхнувший все государство, общество, политику и экономику, станет хорошим поводом для того, чтобы сербская элита задумалась, как и почему он произошел. В поисках ответов на эти вопросы общественность Сербии может пойти двумя путями – искать виноватых или посмотреть на причины кризиса, его размеры и последствия и попытаться понять и объяснить то, что с нами произошло.

Первый путь более привлекателен для нашего менталитета, ибо предлагает простые, черно-белые ответы и решения. Он позволяет недвусмысленно осудить «виноватых» и амнистировать «жертв». Он предлагает демагогическую иллюзию: осуждение виноватых ликвидирует ключевой фактор, тормозивший и мешавший нашему развитию. Впрочем, в прошлом часто в качестве «виноватых» в тех или иных бедах осуждали сторонников Карагеоргиевичей или Обреновичей, контрреволюционеров, монархистов, четников, работников Информбюро, либералов, сербских националистов, сторонников Ранковича, Стамболича... И уж во все времена во многих бедах, а особенно в «плохих» чертах характера, несовершенстве коллективного менталитета, обвиняли турок и три с половиной века их правления на территории Сербии. Но у такого подхода к объяснению проблем и несчастий, с которыми мы сталкиваемся, есть один недостаток. А именно, опыт показывает, что устранение «виноватых» с политической сцены никогда не приводило к быстрому и окончательному решению всех накопившихся проблем. Поэтому кажется, что манера искать и находить «виноватых» скорее есть константа сербского понимания политики, связанная с восприятием политики как фатума (что входит в коллективный менталитет), нежели сегодняшняя реальная потребность общества, взбудораженного кризисом.

Принимая во внимание эту традицию, логично, что после драматического кризиса прошлого

десятилетия проблема вины напрашивается как главный параметр дифференциации современной сербской политической и общественной сцены. На скорейшем «решении» этой проблемы настаивают все стороны, но предлагают различные модели «решения». Вопрос о вине выдвигается «внешним фактором», то есть международным сообществом, властями страны и оппозицией. Одним из важнейших считают этот вопрос также и некоторые отечественные и иностранные «независимые» круги, как, например, Международная кризисная группа. Но проблема в том, что у всех сторон различные подходы к решению этого вопроса и к способу, месту и основе, на которой нужно судить (или «судить») виновных (или «виновных») – в Гааге, в отечественном суде или же путем «принесения очистительных жертв». Кроме того, разнородны, а часто и противоречивы мнения о том, кого следует судить в Гааге, а кого в стране, или насколько радикально и с какой прошлой даты надо «приносить жертвы». Это порождает ряд принципиальных сомнений – начиная с дилеммы, кого считать «виноватыми» (и есть ли они вообще), незнания настоящих мотивов, намерений и целей тех, кто навязывает эти вопросы, и до вопроса о настоящем смысле этой акции. Возможно, он в идее, витающей в некоторых иностранных и отечественных головах, что нужно провести некое подобие «денацификации» сербской политической и общественной жизни. Но это – опасная идея, которая не только показывает ясную политическую подоплеку акции поиска «виноватых», но и в будущем может вызвать лишь новые непродуманные шаги и создать новые проблемы. Такие идеи никоим образом не помогут сейчас действительно разрешить накопившиеся проблемы. Принимая это во внимание, кажется, что смысл поиска «виноватых» на самом деле кроется в стремлении многих освободиться от реальной ответственности (за то, что они сделали или чего не сделали). Это в равной мере относится и к иностранным деятелям, и к сегодняшней политической элите, и к большому числу людей, принадлежавших к общественной элите времен Милошевича, которые (до или после 5 октября 2000 г.) дистанцировались (или думают, что дистанцировались) от него и его политики. Это относится и к политической элите, находившейся у власти до или во время Милошевича, потому что он был одним из ее выдающихся представителей и именно она способствовала его головокружительному подъему по партийной и государственной иерархической лестнице социалистической Сербии.

В отличие от первого пути, второй путь поиска ответа – попытаться понять и объяснить то, что с нами произошло, – намного сложнее и болезненнее. Во-первых, он требует искренне и открыто посмотреть на размеры и глубину кризиса, в котором мы оказались, на причины, его породившие. А тем самым признать поражение. Во-вторых, признать личную ответственность за случившееся. Чтобы исключить недоразумения, нужно отметить, что эта ответственность не может быть одинаковой для всех. В отдельных случаях речь идет, конечно, о недвусмысленной уголовной ответственности отдельных лиц, которая должна быть санкционирована законом. Но в большинстве случаев можно говорить об ответственности за то, что сделано или не сделано, что не дало Сербии пройти важные этапы интеллектуального и общественного развития в процессе общественной модернизации.

Если говорить о проблеме ответственности в целом, на уровне элиты, то для примера достаточно вспомнить всего несколько фактов. Во-первых, учитывая, что за прошедшее десятилетие было сделано, а что нет и каковы последствия, напрашивается следующий вывод: общественная сербская элита не смогла найти своевременные и адекватные ответы на целый ряд ключевых вызовов эпохи.

Это кризис в Косове (который развивался как минимум 20 лет, с начала 80-х гг.), крах социализма в Восточной Европе и СССР, крах коммунистической идеологии, а в связи с ними кризис и распад СФРЮ, многолетняя экономическая стагнация, хозяйственный кризис, демографические проблемы («белая чума», «утечка мозгов»)… В этом плане ответственность лежит прежде всего на политической элите, но от нее не могут быть свободны и представители интеллектуальной, хозяйственной, военной и духовной элиты, так как все они так или иначе повлияли на то, как Сербия выглядит на сегодняшний день и в каком состоянии она находится.

Другим важным показателем состояния общества и политики является следующий факт: все, кто в Сербии занимался и занимается политикой, были (или пребывают сейчас) у власти. Таким образом, в Сербии практически нет политиков, которые не принадлежат (или не принадлежали) партии, осуществляющей власть на союзном (т. е. на уровне Югославии, Союза Сербии и Черногории), республиканском (в Сербии) или местном уровне. Это означает, что в перспективе вряд ли можно ожидать каких-то радикальных улучшений. Ведь это сегодняшняя политическая элита, такая, какая есть. Процесс ее формирования длился как минимум два или три десятилетия (с 1968 или с начала 70-х гг.), но в значительной мере на нее повлияло появление у власти «сильной» личности в лице Слободана Милошевича, и уже неважно, сотрудничали или боролись с ним отдельные представители элиты.

Наконец, из-за менталитета ли или из-за дезориентации общественной элиты, в сербском обществе, кажется, практически невозможно прийти к согласию по какому бы то ни было важному общественному или политическому вопросу. Поэтому кажется, что у Сербии сегодня нет ясного представления (или осознания) того, каким должно было бы быть государство (например, экспортером сырья, рабочей силы, знаний и т. д.), что могло бы стать ее национальной стратегией в будущем, какими должны быть внешнеполитическая ориентация, экономические и демографические приоритеты, образование, здравоохранение, наука. Согласия нельзя достичь даже по вопросам национальных символов (герба, флага, гимна)… Это означает, что в ситуации, когда занижено значение всех важных политических институтов и Сербия находится в своеобразной блокаде политической системы, политическое направление может полностью зависеть от того, кто в данный момент находится (или будет находиться) у власти, то есть напрямую от результатов выборов. Это дает возможность каждому, кто окажется у власти, относительно легко радикально изменить политическую систему (что нередко происходило в современной сербской истории). Это еще опаснее в сегодняшней «патовой» ситуации, когда, по данным большинства опросов общественного мнения, избиратели реально поделены между тремя политическими группировками (Демократической партией – ДС, Демократической партией Сербии – ДСС и Г17 плюс). Ни одна из этих партий не сможет, кажется, получить решающее преимущество на выборах. Это неминуемо приведет к формированию послевыборных коалиций. Но они, судя по всему, будут недолговечны, отчасти из-за политического менталитета, но также из-за целого ряда нерешенных ключевых вопросов, по которым у этих политических партий существуют диаметрально противоположные взгляды. Это означает, что в Сербии опять наступит период нестабильности власти, отмеченный частыми выборами. Это может продлиться несколько лет, пока политическая сцена не оформится (или снова не появится сильный лидер?). В это время кризис будет углубляться, а начатые реформы и общественные преобразования останутся. В такой ситуации существует опасность, что

недовольство общественности вновь будет скрашено демагогическими обещаниями, самообманом и стереотипными идеями о значении, мощи...

* * *

Вот в кратких чертах ответ на вопрос, как могло произойти то, что происходило за последние 15 лет с сербским народом. Ничто не происходило случайно, не являлось плодом мировых «заговоров» или «деспотической тирании» одного человека. Напротив, все, что происходило, все, через что прошли Сербия и ее народ, является результатом силы, качества, знаний и способностей сербской общественной элиты. Прежде всего политической и интеллектуальной, но также экономической, военной и духовной. Из этого следует вывод: запутанность сербской общественной элиты в стереотипных представлениях о себе и мире представляет собой одну из ключевых предпосылок того, что с нами произошло.

Перевод Дарьи Костюченко

Об авторах

Антонич Слободан – профессор, социолог, философский факультет, отдел социологии (Белград)

Болчич Силвано – профессор, социолог, философский факультет, отдел социологии (Белград)

Вукадинович Джордже – ассистент, философ, философский факультет, отдел философии (Белград); главный редактор журнала «Новая сербская политическая мысль»

Вукоманович Диана – политолог, Институт общественных наук (Белград)

Димитриевич Воин – профессор, юрист, юридический факультет (Белград), директор Belgrade Centre for Human Rights; Ad hoc судья International Court of Justice

Динкич Младжан – ассистент, экономист, экономический факультет (Белград) (1990–2000); глава Госбанка Сербии (2000–2003); министр финансов Республики Сербии (2004)

Инджич Триво – политолог, Институт европейских исследований (Белград); посол в Испании (2000–2003)

Йованович Мирослав – профессор, историк, философский факультет, отдел истории (Белград)

Миятович Бошко – экономист, Центр либерально-демократических исследований (Белград)

Наумович Слободан – ассистент, этнолог-антрополог, философский факультет, отдел этнологии и антропологии (Белград)

Ристич Борислав – юрист, адвокат (Белград)

Стоянович Дубравка – профессор, историк, философский факультет, отдел истории (Белград)

Цвейич Слободан – доцент, социолог, философский факультет, отдел социологии (Белград)

Цветкович Владимир Н. – профессор, политолог, Институт философии и общественной теории (Белград); факультет гражданской обороны (Белград)

Янкович Иван – юрист, директор Центра антивоенной акции (Белград)